

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра иностранных языков естественных факультетов
Кафедра русской и сопоставительной филологии
Кафедра лингводидактики и переводоведения

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА

**Материалы III Международной
научно-методической конференции**

Том 1

Уфа
РИЦ БашГУ
2014

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2
М 43

Печатается по решению кафедры иностранных языков естественных факультетов БашГУ (протокол № 4 от 28 ноября 2014 г.)

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук, проф. **Н.П. Пешкова** (отв. редактор)
доктор филол. наук, проф. **Ф.Г. Фаткуллина** (зам.отв. редактора)
доктор филол. наук, проф. **Е.А. Морозкина** (зам.отв. редактора)
канд.филол.наук, доцент **Р.А. Салахов** (научный редактор)
канд.филол.наук, доцент **Р.И. Виноградова**
технический секретарь **А.Р. Ахметзянова**

М 43 **Межкультурная↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода:** Материалы III Международной научно-методической конференции 17-18 декабря 2014. Том 1. г.Уфа / отв.ред. Н.П. Пешкова. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 368 с.

ISBN 978-5-7477-3725-9

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2

© БашГУ, 2014 г.

Лексический аспект перевода

Лексические проблемы перевода уже достаточно длительное время находятся в фокусе внимания переводоведов. Ряд отечественных и зарубежных ученых занимались исследованиями лексического аспекта перевода, в их числе А.В. Федоров, Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, К.Я. Авербух, О.М. Карпова, С.Влахов, С.Флорин, П.Ньюмарк, Л.Венути, М.Бейкер и др.

Транслатологическую традицию рассмотрения отдельных групп лексики продолжает и учебное пособие по практическому курсу перевода «Лексический аспект перевода с английского языка на русский» (Manual of translation “Lexical aspect of translation from English into Russian”), подготовленное преподавателями каф. лингводидактики и переводоведения ФРГФ БашГУ д.филол.н., проф. Азнабаевой Л.А. и к.ф.н., доц. Шакировой Н.Р.

Учебное пособие предназначено для студентов переводческих факультетов и отделений университетов. Оно ставит своей целью познакомить студентов с приемами и способами решения лексических проблем при переводе с английского языка на русский. Материал пособия направлен на освоение и развитие у студентов навыков перевода на базе художественного текста (романа Т.Уайлдера «Мост короля Людовика Святого» The Bridge of San Luis Rey).

Структурно пособие состоит из введения, основной части, содержащей пять разделов, и двух приложений. Во введении вниманию читателей предлагается информация об авторе романа «Мост короля Людовика Святого» Т.Уайлдере, а также краткие сведения о сюжетной линии романа. Первые четыре раздела посвящены лексическим проблемам перевода, освещению роли контекста при переводе многозначных слов, рассмотрению специфики перевода безэквивалентной лексики, а также «сложных друзей» переводчика, переводу атрибутивных фраз. Заключительный раздел пособия представляет собой подборку заданий, предназначенных для повторения и закрепления пройденного материала. Значительное внимание авторы уделяют описанию классификации культуронимов и способов их пере-

вода, предложенных П.Ньюмарком в его книге по переводу “A Text-book of Translation” (Приложение I).

В ходе изучения учебного материала, распределенного по разделам, студенты знакомятся с приемами, способами и средствами решения лексических проблем при переводе с английского языка на русский. Следует отметить, что основная часть пособия построена таким образом, что представленные в ней теоретические положения, посвященные отдельным лексическим аспектам и трудностям перевода, сопровождаются практическими заданиями, нацеленными на формирование и развитие у студентов переводческих навыков и умений. При этом важной частью пособия является приложение II, которое представляет собой русскоязычную версию романа Т.Уайлдера «Мост короля Людовика Святого» в переводе Л.А.Азнабаевой.

Практическая значимость пособия обусловлена тем, что собранный в нем систематизированный материал рассматривается на основе оригинального художественного текста и двух его переводов на русский язык (наряду с переводом Л.А.Азнабаевой используется перевод В.П.Голышева, который имеется в свободном доступе в Интернете). Роман Т.Уайлдера был выбран для практического анализа не случайно, он отличается не только богатством своей лексической составляющей, но и занимательностью содержания, а также актуальностью рассмотренных в нем этических проблем. Наличие двух вариантов перевода позволяет расширить материал для анализа переводческих техник. Немаловажно, что упражнения и тексты, в которых представлены лексические проблемы перевода, могут использоваться как для устного, так и для письменного перевода. На наш взгляд, изучаемый материал не только способствует приобретению соответствующих переводческих навыков, но и расширяет лексический запас студентов.

По мнению авторов, одной из наиболее значимых лексических проблем перевода является проблема передачи культурно-маркированных языковых единиц, в том числе перевод имен собственных, которые многие переводоведы включают в состав безэквивалентной лексики.

Так, вызывает некоторые трудности перевод имен собственных в *словосочетаниях*, в частности, в тех случаях, когда имя собственное выступает в роли определения.

В русском языке существует два варианта таких словосочетаний с именем собственным. Если мужское имя заканчивается на гласную и в притяжательном падеже используется суффикс -ин-, то такое словосочетание вполне употребительно (Сашина жена, Петкина просьба). Но если мужское имя заканчивается на согласную и состоит из нескольких слогов, то употребление соответствующего суффикса -ов- придает словосочетанию архаичный или просторечный оттенок (Родионова жена, Константинова просьба). Особенно неестественны подобные словосочетания с иностранными именами, в том числе довольно распространенными в России (Эрнестова жена пришла поздно; Альбертова просьба меня удивила).

При переводе имен собственных с английского языка в словосочетаниях такого типа следует учитывать, что стилизация под старину или сельский говор некоторым авторам совершенно не свойственны. Поэтому вряд ли можно согласиться с использованием при переводе на русский язык произведений англоязычного писателя Т.Уайлдера таких словосочетаний, как *Ленсингова жена*, *Роджеров отец*, *Геркомеров холм* [1, 276, 684, 581].

Но в некоторых случаях использование такой формы оправдано. Например, при переводе фразы “The Archbishop of Lima ... hated her with what he called a Vatinian hate ...” [3, 24] В.П.Голышев использует аналогичное словосочетание: «Архиепископ ... ненавидел ее ненавистью Ватиниевой» [2, 47] (Ватиний – один из сторонников Юлия Цезаря). В данном случае имеется в виду не принадлежность кому-либо, а *качественная характеристика*. Оценочная функция здесь явно превалирует, если принять во внимание контекст высказывания – архиепископ ненавидел настоятельницу монастыря, которая постоянно беспокоила его своими просьбами помочь бедным.

Таким образом, при переводе словосочетаний с именами собственными необходимо учитывать стиль автора и функциональную направленность высказывания, содержащего данное словосочетание. Таким авторам, как Т.Уайлдер, которые даже при описании событий прошлых столетий и тысячелетий пользуются современным литературным английским языком, при переводе не следует навязывать намеки на степень образованности героев, их близости к цивилизации своей эпохи и т.д., что явно не соответствует «надвременной» целевой установке писателя, его желанию показать, что и в прошлые века люди страдали и мыслили так же, как и в современном мире.

Итак, учитывая трудности художественного перевода, стилистические и другие особенности авторского видения проблематики художественного текста, полагаем, что данное учебное пособие будет полезно для будущих специалистов в области перевода. Пособие может использоваться по теории и практике перевода как в ходе аудиторных занятий, так и для самостоятельного развития переводческих умений студентов.

Литература

1. Уайлдер Т. Мост короля Людовика Святого. Мартовские иды. День восьмой. Пер. с англ. – Тбилиси: Мерани, 1990. – 704 с.
2. Уайлдер Т. Мост короля Людовика Святого. – М.: Текст, 2000. – 187 с.
3. Wilder T. The Bridge of San Luis Rey. – М.: Просвещение, 1982. – 95 с.

© Л.А.Азнабаева, Н.Р.Шакирова, 2014

Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур
Ирак

Займствованиа из арабского языка в корпусе актуальной лексики (на примере займствования *кайф*)

Общеизвестно, что значительный пласт актуальной лексики составляют займствования из английского языка, обслуживающие экономическую, техническую, политическую сферу. Вместе с тем открытость современного общества для международных контактов обусловила актуализацию займствований и из других языков, в том числе арабского.

Займствованное из арабского языка слово *кайф* (*кейф*) относится к актуальной лексике, подтверждением чему может служить включение его как в новейшие словари иностранных слов, так и в толковые словари, фиксирующие языковые изменения.

Согласно данным Интернета, впервые в русском языке слово *кейф* официально зафиксировано в 1821 г.: «Именно в этом году О.И. Сенковский, рассказывая о своих путешествиях по Египту, объяснил, что такое «кейф»: «Путешественники, бывшие на Востоке, знают, сколь многосложное значение имеет выражение кейф. Отогнав прочь все заботы и помышления, развалившись небрежно, пить кофе и курить табак называется делать кейф. В переводе это можно было бы назвать наслаждаться успокоением» [12].

В словарях тоже первоначально фиксируется вариант *кейф*, ср.: **КЕЙФ**, кейфа, м. (от араб. *kaḥf* – хорошее расположение духа) (*шутл.*). Приятное безделье и отдых. Предаваться кейфу [11].

В этом же словаре представлен и производный глагол:

КЕЙФОВАТЬ (*шутл.*). Предаваться кейфу, проводить время в праздности [там же].

В Словаре С.И. Ожегова представлены оба слова:

КЕЙФ, -а, м. (разг., шутл., устар.). Приятное безделье и отдых.

КЕЙФОВАТЬ (разг., шутл., устар.). Предаваться кейфу [8].

Полагаем, что сегодня можно говорить о втором рождении этого слова, и, что особенно интересно, в процессе актуализации произошла борьба между вариантами слова, завершившаяся победой варианта *кайф*. Подтвердим это. В «Словаре новых слов русского языка» представлены оба варианта, ср.: **КАЙФ*** и **КЕЙФ***, а, м. Удовольствие, наслаждение от чего-л. (*в разг. речи*) [9]. В этой же словарной статье приводится и устойчивое выражение *ловить кайф*.

Заголовочными словами для другой словарной статьи послужили глаголы *кайфовать* и *кейфовать* в значении «получать удовольствие, наслаждение» (*жарг.*) [там же]. Заметим, что как слова *кайф* и *кейф*, так и производные глаголы снабжены пометой, указывающей на переносное значение слова.

В словарях иностранных слов отражается как вариативность, так и победа варианта *кайф*, ср.:

КАЙФ, КЕЙФ (ар. *kāyf*) – 1) состояние полного удовольствия, наслаждения от различных чувственных впечатлений, приятная бездельность и отдых; 2) состояние наркотического (реже алкогольного) опьянения [1].

КАЙФ, КЕЙФ [ар.] 1) послеобеденный отдых в самое жаркое время суток на Востоке; 2) приятное безделье, удовольствие [6].

КАЙФ, *уст.* **КЕЙФ** [ар. *kauf*] – *разг.* 1) удовольствие от разного рода чувственных впечатлений, напр. ловить кайф; 2) состояние наркотического или алкогольного опьянения, напр. быть под кайфом [3].

КАЙФ, *уст.* **КЕЙФ**, а, мн. нет, м. [ар. *kauf*, тур. *kejf*], *жарг.*, *разг.*, *шутл.* Удовольствие, приятное безделье. **Кайфовать** (*жарг.*) – предаваться кайфу [5].

КАЙФ [ар. – «состояние опьянения от употребления гашиша, безделье»] – 1) состояние опьянения; 2) *сленг мол.* Эффект удовольствия от разного рода чувственных впечатлений [4].

Обратим внимание, во-первых, на стилистическую окраску – сниженную, во-вторых – на семантическую структуру: слово чаще выступает как многозначное, причем на первый план выходит сема *удовольствие*.

В «Толковом словаре русского языка начала XXI века» вариативность уже отсутствует, ср.:

Кайф, а, м. [араб., тур. Праздность, отдых]. *Разг.*

1. Состояние алкогольного или наркотического опьянения.

2. Удовольствие [10].

Подчеркнем актуализацию значения *состояние, вызванное приемом алкоголя или наркотиков*.

Отдельного внимания заслуживает словарная статья с заголовочным словом *кайф* в словаре-справочнике «Новые слова и значения», ср.:

КАЙФ*, а, м. 1. В составе сочетаний слов с глаголом / отглагольным существительным. О получении удовольствия, наслаждения от чего-л. (*разг.-сниж.*)

2. О том, что очень желанно, чего непременно хочется достичь (*разг.*).

3. Весь (особый) кайф *в чем*.

4. *Неизм. в функции сказ.*

5. По кайфу / не по кайфу, в знач. *нареч.*

6. Состояние наркотической или алкогольной эйфории (*жарг.*).

7. О том, что вызывает эйфорию, – о наркотиках, алкогольных напитках и т.п. (*жарг.*).

В указанном словаре также представлено большое количество производных от слова *кайф* – *кайфануть, кайфно, кайфовальщик, кайфовать**, *кайфовый, кайфолом, кайфоломищик* [7].

Подчеркнем, что все слова снабжены пометами: от *разг.-сниж.* до *жарг.*

Отметим изменение значения глагола *кайфовать (кайфануть)*, давно известного в русском языке, ср.: **КАЙФОВАТЬ**, *фую, фуешь, несов.* **КАЙФАНУТЬ** Принимать (принять) наркотик или выпивать (выпить) алкогольный напиток; для *несов.* употреблять эти вещества; испытывать (испытать) после них состояние эйфории (*жарг.*).

Как уже было отмечено, все приведенные слова относятся к стилистически сниженной лексике, что неудивительно, т.к. основная сфера их функционирования – это аргументация, что находит подтверждение в специальных словарях [2]. В указанном словаре насчитывается 32 словарных статьи со словом *кайф* и производными от него, в т.ч. *кайфно, кайфовый, кайфолом, кайфоломщик*.

Рискнем предположить, что приведенные слова, несмотря на активное вторжение жаргона в общий язык, останутся все-таки на периферии современного русского языка.

Также в качестве вывода можно предложить наше мнение о том, что доминирующим в словарях русского языка стал вариант *кайф*, а также производный от него глагол *кайфовать*.

Считаем также необходимым еще раз отметить, что причинами актуализации как слова *кайф*, так и глагола *кайфовать* стало широкое распространение такой реалии, как *наркотики*, поэтому вполне объяснимым выглядит отказ составителей словарей от пометы *шутл.*

Литература

1. Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Мартин, 2005 – 848 с.
2. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского аргумента. – М.: РИПОЛ КЛАС-СИК, 2003. – 1120 с.
3. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. – М.: Азбуковник, 2006. – 784 с.
4. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов, М.: 2006. – 672 с.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2009. – 944 с.
6. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: Современный литератор, 2006. – 976 с.
7. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в.: В 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. Т. I – 814 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 844 с.
9. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / под. Ред. Н.З. Котеловой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 878 с.
10. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н.Скляревской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.
11. <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/>
12. ru.wikipedia.org/wiki/Кайф.

©Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур, 2014

Эмпатийный речевой акт похвалы в межличностной коммуникации (на материале французского языка)

Слово «похвала» означает высказывание одобрения, лестный отзыв, признание достоинств или высоких качеств другого человека. В предложенной статье похвала рассматривается сквозь призму теории речевых актов, представлен анализ функционирования иллокутивного типа похвалы в межличностном общении.

На примере французского языка можно проследить тесную связь похвалы с комплиментом. Во французском языке слово «похвала» передается такими лексемами, как *l'éloge* (m), *le compliment*. Хвалить кого-либо за что-либо: *louer qn de qch*, *vanter*, *faire l'éloge de qn* (расхваливать), *faire les compliments*. Французское слово «комплимент» (*le compliment*) имеет значение – лестная похвала в адрес собеседника [4]. Существуют различные мнения по поводу определения понятий похвала и комплимент, а также границы их различия. Некоторые склонны считать, что нет необходимости в четком разграничении похвалы и комплимента, поскольку они имеют общую направленность: сказанный вовремя комплимент и похвала доставляют удовольствие, придают уверенность, повышают настроение, стимулируют к развитию: *Bravo, vous avez réussi à réaliser vos plans* / Молодец, вам удалось осуществить свои планы. Другие представляют комплимент как одну из форм выражения похвалы.

Рассмотрим некоторые примеры похвалы:

Vous avez très bien agi en arrêtant les choses / Вы совершенно правильно поступили, прекратив это.

J'ai écouté quelques chansons, je les trouve bien faites et originales / Я послушал несколько песен и нахожу их качественными и оригинальными.

Комплимент фиксирует качество: *Tu as une belle voix* / У тебя прекрасный голос, а похвала – изменение в лучшую сторону как заслуга адресата: *Tu chantes mieux* / Ты стала петь лучше.

Таким образом, если сравнивать с комплиментом, то, по нашим наблюдениям, похвала чаще произносится по поводу поступка собеседника, который заслуживает положительной оценки. Похвала укрепляет уверенность в своих силах и стимулирует дальнейшие пози-

тивные действия адресата. Compliment часто делается по поводу внешности и достоинств адресата.

Слово «похвала» входит в синонимический ряд таких слов, как похвальное слово, лестный отзыв, одобрение, хвала, поощрение. Однако они не являются абсолютными синонимами. Доминантой данного синонимического ряда является стилистически нейтральное слово «одобрение».

Поощрение стимулирует стремление к поставленной цели, укрепляет уверенность в своих силах. Поощрение – это вид психологического воздействия на собеседника с целью закрепления достигнутых им результатов (действия, поведения, позиций и т. п.) и засвидетельствования их одобрения. Поощрение вызывает положительные эмоции, способствует формированию чувства собственного достоинства, дисциплинированности, ответственности и др. Также как и другие формы поощрения, похвала применяется во время выполнения определенной задачи, побуждает стараться еще сильнее и сохранять энтузиазм.

У лингвистов существует несколько мнений по поводу форм вербального поощрения. Например, С. А. Корзина объединяет поощрение и одобрение [5, 104], Н. И. Формановская и Г. Г. Соколова объединяют все формы поощрения в одобрение и комплимент [8, 96-103]. Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева [2, 29] считают, что поощрение, наряду с одобрением и оправданием, входит в утешение.

Похвала предполагает проникновение говорящего в ситуацию, в поступок собеседника, с пониманием того, какие усилия потребовались для совершения действия, и разделением радостных чувств собеседника по поводу положительного результата. Психологический эффект эмоционального заражения позволяет включить этот иллюкутивный тип в число *эмпатийных речевых актов*. Например, когда один из партнеров по общению справился со сложной жизненной ситуацией, говорящий может похвалить собеседника:

Bravo! Vous êtes parvenus à franchir tous les obstacles / Браво! Вы смогли преодолеть все препятствия.

С точки зрения теории речевых актов, похвала относится к речевым актам класса экспрессивов, целью которых является выражение своих эмоций по поводу позитивных событий в жизни собеседника и стимулирующее эмоциональное воздействие на адресата для повышения мотивации или самооценки.

Похвала как речевой акт представлена перформативным глаголом «хвалить» – (Я тебя) хвалю: *Je vous loue d’avoir terminé ce travail au terme fixé* / Я вас хвалю за то, что вы выполнили эту работу в срок! и диагностическую фразу: / (Я хвалю тебя за то, что) ты отлично справился с заданием! Содержание иллокутивного акта похвалы отражается в иллокутивной силе высказывания, которая включает в свой состав следующие компоненты: иллокутивная цель (то, ради чего совершается речевой акт), средства ее достижения, условия достижения, интенсификаторы и др.

В данном случае иллокутивная цель речевого акта похвалы состоит в том, чтобы сделать приятное собеседнику и подвигнуть его на дальнейшие усилия. Иллокуция имеет направление в сторону адресата, что является еще одним связующим звеном с эмпатией, в отличие, например, от лести, где иллокутивная цель направлена на говорящего. Кроме этого, эмпатийные высказывания похвалы являются имплицитным выражением вежливости речевого общения. Важное значение в употреблении речевого акта похвалы имеют пресуппозиционные знания, т.е. похвала должна быть по делу, например, за труд, за усилие, а не за наличие всего лишь способности; в определенной ситуации, а не просто так.

Несмотря на то, что вопрос о стимулирующем воздействии похвалы остается спорным (похвала расслабляет, а критика стимулирует) – считается, что в случае успешной похвалы у адресата усиливается желание работать или учиться, повышается самооценка и т.д. Кроме этого, успешность речевого акта похвалы зависит и от ее уместности, поскольку неуместная похвала может вызвать негативную реакцию адресата.

Речевой акт похвалы в русском языке довольно часто выражен эксплицитно: (Я тебя) хвалю! Во французском языке явное выражение похвалы при помощи перформативного глагола встречается реже. Так, высказывание *Tu es digne d’être loué* / Ты достоин похвалы – менее употребительно и относится к возвышенному стилю (*le style élevé*).

Je fais l’éloge de votre courage / Хвалю за храбрость.

Гораздо чаще похвала выражается имплицитно при помощи высказываний с точным указанием совершенного действия и наречием, положительно характеризующим это действие:

Tu as brillamment joué du piano / Ты блестяще сыграл на пианино.

По нашим наблюдениям, существуют различные тактики реализации похвалы. Например, подчеркивается качество совершенного действия:

...ta soirée était un chef d'oeuvre, dit Claudie en embrassant Paule/ этот вечер был шедевром, сказала Клоди, обнимая Поля [Beauvoir 1954, p.36].

Быстрота действия:

Ce travail ne t'as pris que cinq minutes! / Ты сделал эту работу всего за пять минут!

Отмечаются профессиональные качества собеседника:

Luc, tu es un excellent journaliste / Люк, ты прекрасный специалист [9, 396].

Косвенными формами похвалы могут быть различные речевые акты, выражающие поощрение. К ним относятся: благодарность (Je vous remercie pour votre zèle / Я благодарю вас за старание), признательность (Je voudrais vous exprimer toute ma reconnaissance / Выражаю вам всю свою признательность), одобрение (J'applaudis à votre manière d'agir или j'approuve / Я горячо одобряю ваш образ действий), комплимент (Vous êtes si intelligent / Как вы умны) и др.

Что касается косвенных способов реализации похвалы, то похвала часто выражена речевым актом утверждения:

Tu es toujours là quand j'en ai besoin! / Ты всегда помогаешь в трудную минуту!

Относительно сочетаемости речевого акта «похвала» можно отметить, что доброжелательное и отзывчивое отношение к собеседнику, сочувственное понимание и эмоциональное вчувствование в переживания и действия адресата связывают речевые акты похвалы и поздравления: Bravo, félicitations! / Молодец, поздравляю!

Похвала + побуждение:

C'est bien Louis, continue comme ça! / Хорошо, Луи, продолжай в том же духе!

Похвала + уверение:

Bravo! Tu peux obtenir un bon résultat! / Молодчина! Ты можешь достичь хорошего результата!

Похвала + утверждение (уверение):

Formidable, mon garçon! Avec vos dons de comédien, votre sens de l'improvisation, ..., vous allez devenir un mythe irremplaçable / Отлично,

мой мальчик! С вашим актерским даром, с вашим чувством импровизации, ..., вы станете мифом, не имеющим аналогов [10, 121].

Французский язык чаще использует однословные клише при оценке поступка человека:

(C'est) parfait! / Превосходно!

Bravo! Merveilleux! / [9, 447].

Следует отметить большую роль позитивного оценочного компонента при употреблении речевого акта похвалы. В значение таких наречий, как: хорошо, правильно, быстро, замечательно, профессионально, и некоторых глаголов – нравиться, любить и т.д. входит компонент о д о б р е н и я:

Je vois que tu as bien travaillé! / Я вижу, что ты хорошо поработал!

По вопросу о сочетаемости иллокутивных сил отметим, что в случае эксплицитных эмпатийных высказываний наблюдается сочетание эмпатийной и конкретной иллокутивных сил. При имплицитном выражении преобладает эмпатийная иллокутивная сила, так же, как и в случае косвенного выражения.

Таким образом, с точки зрения теории речевых актов иллокутивный тип похвала относится к классу экспрессивов (в классификации Дж. Серля). Положительно-оценочный компонентом похвалы, выражение симпатии собеседнику, одобрение его действий и поступков позволяют включить этот иллокутивный тип в число эмпатийных речевых актов (А.А. Кузнецова).

Похвала отличается от комплимента, так как предполагает усилия, приложенные адресатом, а комплимент обычно связан с качествами, которыми адресат обладает по природе, поэтому в случае изменения качества (благодаря усилиям адресата), речь идет о похвале. Во французском языке похвала выражается, в основном, имплицитно.

Иллокутивная цель речевого акта похвалы состоит в том, чтобы сделать приятное собеседнику и подвигнуть его на дальнейшие усилия. Этот речевой акт сочетается с другими речевыми актами, прежде всего, сферы сорадования (сорадование, поздравление), а также с утверждением. При этом французский язык чаще использует однословные клише для выражения похвалы.

Литература

1. Азнабаева Л.А. Принцип вежливости в английском диалоге. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 198 с.

2. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. –С. 3–42.
3. Газизов Р.А. Коммуникативная категория вежливости в речевом общении немцев и русских: Монография / Р.А. Газизов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009, с.160.
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 тт – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 3312 с.
5. Корзина 1991, с.104 С.А. Французский язык. Речевые клише в диалогической речи. – М.: Высшая школа, 1991. – 110 с.
6. Кузнецова А.А. Иллокутивные типы вербального проявления эмпатии (на материале французского языка) // Вестник Башкирского университета: Научный журнал. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010, №2, т.15. – С. 310–313.
7. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, лингвистический анализ: Монография. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.
8. Формановская Н.И., Соколова Г.Г. Речевой этикет. Русско-французские соответствия. – М.: Высшая школа, 1989. – 110 с.
9. De Beauvoir, Simone. Les mandarins I. – Paris: Gallimard, 1954. – 507 p.
10. Pennac, Daniel. La petite marchande de prose. – Paris: Gallimard, 1989. – 403p.
11. Rogers C.R. Empathy: an unappreciated way of being // The Counseling Psychologist. 1975 V. 5, N 2. – P. 2–10.
12. Searle J. A classification of illocutionary acts // Language in society, 1976. № 5. – P. 1–23.

© А.А. Анищенко, 2014

О.А. Арендарь
БашГУ, Уфа, Россия

Социокультурные аспекты изучения иностраннх языков в России

В России в течение полутора столетий знание иностранного (французского в первую очередь) языка было неотъемлемой чертой образованного человека. Уровень языковой культуры был чрезвычайно высок.

Университеты в России состояли из четырёх факультетов: историко-филологического, юридического, физико-математического и медицинского. В университеты допускались молодые люди, имевшие аттестат зрелости, т.е. окончившие полный курс классической гимна-

зии. Лекции по ряду предметов читались на иностранных языках: латинском, немецком и французском. Так, в Московском университете в начале XIX в. профессор Маттеи читал лекции по истории Священного писания на латинском языке, профессор Гейнгард читал историю европейских государств на немецком языке, а историю XVIII века – на французском. В то же время происходил перекосяк: в университетах совершенно не изучался русский язык. В результате выпускникам легче было излагать свои мысли по-французски, чем по-русски.

Гимназия (термин «гимназия» заимствован из Древней Греции) – среднее общеобразовательное учебное заведение (обычно гуманитарно-филологического направления). В них принимались юноши по окончании уездных училищ, независимо от сословия и национальности. Гимназии предназначались для подготовки не только в университет, но и к гражданской службе. Как учреждение, подготавливающее к университету, гимназия должна была сохранить в своём учебном плане латинский язык (16 часов в неделю), а также языки французский и немецкий (по 4 часа в неделю). Введению преподавания новых языков в гимназиях предшествовала значительная работа учреждённого 14 мая 1828 г. Николаем I особого «комитета устройства учебных заведений». При обсуждении гимназического курса член комитета князь Ливен, назначенный вскоре министром народного просвещения, отстаивал интересы дворянства: «Дворянство весьма жалуется, что их детей... мучат ненужными для них древними языками, что похищает у них время для изучения полезнейших познаний». [1, 296]

В 1828 г. в России впервые в государственной системе образования было введено обучение английскому языку. В первой половине XIX века в интересах развития промышленности и торговли во многих гимназиях и университетах, было введено преподавание восточных языков. Согласно университетскому уставу 1835 г. во всех университетах были образованы кафедры восточной словесности, в состав которых вошли арабский, персидский, турецкий, татарский, китайский, монгольский и другие языки. Даже в уездных училищах, предназначенных преимущественно для купцов и ремесленников, было разрешено открывать дополнительные курсы для тех наук, знание которых способствовало развитию местной торговли и промышленности.

Учебные планы гимназий корректировались в зависимости от политической ситуации: исключались, например, философия, политическая экономия и некоторые другие предметы. Однако иностранные языки, как писал в 1811г. С. Уваров (впоследствии министр народного просвещения), входили в предметы, «служащие первым основанием истинного просвещения во всех государствах и в каждом веке». [2, 198]

Индустриальное развитие России поставило перед системой образования двойную задачу: введение практико-ориентированного общего образования и гуманизацию практического образования. Реформа средней школы после многолетней подготовительной работы воплотилась в новом Уставе. В 1864г. были установлены два основных вида мужских гимназий: классическая (с изучением одного или двух древних языков – латинского и греческого) и реальная (без древних языков, но с большим курсом естествознания и физики). Полноценным образованием считалось только образование, полученное в классической гимназии, так как по её окончании можно было поступить в университет и другие высшие учебные заведения, а после реальной – только в высшие технические учебные заведения.

Современная социокультурная, экономическая и политическая ситуация в России формирует у общества и граждан реальные потребности в знании иностранных языков. В стране, входящей в мировое сообщество, создаются благоприятные условия для преподавания, изучения и распространения иностранных языков.

Литература

1. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. Т.2. – М.: Издательская группа «Прогресс-культура», 1995. – С.296
2. Цит. по: Хрестоматия по истории педагогики. Т.IV.– М., 1963. – С.198

© О.А. Арендарь, 2014

Г.А. Афанасьева
БашГУ, Уфа, Россия

Обучение аргументированному высказыванию в группах углубленного изучения иностранного языка

За последние годы в русле коммуникативного подхода в отечественной и зарубежной методике разработано много интересных приемов для развития навыков и умений устной речи на практиче-

ских занятиях по иностранному языку. В практику преподавания прочно вошли ситуативные диалоги, ролевые игры, дискуссии и обсуждения, во время которых учащиеся наряду с языковыми навыками и умениями развивают логическое мышление, способность высказывать и отстаивать свое мнение.

В то же время, несмотря на имеющиеся исследования, опыт преподавания английского языка в группах углубленного изучения показывает, что зачастую студенты не умеют последовательно и убедительно аргументировать свою точку зрения, подменяют логику рассуждения бездоказательными утверждениями, эмоциональностью высказывания. Данный факт приводит к выводу о том, что навыки аргументирования отражают степень развития логического мышления и нуждаются в кропотливой тренировке.

Аргументирование является, безусловно, умением высокого порядка, своего рода искусством, в котором важны как манера поведения, умение общаться с аудиторией, дикция, так и правильная оформленность речи. В то же самое время основой аргументирования является логика, и как бы правильно ни была оформлена наша речь, как бы ни была эмоциональна и выразительна, форма не может заменить содержания, а именно грамотно построенного доказательства. Таким образом, перед преподавателем иностранного языка встает двойная задача: с одной стороны, обучать студентов навыкам правильного оформления своих мыслей на иностранном языке, а с другой – развивать у них логическое мышление, умение последовательно и убедительно доказывать свою точку зрения.

Использование упражнений для обучения аргументированному высказыванию повышает эффективность занятий, их воспитывающую роль. Введение элементов соревнования, вынесение на обсуждение наиболее близких для данной аудитории проблем усиливают интерес к занятиям.

Основой правильного построения доказательства является его структура, которую можно свести к трем основным частям: **тезис – аргументы и их иллюстрация – заключение.**

Для определения тезиса необходимо, прежде всего, поставить перед аудиторией проблему, в процессе решения которой высказываются различные точки зрения. Данная проблема может быть предложена в готовом виде, например: Can cinema be regarded as a kind of

art, like theatre, painting and music? Или The generation gap: does it really exist?

Однако гораздо полезнее предоставить студентам самостоятельно определить спорную проблему, предложив им выдержки из текстов, статей, рассказов дискуссионного характера, в результате анализа которых делается некоторый вывод, например: What we have to decide is whether cinema is a kind of art or not.

Четко сформулированная позиция по спорной проблеме и представляет собой **тезис**, который в дальнейшем предстоит доказывать, например: Cinema is a kind of art, like theatre, painting or music.

На начальном этапе работы **аргументы** (так называемые for and against) предлагаются студентам в готовом виде, для того чтобы заставить их размышлять о поставленной проблеме.

Для того чтобы аргументы звучали более убедительно, их необходимо снабдить **иллюстрациями**.

Анализ и иллюстрации предложенных в готовом виде аргументов на последующем этапе работы уступают место самостоятельному поиску студентами аргументов для доказательства своей точки зрения.

© Г.А. Афанасьева, 2014

Г.Х. Ахмедова
БашГУ, Уфа, Россия

Оптимизация обучения лексике и грамматике на занятиях по иностранному языку

В процессе преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах в связи с ограниченностью учебного времени лексика и грамматика требуют особенно тщательного отбора и специальной проработки.

Будучи тесно увязанным с текстами и упражнениями, предназначенными для формирования рецептивных видов речевой деятельности, такой материал, методически обоснованно отобранный, способствует повышению уровня преподавания иностранного языка и созданию в короткие сроки устойчивых навыков устной речи. При составлении материала целесообразно исходить из обязательности выделения языкового минимума, достаточного для ведения беседы по вопросам специальности в пределах, предусмотренных програм-

мой. Раньше, при более подготовленных студентах и большем количестве часов, работа над каждой темой начиналась с изучения оригинального текста. Сейчас же преподаватель вынужден использовать адаптированные тексты, т. к. они не содержат сложных синтаксических конструкций и включают в себя необходимый минимум лексики и грамматики. По принципу частотности и тематической необходимости из текстов отобрана подлежащая активизации общеязыковая, общенаучная и наиболее употребительная терминологическая лексика. Отобранный минимум лексики является неотъемлемой частью рецептивной лексики. Для перевода этой рецептивной лексики в разряд репродуктивной, т. е. закрепления знаний, необходима система специальных лексических упражнений, например, построенных на принципе семьи слова (*schmelzen, das Schmelzen, die Schmelze, schmelzbar* и т. д.), перевод с немецкого на русский и наоборот, упражнения на образование сложных существительных и прилагательных (*der Kohlenstoff, der Wasserstoff, der Sauerstoff, der Rohstoff*). Дальнейшая проработка репродуктивной лексики осуществляется уже на основе коммуникативных упражнений с заданиями, имитирующими процесс общения: “Beantworten Sie die Fragen Ihres Gesprächspartners bejahend!”

Целенаправленный отбор упражнений, тесно увязанных с текстами и темой, обеспечивает высокую степень повторяемости словарных единиц, что способствует их произвольному запоминанию.

Большого внимания требует отбор минимума репродуктивного грамматического материала. Из числа активизируемых исключаются такие темы, как конъюнктив, модальные глаголы в особом употреблении, уступительные придаточные предложения, ограничительные придаточные и т. д. Помимо коммуникативных упражнений целесообразно было бы использовать и традиционные (на трансформацию и подстановку). Упражнения на автоматизацию структур и учитывающие сознательно-логический момент в процессе овладения иноязычной речью, предлагаются, например, при прохождении тем: употребление артикля (*Setzen Sie den bestimmten oder unbestimmten Artikel ein*), порядок слов (*Verändern Sie die Wortfolge in den folgenden Sätzen*).

Работа над лексикой и грамматическими структурами должна завершаться выходом в речь. Выполнение речевых упражнений предполагает определенное владение лексикой и грамматикой. Фор-

мулировки заданий должны побуждать к высказыванию и ведению беседы по заданной теме. Можно предложить объяснить термин из текста, составить диалог на обсуждаемую тему и т. д. В некоторых случаях можно дать краткие тезисы или вопросы, на которые дается ответ из нескольких предложений.

Рациональная организация отобранного учебного материала дает возможность при систематической работе с ним в течении 30 минут на каждом занятии повысить усваиваемость студентами отраслевого репродуктивного языкового минимума благодаря выполнению большого количества разнообразных и постепенно усложняющихся упражнений в условиях ограниченного количества часов, отводимых на изучение иностранного языка на неязыковых факультетах.

© Г.Х. Ахмедова, 2014

Г.А. Ахметова
БашГУ, Уфа, Россия

Л. Н. Толстой о живописи европейских и русских художников («Что такое искусство?»)

Тема «Л. Н. Толстой и живопись» уже не раз привлекала внимание исследователей [1, 2, 4], но возможности ее дальнейшего рассмотрения не исчерпаны. Предметом внимания в данной статье являются суждения Толстого о западноевропейских и русских художниках в его позднем эстетическом трактате «Что такое искусство?» (1997). Суждения эти рассматриваются сквозь призму важнейшего в эстетике писателя вопроса об искусстве и религии.

После религиозного кризиса, пережитого Толстым на рубеже 1870-1880-х годов, перед ним остро встал вопрос о соотношении искусства и морали. В шестнадцатой главе трактата «Что такое искусство?» (1897) Толстой размышляет о природе «хорошего» искусства, в отличие от «дурного». В полемике со многими эстетиками он утверждает, что цель искусства заключается не в красоте и наслаждении, а в духовном объединении людей. В возвращении к антично-возрожденческому идеалу красоты Толстой видит опасность для искусства: «Вот в этом-то замещении идеала нравственности идеалом красоты, то есть наслаждения, заключается (...) ужасное последствие извращения искусства нашего общества» [4, 189].

В основе высшего, христианского искусства, по Толстому, лежит религиозное переживание, объединяющее людей: «(...) содержание христианского искусства – это такие чувства, которые содействуют единению людей с богом и между собой» [4, 173].

По мысли Толстого, «христианское искусство (...) должно быть кафолично в прямом значении этого слова, то есть всемирно, и потому должно соединять всех людей» [4, 174]. Разницу между искусством «хорошим» и «дурным» Толстой определяет как разницу между искусством «всемирным» и исключительным, для немногих.

Соединяют же всех людей только два рода чувства: «чувства, вытекающие из сознания сыновности богу и братства людей, и чувства самые простые – житейские (...) веселия, умиления, бодрости, спокойствия (...)» [4, 175]. В зависимости от того чувства, которое вызывает в человеке то или иное произведение искусства, христианское искусство Толстой разделяет на два вида: собственно религиозное и передающее самые простые, житейские чувства. Все остальное Толстой относит к искусству дурному, разъединяющему людей. В живописи – это картины ложно религиозные и патриотические или картины, изображающие забавы пресыщенной жизни, женскую наготу.

В шестнадцатую главу трактата Толстой включил большой фрагмент, свидетельствующий о его пристальном внимании к современной европейской живописи и строгой избирательности его вкуса. Так, по мнению писателя, в ряду произведений живописи «нового времени», «прямо передающих христианское чувство любви к богу и ближнему», почти нет картин знаменитых живописцев. Большинство же известных евангельских картин «(...) не могут передать того религиозного чувства, которого нет у авторов» [4, 176].

Примеры христианской живописи Толстой находил среди произведений малоизвестных живописцев, даже не всегда в оконченных картинах, и чаще всего – в рисунках. В описаниях понравившихся писателю картин и рисунков европейских и русских художников отразился его строгий взгляд на живопись в целом.

Глубоко затронул Толстого рисунок И. Н. Крамского «Встреча войск» (1878): «Таков рисунок Крамского, стоящий многих его картин, изображающий гостиную с балконом, мимо которого торжественно проходят возвращающиеся войска. На балконе стоит кормилица с ребенком и мальчик. Они любятя шествием войск. А мать,

закрыв лицо платком, припала к спинке дивана. Такова же картина Langley, о которой я упомянул» [4, 177].

Рисунок Крамского – отклик художника на события русско-турецкой войны 1877–1878 годов. С самого начала война была трезво воспринята многими русскими людьми, не исключая Толстого. В последней, восьмой части романа «Анна Каренина» устами Константина Левина писатель выразил свое неприятие этой мнимопатриотической кампании. В своем отрицании войны Толстой – пацифист.

Лев Толстой верно понял и передал сюжет рисунка Крамского. Торжественное возвращение с войны русского войска предстает на нем всего лишь как фон. Сквозь фон проступает главное: тихо и безнадежно плачущая женщина в черном платье в глубине комнаты. Она плачет оттого, что возвращаются домой войска, но не возвращаются солдаты. Писатель высоко оценил человечность и точность рисунка Крамского, «стоящего многих картин».

В один ряд со «Встречей войск» Крамского Толстой поставил картину английского художника-постимпрессиониста У. Лэнгли «Сирота». Писатель сравнил понравившиеся ему работы И. Крамского и У. Лэнгли с картиной Д. Дальмаса «Искушение св. Антония».

По мысли Толстого, насколько человечны произведения Крамского и Лэнгли, настолько же безнравственно полотно Дальмаса. Откровенно-эротический колорит этой картины сделал ее в глазах Толстого мнимо-художественным произведением, достойным иронии и пародирования: «В английской Academy рядом две картины: одна изображает искушение св. Антония, J.C. Dalmas. Святой стоит на коленях и молится. За ним стоит голая женщина и какие-то звери. Видно, что художнику очень нравилась голая женщина, но что до Антония ему не было никакого дела, и что искушение не только не страшно ему (художнику), но, напротив, в высшей степени приятно. И потому в этой картине если и есть искусство, то очень скверное и фальшивое. В той же книге рядом небольшая картинка Langley, изображающая прохожего нищего мальчика, которого, очевидно, зазвала пожалевшая его хозяйка. Мальчик, жалостно скрючив босые ноги под лавкой, ест, хозяйка смотрит, вероятно соображая, не понадобится ли еще, а девочка лет семи, подпершись ручкой, внимательно, серьезно смотрит, не спуская глаз с голодного мальчика, очевидно в первый раз поняв, что такое бедность и что такое неравенство людей,

и в первый раз задала себе вопросы: почему у нее все есть, а этот бос и голоден? Ей и жалко и радостно. И она любит и мальчика, и добро... И чувствуется, что художник любил эту девочку и то, что она любит. И эта картина, кажется, малоизвестного живописца – прекрасное, истинное произведение искусства» [4, 177].

Толстой назвал картину У. Лэнгли «прекрасным, истинным произведением искусства», сблизив с ней рисунок И. Крамского. Бытовые, безыскусные сюжеты И. Крамского и У. Лэнгли подкупили писателя сострадательным, христианским отношением к человеку; напротив, полотно Дальмаса с его эротизмом было воспринято как «очень скверное и фальшивое» искусство.

В той же главе своего трактата Толстой в ряду истинных художников упоминает французских живописцев П.-Э.Морлона, Ж.-Ф. Милле, Ж. Бретона, Л.-О. Лермита и австрийского художника Ф. фон Дефрэггера: «(...) такова же картина, изображающая в сильную бурю спешащую на выручку гибнущего парохода спасательную лодку, французского живописца Morlon. Есть еще приближающиеся к этому роду картины, с уважением и любовью изображающие рабочего труженика. Таковы картины Милле, в особенности его рисунок – отдыхающий копач; в этом же роде картины Jules Breton, Лермита, Дефреггера и др.» [4, 177].

Картина Жана-Франсуа Милле «Отдыхающий копач», замеченная Толстым, имеет авторское название «Человек с мотыгой» (1860-1862). Живописное мастерство Ж.-Ф. Милле (1814-1875), умение без прикрас показать деревенскую жизнь поставили художника «барбизонской школы» (по названию местности, где он жил), в один ряд с художниками реалистического направления второй половины XIX века. Тяжесть труда крестьян, их религиозные чувства отразились в жанровых и пейзажных картинах Милле «Сборщицы колосьев», «Анжелюс», «Крестьянка, пасущая корову», «Зимний пейзаж с воронами». Толстой высоко оценил картины и рисунки этого художника, реалистически и одновременно возвышенно передающие жизнь крестьян и мир природы.

К творчеству Ж.-Ф. Милле был внимателен не только Толстой. Известно, что Р. Роллан посвятил художнику книгу, назвав ее «Книги о литературе и искусстве: Франсуа Милле» (1902). По мнению французского писателя, барбизонцы «(...) в сущности не колористы» и Милле – «(...) более крупный мастер рисунка, нежели живописи. В

его рисунке больше непринужденности» [3, 145]. Толстой же всегда ценил рисунок, точную линию и меньше значения придавал колоризму, краскам, которые, по его словам, только мешают восприятию.

Другой французский художник Жюль Бретон (1827-1906) привлек к себе внимание Толстого идеализированным изображением крестьянской жизни. Сюжеты своих картин художник заимствовал преимущественно из жизни народа родного края, бывшего графства Артуа. Среди известных его произведений – «Возвращение с жатвы», «Песня жаворонка», «Первое причастие».

Жизни крестьян посвящал свои картины Л.-О. Лермит (1844-1825), еще один представитель демократического направления в живописи. В его картинах «Жатва», «Вино», «Расчет с работниками» деревенский быт увиден как бы изнутри – убедительно и достоверно. Известно, что Ван Гог считал Л.-О. Лермита одним из великих мастеров современности.

Упомянутый Толстым Франц фон Дефреггер (1835-1921) писал жанровые и исторические картины. Испытав влияние «барбизонской школы», он многие свои картины посвятил жизни тирольских крестьян: «Крестьянка за прялкой», «Портрет молодого фермера», «Молодой человек в тирольском костюме», «Паломники».

Толстой, таким образом, высоко ценил произведения тех художников, которые правдиво и человечно изображали жизнь людей труда. Но у него были и другие критерии в оценке произведений живописи. В шестнадцатой главе трактата «Что такое искусство?» Толстой сравнил произведения еще двух художников: русского живописца – Н. Н. Ге (1831-1894) и немецкого – Лицен-Майера (1814-1925). В их живописи Толстой увидел то, что, по его словам, вызывает в зрителе «негодование, ужас перед нарушением любви к богу и ближнему». Писатель имел в виду поздние евангельские картины Н. Н. Ге на тему Распятия («Распятие», «Голгофа» и др.) и картину Лицен-Майера «Королева Елизавета подписывает смертный приговор Марии Стюарт» (1879). В живописи Ге и Лицен-Майера Толстой оценил «болевой эффект», умение ранить сердце зрителя – признак подлинного искусства.

Искренним, серьезным картинам Толстой противопоставлял эффектную живопись, в которой «(...) заботы о технике и красоте большею частью затемняют чувство». В качестве примера живописи, лишенной авторского отношения к предмету изображения, Толстой

привел полотно французского художника Жана-Луи Жерома «Pollice Verso» («Добей его», 1873). Эта картина известна еще под названием «Большие пальцы вниз». Языческая толпа, изображенная на картине, жестом большого пальца вниз требует смерти сраженного гладиатора. Она все еще не удовлетворена жестоким зрелищем и хочет наслаждаться им до конца – увидеть агонию побежденного. Выразительность и эффектность картины Ж.-Л. Жерома не помешала Толстому оценить ее отрицательно, ибо она «не столько выражает чувство ужаса перед совершающимся, сколько увлечение красотой зрелища» [4, 177].

Немало страниц трактата «Что такое искусство?» Толстой посвятил живописи модернистов – импрессионистов и символистов. По мысли писателя, одно из общих свойств «нового» искусства, заключается в следовании принципу эффектности. Проявляется это, например, в «изображении одним искусством того, что свойственно изображать другому, так чтобы музыка «описывала», как это делает вся программная музыка, и вагнеровская, и его последователей, а живопись, драма и поэзия «производили бы настроение», как это делает все декадентское искусство» [4, 131].

В поле критики Толстого оказался импрессионизм – живопись «настроения». Очевидно, что толстовская критика «нового» искусства чересчур запальчива и далеко не всегда справедлива. Однако причину ее неприятия писателем понять можно. Всегда ценивший в изобразительном искусстве точную линию и рисунок, Толстой остро чувствовал, что художники нового времени в своем стремлении передать не столько образ, сколько настроение или мистическое мироощущение, нередко теряли в своей живописи предметную точность и пластичность.

В своем трактате Толстой пародирует живопись французских импрессионистов – Писсаро, Мане, Моне, Ренуара, Сислея. Толстовская пародия предстает в виде дневника некоего «любителя живописи, посетившего в 1894 году выставки Парижа» [4, 119]. Дневник «любителя» – мистификация, а стиль описаний сильно напоминает специфически толстовскую манеру язвительного «остранения», знакомую по изображению московской оперы в романе «Война и мир»: «Был сегодня на 3-х выставках: символистов, импрессионистов и неоимпрессионистов. Добросовестно и старательно смотрел на картины, но опять то же недоумение и под конец возмущение. Первая

выставка Camille Pissaro самая еще понятная, хотя рисунка нет, содержания нет и колорит самый невероятный. Рисунок так неопределен, что иногда не поймешь, куда повернута рука или голова. Содержание большею частью «effets»: effet de brouillard, effet du soir, soleil couchant. Несколько картин с фигурами, но без сюжета.

В колорите преобладает ярко-синяя и ярко-зеленая краска. И в каждой картине свой основной тон, которым вся картина как бы обрызгана (...) У Писсаро акварель вся сделана точками. На первом плане корова вся разноцветными точками написана. Общего тона не уловишь, как ни отходи или ни приближайся. Оттуда пошел смотреть символистов. Долго смотрел, не спрашивая никого и стараясь сам догадаться, в чем дело, – но это свыше человеческого соображения. Одна из первых вещей бросилась мне в глаза – деревянный haut-relief, безобразно исполненный, изображающий женщину (голую), которая двумя руками выжимает из двух сосков потоки крови. Кровь течет вниз и переходит в лиловые цветы. Волосы сперва спущены вниз, потом подняты вверх, где превращаются в деревья. Статуя выкрашена в сплошную желтую краску, волосы – в коричневую.

Потом картина: желтое море, в нем плавает не то корабль, не то сердце, на горизонте профиль с ореолом и с желтыми волосами, которые переходят в море и теряются в нем. Краски на некоторых картинах положены так густо, что выходит не то живопись, не то скульптура. Третье еще менее понятное: мужской профиль, пред ним пламя и черные полосы – пиявки, как мне потом сказали. Я спросил, наконец, господина, который там находился, что это значит, и он объяснил мне, что статуя эта символ, что она изображает «La terre», плавающее сердце в желтом море – это «Illusion», а господин с пиявками – «Le mal». Тут же несколько импрессионистских картин: примитивные профили с каким-нибудь цветком в руке. Однотонно, не нарисовано и или совершенно неопределенно, или обведено широким черным контуром» [4, 119-120].

Пародийные описания картин «символистов, импрессионистов и неоимпрессионистов» – свидетельство принципиального неприятия Толстым живописи нового времени, заменившей точную линию и рисунок субъективным колоритом и условными формами. Толстой осуждает не просто «технику» модернистов, но, что гораздо важнее, отсутствие в их живописи ясно выраженного нравственного взгляда на мир, порой откровенный эротизм.

На первый взгляд, суждения автора «Что такое искусство?» о живописи кажутся чрезмерно строгими и парадоксальными, но, по размышлении, им трудно отказать в глубине и прозорливости. В наши дни искусство, в ходе эволюции все более утрачивая предметность форм и «кафоличность» содержания, рискует стать элитарным и малозначительным.

Литература

1. Кузьмин А. И. Лев Толстой и русские художники // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982. С. 167-187.
2. Лев Николаевич Толстой в изобразительном искусстве / Авторы–сост. О. Е. Ершова, Т. К. Поповкина. М.: Изобразительное искусство, 1979. 192 с.
3. Роллан Р. Книги о литературе и искусстве: Франсуа Милле // Р. Роллан. Собр. соч. в 14-ти томах. Т. 14. М.: Гослитиздат, М., 1958. 365 с.
4. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 томах. Т. 15. М.: Худож. лит., 1983. 432 с.
5. Фабрикант М. Толстой и изобразительные искусства: (Контуры проблемы) // Эстетика Льва Толстого. М.: Гос. акад. худож. наук, 1929. С. 318-319.

© Г.А. Ахметова, 2014

С.М. Аюпов

СГПИ, Соликамск, Россия

С.Б. Аюпова

БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Тургеневские традиции в романе Джона Р. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» (к постановке проблемы)

Вопрос *о влиянии* тургеневской романистики на романы Джона Р. Фаулза (1926-2005) еще не ставился в специальной литературе. Между тем сопоставительный анализ тургеневских романов 1860-х годов и романа Фаулза «Женщина французского лейтенанта» (1969) позволяет утверждать о внимательном изучении английским писателем идейно-художественных достижений русского автора, и прежде всего – в изображении трагической любви, несравненным мастером которой в русской классике является Тургенев.

Мы полагаем, что в своих основных чертах выше упомянутый роман Фаулза восходит к вставной новелле о драматичной, мучительной, полной высокого трагизма любви Павла Петровича к странной княгине Р., рассказанной Аркадием Базарову в 7 главе.

Обе героини – кн. Р. и Сара Вудраф – в высшей степени странные женщины, резко отличающиеся от окружающих своим поведением, нравом, выразительным обликом. Обе героини кардинальным образом изменяют «течение жизни» влюбленных в них мужчин – Павла Петровича Кирсанова и Чарльза Смитсона, становятся для них судьбоносными.

И тот и другой называют своих роковых женщин – *сфинксами*, загадочными существами, пытаясь их понять, разгадать.

В «Отцах и детях» читаем: «Он однажды подарил ей кольцо с вырезанным на камне сфинксом. – Что это? – спросила она, – сфинкс? – Да, ответил он, – и этот сфинкс – вы. – Я? – спросила она и медленно подняла на него свой загадочный взгляд. – Знаете ли, что это очень лестно? – прибавила она с незначительною усмешкой, а глаза глядели все так же странно» [1].

А Гарри Монтегю у Фаулза вопрошает героя: «Вам непременно нужно задать вопросы сфинксу?», или повествователь: «... когда Чарльз приблизился к обители сфинкса, ему было не до улыбки» (глава 60) [2].

Но самым важным сходством двух сюжетных линий является символический мотив креста. Перед самой смертью кн. Р. вернула Павлу Кирсанову его подарок-кольцо назад: «Она провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест – вот разгадка» [1]. Известно, что данная деталь (крест на сфинксе) по-разному интерпретировалась исследователями. По нашей версии, она значила то, что любовь Павла Петровича к кн. Р. будет продолжаться и после ее смерти, и что эта любовь и есть его жизненный крест, который он обречен нести до конца дней своих. Поселившись в имении брата Николая – Павел Петрович знакомится с его гражданской женой Фенечкой, лицо которой, особенно в верхней части, напоминает лицо кн. Р. Это приносит ему новые муки и страдания. Мы помним: «Но что случилось с ней, когда Павел Петрович, сам Павел Петрович прижал ее руку к своим губам и так и приник к ней, не целуя ее и только изредка судорожно вздыхая... "Господи! – подумала она, – уж не припадок ли с ним?.." **А в это мгновение целая погибшая жизнь в нем трепетала**» [1] [выделено в художественных текстах здесь и далее нами]. Даже после женитьбы брата, дворянина, на мещанке Фенечке, даже после отъезда из России на лечение и потом наительство в Германию, в Дрезден, образ умершей кн. Р., по всей види-

мости, не отпускал его, постоянно присутствовал в его сознании. В эпилоге романа читаем: «Стоит взглянуть на него в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, **он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится** и начнет почти незаметно креститься...» [1]. Несомненно, что в этом описании запечатлена драма человеческой жизни. Герой Тургенева уходит со страниц «Отцов и детей» непросветленным, неуспокоившимся (как, напротив, Лаврецкий, покидающий в эпилоге дом Калитиных в «Дворянском гнезде»), но страдающим, горестным героем, даже в русской церкви живущим собственными мыслями и чувствами, среди которых, безусловно, и *она*, определившая его жизнь. Выход из своего мира во внешний сопровождается едва заметным ритуальным и по сути механическим жестом: «...**вдруг опомнится** и начнет почти незаметно креститься...» [1].

Тургеневские крест на сфинксе, символизирующий, по словам Павла Петровича, кн. Р., зарисовка героя в русской церкви в Дрездене, – всё это Фаулз перерабатывает в своем творческом воображении, создавая в сорок восьмой главе романа впечатляющий *образ страдающего от любимой женщины человека*. В этой главе Чарльз после очередного мучительного разговора с Сарой посещает перед закрытием небольшую церковь, где проводит в одиночестве несколько часов.

Вглядываясь в образ Христа, Чарльз вдруг вместо Спасителя видит распятым на кресте Сару. В романе читаем: «Как пусто, как тихо в церкви. Он, не отрываясь, смотрел на распятие, **но вместо Христа видел Сару**. Он начал было опять молиться, но понял, что это безнадежно. Его молитва не могла быть услышана. И по щекам у него вдруг покатились слезы» [2]. И далее читаем: «Ему казалось, что к кресту пригвожден он сам – разумеется, он не отождествлял свои мучения с возвышенным, символическим мученичеством Иисуса, однако тоже чувствовал себя распятым. Но не на кресте – на чем-то другом. Его мысли о Саре принимали иногда такое направление, **что можно было бы предположить, будто он представлял себя распятым на ней**; но подобное богохульство – и в религиозном, и в реальном смысле – не приходило ему в голову» [2].

Думается, Фаулз развил тургеневский мотив – любовь к роковой женщине как жизненный крест человека – превратив его, пусть в плане предположения, в мотив *распятия мужчины на любимой*

женщине, любовь к которой мучительная, трудная, поглощающая в нем все силы и соки жизни, становится для него средством самопознания, возрождения к иной, творческой форме существования.

Не случайно выход в иной мир, из мира цивилизованных окаменелостей викторианской эпохи, ее фальшивых ценностей возможен для Чарльза, пребывающего в церкви, только вместе с Сарой. В романе читаем: «Он ощущал **ее незримое присутствие**; она стояла вместе с ним у алтаря, словно готовясь к брачному обряду, **но на деле с иной целью**. Он не сразу мог выразить эту **цель словами**, но через какую-то секунду вдруг понял. Снять с креста того, кто распят!» [2]. То есть постижение индивидуальной истины, ее открытие героем, происходит только «*в контексте Сары*» и немыслимо без этого контекста. В связи с этим читаем: «Одеть Сару! Повезти ее в Париж, во Флоренцию, в Рим! ... Он мысленно увидел Сару стоящей под руку с ним в Уффици; вам это может показаться банальным, однако для Чарльза это был символ, квинтэссенция жестокой, но необходимой ... **свободы**» [2].

Позже, в концовке романа, в сцене последнего объяснения, в Лондоне, Чарльз сможет преодолеть чары Сары, которая, подобно мифическому Протею, способна бесконечно варьировать свое «я». Герой освобождается от магнетизма Сары, но превращение его в свободную высокодуховную деятельную личность осуществляется именно в процессе любви к этой женщине, долгого и многоаспектного общения с ней.

В отличие от Павла Петровича, который так не смог освободиться от «внутреннего служения» кн. Р., власть которой довлела над ним и годы спустя после ее смерти (эпизод с Фенечкой), Чарльз Смитсон в финале романа обретает в частицу веры в себя, приходит к истинам о том, что «жизнь все же не символ, не одна-единственная загадка и не одна-единственная попытка ее разгадать, **что она не должна воплощаться в одном конкретном человеческом лице**» (речь о Саре-сфинксе) и что жизнь нужно – из последних сил, с опустошенной душой и без надежды уцелеть в железном сердце города – претерпевать» [2].

Примечательно, что в концовке романа возникает как возможная для Чарльза Смитсона еще одна типичная для тургеневских произведений ситуация, когда любящий мужчина делается одним из многочисленных рабов любви в услужении роковой женщиной. На-

пример, так могла окончиться сюжетная линия Литвинов – Ирина в «Дыме», такой ситуацией заканчиваются отношения Санина и Полозовой в «Вешних водах». У Фаулза читаем об этом: «Но не успел он подумать об этом, как тут же представил себе последствия такой договоренности: он сделается тайным посмешищем этого погрязшего в пороке дома, официальным воздыхателем, таким придворным ослом» [2].

Еще один тургеневский мотив, связанный с образом Кирсанова: мотив соотнесения страданий и мук любви с высокими религиозными страданиями во имя новой веры, запечатленный в семантике имени героя (Павел, Петр, Хрисанф = Павел Петрович Кирсанов), воскреснет в размышлениях Чарльза, в известной мере сравнивающего символическое мученичество Христа со своими любовными терзаниями, вызванными чувством к Саре. В романе читаем: «Ему казалось, что к кресту пригвожден он сам – разумеется, он не отождествлял свои мучения с возвышенным, символическим мученичеством Иисуса, однако тоже чувствовал себя распятым» [2].

Итак, мы видим, что Фаулз развивает ключевые концепты тургеневской новеллы в «Отцах и детях»: 1) женщина-сфинкс; 2) крест как символ роковой страдальческой любви мужчины, распятого на женщине; 3) соотнесение религиозных и любовных терзаний в душе страстно влюбленного человека. Именно тургеневская новелла явилась идейно-художественным ядром, из которого развился романский мир Фаулза в «Женщине французского лейтенанта».

Литература

1. Фаулз. Дж. Женщина французского лейтенанта // <http://lib.ru/FAULS/woman.txt>
2. Тургенев И.С. Отцы и дети // http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0040.shtml
© С.М. Аюпов, С.Б. Аюпова, 2014

З.В. Баишева
БашГУ, Уфа, Россия

Обучение деловому общению будущих юристов

Общение – это «процесс установления и развития контактов между людьми, обусловленный потребностями в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого

человека» [4, 229]. Профессиональное (деловое) общение осуществляется между людьми, которых связывают интересы какого-либо определенного дела. Профессиональное общение всегда имеет целевую направленность, «это вид межличностного общения, направленного на достижение какой-то предметной договоренности» [6, 130]. Важнейшая особенность профессионального общения заключается в том, что необходимо уметь строить отношения с разными людьми, добиваясь максимальной эффективности деловых контактов. Другая особенность связана с тем, что деловые отношения предполагают полезность общения для обеих сторон. При этом предпочтение отдается тому, с кем приятно общаться, кому хочется пойти навстречу.

Общение является составной частью профессиональной деятельности юриста, независимо от его специализации. Формирование профессионально грамотного юриста как представителя речевой профессии предполагает подготовку специалиста, способного эффективно работать в разных жанрах профессионального общения.

Особенность профессионального общения юриста заключается в том, что оно нередко протекает в особом процессуальном режиме с соблюдением определенных, строго очерченных форм коммуникации: прием заявлений у граждан; допрос; судебные прения и др. Начало, ход и развитие названных форм общения определяются процессуальными нормами, предписывающими обязательное соблюдение установленных законодателем формул общения, процессуальный порядок речевого взаимодействия сторон. В этих случаях законом предписывается особый порядок общения, игнорирование которого может послужить основанием для признания недействительными результатов коммуникации и повлечь правовые санкции к тем, кто нарушил предусмотренный порядок общения, произвольно упростил его и т.п.

Помимо знаний закона от юриста требуются еще и определенные коммуникативные способности устанавливать отношения с людьми, умение убедить человека в важности взаимодействия, пробудить у него интерес к общению в связи с теми или иными обстоятельствами. Юрист активно участвует в различных видах делового общения. Ему постоянно приходится вступать в контакты с различными должностными лицами, с руководителями местных органов власти, с представителями предприятий, учреждений. Поэтому будущим юристам необходимо овладеть такими профессионально зна-

чимыми коммуникативными жанрами, как переговоры в критических ситуациях, юридическое консультирование и др.

Высокий уровень умения общаться в профессиональной сфере предполагает: высокую коммуникативную культуру, то есть искусство говорить и слушать; умение объективно воспринимать и правильно понимать партнера; умение строить отношения с любым партнером, добиваться эффективного взаимодействия на основе обоюдных интересов [1]. Именно развитие коммуникативной культуры будущих юристов должно быть приоритетным направлением в обучении деловому общению.

Высокая коммуникативная культура означает прежде всего высокую культуру речи, т.е. умение правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка. Она заключается также в умении найти наиболее доходчивое и наиболее уместное, подходящее для каждого конкретного случая средство для выражения своей мысли. Так, в условиях беседы юриста с посетителем юридической клиники безупречное владение языком и развитые навыки речи обеспечивают объективность и достоверность исследования проблемы, а в дальнейшем и правильное консультирование, доступность речи юриста. Развитые речевые навыки и умения позволяют установить с собеседником живой психологический контакт, возбудить в нем доверие: для этой цели юрист может и должен уметь выбирать для собеседников разного пола, возраста, образования, социальной принадлежности разные слова, по-разному строить речь, уметь говорить с каждым на его языке. Развитые речевые навыки существенны и для профессиональной деятельности юриста в целом. Они способствуют четкости и ясности мышления [об этом подробно: 5, 40-42].

Какие же особенности речи будущего юриста следует развивать в связи со сказанным? Прежде всего необходимо обогащать словарный запас студентов-юристов с учетом стилистической принадлежности слова, что поможет обучающимся овладеть умением в каждой ситуации выбирать то слово, которое уместно и необходимо. Также важно научить будущего юриста адекватно понимать речь собеседника, т.е. уметь услышать в речи то, что хотел вложить в нее говорящий, а не то, что имел в виду юрист, употребляя те же слова и выражения.

Высокая коммуникативная культура означает искусство слушать. Умение слушать позволяет понять собеседника; получить от

него полную информацию; сделать общение комфортным для собеседника и, следовательно, произвести на него хорошее впечатление. Если человек чувствует, что его понимают, он испытывает доверие к собеседнику, что крайне важно для плодотворного общения.

Культура профессионального общения означает также умение создать благоприятную атмосферу разговора, способствующую взаимопониманию и взаимодействию, а для этого необходимо знать и соблюдать этикет, и в том числе, речевой этикет [2, 126-127].

Овладению навыками профессионального общения в значительной мере могут способствовать ролевые игры, проводимые на практических занятиях: «Судебные прения», «Переговоры», «Консультирование». Ролевая игра направлена на снятие определенных практических проблем, приобретение навыков выполнения конкретных приемов деятельности, проходит в форме согласованного группового мыслительного поиска, что требует вовлечения в коммуникацию всех участников игры. По своей сути этот метод обучения является особой формой коммуникации. В любом типе коммуникации один из участников является автором, который выражает свою точку зрения. Второй участник является реципиентом, который, воспринимая авторский текст, строит образ того, что понял, чтобы реконструировать авторскую точку зрения. Третий участник коммуникации в рамках деловой игры может быть критиком, который, опираясь на результаты принятого решения, вырабатывает свою собственную точку зрения, более оформленную и совершенную. Четвертый участник — организатор коммуникации — согласует все виды работ и превращает разрозненные усилия в целенаправленное движение по совершенствованию авторской точки зрения [3, 82]. Ролевые игры помогают формировать такие важные ключевые квалификации юристов, как коммуникативные способности, толерантность, умение работать в малых группах, самостоятельность мышления и т. д.

Коммуникативно-развивающими являются и такие интерактивные формы обучения, применяемые на практических занятиях, как дискуссия, диспут, мозговой штурм и др.

Таким образом, в ходе профессиональной деятельности юристам, независимо от их специализации, постоянно приходится общаться с различными людьми, устанавливать с ними взаимопонимание, поддерживать на должном уровне психологический контакт. Общение для юриста в ряде случаев является особым, самостоятель-

ным видом профессиональной деятельности, поэтому свободное владение навыками общения рассматривается как профессионально важное качество личности правоведа. Чтобы профессиональное общение было максимально эффективным, юристу необходимо постоянно совершенствовать навыки своего речевого поведения, повышать культуру общения.

Литература

1. Баева О. А. Ораторское искусство и деловое общение. М., 2007.
2. Баишева З.В. Русский язык и культура речи в юриспруденции: Учебник. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002.
3. Корнеева Л.И. Современные интерактивные методы обучения в системе повышения квалификации руководящих кадров в Германии: зарубежный опыт // Университетское управление. - 2004. - № 4(32). - С. 78-83.
4. Краткий психологический словарь / Под, ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
5. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.
6. Практическая психология для менеджеров. М.: ИИД «Филинь», 1996.

© З.В. Баишева, 2014

М.Е. Барановская, Т.А. Курочкина
УГНТУ, Уфа, Россия

Использование перевода при обучении лексике на занятиях по английскому языку

Традиционно перевод был наиболее широко используемым средством представления значения слова в одноязычных классах. Перевод имеет преимущество в том, что является самым прямым путем к значению слова, если предположить, что есть соответствие между словом в языке, на который делается перевод, и его эквивалентом в языке №1. следовательно, он очень экономичен и особенно подходит для рассмотрения случайной лексики, которая может неожиданно появиться на занятии. Однако чрезмерная опора на перевод может означать то, что студенты будут не в состоянии развить независимый словарь языка №2 с тем результатом, что они всегда будут иметь доступ к словам языка №2 посредством их эквивалентов в языке №1, а не напрямую. Также, поскольку студентам не нужно

много работать над доступом к значению, это может означать, что слово будет менее запоминающимся. Однако есть ряд различных способов включения перевода во ввод новой лексики. Вот, например, три воображаемых отрывка, в которых испаноязычный преподаватель обучает своих испаноязычных студентов лексике по теме “одежда”.

1. Teacher: En Ingles pantalones se llaman trousers. Trousers. Ahora todos juntos... (In English pantalones are called trousers. Trousers. Now all together...) Students: Trousers.

2. Teacher: Does anyone know the English for una camisa? No? Listen, it's a shirt, shirt. Repeat. Students: shirt.

3. Teacher: What's this (pointing to the picture of a dress). Do You know what this is in English? No? Listen, it's a dress. Dress. Repeat. Students: Dress. Teacher: How do You say dress in Spanish? Marta? Marta: Falda. Teacher: That's right.

В первом отрывке преподаватель говорит все по-испански. Это лишает студентов ценного ввода языка №2. Более того, не слишком много попыток делается для того, чтобы вовлечь студентов, кроме того, как просто заставить их повторить слова. Во втором отрывке преподаватель использует только английский (язык, на который делается перевод, кроме тех слов языка №1, которые используются для ввода значения). Таким образом, они получают больший объем языка, чем просто заучиваемые слова. В третьем отрывке лексика вводится полностью на английском языке. Испанский язык используется только для того, чтобы проверить, поняли ли студенты новое слово.

Альтернатива переводу - и очевидный выбор при предоставлении набора конкретных предметов, таких как предметы одежды – каким-то образом проиллюстрировать или продемонстрировать их. Это можно сделать, используя реальные предметы (называемые наглядными пособиями) или картинки, или мимическое изображение. Использование наглядных пособий, картин и демонстрация их были определяющей техникой прямого метода. Прямой метод, отвергающий использование перевода, развился как реакция на такие высокоинтеллектуальные подходы к изучению языка, как грамматический перевод. Вот, например, советы для преподавателей из популярного курса Прямого метода:

Преподаватель вначале отбирает ряд предметов, в партиях от 10 до 20 штук. Предметы могут быть:

1) те, которые обычно находятся в месте, где проходит занятие, например, дверь, окно, нож, спички, книга или части тела или предметы одежды;

2) те, которые собраны специально для занятия, например, палка, камень, гвоздь, кусок проволоки, кусок бечевки и т.д.

3) те, которые, представлены картинками, такие как изображения, напечатанные на художественных открытках, настенных таблицах или рисунки на доске.

Преподаватель показывает или указывает на каждый предмет по очереди и называет его. Он произносит название четко (но естественно) три – четыре раза. Когда студенты получают достаточно возможностей услышать слова и предложения (и понять их значение), им предлагают произнести их. Вначале они могут повторить их за преподавателем.

Такой подход особенно уместен, если ведется обучение начинающих и в группах смешанных национальностей, где перевод не является предметом выбора, это также техника, которая была оценена преподавателями, практикующими Полный физический отклик, метод, который содействует начальному погружению в большое количество начальных вводов. Используя непосредственное окружение в аудитории, преподаватели намерены копировать опыт обучения родному языку. Такое занятие обычно включает преподавателя, демонстрирующего действия, использующего реальные предметы, а затем добивающегося того, чтобы студенты выполнили те же или похожие действия в ответ на команду. Типичные команды в аудитории могут быть следующими:

Point to the apple.

Put the banana next to the apple.

Give the apple to Natasha.

Offer the banana to Maxim.

(Пластмассовые фрукты и овощи являются идеальными для этого вида деятельности).

© М.Е. Барановская, Т.А. Курочкина, 2014

Основные проблемы фразеологии и их решение

Фразеология любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражаются видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа [6, 25].

Среди языковедов, занимающихся вопросами фразеологии, нет единства по многим ее важнейшим проблемам. К этим проблемам можно отнести проблему семантических свойств фразеологизмов, а также проблему переводимости ФЕ с одного языка на другой. Трудность решения данных проблем объясняется, с одной стороны, тем, что фразеология, прежде всего, семантическая проблема, а вопросы семантики естественных языков к настоящему времени исследованы недостаточно полно и глубоко; с другой стороны, тем, что фразеологизмы, несмотря на некоторую содержательную и формальную общность, являются все же довольно разнообразными единицами. Сложность фразеологии заключается не только в многозначном толковании самого термина. Она обусловлена противоречивым характером ее единиц: будучи языковыми единицами, они в то же время как бы выходят за рамки ресурсов языка по своим способам образования и языковому обозначению явлений и предметов окружающей действительности [1, 132].

В отношении объема фразеологии ученые придерживаются противоположных точек зрения, в зависимости от того или иного понимания фразеологической единицы. М.И. Фомина считает, что объектом фразеологии как науки являются прежде всего собственно фразеологизмы, которые характеризуются полным набором основных различительных (или дифференцирующих) категориальных признаков. Они станут очевиднее, если сложную, разноплановую ФЕ (или фразеологический оборот) сопоставить со словом, с одной стороны, и словосочетанием – с другой [5, 145].

В отличие от слова с его постоянной цельнооформленностью (по составу звуков и морфем) и одноударностью фразеологизм характеризуется лексической и акцентологической раздельнооформленностью. Лексическое значение каждого слова обособленно. Оно непосредственно или опосредованно называет (а также определяет)

предмет, понятие, действие и т.д. Значение фразеологизма, состоящего из двух и более слов, единое, целостное, обобщенное, всегда экспрессивное. Оно несвободно, семантически неделимо, поскольку является полностью (или частично) немотивированным значением составляющих слов, которые в его составе называются уже не словами, а компонентами, чем подчеркивается их полная или частичная лексическая опустошенность, десемантизация. Такое значение называется фразеологическим.

Таким образом, одним из основных, категориально существенных признаков фразеологизма является наличие особого экспрессивного, целостного фразеологического значения.

Между словом и ФЕ есть и сходство. Оно заключается в том, что и та и другая единица воспроизводятся в готовом виде; каждое слово и каждый фразеологизм характеризуются регулярной соотносительностью с одной и той же частью речи, а следовательно, выполняют сходные синтаксические функции.

Из указанных сходных признаков лишь постоянство категориальной (т.е. грамматической) соотносительности следует назвать собственно различительным для фразеологизма признаком.

Еще более отличается фразеологизм от свободного словосочетания, к которому генетически он, казалось бы, гораздо ближе, чем к слову.

Первое отличие заключается в том, что свободное словосочетание каждый раз моделируется заново и существует только в пределах того контекста, для которого оно создано. ФЕ же воспроизводится всегда в готовом виде, в одном и том же постоянно повторяемом компонентном составе.

Из этого вытекает и следующее отличие. Понимание семантики свободного словосочетания целиком зависит от значения составляющих его слов, т.е. налицо полная мотивированность его значения. Семантика ФЕ не зависит от значения составляющих компонентов, т.е. она, как правило, является немотивированной. В свободном словосочетании нельзя ни заменить, ни опустить ни одного слова, чтобы не изменилось значение всего сочетания. Во фразеологизме такие замены и пропуски иногда встречаются. Однако подобные изменения должны быть обусловлены определенными стилистическими целями пишущего или говорящего и компенсированы всем контекстом, т.е. возможность использования приема замен, пропуска, усечения хотя и

относительна, но она есть. И общее значение всего фразеологизма при этом не меняется.

Следующее различие заключается в том, что в свободном словосочетании каждое из слов относится к той или иной части речи и синтаксические функции их в предложении самостоятельны. Синтаксические же функции фразеологизма определяются в целом, они едины для всех его компонентов.

Сходство свободного словосочетания и ФЕ лишь формальное – оба состоят из слов, первое их полнозначных, с разными типами значений, второе имеет в составе десемантизированные слова, создающие в целом всегда экспрессивное, а подчас метафорически образное значение. Во второй единице – это уже не собственно слово, а компоненты.

Итак, сопоставление со словом и свободным словосочетанием позволяет выделить основные характерные признаки ФЕ:

- 1) наличие особого, целостного фразеологического значения;
- 2) постоянство воспроизведения одного и того же компонентного состава;
- 3) устойчивость грамматических категорий;
- 4) экспрессивность и метафоричность в семантике.

Остальные признаки – раздельнооформленность, наличие двух и более ударений, контекстуальная обусловленность употребления, полная (или частичная) невозможность пословного перевода на другие языки и т.д. – менее существенны. Следовательно, выявление основных, а также дополнительных признаков дает возможность определить фразеологизм как такое семантически неразложимое словосочетание, которому свойственны постоянство особого целостного значения, компонентного состава, грамматических категорий и экспрессии.

Многие отечественные лингвисты по-разному определяют фразеологическую единицу, называя ее фразеологизмом, устойчивым словосочетанием, фразеологическим оборотом, фраземой и т.д.

В.П. Жуков рассматривает фразеологизм как устойчивую и воспроизводимую раздельнооформленную единицу языка, состоящую из компонентов, наделенную целостным (или реже частично целостным) значением и сочетающуюся с другими словами. Он отмечает, что фразеологизм начинается там, где заканчивается семантическая реализация его компонентов [3, 110].

Н.М. Шанский считает, что фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде единица из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре [7, 78].

Существует много других определений фразеологической единицы, и все они сходны в том, что признают ФЕ устойчивым образованием, хотя устойчивость ФЕ понимается по-разному.

А.В. Кунин различает следующие виды устойчивости ФЕ:

устойчивость употребления, т.е. тот факт, что фразеологизм является единицей языка, а не индивидуальным образованием. Показателем этого типа микроустойчивости является воспроизведение в готовом виде;

структурно-семантическая устойчивость, т.е. ФЕ состоит не менее чем из двух слов, является раздельнооформленным образованием и не обладает типовым значением, т.е. не может служить образцом для создания аналогичных ФЕ по структурно-семантической модели;

семантическая устойчивость проявляется в том, что при всех нормативных и окказиональных структурных и лексических изменениях ФЕ, во всех ее вариантах имеется какой-то семантический и лексический инвариант;

лексическая устойчивость, т.е. полная неподменяемость компонентов или возможность нормативной замены компонентов только в рамках фразеологической вариантности;

синтаксическая устойчивость, т.е. полная неизменяемость порядка компонентов ФЕ или изменяемость порядка компонентов в рамках вариантности [4, 564].

А.В. Кунин делает вывод, что устойчивость ФЕ – это объем свойственных ей различных типов микроустойчивости. Соответственно он определяет ФЕ как устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением. Это определение ФЕ принято многими лингвистами как рабочее и используется ими как отправная точка в разработке теории фразеологии [4, 603].

А.И. Алехина считает, что ориентация на такое определение дает возможность избежать противоречивости понимания самого объекта фразеологии, а внимание исследователя сосредоточить на глубоком изучении природы фразеологической семантики в ее различных проявлениях, т.е. применительно к разновидностям ФЕ. В

теоретическом плане комплексное понимание устойчивости, разработанное А.В. Куниным, может быть общим принципом исследования [1, 140].

Существуют различные классификации ФЕ в зависимости от того, какой принцип лежит в их основе.

Различная степень лексической неделимости ФЕ, а следовательно, неодинаковый характер их немотивированности позволили академику В.В. Виноградову выделить три основных типа: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [2, 147].

Фразеологические сращения – это такие лексически неделимые обороты, обобщенно-целостное значение которых не определяется значением составляющих его компонентов. Их семантика ничем не мотивирована с точки зрения современной лексики.

Фразеологические единства – это такие лексически неделимые обороты, общее значение которых потенциально эквивалентно словам и может быть частично мотивировано семантикой составляющих компонентов. Образность таких фразеологических единств может быть частично восстановлена и мотивирована, и этим они отличаются от сращений, образность которых является уже немотивированной.

Фразеологические сочетания – это такие устойчивые, несвободные обороты, общее значение которых мотивировано семантикой составляющих компонентов. Эти ФЕ отличаются от сращений и единств прежде всего тем, что в их составе имеются слова, обладающие несвободным, фразеологически связанным значением, которое реализуется только в условиях определенного лексического окружения.

Ознакомившись с некоторыми существующими в современном языке классификациями ФЕ, можно сказать, что проблема классификации ФЕ не решена полностью, несмотря на то, что в этом направлении сделано немало.

Литература

1. Алехина А.И. Фразеологическая единица и слово: К исследованию фразеологической системы. Минск: Изд-во БГУ им. В.И.Ленина, 1979. 152 с.
2. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977. 162 с.

3. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 158 с.
4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь Предисловие. М.: Русский язык, 1974. 944 с.
5. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1983. 336 с.
6. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура // Вопросы языкознания. 1996, № 1. 176 с.
7. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 188 с.

© Г.З. Батырова, 2014

Д. М. Безрукова
БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Обучение научной коммуникации как необходимый элемент приобретения межкультурной компетентности

В настоящее время ни один народ не может существовать в изоляции, что ведет к готовности воспринимать опыт других культур и делиться собственным культурным опытом. Это обращение к опыту других народов получило название «диалог культур» или «межкультурная коммуникация». Само понятие было введено Г. Трейгером и Э. Холлом в 1954 году, рассматривавшими ее как идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру. С тех пор это явление получило широкую теоретическую разработку, были выявлены наиболее характерные черты, формы, контексты и уровни.

Под межкультурной коммуникацией, как правило, понимают «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [1, 26], «общение людей, представляющих разные культуры» [2, 14], «процесс совместной выработки единого, скорее всего нового для всех участников акта общения, значения всех воспроизводимых и воспринимаемых действий и их мотивов» [4, 27]. В основе этих определений присутствует идея взаимопонимания как необходимого условия успешности коммуникативной деятельности. Предметом межкультурной коммуникации является коммуникация представителей раз-

личных культур, то есть частный случай межличностной коммуникации. Исследуются системы кодировки, нормы, формы поведения, субъективно-эмоциональные ощущения. Межкультурное взаимодействие существует не только на уровне государств, но и этнических групп, профессий, компаний, научных и образовательных учреждений, в результате которого создаются, сохраняются и накапливаются ценности, нормы, знания, происходит взаимное обогащение разных культур, поэтому открытость внешним влияниям, диалог — важные условия успешного развития любой культуры.

Межкультурная коммуникация на всех уровнях имеет свои цели и, в зависимости от того, достигнуты они или нет, может быть эффективной или неэффективной. Отсюда вытекает понятие «межкультурная компетентность», которой можно овладеть через специфические знания и общие знания. Исследователи выделяют два аспекта межкультурной компетентности - как способность: сформировать чужую культурную идентичность, а именно знание языка, ценностей, норм, стандартов поведения; и достигать успешной коммуникации при недостаточном знании основных элементов культуры своих партнеров, что встречается гораздо чаще. Также выделяются составные элементы межкультурной компетентности: аффективные (эмпатия и толерантность, лежащие в основе эффективного взаимодействия); когнитивные (специфические знания об иной культуре для адекватного понимания коммуникативного поведения ее представителей, предотвращения непонимания и коррекции своего коммуникативного поведения); и процессуальные (различные стратегии, позволяющие успешно осуществлять коммуникацию и пополнять знания о культурных особенностях партнера). Как показывает накопленный мировой опыт интеграция, а именно сохранение собственной культурной идентичности при овладении культурой других народов, является наиболее успешной стратегией достижения высокой межкультурной компетентности.

В последние годы в европейских странах принято говорить о транснациональной компетентности — уровне языковой и общей культуры, превосходящей национальные рамки, при которой значение приобретает понимание, а не только коммуникация. Соответственно, изучение иностранного языка становится не только способом успешного взаимодействия на работе и в быту, но и средством для понимания своей социальной идентичности. Европейские ученые

подчеркивают, что изучение европейских языков должно приводить от прагматических задач к пониманию менталитетов и культур [6, 10-11].

Интеллектуальные (в противоположность прагматическим, инструментальным) эффекты межкультурной коммуникации (формируемой не в последнюю очередь языковым обучением) профессор Байрам видит следующими: аналитическая компетенция (понимание верований, ценностей, практик, парадоксов другой культуры и общества), эмоциональная компетенция (транснациональная межкультурная эмпатия), креативная компетенция (транснациональный синтез), поведенческая компетенция (не только владение языком, но и свободное использование межкультурных невербальных кодов, способность к избеганию коммуникативного непонимания, поддержания личностных отношений).

Одной из важных сфер межкультурной коммуникации является научная коммуникация, которая необходима для эффективного представления достижений российских ученых на мировом уровне в эпоху глобализации, с одной стороны, и отражении мощной объединяющей силы науки, формирующей человеческое общество, с другой стороны. Современный мир характеризуется межкультурной научной интернационализацией. Этот процесс проявляется, в частности, в широком распространении международных научных ассоциаций, проведении единой политики в области науки и образования, совместных научных и образовательных проектах, системе международных научных грантов. Эти процессы невозможны без межкультурных контактов и межкультурной научной коммуникации.

Опыт преподавания английского языка в высших учебных заведениях показывает, что незнание базовых элементов ментально-лингвального комплекса англоязычной культуры и науки, основ научного речевого общения приводит к трудностям и замедляет интеграцию российских ученых в мировое научное пространство, что обуславливает практическую необходимость изменения обучения научной коммуникации.

Поводом для написания этой работы стала статья Т.Н. Хомутовой «Научная коммуникация: межкультурный аспект». В ней отмечается, что для современного этапа развития лингвистики характерна коммуникативно когнитивная парадигма, в рамках которой успешно развивается и коммуникативно-деятельностное направление, которое

представляет коммуникативную деятельность как ролевое исполнение речевой деятельности, при этом последняя осуществляется индивидом для того, чтобы путем знакового управления деятельностью адресата способствовать успешности деятельности отправителя сообщения [5, 143].

Согласно теории Е.В. Сидорова, базирующейся на коммуникативной концепции Р. Якобсона, в отдельном акте речевой коммуникации выделяются три основных компонента: а) первичная коммуникативная деятельность (коммуникативная деятельность отправителя сообщения); б) текст (речевое произведение); в) вторичная коммуникативная деятельность (коммуникативная деятельность адресата). Кроме указанных основных компонентов в состав акта речевой коммуникации входит системный контекст в виде неречевых деятельностей автора и адресата сообщения, условий коммуникации и референтной ситуации [3, 132].

В статье указывается, что центральным звеном акта речевой коммуникации в коммуникативно-деятельностной парадигме является текст как предметно-знаковая модель сопряженных коммуникативных деятельностей общающихся. Коммуникативная деятельность, в свою очередь, вырастает из неречевой деятельности как отдельной формы жизнедеятельности индивида и является ее необходимым продолжением или предшествованием [5, 144].

Наука, безусловно, неотделима от культуры, к ней применяются общие положения и принципы, в первую очередь, это касается определения научной коммуникации, монокультурной и межкультурной, а также понятий системы и структуры самого акта научной коммуникации. Под межкультурной научной коммуникацией понимается общение представителей разных культур, являющихся специалистами в одной научной области, на темы, представляющие профессиональный интерес, осуществляемое на языке межкультурного общения, который для одного или для всех коммуникантов является неродным. Модель акта научной коммуникации представляет, на наш взгляд, одну из вариантных реализаций общей модели речевой коммуникации, описанной выше, при этом первичная и вторичная коммуникативные деятельности репрезентируют научную деятельность коммуникантов [5, 145-146].

Межкультурная научная коммуникация может осложняться национальными особенностями автора и адресата, как первичной и вто-

ричной или двух вторичных языковых личностей, представителей разных культур и языков, и самим текстом, как объектом и продуктом коммуникации. В настоящее время возможны три варианта ее реализации [5, 150], о чем свидетельствуют данные об авторстве в научных журналах, материалах научных конференций и симпозиумов и других научных публикациях. Об этом также свидетельствует интерес к исследованию взаимодействия носителей разных языков и культур, имеющих различный уровень иноязычной коммуникативной компетенции.

Далее в статье Т.Н. Хомутовой рассматриваются особенности межкультурной научной коммуникации, анализируется научный текст и факторы, препятствующие успешному восприятию и пониманию научных текстов и даются рекомендации для преодоления противоречий, затрудняющих интеграцию национальной науки в глобальное научное пространство:

- 1) повышение требований к научным работникам в плане обязательного знакомства с последними достижениями зарубежной науки; включать в рабочие программы всех дисциплин зарубежные источники в больших количествах; активизировать участие научных работников в международных мероприятиях и публикациях в зарубежных изданиях;

- 2) разработать и включить в учебные планы подготовки студентов следующие дисциплины: анализ научного текста и дискурса, теорию научных жанров, культуру английской научной речи и профессионального общения с использованием достижений отечественной и зарубежной лингвистики и лингводидактики.

Автору данной статьи представляется, что в условиях современных подходов к обучению студентов, магистрантов и аспирантов английскому языку данные рекомендации имеют важное значение с практической точки зрения и для их осуществления необходимо пересмотреть всю систему подготовки научных кадров с самого первого дня их пребывания в стенах вуза. Элементы межкультурной научной коммуникации должны быть включены в учебные программы уже на первом курсе, обучающихся нужно поощрять к поиску информации на английском языке, ее анализу и переосмыслению; чтению текстов по выбранной отрасли знания, начиная с начального уровня; созданию презентаций, сообщений и докладов сначала для своих однокурсников, потом в стенах своего вуза, на межвузовском

уровне и т.д. Без соответствующих коммуникативных компетенций такая работа невозможна, таким образом, потребность в их формировании, развитии и совершенствовании непосредственно связана с осуществлением государственной языковой политики и языкового планирования.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
2. Елизарова, Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. - СПб.: КАРО, 2005. - 352 с.
3. Сидоров, Е. В. Онтология дискурса / Е. В. Сидоров. - М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.
4. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для вузов / С.Г. Тер-Минасова. – Изд. 2-е, дораб. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 350 с.
5. Хомутова, Т.Н. Научная коммуникация: межкультурный аспект / Т.Н. Хомутова // Вестник ЧелГУ. Серия «Филология. Искусствоведение». – Вып. 24 - Челябинск: 2008. – 180 с.
6. M. Byram. Instrumental and educational dimensions of intercultural communication// Стилистика и теория языковой коммуникации. Тезисы докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И. Р. Гальперина. – М.:, 2005.

© Д.М.Безрукова, 2014

К.И. Белоусов
ПГНИУ, Пермь, Россия
Д.А. Ичкинеева
БашГУ, Уфа, Россия

Тематическое пространство текста и его анализ: экспериментальный подход¹

Во многих работах, посвященных исследованию текста, используется понятие текстового пространства [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. При этом существуют различные подходы к пониманию пространства текста, которое может быть интерпретировано по-разному в зависи-

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-34-01087).

мости от того, какой именно аспект пространственного осознания находится в центре внимания.

В данной работе осуществляется моделирование семантического пространства текста в плоскости такой его разновидности, как тематическое пространство текста при сопоставлении возможностей экспериментальной лингвистики в двух экспериментальных ситуациях: обычного эксперимента и эксперимента с применением сетевых информационных технологий. Отдельно анализировались возможности тематического анализа текста в двух экспериментальных ситуациях.

1. Перед информантами ставились следующие задачи:

1) прочитать текст, определить его тему; 2) выделить микротемы текста и назвать их; 3) к каждой микротеме выписать слова, представляющие ее в тексте. Количество групп и слов в группах полагалось произвольным.

В качестве материала использовались тексты художественной литературы (Л. Андреева, И. Бунина, А. Гайдара, Н. Гнедича, Л. Енгибаряна, М. Зощенко, В. Катаева, Ф. Кривина, А. Куприна, М. Пришвина, И. Тургенева) объёмом от 14 до 1670 словоформ. Общее количество испытуемых превысило 1 тыс. человек.

2. Проведение эксперимента по тематическому анализу текста непосредственно в ИС “Семограф”.

Эксперимент, осуществляющихся с применением информационных технологий и созданных на их основе программных средств, дает исследователю многочисленные преимущества, в частности, а) отсутствие необходимости перевода в электронную форму результатов экспериментов (анкет); б) отсутствие ограничений по размеру текста (Ии. может выполнять задания удаленно по сети в удобное для него время); в) фиксацию всех действий Ии. (в том числе, ошибок в работе, проявляющихся в виде удаленного материала); г) привязку всех действий к временным координатам; д) широкое использование метаданных (дополнительных данных, характеризующих Ии., экспериментальную ситуацию, стимульный материал и др.) для автоматической генерации выборок по интересующим значениям метаданных; е) возможностями представления и обработки данных, обращение к средствам научной визуализации и моделирования.

В ходе исследования, проведенного в разных экспериментальных ситуациях: обычного психолингвистического эксперимента и

эксперимента в рамках сетевой науки были установлены основные различия между получаемыми результатами в тематическом анализе. Так, в частности, было установлено, что Ии. в рамках сетевой науки приписывают к микротемам почти в два раза больше слов, чем в ситуации, когда в рамках задания они должны выписывать слова из текста. Было установлено, что данный базовый параметр почти не подвергается изменениям в условиях смены экспериментальной ситуации; кроме того, границы выделения аналитиков / синтетиков также остаются одинаковыми. В то же время само распределение частоты количества выделяемых микротем в ситуации сетевой науки характеризуется меньшими случайными “всплесками” по отдельным значениям.

Полученные в ходе исследования результаты описывают два “объекта”: текст и деятельность Ии. над текстом.

В результате эксперимента были выделены следующие параметры тематического анализа текста, важные для Ии.:

- Количество микротем в реакции реципиента является свидетельством того, на какое количество частей информант членит смысловое пространство текста. Параметр является показателем аналитического / синтетического стиля.

- Среднее количество слов в микротеме отражает размер смысловых блоков, на которые информант членит текст.

- Общее количество слов, выделенных во всех микротемах, репрезентирует ту часть семантической массы текста (термин Ю.А. Сорокина), которая задействована в его членении.

Данные параметры взаимосвязаны, и, следовательно, можно предположить, что в их организации существуют некоторые закономерности:

- 1) распределения общего количества слов, выделенных во всех микротемах относительно размера текста;

- 2) распределения количества микротем, выделяемых Ии., относительно размера текста;

- 3) распределения количества микротем, выделяемых Ии., относительно среднего количества слов в микротеме.

В результате решения поставленных задач было установлено, что с возрастанием размера текста уменьшаются показатели доли слов, участвующих в его дискретизации.

Несмотря на наличие некоторой тенденции к увеличению количества микротем относительно размера текста, подобная зависимость не является очевидной.

Подобное распределение среднего количества микротем в текстах разного объема подтверждает мысль о наличии определенного порога в членении семантического пространства текста, что свидетельствует о том, что в процессе восприятия текста испытуемым такой параметр физического пространства текста, как размер может быть нерелевантным.

При анализе выделенных параметров представляется значимым рассмотрение зависимости количества микротем от среднего количества слов в микротеме, так как данные параметры выявляют корреляцию между количеством и размером частей, на которое производится членение тематического пространства текста. Было установлено, что чем больше информант выделяет микротем, тем меньше слов их репрезентирует, следовательно, чем больше количество частей, на которое дискретизируется текст в процессе тематического анализа, тем эти части меньше.

Первичные данные, полученные в результате эксперимента, позволили установить меру семантической связности единиц текста (в нашем случае, – лексем текста).

Анализ распределения связей слов в тексте позволяет сделать следующие выводы:

1) 6% всех связей составляют контактные связи, что свидетельствует об опоре на ближайший контекст при разборе контента только в 6% случаев;

2) распределение дистантных связей имеет нелинейный характер;

3) на половину всех дистантных связей приходится резкое убывание, на остальные 50% – приблизительно однородное распределение, то есть, чем дистантнее связь, тем меньше вероятность её возникновения. Данные связи появляются при выделении «сквозных» микротем («сквозные» микротемы являются показателем способности информанта выделять одно поле из другого поля (в нашем случае микротемы из семантического пространства текста), т.е. показателем полезависимости / полenezависимости);

4) сквозные микротемы, рассредоточенные по всему текстовому пространству и выявляемые только на уровне целого, составляют 50% от общего количества всех выделенных микротем;

5) отсутствие закономерности в распределении связей, характерных для «сквозных» микротем, свидетельствует о нерелевантности для них параметра «расстояния между словами». Данный тип связей пронизывает все пространство текста, связывает между собой отдельные его фрагменты, и, в конечном счете, «ощельняет» последовательность слов.

Еще одним показателем когнитивной деятельности Ии. является глубина членения семантического пространства текста. Глубина членения - показатель реконструируемой модели семантического пространства текста, созданного в реакции Ии. и может рассматриваться как один из показателей когнитивной сложности / простоты аналитической деятельности.

Также было установлено, что в процессе осуществления тематического анализа у информантов-нефилологов (эксперимент проводится в режиме “эксперимента с научением”, т.е. Ии. демонстрируется типичный ход работы над одним текстом) доминируют “локальные” микротемы, локализующиеся в пределах одного ССЦ. “Сквозные” микротемы, связывающие тематическое пространство текста в единое целое, выделяются настолько редко, что семантический граф, построенный на основе сгенерированной семантической карты по частотному признаку, “распадается” на несколько не связанных друг с другом составляющих. Таким образом, даже подготовленные Ии.-нефилологи испытывают сложности с выделением одного семантического поля из общего семантического контекста и ориентируются на ближайшее семантическое окружение слов (одно или несколько следующих друг за другом предложений).

Проведение эксперимента с применением сетевых технологий предполагает расширение инструментария модельного сопоставления полученных в ходе экспериментов данных, который включает: построение семантических карт текстов и семантических графов; кластеризацию внесенных в ИС данных. В качестве материала моделирования когнитивной деятельности информантов были взяты результаты экспериментальных данных по тематическому картированию текстов, внесенные в БД ИС Семограф. Параметрами наблюдения для тематического анализа послужили: количество микротем, слов в микротеме, выделяемые Ии.; расположение выделенных слов в тесте (протяженность микротемы - локальная / сквозная); лексика формулировок микротем в сопоставлении со словарем текста (кон-

текстная зависимость / независимость). Для контент-анализа параметрами наблюдения послужили: время, требуемое Ии. для идентификации смысла в текстовом фрагменте, и категории (из списка категорий, описывающих предметную область); количество категорий, приписываемых экспертом к каждому тексту; размер текста; порядок приписывания категорий к тексту. Временная последовательность интервалов, затрачиваемых экспертами для анализа каждого текста (выбор категорий из списка и приписывание их к тексту) позволил воспользоваться инструментарием прогнозирования (первоначально апробированном на материале экспертного анализа развития предметной области научного коллектива и научного журнала).

В силу того, что эксперимент по тематическому анализу текста проводится в информационной системе и процесс самой деятельности Ии. связан с приписыванием (разметкой) индексированного текста к той ли иной предварительно сформулированной микротеме, то отсутствует отдельный пласт материала, который позволил бы описать употребительность морфолого-синтаксических категорий и структур. Весь продуцируемый Ии. материал состоит из формулировок микротем, которые исследовались отдельно для определения контекстно-зависимых и контекстно-независимых Ии. Формулировка микротемы представляет словесно выраженную «формулу», положенную в основу выделения микротемы (т.е. рассмотрение «сверху вниз»), а также она обозначает принцип объединения слов, помещенных в одну классификационную ячейку (микротему) (рассмотрение «снизу вверх»). Таким образом, формулировка микротемы, с одной стороны, должна отражать некоторую часть компрессированного содержания текста, а с другой, – представлять гиперсему для входящих в нее значений слов.

Анализ полученных данных осуществлялся в ИС «Семограф», а также в среде R и в статистическом пакете Statistica 8.0.

Полученные данные пока не подтверждают наличие зависимости между размером текста и временем, затрачиваемым на его анализ. Распределение временных интервалов не привязано к размеру текста: например, 10 сек. может быть потрачено на выделение категории в текстах размером 50 и 450 слов. Протяженные тексты анализируются «по фрагментам», хотя та же стратегия анализа «по фрагментам» может использоваться и для текстов меньшей длины. Именно этим обусловлено отсутствие разрывов во временных интервалах,

относящихся к выделению категорий к протяженным и к небольшим текстам.

Таким образом, для тематического анализа основными проблемами являются игнорирование Ии. цельности текста, сосредоточенность лишь на анализе фрагментов. Решение данной проблемы связано с объяснением роли цельности текста в структурировании тематического пространства и понимания его содержания. На практике следует обращать внимание на выделение сквозных микротем, репрезентированных во всем протяженном текстовом пространстве как на уровне микротематической группы (той семантики, которая объединяет отдельные слова текста в микротему), так и на уровне повторов (соответственно, требуется отдельное обучение выделению лексических повторов разных видов). Полагаем, что предлагаемое решение окажет положительное влияние и на вторую обнаруженную проблему тематического анализа - игнорирование Ии. обобщений при формулировках микротем, невключение пространства анализа текста в более широкие научные контексты (в частности, ограничение исследовательского словаря словарем анализируемого текста).

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 2-е изд. – М.: Флинта ; Наука, 2004. – 496 с.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234-407.
3. Белоусов, К. И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста: монография / К. И. Белоусов. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 216 с.
4. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика: в 2 т. – М.: СпортАкадем Пресс, 2001. – Т. 1. – С. 72-81.
5. Лотман, Ю. М. Семиотика пространства / Ю. М. Лотман // Избранные статьи / под ред. Т.Д. Кузовкина. – Таллинн: Александра, 1992 – С. 385-406.
6. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка в соотношении естественных и искусственных языков / В. В. Налимов. – М.: Наука, 1979. – 304 с.
7. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
8. Топоров, В. Н. Пространство и текста / В. Н. Топоров / Текст: семантика и структура // М.: Наука, 1983. – С. 227-284.

© К.И. Белоусов, Д.А. Ичкинеева, 2014

Проблема мотивации рода имён собственных в немецком языке

В научной литературе неоднократно отмечалось, что имена собственные как номинативный разряд лексики имеют особенности не только в семантике и употреблении, но весьма существенно отличаются от имён нарицательных благодаря специфическим закономерностям функционирования на всех уровнях и подуровнях языковой системы [2, 12-13; 3, 7-9; 4, 59-73]. Имена собственные представляют значительный интерес для исследователя, поскольку могут дать ему такую информацию, какую он не в состоянии получить от любого другого явления языка [5, 115].

В настоящей статье мы ставим перед собой задачу исследовать мотивацию грамматической категории рода у собственных имён в немецком языке. Данная проблема представляет интерес не только в теоретическом плане, но и в практическом при обучении немецкому языку.

Дискуссия между представителями различных школ и направлений языкознания по поводу мотивации грамматической категории рода, начавшаяся после того, как Протагор распределил имена существительные древнегреческого языка по трём родам (мужскому, женскому и «роду вещей»), продолжается и по сей день. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим лишь, что между полярными точками зрения Э. Сепира, видевшего в категориях языка «систему пережившей себя догмы», и А.М. Пешковского, считавшего, что грамматический род символизирует «реальные половые различия», можно расположить многочисленные точки зрения других лингвистов, каждая из которых хотя и не совпадает полностью с другими, всё же примыкает к одному из двух противоборствующих направлений: одно из них в принципе признаёт экстралингвистическую мотивацию грамматического рода, а другое – в принципе её отрицает [1, 14].

Мы можем говорить о немотивированности рода немецких существительных *die Gabel* ‘вилка’, *der Löffel* ‘ложка’, *das Messer* ‘нож’ потому, что не обнаруживаем никаких связей между их родовой отнесённостью и предметным значением, с одной стороны, и предметными значениями данных существительных и качественными харак-

теристиками обозначаемых ими предметов, с другой. Однако мы обнаруживаем определённую связь между родовой отнесённостью существительных *der Mann* ‘мужчина’ и *die Frau* ‘женщина’ и их предметным значением, а также связь между последним и определённым качественным различием между лицами мужского и женского пола. В данном случае мы имеем основания говорить о мотивированности рода указанных существительных. Семантический критерий распределения имён существительных по родам в немецком языке имеет место и в других случаях, например, слова, обозначающие фрукты относятся к женскому роду (*die Ananas, die Banane, die Birne* ‘груша’, *die Kiwi, die Mango*), а слова, обозначающие алкогольные напитки – к мужскому роду (*der Kognak, der Sekt, der Whisky, der Wodka*). Но есть и исключения: муж. р. – *der Apfel* ‘яблоко’, *der Pfirsich* ‘персик’; ср. р. – *das Bier* ‘пиво’. Этот критерий действует при определении грамматического рода у слов, называющих человека и животных. Однако имеются случаи нарушения референтной соотнесённости между грамматическим родом и биологическим полом (слова *das Weib* ‘женщина’, *das Mädchen* ‘девочка’ – среднего рода).

Род германских двутематических личных имён был строго мотивирован полом лица, что обуславливало соответствующий выбор второго компонента сложного имени. Представляющие собой апеллятивы женского рода древневерхненемецкие антропонимические элементы *-hilt* ‘борьба’, *-borg/-burg* ‘защита’, *-heid* ‘существо женского пола’ использовались только для образования женских имён. В мужских именах фигурировали исключительно компоненты мужского рода, например, *-frid* ‘мир’, *-hraban* ‘ворон’ или *-gēr* ‘копьё’. Апеллятивы среднего рода не были востребованы в качестве вторых компонентов композитных имён. Однако на месте первого компонента использовались слова любого рода не зависимо от пола лица, так как род первого компонента не влияет на род сложного слова [7, 122]. Продуктивность комбинаторного построения имён со временем ослабевает. Всё чаще появляются монотематические имена и краткие формы. Это нарушает определённым образом целостность антропонимической системы, делает её непрозрачной в плане различения полов по личным именам. Чтобы как-то устранить этот недостаток, краткие формы стали получать специфические финали. Для женских имён добавлялись *-a* и *-e*, для мужских имён *-o*, например, *Adel-a* (от *Adelheid*), *Bert-o* (от полных имён на *Bert-*). К полным формам имён

также могли добавляться эти финали, *Krimhild-e*, *Kunigund-e*. Оппозиция грамматического рода выражается у личных имён противопоставлением родовых маркеров, а ранее выработанный принцип родовой дифференциации по второму компоненту отошёл на задний план. Сейчас уже невозможно разложить на составные компоненты многие германские звательные имена. В тех же случаях, когда это возможно сделать, безусловно, возникают трудности с определением рода второго компонента. В современном немецком языке родовая классификация личных имён по их второму компоненту утратила своё значение. Денотативная отнесённость к соответствующему полу выражена формально с помощью определённых финалей, суффиксов, например, на женский род указывает в именах суффикс *-ine* (*Adolfine*, *Bernhardine*). Часто род выражен конвенционально, т. е. необходимо просто знать, что, например, имя *Doris* – женского рода, а имя *Boris* – мужского рода.

Д. Нюблинг отмечает просодико-фонологическую структуру имени как существенный фактор их родовой дифференциации. Он выражается в том, что мужские имена, в отличие от женских, имеют в своём составе обычно больше согласных или чаще оканчиваются на них, они имеют меньше слогов и, как правило, несут ударение на первом слоге. Женские же имена содержат в целом больше гласных и больше слогов и реже несут ударение на первом слоге [6, 226]. Здесь важно подчеркнуть, что речь идёт о первичных индикаторах пола, за которыми следует родовая отнесённость, выражаемая сопроводителями имени существительного, артиклем, именем прилагательным. Сами по себе компоненты антропонимической системы давно утратили способность самостоятельно выражать грамматический род. Факты говорят о том, что при отсутствии морфологического критерия родовой отнесённости антропонимов в силу вступает семантический критерий. У антропонимов, род которых мотивирован полом лица, исключение представляют уменьшительные формы личных имён, отнесённость которых к среднему роду основана на чисто грамматическом принципе, (*das Hänschen*, *das Mariechen*). У фамильных имён проявляется одна и та же тенденция, а именно привести род в соответствие с полом лица. Даже фамилии, оканчивающиеся на мужские форманты *-mann*, *-er*, мотивированы конкретной референтной соотносённостью с полом лица: *die* (Frau) *Baumann/Meier* – *der* (Herr) *Baumann/Meier*. Намечавшаяся в период становления немецких

фамилий мовация женских прозвищ от мужских не выдержала испытания временем и не привела к образованию женских фамилий как самостоятельного компонента, выступающего с личным именем для комплексного обозначения биологического пола личности, как это имеет место в других языках – русском, чешском, польском, литовском и латышском. Однако в немецких диалектах мовация женских фамилий сохранилась до сих пор и служит, большей частью, стилистическим средством выражения уничижительности, презрительного или неодобрительного отношения говорящего к носительнице данного имени [2, 147-148].

Тенденция к семантической или прагматико-референциальной мотивированности рода характерна и для других разрядов онимов. Если в древневерхненемецкую эпоху встречались названия городов всех родов, то в ранневерхненемецкий период названия городов относились преимущественно к женскому роду, ср. *die Rom* > *das Rom* (des Mittelalters), *die* > *das Zürich*, *die* > *das Athen*. В современном немецком языке названия городов исключительно среднего рода. Действующий ранее принцип определения рода у сложных топонимов по их второму компоненту давно устарел, ср. апеллятив мужского рода *der Berg* ‘гора’ и топоним ср. р. *das (alte)Heidelberg*, ж. р. *die Burg* ‘крепость’, но ср. р. *das Freiburg*, ж. р. *die Stadt* ‘город’, но топоним ср. р. *das Neustadt*. Причины, по которым происходило изменение рода у топонимов, не известны. Различие в роде, видимо, можно объяснить стремлением к устранению омонимии однозвучных апеллятивов и онимов.

К женскому роду принадлежат названия пустынь, кораблей, мотоциклов и самолётов (*die Sahara*, *die Namib*, *die Gobi*; *die Deutschland*, *die Titanic*; *die BMW*, *die Kawasaki*, *die Honda*; *die Boeing*, *die Junkers*, *die Henkel*, *die Messerschmitt*). К мужскому роду принадлежат марки автомобилей (*der Golf*, *der Tiguan*, *der Mercedes*). Названия отелей и ресторанов – среднего рода (*das Steigenberger*, *das Ibis*). К среднему роду относятся также названия стран, если они не имеют при себе постоянного артикля.

Суть этого принципа можно показать на одном и том же имени, принадлежащему разным категориям объектов. Ср.: *die Continental* (корабль, мотоцикл, самолёт) vs. *der Continental* (автомобиль) vs. *das Continental* (отель, ресторан). Семантическая мотивированность грамматического рода собственных имён исторически не была посто-

янной. Теперь у многих онимов род больше не обуславливается соответствующим родом апеллятива, лежащего в основе собственного имени. Трудно ответить на вопрос, почему марки автомобилей мужского рода, а названия населённых пунктов среднего рода. Какие принципы определяют в данном случае выбор рода собственных имён? Следует отметить, что из класса топонимов оронимы и гидронимы чётко не следуют принципу семантической мотивированности рода, ср. *der Harz, die Eifel; der Neckar, die Donau*. Однако у прозрачных по происхождению топонимов род соответствует роду географического термина: *das Matterhorn (das Horn 'гор')*, *die Zugspitze (die Spitze 'вершина')*, *der Feldberg (der Berg 'гора')*, *der Ladogasee (der See 'озеро')*.

Таким образом, в разряде собственных имён у личных имён наблюдается тенденция к семантическому определению рода, у фамильных онимов, топонимов и эргонимов ярко выражен прагматический принцип в определении рода.

Литература

1. Аксёнов А. Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // Вопросы языкознания. – 1984. № 1. – С. 14-25.
2. Антышев А.Н. Имена. Немецкие антропонимы. - Уфа: БГАУ, 2001. - 239 с.
3. Мурясов Р.З. Имя собственное в немецком языке. - Уфа: БГУ, 1983. – 76 с.
4. Нухов С. Ж. О словообразовательной активности ономастических основ (на примере окказиональных образований английского языка) // Germanica. Slavica. Turkica. К 60-летию профессора Рахима Закиевича Мурясова. Сборник научных статей. – Уфа: БГУ, 2000. – С. 59-73.
5. Смолицкая Г. П. Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка // Вопросы языкознания. – 1978. № 4. – С. 115-124.
6. Nübling D. Auf dem Weg zu Nicht-Flektierbaren: Die Deflexion der deutschen Eigennamen diachron und synchron // Rothstein, Björn (ed.): Nicht-flektierende Wortarten. Reihe Linguistik-Impulse und Tendenzen. Berlin/New York: de Greyter, 2012. S. 224-246.
7. Seibicke W. Die Personennamen im Deutschen. Berlin/New York: de Greyter, 1982. – 230 S.

© А.Н.Беляев, 2014

Замена компонента фразеологизма в художественном тексте как один из приемов структурно-семантической трансформации

Язык художественной литературы – это не только смешение стилей языка и речи, но и использование нестандартных слов и фразеологизмов. По словам В.Г. Гака, основой художественного творчества является нежесткость границ понятий, лежащих в основе языковых форм. Нежесткий, расплывчатый характер понятий, которыми оперирует человек, связан с особенностями его мышления так же, как и избирательность субъекта познания по отношению к объекту. [1, 16-29]. В художественном произведении ярко проявляются особенности мышления индивида – автора этого текста. Большую роль, позволяющую раскрыть индивидуальность мышления автора художественного текста, играют трансформированные фразеологические единицы. Под трансформацией фразеологизмов понимаем их семантические и структурно-семантические преобразования, которые связаны с индивидуально-авторским замыслом. По словам Е.Н. Ермаковой, появление разного рода языковых трансформаций обусловлено тем, что «быстрое и интенсивное развитие современного общества приводит к стремительному обновлению лексического и фразеологического состава русского языка» [2, 45].

Виктория Токарева в своих произведениях мягко и с юмором говорит о самых серьезных проблемах своего поколения. Язык ее произведений – яркий, насыщенный, рассчитан на восприятие массового читателя. По утверждению М.В. Прокоповой, «жанрово-стилистические особенности массовой ... литературы сегодня все чаще привлекают внимание лингвистов, так как языковые средства ... в очень большой степени характеризуют эффективность современной речевой коммуникации в целом» [4, 168]. Ученые отмечают, что «изучение языка массовой литературы позволяет судить об основных тенденциях речевой коммуникации рубежа XX - XXI веков, прогнозировать маршруты происходящих в языке изменений» [3, 272].

Анализ использования трансформированных единиц в языке произведений В.Токаревой показал, что одним из распространенных

является прием структурно-семантического преобразования фразеологизмов, среди которых самый частотный вид трансформации – замена одного из компонентов фразеологизма другим словом или словосочетанием.

Такой вид трансформации фразеологизмов давно находится в центре внимания лингвистов. Замену одного (или более) компонентов чаще всего ученые квалифицируют как «лексическую вариантность». В.П. Жуков дает следующее определение такому виду трансформации: это «... словесные видоизменения, происходящие в рамках одной и той же синтаксической конструкции и не вносящие каких-либо смысловых оттенков в содержание фразеологизма». Объяснение такого вида трансформации ученый связывает с одним из основных признаков фразеологизма – с раздельнооформленностью: «Каждый компонент в отдельности, наподобие слова внутри свободного словосочетания, потенциально может вступить в ассоциативные отношения без ущерба для смысла фразеологизма и без нарушения его структуры с другим компонентом» [6, 169]. И.Ю. Третьякова, наряду с лексическими вариантами общезыковых фразеологизмов, выделяет окказиональные варианты фразеологизмов. Существенным отличием лексических вариантов от окказиональных «является воспроизводимость первых и невозпроизводимость, относительная «одноразовость» вторых. [5, 68].

Примером функционирования трансформированных фразеологизмов в прозе В.Токаревой могут служить следующие микротексты: *Надо жить ради детей и **ставить их на крыло***. (Птица счастья). Трансформированный фразеологизм создан на базе узуального фразеологизма *ставить на ноги* со значением «помогать достигнуть самостоятельности, благополучия». Компоненты *ноги* и *крыло* воспринимаются как корреляты-синонимы. Образовавшийся вариант фразеологизма *ставить на крыло* сохраняет значение узуального фразеологизма, изменения касаются лишь коннотативной составляющей. В тексте произведения красной нитью прослеживается символ птицы как символ счастья. Соответственно, в основе трансформации лежит метафора – образное сравнение одного явления с другим на основе их общего признака – конечности как опоры.

Еще пример: *Жаль, что ее способности уходили на такую мелочь. Она ловила **рыбку в мутной жиже**, а могла бы выйти на морские просторы*. Это трансформация узуального фразеологизма *ло-*

вить рыбу в мутной воде. Оба фразеологизма (и узуальный, и трансформированный) имеют тождественное значение «извлекать выгоду, корыстно пользуясь чьими-либо затруднениями». Использование компонента *жижа* вместо компонента *вода* позволяет автору усилить коннотацию: *жижа* – это не просто вода, а вода грязная, неприятная. В данном контексте дается не просто негативная оценка героини, эта оценка усиливается за счет лексемы, имеющей негативную окраску, следовательно, экспрессия в трансформированном фразеологизме усиливается, усложняется.

Фразеологическое новаторство В.С. Токаревой способствует оживлению и обновлению значений узуальных фразеологических единиц. Фразеологизмы русского языка уже сами по себе эмоциональны, образны, но, используя различные приемы преобразования фразеологизмов, писатель достигает еще большей экспрессии, еще более высокой эмоциональности и образности. К причинам, вызывающим преобразования фразеологических единиц, следует отнести желание писателя обновить контексты, в некоторых случаях создать комический эффект, внести в содержание узуальных фразеологизмов эмоциональность, яркость, новизну.

Литература

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Язык русской культуры», 1998. – 768 с.
2. Ермакова Е.Н. Отфраземное словообразование и его отражение в современных словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2011. – №3 (33). – С.45-49.
3. Ермакова Е.Н., Прокопова М.В. Трансформация фразеологических единиц как языковая стратегия массовой литературы (на материале цикла Б.Акунина «Нефритовые четки») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – №3 – С. 271-281.
4. Прокопова М.В. Терминологические маркеры языка детективной прозы и их трансформация в художественном тексте. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – №5(23): в 2-х частях. Ч. II. – С.168-172.
5. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология. – Кострома, 2011. – 289 с.
6. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высш. шк., 1986. – 310 с.

© Н.А. Божко, 2014

Этимология фразеологических единиц с именами собственными

Фразеологические единицы с именем собственным в качестве одного из компонентов относятся к числу разделов фразеологии английского языка, не получивших достаточно полного освещения в научной литературе. Объяснение этому, вероятно, следует искать в том, что в структурном плане фразеологические единицы с именем собственным не отличаются от других типов устойчивых сочетаний: они строятся по тем же структурным моделям.

В самом деле, *to pass the Rubicon* – перейти Рубикон – структурно не отличается от *to break the ice* – сделать первый шаг. Тем не менее, факт наличия имени собственного в составе фразеологических единиц выделяет их в отдельную группу, требующую специального изучения в первую очередь с точки зрения этимологии и семантики [6].

Фразеология более тесно, чем любая другая часть словарного состава языка, связана с историей, традициями и литературой народа, говорящего на данном языке. Это ее свойство особенно ярко проявляется во фразеологических единицах, компонентом которых является имя собственное.

Многие из подобных фразеологических единиц связаны с фактами давно забытого прошлого. Например, *Hobson's choice* – вынужденный выбор. Либо они связаны с поверьями и легендами. Например, *Peeping Tom* – чересчур любопытный человек. Источниками других фразеологических единиц явились литературные произведения. Например, *to out Herod Herod* – переиродить самого ирода. В одних случаях этимологическая мотивация фразеологической единицы совершенно ясна, как например, в *Hamlet without the Prince of Denmark* – что-либо, лишенное самой своей сути. Однако значительно чаще мотивация имени собственного, а, следовательно, и всей фразеологической единицы, давно стёрлась и может быть восстановлена только путем этимологического анализа. Например, *to send somebody to Coventry* – бойкотировать кого-либо; *to have kissed the blarney stone* – быть льстецом и др.

Одним из основных вопросов изучения данной группы фразеологических единиц является этимология имени собственного, и, следовательно, всей фразеологической единицы, так как этимология фразеологической единицы и ее семантика непосредственно связаны с этимологией имени собственного и базируются на ней.

Нет никакого сомнения в том, что в диахронном плане все фразеологические единицы с именем собственным этимологически мотивированы, так как в момент их возникновения носители языка ясно осознавали связь между именем собственным и значением фразеологической единицы.

В синхронном плане большинство из них утратило свою мотивацию. Люди, говорящие на английском языке и употребляющие сегодня выражение *Hobson's choice*, имея в виду отсутствие какого бы то ни было выбора, не задумываются над тем или попросту не знают того, что *Hobson* – это фамилия владельца конюшни в Кембридже (XVI в.), отказывавшего своим клиентам в праве выбора лошадей.

Утрата мотивации в целом ряде случаев проявляется в том, что имя собственное воспринимается как нарицательное и пишется с маленькой буквы, например, *to have kissed the blarney stone*, где географическое название *Blarney* пишется с маленькой буквы.

Свою этимологическую мотивацию, как правило, сохранили те фразеологические единицы, в которых имя собственное связано с мифологией и которые пополнили фразеологический фонд многих языков, например: *Pyrrhic victory* – пиррова победа; *the sword of Damocles* – дамоклов меч и т.д. Следует отметить, что не всегда удастся восстановить мотивацию даже путем этимологического анализа [3].

В английских словарях нередко используется помета *o.o.* (*origin obscure* – этимология не установлена). В ряде случаев авторы фразеологических словарей по-разному интерпретируют этимологию одной и той же фразеологической единицы. Так, например, в работе Логана П. Смита выражение *to send somebody to Coventry* приводится с пометой *o.o.*, в то время как В. Коллинз приводит три возможных объяснения этимологии собственного имени в этой же фразеологической единице, ни одно из которых не является абсолютно достоверным.

Анализ этимологии имени собственного – компонента фразеологической единицы – выявляет следующие 5 групп фразеологических единиц:

I. Фразеологические единицы, в которых имя собственное связано с английскими (шотландскими, ирландскими) реалиями. Например, *Brummagen button* – фальшивая монета; *to accept the Chiltern hundreds* – слагать с себя полностью полномочия члена парламента и т.д.

II. Фразеологические единицы, в состав которых входят имена собственные, связанные с античной мифологией. Например: *a labour of Sisyphus* – сизифов труд; *Achilles' heel* – ахиллесова пята и др.

III. Фразеологические единицы, в состав которых входят библейские имена собственные. Например: *to raise Cain* – учинить скандал, поднять шум; *roog as Job (joub)* – нищий человек.

IV. Фразеологические единицы, заимствованные из других языков, главным образом из латыни и французского. Например: *Castles in Spain* – воздушные замки.

V. Фразеологические единицы, возникшие на американской почве и связанные с бытом, историей, литературой Соединенных штатов.

Следует оговориться, что четвертая группа малочисленна. Во многих случаях заимствованное имя собственное заменяется английским именем. Например: *Jack in the low cellar* – еще не родившийся ребенок (из голландского – *Hans-in-Kelder*). Иногда сам факт заимствования фразеологической единицы не является абсолютно достоверным. Так, Логан П. Смит считает, что наличие выражения *Castles in Spain* в английском и французском языках отнюдь не является достаточным основанием считать эту фразеологическую единицу заимствованием из французского языка. По его мнению, она могла самостоятельно возникнуть на британской почве. По-видимому, эта часть фразеологического фонда английского языка, именно благодаря наличию имени собственного, менее всего подвержена влиянию заимствований.

Наибольший интерес представляет первая группа – фразеологические единицы, в которых имя собственное связано с бытом, литературой и народным творчеством англичан.

В эту группу входят:

1. Фразеологические единицы, в которых имя собственное связано с историческими событиями, именами или фактами далёкого прошлого. Например: *From John O'Groat's to Land's End* – от севера до юга Англии, с одного конца страны до другого (*John O' Groat* вы-

ходец из Голландии, поселившийся у северной оконечности Шотландии при Иакове IV). According to Cocker “как по Коккеру” правильно, точно, по всем правилам (Коккер – автор английского учебника арифметики, широко распространённого в XVII веке). Rob Peter to рау Paul – поддерживать одно в ущерб другому; взять у одного, чтобы отдать другому; отдать одни долги, а влезть в другие (выражение восходит к старому обычаю духовенства передавать из богатых церквей разную церковную утварь бедным церквям). А в русском языке существует эквивалент данной фразеологической единицы, который звучит так: Со Спаса дерёт, да на Николу кладёт.

2. Фразеологические единицы, в которых имя собственное – географическое название. Они возникли по следующим ассоциациям: а) по нахождению в данной местности (Downing Street – правительство Великобритании); б) по характерному для данной местности признаку (Bath Chair – кресло на колесах для больных); в) по производственному признаку, связанному с данной местностью (Norfolk turkey – прозвище жителей графства Норфолк); г) по событию, имевшему место в данной местности (Donnybrook Fair – шумное сборище, базар). Не зная этимологии фразеологических единиц, трудно понять значение следующих выражений и дать правильный перевод. Например, Throgmor-ton Street: 1) лондонская фондовая биржа; 2) операции на лондонской фондовой бирже. The Borstal system – английская борсталская система (система тюремного заключения несовершеннолетних преступников на срок, зависящий от их поведения. Впервые применялась в тюрьме г. Борстал в Кенте). Scarborough warning: 1) предупреждение, сделанное за очень короткий срок; 2) расправа без суда, без предупреждения (предполагается, что выражение возникло в связи с частыми случаями расправы без суда над разбойниками в Скарборо в XVI веке).

3. Фразеологические единицы, в которых имя собственное связано с народными легендами, сказаниями, песнями, считалками, детскими играми и т.д. Например, Aunt Sally “тётка Салли” (название народной игры, заключающейся в том, чтобы с известного расстояния выбить битой глиняную трубку изо рта деревянной женской головы, поставленной на столб). Переносное значение этого – предмет нападок и оскорблений. Peeping Tom – чересчур любопытный человек (эта фразеологическая единица используется в легенде о леди Годиве, жене графа Мерсийского, заступившейся за жителей города

Ковентри, на которых граф наложил непосильный налог. Он сказал, что отменит налог, если леди Годива осмелится проехать обнаженной в полдень через весь город. Чтобы не смущать её, все жители закрыли ставни своих домов. Единственный, кто стал подсматривать в щелку, был портной Том, которого тут же поразила слепота).

4. Фразеологические единицы с именем собственным, взятым из литературных источников. Английская литература, так же как литература других народов, явилась одним из источников пополнения фразеологического фонда языка. Неудивительно, что многие фразеологические единицы, пришедшие в словарный состав из литературных произведений, имеют имена собственные в качестве одного из своих компонентов. В частности, в английском языке много фразеологических единиц, связанных с литературным наследием Шекспира. Это либо фразеологизмы, созданные Шекспиром, либо цитаты из его произведений. Например: Cordelia's gift – тихий, нежный женский голос (подобный голосу Корделии – героини трагедии Шекспира “Король Лир”). Hamlet with Hamlet left out – “Гамлет” без принца Датского (т.е. что-либо лишённое самого важного, основного, самой своей сути). Something is rotten in the state of Denmark – подгнило что-то в Датском королевстве. Переносное значение данного выражения: что-то неладно.

5. Фразеологические единицы, в состав которых входит одно из самых распространённых английских имён. Например: to astonish the Browns – бросить вызов общественному мнению. Brown, Jones and Robinson – простые, рядовые англичане (так как эти фамилии являются наиболее популярными в Англии). Сюда же можно отнести и то небольшое количество фразеологических единиц, в которых именем собственным обозначаются вещи. Например, the Black Maria – 1) тюремная карета, тюремный автомобиль, 2) воен. жарг. немецкий дымовой снаряд. The Blue Peter – мор. флаг отплытия (синий флаг с белым квадратом, поднимаемый перед отплытием судна).

6. Фразеологические единицы типа to be off to Bedfordshire – идти спать, где в шуточной форме возникло некое имя собственное Bedfordshire. Оно не употребляется за пределами этой фразеологической единицы и в действительности не существует. On St. Tib's eve – никогда (после дождика в четверг, когда рак свистнет) (St. Tib – вымышленное имя).

Анализ этимологических и семантических особенностей фразеологических единиц с именами собственными позволяет сделать вывод о том, что значительная часть фразеологических единиц с именами собственными стала неотъемлемой частью словарного состава английского языка. Сюда относятся как выражения, включающие в свой состав географическое название (например: *to carry coals to New-castle* – воды морю прибавлять), так и выражения с личными именами (например: *Tom, Dick and Harry* – Иванов, Петров, Сидоров).

Другая часть остается на периферии словарного состава в силу того, что ассоциации имени собственного неизвестны и непонятны современному поколению носителей языка. Сюда можно отнести фразеологические единицы с именами собственными, связанные с мифологией, например: *bend the bow of Ulysses* – выполнить исключительно трудную работу; *between Scylla and Charybdis* – (быть) в безвыходном положении, между двух огней; фразеологические единицы библейского происхождения, например: *Balaam's ass* – валаамова ослица (молчаливый, покорный человек, вдруг запротестовавший); *Sodom and Gomorrah* – Содом и Гоморра (беспорядок, суматоха).

И, наконец, фразеологические единицы с именами собственными, связанными с фактами давно забытого прошлого, например: *John Doe (Richard Roe)* – юридически вообразаемый истец (и ответчик) в судебном процессе (имена фиктивных юридических лиц, фигурировавших в исках об изъятии собственности в английском судопроизводстве первой половины XIX века) и другие.

Следует отметить, что во фразеологических единицах с именем собственным предпочтение отдаётся мужским именам. Самым распространенным, чаще других встречающимся, является имя *Jack*. Например: *Every man Jack* – разг. все до одного, как один, все без исключения и т.д. Фразеологических единиц с женскими именами очень мало. Например: *A miss Molly (a miss Nancy)* разг. неженка, "девчонка" и некоторые другие [6].

Фразеологические единицы с именами собственными заслуживают более полного освещения в научной литературе, так как они значительно обогащают словарный состав языка.

Литература

1. Каменецкайте Н. Л. Синонимы в английской фразеологии. – М., 1971.

2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: перераб. – М.: Высш. Шк., Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996.
3. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М., 1984.
4. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2002.
5. Уралова Л.А. Опыт исследования устойчивости фразеоматических сочетаний. – М., 1979.
6. Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. – М., 1987.
© Л.Ю. Валиева, Н.В. Шаймарданова, 2014

Ж.А. Вардзелашвили

Грузинский технический университет, Тбилиси, Грузия

Н.П. Певная

Государственный университет Илии, Тбилиси, Грузия

От лексемы к концепту (интертекстуальные коннотации понятия)

Лексема – это всегда результат абстракции, в котором за словесным знаком закрепляются ключевые характеристики отдельного фрагмента мира – увиденные языковым сообществом и понятые им. Словарная дефиниция очерчивает границы слова, упорядочивая его значения в строгой системности. Но эта строгая определенность является и известным ограничителем для фиксации непрерывно расширяющегося (объективного и субъективного) знания, связанного с предметной областью денотата. Словарная дефиниция не всегда отражает эмоциональный и оценочный компоненты, переливы его коннотаций, не вбирает в себя и контекстуальные «созначения», которые рождаются в дискурсе, когда отдельно взятое слово, согласно метафоре Гадамера, разворачивается гибким веером значений. И именно в этой неоднозначности единиц языка сокрыто одно из таинств порождения текста.

Понимание слова как непрерывно расширяющегося поля нашло отражение в лингвистических теориях концепта – не только понятого и вербализованного, но и переживаемого понятия, своеобразного интерпретативного узла в ментальном мире человека, нити которого тянутся через осмысленное к бессознательному, от логическо-

го к чувственному, архетипам и образам культуры, ищущих выражения в материи слова-знака.

Словарная дефиниция фиксирует и систематизирует концептуальную область через лексико-семантические варианты значений. Полагаем, что при специальном анализе лексико-семантические варианты значений могут быть прочитаны как перечень гиперссылок, указывающих на зоны, в направлении которых расширяется смысл. Гиперссылки – это ментальные изоглоссы, существующие в сознании носителей языкового сознания как реакции на слово-стимул. Проиллюстрируем высказанное предположение на материале анализа лексемы «терпение» по современным идеографическим изданиям, идентифицирующим лексему «терпение» в современном русском языке:

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 1998	Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. 2003	Ефремова Т. Ф. Толковый словарь. 2000
терпение -я; ср. 1. Способность терпеть (1 зн.), стойко и безропотно переносить, сносить что-л. 2. Способность долго, настойчиво, упорно делать что-л. Терпение и труд всё перетрут (Посл.). терпеть терплю́, térпиш; терпíмый; -пím, -а, -о; нсв. 1. (что). Стойко и безропотно переносить физические и моральные страдания, муки, лишения.	Терпéние <i>сущ., с., употр. сравн. часто</i> Морфология: (нет) чего? терпéния, чему? терпéнию, (вижу) что? терпéние, чем? терпéнием, о чём? о терпéнии 1. Терпением называется способность спокойно, сдержанно ожидать благоприятных результатов какой-либо деятельности, жизненных перемен и т. п. 2. Если кто-либо теряет терпение, выходит из терпения, то это означает, что этот человек после долгого ожидания чего-либо перестает сдерживать свои отрицательные эмоции. 3. Если кто-либо выводит из терпения кого-либо, то это означает, что этот человек своими действиями, словами вызывает	Терпéние I ср. 1. <i>процесс действия по гл. терпеть 1., 2.</i> 2. Результат такого действия; способность сохранять выдержку, самообладание в ожидании нужных результатов. II ср. Способность заниматься чем-либо долго, проявляя упорство и настойчивость. терпеть <i>несов. перех. и неперех.</i> 1. Стойко переносить физические или моральные страдания, лишения. 2. <i>перех.</i> Переносить что-либо, мириться с чем-либо в ожидании перемены или

	чьё-либо сильное раздражение, гнев и т. п. 4. Если кто-либо испытывает чьё-либо терпение, то это означает, что этот человек постоянно совершает какие-либо действия, которые не нравятся и раздражают другого человека. 5. Если у кого-либо терпение на пределе (на исходе), то это означает, что этот человек начинает раздражаться, гневаться, сдерживает свои эмоции из последних сил и т. п. 6. Если чьё-либо терпение лопнуло, то это означает, что этот человек перестал сдерживать свои эмоции, хотя в течение определённого времени он старался контролировать свои чувства. 7. Когда чьё-либо поведение, чьи-либо действия или поступки переполнили чашу терпения, они стали причиной чьего-либо сильного раздражения, резкого протеста и т. д. 8. Терпением называется способность решительно, упорно делать что-либо, пока не будет достигнут нужный результат. 9. Фраза Терпение и труд всё перетрут означает утверждение того, что необходимо спокойно работать в ожидании благоприятных перемен, результатов и т. п.	каких-либо результатов. <i>отт.</i> Не требовать от кого-либо чего-либо немедленно, соглашаясь ждать.
--	---	--

Лингвокогнитивный компонентный анализ позволяет выделить в толковании лексической единицы следующие гиперссылки: *процессуальность*→*нативная или приобретенная способность человека*→*выдержка*→*психофизическое воздействие*→*хронометрия*. Та-

ким образом, в языковом сознании терпение представляется как комплекс ментальных и соматических состояний, реакция человека на травмирующее внешнее воздействие. Понятие толкуется как трансцендентное качество («терпение 1»: человек + нравственность → возможность + сила + действие + мужество + смиренность + боль + телесность + затруднение + урон + время) и как экзистенциальное качество («терпение 2»: человек → деятельность + воля + длительность + преодоление + препятствие + социум + позиция). Отметим, что лексема «терпение» обладает и темпоральной характеристикой. Исследование парадигмы приведенных словарных статей декларирует понятийные спецификации, в которых созначения манифестируют секвестрированный перечень идентификаторов слова.

С гносеологической позиции воссоздание объемной модели концептуально-текстуального конструкта идентифицируемой лексемы невозможно без анализа ее дискурсивной реализации. Отобранный материал позволяет считать, что фольклорные изречения о терпении в русском языковом сознании имеют прагматический характер. Паремии, выявленные в ходе эмпирического исследования, можно классифицировать, исходя из их контент-наполнения, по двум темам, терпение 1 - бытийный контекст, терпение 2 - спиритуальный контекст. Тег «Терпение 1: бытийный контекст» состоит из линков: 1) настойчивость: *Терпенье* и труд все перетрут. 2) упорство: *Терпи* горе: пей мед. *Терпи*, голова, в кости скована. 3) целеустремлённость: *Терпи*, казак, атаман будешь. *Терпенье* дает уменье. 4) честолюбие: *Оттерпимся* - и мы люди будем. *Терпя*, в люди выходят. 5) воля: Час *терпеть*, а век жить. 6) ситуационное мужество: *Терпи* горе неделю, а царствуй год. Лучше пропасть, чем *терпеть* злую напасть. 7) возмущение/раздражение/несогласие: Тут и у святого *терпенье* лопнет. *Терпя*, и камень треснет. Молчан-собака (*не лающая*) - да и та, *терпя*, вавкнет. *Терпит* брага долго, а через край пойдет - не уймешь. 8) ситуационное наставление при манипулятивных действиях со стороны другого человека: На хотенье есть *терпенье*. 9) примирение: Лихо *терпеть*, а *оттерпится* - слюбится. *Оттерпимся* - до чего-нибудь *дотерпимся*. Тег «Терпение 2: спиритуальный контекст» представлен 6 паремиями, в которых фиксируется понятие об этом качестве личности как вершинном модусе трех основных христианских добродетелей Веры, Надежды, Любви: Бог *терпел*, да и нам велел. *Терпенью* - спасенье. Без *терпенья* нет спасенья. *Не потерпев*, не спасешься. Ра-

ботай - сыт будешь; молись - спасешься; *терпи* - взмилуются. *За терпенье* дает Бог спасенье.

Обратимся к дискурсивным фрагментам из корпуса текстов русской литературы XIX-XXI веков. В составе предикативной группы, определяющей микроконтекст семемы 'терпение', выявлены следующие компоненты: терпение + **недоставать/доставать – квантитативная оценка/выполнение/намерение/совершение**: «На малое *терпение* у меня часто недоставало характера, даже и после зарождения «идеи», а на большое — всегда достанет.» [Ф.М. Достоевский. Подросток (1875)]; терпение + *испытывать* – **каузация/неприятные эмоции**: «Замечу в скобках: мне слишком было видно с первых слов, с первого взгляда, что Версильов даже ищет взрыва, вызывает и дразнит этого раздражительного барона и слишком, может быть, испытывает его *терпение*.» [Ф.М. Достоевский. Подросток (1875)]; терпение + **истощать – существование + окончание / недостаточность ресурсов / возбужденность нервной системы**: «- Lise, - сказал сухо князь Андрей, поднимая тон на ту степень, которая показывает, что *терпение* истощено.» [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867-1869)]; терпение + *иметь* – **состояние субъекта / темпоральность / ограниченность возможностей**: «Я имел *терпение* высиживать подле этих людей дураком часа по четыре и их слушать, сам не смея и не умея ни об чем с ними заговорить.» [Ф.М. Достоевский. Записки из подполья (1864)]; «Погоди, имей *терпение*: через пять-шесть лет и я буду стара.» [А.П. Чехов. Дядя Ваня (1897)]; терпение + *пронуть* – **психическая сфера / эмоция – переживание / этические нормы / воздействие**: «*Мои большие несчастья, мое терпение* пронули сердца обывателей и теперь меня уже не зовут маленькой пользой, не смеются надо мною [...]» [А.П. Чехов. Моя жизнь (1896)]; терпение + **должен + пустить в ход – субъективная аксиологическая характеристика / подчинение + правило / соответствие + необходимость/+ / зависимость / применение / освоение/**: «Года два ты прожил в любви, а теперь, очевидно, твоя семейная жизнь вступила в тот период, когда ты, чтобы сохранить равновесие, так сказать, должен пустить в ход всё свое *терпение*...» [А.П. Чехов. Дуэль (1891)]; терпение + **(не) + мочь + расходовать – поссесивная область/ возможность / использовать + запас**: «Не могут ведь они свое время и *терпение* расходовать на ложную цель.» [Виктория Токарева. Японский зонтик (1964-1994)]

Эмпирическое исследование узуальных словоупотреблений наглядно демонстрирует, что лексема «терпение» в идиолекте писателей оформлена атрибутивами, в которых отражается пропозициональная ориентация и оценочная система автора. Атрибутивы отражают определенную концептуальную систему и выражают гносеологический опыт автора, например: «Но ей не было даровано ни счастливое облегчающее рыдание, ни заламывание рук, ни освобождающая молитва — только *терпение*, каменное крестьянское терпение.» [Людмила Улицкая. Медя и ее дети (1996)]. Или: «Нет, положительно здешний водила должен иметь железное терпение!» [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)], ««Шевели мозгами... У меня *терпение не резиновое*...» [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)]. Совокупность предикатов определений образует цепь кодов, например: **терпение + железное – человек + поведение/свойство/эмотивно-волевое качество + оценка // терпение + резиновое – физическое свойство/эмотивно-волевое качество/поведение/ситуация**. Элементы цепи объективируют релевантные признаки лексемы «терпение», опираясь на которые можно сделать заключение о характерных свойствах национальной и авторской картины мира. На основе анализа контекстуальных атрибутивных интерперетантов текста «терпение» выстраивается последовательность дескрипторов. Расположенные в цепи интерпретанты отражают расширение смыслового поля лексемы и демонстрируют те осмысления языковой единицы, которые определяют оппозицию узуальных и экстраязыковых элементов функционирования инвариантной языковой единицы в *дискурсивной практике*.

Литература

1. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Электронный ресурс: <http://enc-dic.com/rusproverb/Terpenie---nadezhda-5857.html>; дата обращения: 10.06.2014.
2. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. 2003. Электронный ресурс: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5344>; дата обращения: 12.02.2014.
3. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь. 2000. Электронный ресурс: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253700>; дата обращения: 12.02.2014.
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. 1998. 1-е изд.: СПб.: Норинт.
5. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env>; дата обращения: 15.06.2014.

© Ж.А. Вардзелашвили, Н.П. Певная, 2014

Ономастический автокомментарий как художественный прием²

Произведение, содержащее ономастический автокомментарий, т.е. толкование создателем текста имен собственных (ИС), встречающихся в этом тексте, представляет собой часть стихотворного цикла под общим названием «Проверка зрения и слуха»; его автор – московский художник-график и поэт Виктор Станиславович Коваль (род. в 1947 г.). Большую часть этого цикла занимает одно длинное стихотворение «Поликарпов» (около 3400 слов), состоящее из 32 маленьких частей, разделенных звездочками [4]. Эти части, весьма пестрые по содержанию, объединяются своеобразным ономастическим фантомом – фамилией *Поликарпов*, которая возникает оттого, что герою ошибочно звонят и требуют к телефону некоего Поликарпова:

*О том доносят в трубке провода,
Что мне покой пригрезится едва ли.
— Ты, Поликарпов? — Нет, вы не туда
В который раз ошибочно попали.
То детский голос, то мужской:
Не Поликарпов? Кто же ты такой?
Пономарёв? И дикий хохот. Парамонов?*

Герой характеризует себя в этой связи как «жертву нераспутанных узлов московской телефонной сети». Он перебирает в памяти всех людей, носивших фамилию Поликарпов; возникающий поток ассоциаций – уже необязательно непосредственно с фамилий Поликарпов – ведет героя в детство, в студенческие годы, в очередь в магазин и т.п. Это тип натуралистической поэзии, похожей на бытовую болтовню, которой присущ – как и поэтическому творчеству Коваль в целом – «стихийный абсурдизм» [1, 169]. Своеобразие данного текста Виктора Коваль, помимо бросающегося в глаза большого количества разнообразных собственных имен, состоит в том, что в конце к нему прилагается словарь этих имен – интересующий нас ономасти-

² Исследование выполнено в рамках Программы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Имя собственное как инструмент текстообразования».

ческий автокомментарий, содержащий 95 единиц. Это достаточно редкий для поэтического текста и поэтому очень ценный жанр, дающий в руки исследователя материал, с одной стороны, чисто художественный (далее покажем, что это лишь имитация словаря, «как-бы-словарь», игра в словарь). С другой стороны, мы можем предположить, что творческое сознание, нестандартное и свободное, способно в такой игре отразить свойства языковых единиц и процессов, не всегда замечаемые лингвистом при анализе непозитического текста. В данном случае способы и приемы, выбранные автором текста для толкования собственных имен, встречающихся в этом тексте, могут помочь в ответе на вечные для ономастической теории вопросы о том, каким образом говорящий доносит до адресата знание об объекте, носящем собственное имя, и как информация, связанная с ИС, хранится в индивидуальной и коллективной базах знаний. Поскольку термин «значение» применительно к проприальным единицам является достаточно спорным, далее в тексте для правой части обсуждаемого словаря-комментария будут использоваться выражения со значением ‘толкование’: сам термин *толкование*, а также *экспликация* и сочетания с прилагательным *экспланаторный*.

Итак, ономастический автокомментарий к тексту, озаглавленному «Поликарпов». От жанра комментария (в обычном понимании) принято ожидать восполнения информационных лакун потенциального адресата текста. Как заметила Н.В.Брагинская, все разновидности комментария – это «гетероглоссия»: комментирующий говорит на языке некоей реальной или воображаемой аудитории [5], иными словами, он моделирует базу знаний адресата. В случае ономастического комментария эта база формируется не только правой частью, содержащей экспликации имен, но и левой – самим составом списка.

Обратимся к типам экспликаций, которыми сопровождаются имена в автокомментарии В.Коваля. Можно выделить следующие группы.

1. Привычные – по словарям и энциклопедиям – объяснения собственных имен через денотат/референт имени. Имени приписывается определенная дескрипция, содержащая указание на категориальный статус референта (поэт, член Президиума ЦК, богиня, киноактер и пр.):

Айзенберг Михаил — поэт

Аристов — член Президиума ЦК КПСС

Афродита — богиня любви
Баталов А. — киноактер
Жаботинский — олимпийский чемпион, штангист
Кальтенбруннер — начальник главного управления имперской безопасности имперской канцелярии III Рейха

Паганини — скрипач

Руставели — грузинский поэт

Стопани — делегат II съезда РСДРП

При формулировании категориального статуса референта возможны авторские интерпретации:

Зевс — глава Олимпа

Мак-Дональд — основатель мирового общепита

В качестве подгруппы выделяются экспликации, построенные по указанному принципу, но содержащие еще дополнительную часть с оценкой. Это группа релятивных имен вокруг героя Троянской войны Париса, которые трактуются с заменой имени *Парис* на оценочное слово, возникающее в качестве приложения к стандартной определенной дескрипции «герой Троянской войны»:

Парис — герой Троянской войны, говнюк

Гекуба — героиня Троянской войны, мать говнюка

Гермиона — дочь Елены и Менелая, брошенная матерью ради говнюка

Елена — жена Менелая, любовница говнюка

Приам — герой Троянской войны, отец говнюка

Чисто оценочные экспликации тоже встречаются:

Баранов — шестерка, шпана

Морозов — шестерка, шпана

2. Автонимные экспликативные стратегии. Автонимность — термин, обозначающий референцию языкового выражения к самому себе, а не к внеязыковому объекту. Примеры автонимного употребления: *Заграница теперь — понятие условное* (референт — стоящее за этим выражением понятие); *«петь» — это глагол*; *«Скажи пароль!» — «Пароль!»*; *Москва — собственное имя* (референтом является устная или письменная форма данного выражения) (подробнее об автонимности см. [7]). В рассматриваемом автокомментарии Ковалёва можно выделить три разновидности автонимных экспликаций: расшифровку аббревиатур, перевод имени и авторскую корректуру:

БТ — быстроходный танк, Болгартабак

Всяк — Всеволод Якут, народный артист СССР

Виктор — победитель

Дорифор — копыеносец

Ковальчук — ошибочно, надо Коваль

3. Экспликации *ad hoc*, т.е. определения, фиксирующие признак объекта (или его статус) в какой-то определенный момент, о котором идет речь в основном тексте (однако не всегда):

Паллада — опора для вороны;

в тексте: *Друзья, дразнить его не надо./ Бывало, взглянет, как Паллада / С вороною на голове.*

Карпов Павел — режиссер с матюгальником;

в тексте: *Кричит из матюгальника: Мотор! – / Наш Павел Карпов, режиссёр.*

Вовка — сын офицера, курил дубовые листья (соответствующего места в тексте нет).

4. Псевдоэкспликативные стратегии. Если исходить из того, что нормой является принятая в словарях экспликация ИС через категориальный статус референта, то приводимые ниже примеры демонстрируют явные отклонения от такой нормы, поскольку они нарушают информационные права адресата. Так, прилагательного в правой части явно не достаточно для процедуры идентификации:

Мережникова Муся — хорошенькая

Прокудина Тамара — пучеглазая

Также в ономастической лексикографии не является принятым объяснять одну часть личного имени – фамилию – другой частью этого же личного имени – именем и отчеством, т. е. разрывать формулу имени, превращая одну ее часть в *definiendum*, а другую – в *definiens*, ср. у Ковалёва:

Пригов — Дмитрий Александрович.

В следующем примере мы видим, как В. Коваль всего лишь при помощи изменения знака препинания деконструирует экспликацию имени:

Дюма – отец, писатель.

Аппозитивное определение *отец*, которое синтаксически является приложением и пишется через дефис (*Дюма-отец*), автор комментария отрывает от имени постановкой тире вместо дефиса и уводит тем самым слово *отец* в правую объяснительную часть, уравнивая его по референциальному статусу со словом *писатель*, т.е. Дюма

является отцом и Дюма является писателем (при нормальном толковании: Дюма-отец является писателем).

5. Экспликация с применением пропозициональной структуры (эксплицируемое имя выступает в виде актанта пропозиции):

Ленин В. — совершил ВОСР.

В данном примере мы видим еще и деконструкцию формулы имени – инициал после фамилии (в советское время при именовании вождей существовало негласное правило – инициалы не ставились в постпозиции к фамилии). Кроме того, бюрократическая аббревиатура ВОСР также направлена на снижение образа.

Следующие примеры построены по принципу параллелизма:

Гагарин – был в космосе.

Набоков – не был в Москве.

Наполеон – был в Москве.

Пушкин – был в Турции.

Хрущев Никита – был на Потомаке.

6. Оказиональные экспликации:

Декабристов – универсам на.

Выражение становится осмысленным при перестановке правой и левой части и восстановлении присущего разговорной речи эллипсиса (*универсам на улице Декабристов*).

Таким образом, если рассматривать ономастический автокомментарий В.Коваля как мини-произведение лексикографического характера, призванное информировать адресата об ИС, встречающихся в основном тексте, то возникают сомнения в соответствии жанру комментария. Прежде всего, оказывается нарушенным репрезентативный принцип: не все ИС получают толкование, некоторые толкования тавтологичны, некоторые, наоборот, эллиптичны (только имя или только фамилия) и пр. Кроме того, весьма специфичной является авторская категоризация, соединенная с оценкой (ср. Парис и все, что с ним связано). Поэтому неясным остается адресат данного текста: к кому, собственно, обращен этот комментарий? Ответ на это вопрос можно найти, как нам представляется, с одной стороны, в поэтике постмодерна, а с другой – в одном из существующих лексикографических жанров. Начнем с последнего. Если раскрыть Русский ассоциативный словарь (РАС) [6], то среди реакций обнаруживается много сходного с текстом Коваля. Ср.:

Брежнев – умер, много пил;

Гагарин – полетел в 1964 г. в космос (так в РАС) (агенс в сочетании с предикатом);

Ломоносов – Михаил, Михайло, Михаил Васильевич (ср. Пригов – Дмитрий Александрович),

Шиллер – немецкая фамилия, *Вера* – имя (ср. выше об автономных стратегиях) (более подробно см. [2]).

Сходство автокомментария Коваля и РАС не исчерпывается квазисинтаксисом пар стимул-реакция. Глубинное сходство состоит в том, что если в «нормальном» экспланаторном словаре правая часть принадлежит автору, но предназначена для другого (гетероглоссия), то и в РАС, и у Коваля правая часть представляет то, что сказано «мной для меня» (эгоглоссия). Свободные ассоциации, зафиксированные лексикографически, формируют, по Ю.Н.Караулову, ассоциативно-вербальную сеть - ABC [3, 153]. И в этом смысле текст автокомментария Виктора Коваля являет собой мини-ABC, отражающую слегка абсурдный мир произведения. Принадлежность данного произведения к поэтике постмодерна выражается в игровой деконструкции жанра комментария, замене гетероглоссии на эгоглоссию и, как нам представляется, к авторскому призыву разделить с понимающим читателем удовольствие от этой игры.

Литература

1. Айзенберг М. Взгляд свободного художника. М.: Гендальф, 1997. – С. 169-172.
2. Васильева Н.В. Антопонимы в ассоциативном словаре: к основам когнитивной ономотологии // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Выпуск 11. М., 2006. – С. 65-70.
3. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
4. Коваль В. Проверка зрения и слуха. Стихи // «Знамя» 1999, №12.
5. Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху (Стенограмма «круглого стола» в рамках XI Лотмановских чтений. Москва, РГГУ, 20 декабря 2003 г.) // Новое литературное обозрение. № 66, 2004.
6. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Ок. 7000 стимулов. Т. 2. От реакции к стимулу. Более 100000 реакций / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин. М., 2002.
7. Шмелев А.Д. Именование и автономность имени // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 425-434.

© Н.В. Васильева, 2014

Профессионально ограниченная лексика и ее анализ при чтении текстов по специальности

Огромный массив лексики, который обозначает предметы и понятия различных сфер трудовой деятельности, составляет пласт так называемой «специализированной лексики», однако мы оперируем более привычными определениями: «специальная» или «профессиональная» лексика (в немецком языке – Fachlexik, Berufslexik).

Лингвисты, занимающиеся исследованиями названных пластов лексического состава современного немецкого языка (Л.Гофман, Е.В.Розен и др.), отмечают, что специальная (профессионально ограниченная) лексика обладает целым рядом специфических черт. Во-первых, она называет предметы и явления, с которыми человек имеет дело в своей трудовой деятельности. Данная лексика хорошо понятна для круга людей, занимающихся той или иной профессией (медицина, техника, экономика и др.) Знание этой лексики обеспечивает возможность коммуникации в указанных сферах деятельности. Для других групп носителей языка эта профессиональная лексика не воспринимается как «своя», понятная для них. Например, очень сложна экономическая лексика. Такие слова из раздела «Менеджмент/маркетинг» как: die Weissware (белый продукт, в понимании специалистов – это продукт, не имеющий торговой марки производителя), der Verkaufsschlager – ходовой товар, der Zugabewesen – привлечение покупателей путем выплаты премий, бесплатной добавки к продуктам и др. Налицо профессионально ограниченная лексика со всеми ее специфическими чертами. Даже для специалистов она понятна только тогда, когда имеются исчерпывающие сведения об обозначаемом объекте. И часто при переводе таких слов рекомендуется исходить из более исчерпывающих дефиниций, в таких случаях содержание сложных слов передается описательно синтаксическими группами, иногда при помощи целых придаточных предложений или причастных/деепричастных оборотов: die Abwanderungsrate – показатель, характеризующий долю клиентов, обратившихся в фирму в первый раз; die Produktstückzahl – объем производства в натуральном выражении и др. Можно привести много аналогичных примеров из различных сфер профессиональной деятельности.

Как показывают приведенные выше примеры, определенный слой лексического минимума профессионально ограниченной лексики составляют сложные слова. На учебных занятиях обучающиеся знакомятся как со структурной классификацией сложных слов, так и с принципами генетического происхождения словообразовательных моделей. Однако очень важную роль для понимания и правильного перевода сложных слов играет классификация по типу синтаксико-семантических связей между компонентами сложных слов, это – определительные, сочинительные сложные слова, а также слова – предложения как императивные имена. Краткий экскурс в теорию завершается выполнением целой серии упражнений с анализом сложных слов по типам классификаций, предложенных в учебных пособиях.

Многолетняя работа со студентами, магистрантами и аспирантами биологического факультета университета, составление пособий для изучающих немецкий язык, позволяет сделать следующие выводы.

Наиболее многочисленный пласт сложных слов в лексическом минимуме по биологии составляют определительные сложные существительные. Так называемая «самообъясняемость» сложных слов вытекает из морфологической членимости и прозрачности мотивировки их значений, ср. например: *das Bildungsgewebe* – образовательная ткань, *die Hornschicht* – роговой слой, *das Riechepithel* – обонятельный эпителий, *das Ausscheidungsorgan* – орган выделения и др. Как видно из приведенных примеров, цельнооформленное наименование в немецком языке оформляется в русском языке отдельно, хотя иногда существует тенденция к созданию цельнооформленных единиц, например, *der Blutkreislauf* – кровообращение, *die Sonnenblume* – подсолнечник, *das Scharbockkraut* – чистяк (весенний), *das Weidenröschen* – кипрей (иван-чай), *Nachtschattengewächse*, pl. – пасленовые (бот.) и др.

В большинстве случаев содержание сложных слов передается описательно, синтаксическими группами: *der Schadstoffausstoß* – выброс вредных веществ, *die Schadstoffbelastung* – нагрузка вредных веществ, *die Umweltbedingungen* – условия окружающей среды и др. Многие из них являются многочленными существительными. Следует отметить, что язык терминологической лексики перегружен часто тяжеловесными словами, которые иронически называются «*Wortungeheuer*, *Bandwurmörter* (gebilde), *Langstreckenörter*». Однако сле-

дует отметить, что, несмотря на всю неуклюжесть таких сложных слов, они обеспечивают надежность коммуникации там, где существует опасность полисемии.

Лексический минимум по биологии имеет также в своем составе определенное количество так называемых «гибридных» образований (Hybridbildungen, Mischbildungen). Как правило, это сложные слова, один из компонентов которых представляет собой заимствованное или интернациональное слово: das Diphtherieheilserum – сыворотка от дифтерии, das Zentralnervensystem – центральная нервная система, die Zwischenrippenmuskulatur – межреберная мускулатура и др.

Таким образом, анализ небольшого слоя лексического минимума профессионально ограниченной лексики по экономике и биологии позволяет сказать следующее: изучение терминологической лексики должно проводиться параллельно с тщательным лингвистическим анализом данных лексических единиц на учебных занятиях по иностранному языку. Все это в значительной степени может способствовать квалификационной подготовке современных образованных специалистов, владеющих иностранными языками и умеющих ориентироваться в иноязычной информации. И, несомненно, только индуктивно-эмпирический подход в сочетании с тематическим отбором небольших, насыщенных специальной лексикой текстов, способен заложить основную лексическую базу для изучающих ту или иную специальность.

© Р.И. Виноградова, 2014

Р.А. Газизов
БашГУ, Уфа, Россия

Теории вежливости в отечественной и зарубежной лингвистике

В отечественной лингвистике, так же как и в зарубежной, многоаспектное исследование категории вежливости началось во второй половине XX столетия. Среди первоначальных основных работ по проблемам вежливости следует отметить исследования вежливости в социологическом и философском аспектах. В работах таких направлений разрабатывались понятия лица, ритуалов взаимодействия [14], анализировалось поведение придворного общества, а также феномен

«порога стыдливости» [13], изучались философские основания социального общения [10] и др.

С изучением нормативного поведения в этикетных ситуациях общения связано развитие социально-нормативного направления в исследовании коммуникативной категории вежливости. Так формируется теория речевого этикета (ср. теорию социальной нормы в зарубежной лингвистике), представленная многочисленными исследованиями Н.И. Формановской, В.Е. Гольдина, Т.В. Цивьян, И.А. Стернина, А.Г. Балакая, Э.Я. Соловьева. Именно с трудами отечественных ученых мы связываем тщательную разработку речевого этикета как вербальной составляющей этикета, а также его невербальный аспект.

Необходимость четкого структурирования и комплексного рассмотрения этикета в рамках единой концепции привела к появлению общей теории этикета, или теории коммуникативного этикета, которая позволила объединить все компоненты данного явления, такие как этикет поведения, этикет внешнего вида, речевой этикет (вербальные этикетные средства), невербальный коммуникативный этикет, и выделить основные типы коммуникативного этикета (повседневный, деловой, окказиональный, праздничный, застольный, телефонный и др.) (см. [4; 9; 2]).

Если социально-нормативный аспект исследования категории вежливости направлен на описание норм и правил этикетного общения, то изучение механизмов межличностного взаимодействия общающихся представлено в психологически направленных концепциях вежливости, таких как правила прагматической компетенции Р. Лакофф, теория максим речевого общения Дж. Лича (принцип вежливости), теория «сохранения лица» П. Браун и С. Левинсона.

Появление данных теорий вежливости стало возможным благодаря теории речевых имплицатур, или принципу кооперации, сформулированному П. Грайсом в 60-е годы прошлого столетия. В 1975 г. была издана его классическая работа «Logic and Conversation» [15], в которой автор изложил правила, лежащие в основе рационального речевого поведения личности и определяющие «саму суть коммуникации как целенаправленной осмысленной, адресно направленной деятельности» [5, 58]. В связи с тем, что в теории П. Грайса описываются лишь принципы эффективной передачи информации без учета психологической составляющей коммуникативного взаимодействия людей, мы не можем рассматривать принцип кооперации в ка-

честве теории, рассматривающей проблемы вежливости. Однако считаем необходимым представить вкратце основные положения данной теории, поскольку она явилась, по нашему мнению, отправной точкой в исследовании вежливости в психологическом аспекте.

Так, по мнению П. Грайса, собеседники заинтересованы в эффективности обмена информацией, поэтому они должны следовать определенным правилам, или постулатам общения. При этом каждый участник коммуникации вносит посильный вклад, который требуется на определенной стадии коммуникативного взаимодействия для достижения общей цели: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [3, 222].

Однако в процессе обмена информацией при сотрудничестве друг с другом партнеры по коммуникации обязаны соблюдать и более конкретные постулаты. «Эти постулаты можно разделить на четыре категории, которые вслед за Кантом я назову категориями Количества, Качества, Отношения и Способа» [там же, 222].

Таким образом, принцип кооперации, или сотрудничества, включает 4 категории: категорию количества (информативности), категорию качества (истинности, искренности), категорию отношения (релевантности, уместности) и категорию способа (манеры речи, ясности), каждая из которых состоит из общих и нескольких частных постулатов.

Следуя категории количества, участник коммуникации должен сообщать столько информации, сколько требуется для достижения тех или иных целей общения в каждой конкретной ситуации. К этой категории П. Грайс относит следующие постулаты:

1. «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)».
2. «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [там же, 222].

При этом человек не должен предъявлять заведомо ложную информацию, т.е. не нарушать категорию качества. Общий постулат этой категории «Старайся, чтобы твое высказывание было истинным» включает два более конкретных постулата:

1. «Не говори того, что ты считаешь ложным».
2. «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» [там же, 222-223].

Согласно категории отношения предъявляемая информация должна иметь непосредственное отношение к предмету разговора. С данной категорией П. Грайс связывает лишь один постулат релевантности «Не отклоняйся от темы». Именно с категорией отношения у автора возникают определенные затруднения, поскольку он не может определить типы и фокусы релевантности и объяснить законную смену предмета разговора.

Наконец, категория способа или ясности выражения предполагает краткость и четкость изложения мысли. Коммуникантам следует избегать неоднозначности и неточности выражения. Общий постулат категории способа «Выражайся ясно» распадается на несколько частных постулатов:

1. «Избегай непонятных выражений».
2. «Избегай неоднозначности».
3. «Будь краток (избегай ненужного многословия)».
4. «Будь организован» [там же, 223].

Принцип кооперации П. Грайса, послуживший «мощным инструментом описания и объяснения человеческой коммуникации» [7, 131] и рассматриваемый «в качестве одной из серьезных попыток широкого философско-прагматического объяснения функционирования механизма повседневного речевого поведения» [8, 105], подтолкнул Р. Лакофф к рассмотрению категории вежливости с позиций прагматики. Ею были сформулированы два основных правила прагматики, так называемые правила прагматической компетенции:

1. Правило ясности выражения («Излагай свои мысли ясно» – «Be clear»).

2. Правило вежливости («Будь вежлив» – «Be polite») [16].

По сути, все постулаты принципа кооперации П. Грайса можно подвести под первое правило Р. Лакофф, поскольку правило ясности выражения предполагает эффективную передачу информации, которая возможна при соблюдении постулатов количества, качества, отношения и способа. Второе правило – правило вежливости – направлено на установление и поддержание межличностных отношений. В повседневном общении именно вежливость играет решающую роль, так как для участников общения важнее показать свое отношение друг к другу, чем донести свою информацию, поэтому первое правило часто нарушается.

Правило вежливости, в свою очередь, включает в себя следующие три постулата:

1. Не навязывай себя (Don't impose).
2. Предоставляй выбор (Give options).
3. Делай так, чтобы собеседник чувствовал себя хорошо, будь дружелюбным (Make A feel good – be friendly).

Первый постулат вежливости («Не навязывай себя») Р. Лакофф связывает с формальной вежливостью (Formal Politeness). Второй постулат («Предоставляй выбор») согласуется с неформальной вежливостью (Informal Politeness). Постулат «Делай так, чтобы собеседник чувствовал себя хорошо, будь дружелюбным» характерен для интимной вежливости (Intimate Politeness). Возможно, что два последних постулата натолкнули Дж. Лича, автора теории максим речевого общения, к разграничению вежливости на негативную и позитивную. Если негативная вежливость связана с предоставлением свободы выбора адресату (постулат «Предоставляй выбор»), то позитивная вежливость направлена на выражение симпатии и любви к собеседнику (постулат «Делай так, чтобы собеседник чувствовал себя хорошо, будь дружелюбным»).

Таким образом, с появлением концепции Р. Лакофф в исследованиях по вежливости акцент сместился с логического анализа данной категории к учету социально-психологических факторов реализации вежливости.

Одной из наиболее продуктивных теорий, исследующих категорию вежливости в психологическом аспекте, является, на наш взгляд, теория максим речевого общения (принцип вежливости), которая была разработана американским ученым Дж. Личем, продолжившим вслед за Р. Лакофф изучение категории вежливости с позиций максим и правил речевого общения. В своей знаменитой работе «Principles of Pragmatics» [17] в рамках текстуальной и межличностной риторики автор выделяет основные принципы лингвистической прагматики: принцип кооперации, принцип вежливости, принцип иронии, принцип заинтересованности и принцип Полианны.

Причем принцип вежливости имеет большее значение для межличностного взаимодействия между партнерами по коммуникации. Основная цель данного принципа заключается в поддержании социального равновесия, а также доброжелательных отношений между общающимися, в результате чего достигается взаимопонимание.

Тем самым принцип вежливости выполняет большую регулятивную функцию при коммуникативном взаимодействии людей.

Данный принцип, так же как и принцип сотрудничества, включает определенные максимы речевого общения. Дж. Лич выделяет следующие шесть максим: максима такта (Tact Maxim), максима щедрости, или великодушия (Generosity Maxim), максима одобрения (Approbation Maxim), максима скромности (Modesty Maxim), максима согласия (Agreement Maxim) и максима симпатии (Sympathy Maxim). В свою очередь, каждая максима имеет две субмаксимы.

По мнению Дж. Лича, первая субмаксима внутри каждой максимы важнее второй, поскольку она направлена на избежание разногласий в общении и реализуется стратегиями негативной вежливости [там же, 133]. С таким утверждением можно согласиться в том случае, если речь идет о соблюдении вежливости в западных культурах. Напротив, для восточных культур, в том числе и для России, бóльшую весомость имеет позитивная вежливость, т.е. стремление к согласию, выражение симпатии, взаимопонимания, проявление интереса и заботы. Таким образом, приоритетность максим речевого общения будет зависеть от типа культуры, о чем предполагал также и Дж. Лич.

Некоторые субмаксимы вовсе не реализуются в речевом общении или реализуются в ограниченном объеме [1]. Это касается таких субмаксим, как позитивная субмаксима максимы щедрости (максимальный ущерб должен относиться к говорящему) и позитивная субмаксима максимы скромности (самокритика должна быть максимальной). Относительно второй субмаксимы максимы скромности следует отметить, что в реальном общении можно встретить скорее умеренное выражение самокритики, нежели ее чрезмерное и частотное проявление, так как, по мнению Дж. Лича, «человек, который постоянно ищет повода для самоуничижения, быстро надоедает и его считают неискренним. При этом нарушается максима качества (правдивости) Принципа Сотрудничества, что и удерживает нас от чрезмерной скромности» [цит. по: 1, 138].

Несмотря на то, что в теории вежливости Дж. Лича имеются некоторые противоречивые положения, она в целом объясняет вежливое речевое поведение общающихся с учетом психологических факторов и представляет тем самым плодотворную попытку осмысления категории вежливости с новых позиций. К тому же принцип

вежливости, по справедливому замечанию М.В. Колтуновой, является универсальным «с точки зрения системности этических постулатов, освещенных культурной традицией человечества» [5, 60].

Тот факт, что в речевой коммуникации важен межличностный, психологический аспект, послужил также мотивом к разработке идеи о существовании коммуникативных стратегий, регулирующих гармоничное, бесконфликтное общение. Классической в этом отношении можно признать теорию «сохранения лица» П. Браун и С. Левинсона [12], в которой развивается мысль Дж. Лича о том, что вежливость имеет два полюса: негативный и позитивный. В соответствии с этим выделяются два типа вежливости, каждый из которых представляет собой определенную систему коммуникативных стратегий, направленных на сохранение «негативного/позитивного лица». Если стратегии позитивной вежливости связаны с демонстрацией единства и солидарности говорящего со слушающим, с проявлением внимания и интереса к собеседнику, с стремлением к взаимопониманию и согласию с ним, с созданием атмосферы внутригрупповой идентичности, то стратегии негативной вежливости реализуются с целью предоставления свободы действий адресату, удовлетворения его потребности в неприкосновенности личной территории.

Данная теория вежливости, так же как и некоторые другие зарубежные концепции вежливости подверглись критическому переосмыслению со стороны отечественных исследователей. Так, теория «сохранения лица» П. Браун и С. Левинсона, с одной стороны, была модифицирована в теорию отдаления и сближения [6], связанную с идеей негативной и позитивной вежливости и исходящую из понятия социальной дистанции, с другой – дополнена благодаря исследованиям категории коммуникативного смягчения, представленным в работах С.С. Тахтаровой (см., напр. [11]), которой удалось обосновать категориальный статус смягчения как категории коммуникативного сознания и установить когнитивно-дискурсивные и этнокультурные характеристики данной категории.

Подчеркивая различия в речевом поведении говорящего и реагирующего адресата, Л.А. Азнабаева уделяет основное внимание речевому поведению реагирующего адресата. Эмпирический подход и приверженность дескриптивной норме при анализе реагирующих высказываний адресата позволили автору выделить основные принципы речевого поведения адресата, а именно Принцип экспликации отно-

шения и Принцип антиципации, а также определенные максимы речевого общения (максиму позитивного отношения, максиму снижения негативной реакции, максиму взаимности, максиму психологической поддержки коммуникатора, максиму скромности и максиму экспликации эмоциональной реакции [1]).

Заметный вклад в изучение коммуникативной категории вежливости внесли также и многие другие отечественные (А.К. Байбурин, Е.И. Беляева, Е.А. Земская, В.В. Колесов, Н.Л. Соколова, А.Л. Топорков и др.) и зарубежные (А. Comte-Sponville, К.-Н. Götttert, Н. Haferland, G. Held, L.R. Horn, G. Kasper, W. Lange, Y. Liang, Н.-Н. Lüger, А. Montandon, R. Scollon, S. Scollon, W. Weinrich, I. Wolff, W. Zillig и др.) исследователи.

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время продолжают бурно развиваться такие научные дисциплины, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика, коммуникативная лингвистика, теория межкультурной коммуникации, невербальная семиотика и др., что, несомненно, обуславливает интенсивное изучение категории вежливости. В поле зрения ученых попадают новые стороны исследуемой категории, а именно национально-культурная специфика выражения вежливости в различных культурах, возрастные особенности формирования вежливости как категории коммуникативного сознания, гендерная специфика вежливого поведения, исследование вежливости как концепта, выявление доминантных особенностей общения, связанных с функционированием коммуникативных стратегий вежливости и мн. др.

Литература

1. Азнабаева Л.А. Принцип вежливости в английском диалоге: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 198 с.
2. Газизов Р.А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ): Монография / Р.А. Газизов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – 342 с.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. Перевод с английского В.В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник: Пер. с разн. яз. / Сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой. Общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
4. Десяткина М.В. Деловой этикет: теория и практика. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. – Уфа: РИО БАГСУ, 1999. – 158 с.

5. Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения / Колтунова Мария Викторовна; Гос. ин-т рус.яз. им. А.С. Пушкина. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 228 с.
6. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.
7. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. Учебное пособие. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 384 с.
8. Орлов Г.А. Современная английская речь: Учеб. пособие для вузов по спец. «Англ. яз и лит-ра». – М.: Высш. шк., 1991. – 240 с.
9. Полякова О.Ю. Деловой этикет в управлении впечатлением. – Москва-Воронеж: Издательство «Кварта», 2002. – 320 с.
10. Соковнин В.М. О природе человеческого общения (опыт философского анализа). – Фрунзе: Мектеп, 1973. – 116 с.
11. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) [Текст] : [Монография] / С.С. Тахтарова; научн. ред. В.И. Шаховский; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 382 с.
12. Brown, P., Levinson, S.C.: Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
13. Elias, N. Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. 1. Band. – Frankfurt/M.: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1977. – 350 S.
14. Goffman, E. Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior. Garden City, New York: Anchor Books, Doubleday & Company, Inc., 1967.
15. Grice, H.P. Logic and Conversation. In: Cool, P.; Morgan, J. (eds.), Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts. – New York: Academic Press, 1975. – pp. 41-58.
16. Lakoff, R. The logic of politeness: or, minding your p's and q's. // C. Corum et al., eds., Papers from the ninth regional meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago: Language Society, 1973. – pp. 292-305.
17. Leech, G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London; New York: Longman, 1983. – 250 p.

© Р.А. Газизов, 2014

Г.Г.Галич
ОмГУ, Омск, Россия

Абстрактные категории в когнитивной семантике

Предлагаемая статья примыкает к направлению внутри когнитивной лингвистики, которое концентрирует свои усилия на изуче-

нии макроструктуры языковой картины (модели, образа) мира, или концептуальной системы языка как слагаемой из некоторого комплекса когнитивных категорий, имеющих языковую реализацию [1, 5-22; 5; 6].

Опыт развития этого направления показывает, что оно продолжает традиции менталистического языкознания, предметом которого в разное время и в разных формах были особенности соотношения языка и мышления, языка и сознания, речемыслительной деятельности человека и т.п. Длительность существования этих традиций – от античности до наших дней – говорит о многом: объективной сложности проблематики, неослабевающем интересе ученых к решению диктуемых предметом чрезвычайно многообразных задач, их сохраняющейся актуальности как для языкознания, так и для когнитивной науки в целом.

Современный этап этого развития характеризуется высокой степенью интеграции наук о языке и человеке – лингвистики, психолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии – и развернутой экспансией лингвистики в пограничные сферы психологии, философии, антропологии и др. Эта экспансия в комплексе с тенденцией к экспланаторности лингвистического описания, несомненно, приносит положительные плоды и обогащает содержание научного лингвистического знания множеством накопленных эмпирических фактов и их толкований.

Представленный в данной статье подход опирается на широкое толкование предмета когнитивной семантики, в который наряду с изучением концептуального содержания слов и фразеологизмов, т.е. лексических единиц языка, включается грамматическая семантика. В традициях отечественной ономазиологии закреплено комплексное изучение лексических и грамматических единиц как экспонентов понятийных категорий. К числу этих экспонентов на основе функциональной синонимии – или, с когнитивной точки зрения, – на основе способности объективировать в речи идентичные структуры знания – могут быть отнесены морфологические единицы языка и семантико-синтаксические конфигурации с категориальными значениями в составе предложений/высказываний, а также более крупных дискурсивных построений. Такой подход позволяет не только описать отдельные концепты, номинально входящие в языковую картину мира, но и определить координаты их вхождения в категориальную сетку

познания – насколько это оказывается возможным на основе анализа реальных речевых контекстов.

Успех анализа определяется, во-первых, качеством отбираемых текстовых/речевых фрагментов, которые должны быть максимально эксплицитными и достаточными для реконструкции отражаемой в них когнитивной ситуации (сцены), и, во-вторых, строгостью когнитивной и прагматической интерпретации этих фрагментов в координатах когнитивных категорий, гипотетически образующих целостную сетку познания. Естественно, что в каждом конкретном случае в контексте присутствуют объективации не всех категорий человеческого познания, а только некоторой их части, соответствующей структуре вербализуемой предметной ситуации, или когнитивной сцены.

Вопрос о полном составе категорий, образующих в совокупности категориальную сетку познания, в настоящее время остается открытым не только в когнитивной лингвистике, но и смежных когнитивных науках.

Первичный набор категорий, восходящий к Аристотелю, многократно подвергавшийся критике и вновь приобретающий близкую к исходной форму, включает немногочисленные глобальные категории, такие как субстанции (вещи, предметы), движение, время, пространство и др., список которых время от времени пополняется с разной степенью убедительности.

Общепризнано соотношение основных категорий познания и грамматических значений частей речи: имена существительные именуют предметы, глаголы – действия, прилагательные – качества/свойства, хотя признается и проблема неоднозначности устанавливаемых соответствий: красота не есть вещь, принадлежать – не есть действие и т.д.

Еще А.М. Пешковский писал, что части речи называют «основные категории мышления в их примитивной общенародной стадии развития» [7]. Сегодня не подлежит сомнению преимущественная соотнесенность общеупотребительного языка не с научным теоретическим мышлением, а с обыденным познанием, обеспечивающим потребности повседневной жизни человека, пусть даже высокообразованного и способного к профессиональной коммуникации в той или иной сфере за счет дополнения общих, обыденных знаний теоретическими, специальными.

Рассмотрение абстрактных категорий также входило в круг научных интересов А.М. Пешковского и имело у него форму классификации абстрактных существительных. Обозначаемыми сущностями были действия, состояния, пространственные, временные и количественные представления, душевные и физические явления и т.д. При этом он отмечал, что в полную систему должны быть включены «все явления внешнего и внутреннего мира, которые невозможно исчерпать», и далее: «все непредметное в языке может быть при помощи определенных грамматических средств опредмечено» [7, 94].

Признавая продуктивность отнесения работ А.М. Пешковского к ранней предыстории когнитивной лингвистики, можно вновь обратиться к обсуждаемым категориям и попытаться определить их системообразующую роль в макроструктуре языковой картины мира. Их описание можно строить индуктивным либо дедуктивным путем, с позиций семасиологического или ономасиологического подходов. Не исключается сочетание путей и подходов на разных этапах исследования.

Ориентация на макроструктуры языкового знания уместна с учетом экспансии в сферы философии и психологии.

Так, известный философ А.И. Уемов утверждает, что «нет более общих категорий, чем категории «вещи», «свойства» и «отношения»» [9, 83-84], эти же категории он подробно описывает в более ранней работе [8]. Здесь можно обратить внимание на то, что в предложенной триаде две из трех категорий могут быть отнесены к числу абстрактных, имеющих реальное существование только вместе с вещами-носителями свойств и участниками отношений, и вместе с ними входящих в макрогруппировку категорий онтологических.

Наряду с онтологическими в структуре познания могут быть выделены категории операциональные или парадигмальные, которые отображают не то, что существует в окружающем человека мире, а то, как человек относится к этому многообразию, как он его интерпретирует в познании и речи, каковы его мотивы и интенции. Этот вопрос затрагивался автором этих строк ранее на базе рассмотрения категорий количества, количественной оценки, частично – свойства и некоторых других [3, 182-208; 4, 104-110]. Как видно из приведенной краткой характеристики парадигмальных категорий, они связаны с познавательным отношением человека к миру, и вектор экспансии в их изучении может быть направлен в сторону психологии познания.

Эта наука в числе прочего занимается определением статуса и систематизацией когнитивных категорий.

Одно из наиболее ярких ее достижений последних лет состоит в выделении и описании прототипических категорий, которые по определению призваны были заменить традиционные мыслительные категории. С позиций российской функциональной семантики реализованный в них принцип может быть сопоставлен с теорией понятийных категорий или функциональных полей (структура ядро - периферия) и может иметь широкое применение при построении многих онтологических категорий. Однако новейшие экспериментальные исследования в области этнографии и когнитивной психологии показали неполноту теории прототипов, что, впрочем, вполне согласуется с поступательным развитием науки.

В частности, Б.М. Величковский в своей фундаментальной работе «Когнитивная наука. Основы психологии познания» указывает, что в процессах познавательного отражения мира человеком «вместо перцептивно наиболее частотного или типичного эту (организующую - Г.Г.) роль часто выполняет самое «важное» с практической точки зрения» [2, 37]. Слово «важное» бесспорно называет здесь, пожалуй, одну из самых общих парадигмальных категорий – категорию «значимости для субъекта», или релевантности, салиентности и т.п. [3, 203-205].

Значение этой категории в когнитивном плане трудно переоценить: как операциональная она не только получает непосредственную экспликацию в речи, но и существенно влияет на формирование набора категорий онтологических, в который, прежде всего, входит то, что значимо для человека и его жизнедеятельности: «Существование отдельной онтологической категории – это эмпирический, психологический вопрос, который следует решать на основе его значимости (value) для объяснения опыта и поведения человека» (перевод мой – Г.Г.) [10, 52].

Далее можно привести некоторые факты, касающиеся наиболее общих абстрактных категорий: свойства, отношения и значимости, зафиксированные в сфере номинации их ключевых понятий (объективации категориальных концептов) в немецком языке.

Прежде всего, каждая из перечисленных категорий получает множественную лексическую репрезентацию. Приводимые единицы

можно определить как частичные синонимы, актуализирующие разные аспекты категории.

Для категории «свойство» существенны номинации *Eigenschaft*, *Merkmal*, *Qualität*, *Beschaffenheit*, а также глобальное утверждение о том, что имена прилагательные как представители одной части речи имеют категориальное грамматическое значение качества, свойства (с известными ограничениями).

Отнесение к одной категории понятий *Eigenschaft* – «свойство» и *Merkmal* – «признак» представляется справедливым на основе наличия большого числа определений одного через другое в специальных работах и словарях, а также анализа их контекстных значений. В последних [4, 104-110] прослеживается тенденция к отражению одних и тех же объективных сущностей как онтологических (*Dinge haben Eigenschaften*) или парадигмальных (*Diese Eigenschaft ist ein wichtiges Merkmal*): свойство выделяется человеком в бытии и осознается как различительный признак вещей.

Интеграция предметов лингвистики и философии проявляется в этом случае в том, что в контекстных окружениях лексемы *Eigenschaft* были обнаружены эксплицитные доказательства положений А.И. Умова: вещи могут обладать свойствами, свойства существуют независимо от субъекта, но даны ему в ощущениях, восприятии [8, 34-46].

Доказательством когнитивной общности содержания лексем *Eigenschaft* и *Qualität* может быть межъязыковое взаимопроникновение функций (когнитивные категории часто бывают общими для разных языков): там, где русские говорят «в качестве докладчика», в немецком языке используется формула «*in meiner/seiner Eigenschaft als Referent*».

Категория отношения чрезвычайно обширна и многогранна, она имеет неоднозначную частеречную фиксацию: как присущая вещам она может быть представлена, прежде всего, глаголами, в отвлечении от них – отглагольными существительными: *sich verhalten* – *Verhalten*, *Verhältnis*, *Verhältnisse*, *sich einstellen* – *Einstellung*, *sich beziehen* – *Beziehung*. Обобщающее перцептивное отношение может передаваться словом *Hinsicht* (*in dieser Hinsicht*) и указывает на точку зрения. Отмечено также широкое участие в вербализации категории «в чистом виде» предлогов *zu* и *gegen*. Надо сказать, что предлоги вообще передают различные частные виды отношений.

Наиболее существенной в ракурсе связи с познавательной деятельностью человека представляется категория значимости. Ее экспонентами могут быть субстантивные лексемы *Bedeutung*, *Bedeutung*, *Wichtigkeit*, *Sinn* (*das hat einen/keinen Sinn*), *Wert* (*einen/keinen Wert legen auf etwas*), *Rolle* (*es spielt eine/keine Rolle*), глаголы: *bedeuten*, *zählen* и др., прилагательные *wichtig*, *bedeutsam* и др.

Обращение к анализу контекстов показало, что когнитивные признаки, отраженные в наименовании категории, и структура ситуации жизнедеятельности человека более ярко проявляются в высказываниях с адъективным способом ее репрезентации, в частности, с прилагательным *wichtig*. Некоторые примеры, как и в случае с категорией свойства, представляют собой эксплицитные формулировки теоретических положений когнитивной науки, как бы усвоенных говорящим в ходе специального обучения, что, конечно, не имело места: *Das ist wichtig, da geht es um Leben oder Tod; Jetzt merke ich wieder, was wirklich wichtig ist im Leben; Und während für jugendliche Kunden der Imagefaktor eines Produkts zählt, ist für erfahrene Konsumenten dessen gutes Funktionieren wichtig* [11].

В примерах эксплицирована общая значимость единичных фактов или их некоторой совокупности для жизнедеятельности названных или неназванных субъектов, а также различия значимостей одних и тех же объектов для разных групп потребителей.

Индивидуальность субъекта особенно ярко проявляется в примерах неочевидной значимости: *Lackierte Fingernägel sind für sie wichtig; Ich denke nicht, dass Atmen so wichtig ist* [11].

Исследование достаточного корпуса текстовых извлечений, которое еще предстоит, позволит определить не только вариативность субъектов и объектов значимости, но и прочие компоненты ситуации осознания коммуникантами этой познавательной категории. Множество связанных с этой задачей вопросов и необходимость длительного времени для ее решения воплотились в как бы специально предназначенном для этого примере из обследуемого корпуса: *Ich halte es für wichtig, dass wir eine Vorstellung darüber möglichst noch in diesem Jahr bekommen* (Quelle: berlinonline.de vom 02.03.2005).

Наряду с позицией автора данной статьи пример иллюстрирует широко распространенную возможность выражения событийного объекта значимости придаточным предложением, что еще раз подчеркивает необходимость более широкого включения в инвентарь

средств когнитивной семантики грамматических структур языка. Возможно, они играют особенно большую роль в сфере объективации абстрактных категорий человеческого речевого/языкового мышления.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания //Вопросы когнитивной лингвистики. №2. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2006. – С. 5-22.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2х т. – М.: Академия, 2006. – Т.2. – 432 с.
3. Галич Г.Г. Когнитивные стратегии и языковые структуры. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. – 232 с.
4. Галич Г.Г. Две стороны когнитивной семантики: категории «Что?» и категории «Как?»//Межкультурная<—>Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения. Матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 104-110.
5. Кубрякова Е.С. Категория//Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 45-47.
6. Кубрякова Е.С. Концептуальная система//там же, С. 94-95.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении//Эл.ресурс. Режим доступа:<http://www.files.school-col-lection.edu.ru/9.11.2014>.
8. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 184 с.
9. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с. /Эл.ресурс. Режим доступа: <http://www.philosoph.onu.edu.ua/9.11.2014>.
10. Jackendoff R. Semantics and Cognition. – Cambridge, 1986. – 283 p.
11. Deutscher Wortschatz – Portal der Universität Leipzig/Эл.ресурс. Режим доступа: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de>.

© Г.Г. Галич, 2014

Р.К. Гарипов

БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Инактивные конструкции в современном французском языке

В позиции субъекта встречаются именные единицы, которые трудно безоговорочно отнести к категории субъекта, потому что их семантика и функции значительно отличаются от функциональных особенностей традиционного подлежащего [1, 65].

В современном французском языке – как и других романских языках [2, 7] – определенный интерес представляют конструкции, которые характеризуются способностью выражать пассивное значение активной возвратной формой глагола типа *la porte s'ouvre* (Дверь открывается). Семиотическая природа и, в частности, особенности дискурсивного функционирования [3, 12-22] этой конструкции не были, насколько нам известно, предметом специального исследования на материале французского языка.

Элементами данных синтаксических инактивных конструкций (ИК) (термин Э.Г.Шубной [4,15]) являются существительное (представляющее по семантике объект-дополнение, на который направлено действие), формально выполняющее роль подлежащего, и возвратный глагол-предикат, выступающий в функции сказуемого. В ИК личная форма глагола группирует вокруг себя определенное количество именных членов, составляющих грамматическое окружение глагола, количество и грамматическая природа которых задается семантикой глагольного ядра [6,84].

Рассматриваемые ИК с финитным глаголом представляют собой структуры, в которых постоянно и закономерно отсутствуют эксплицитно выраженные элементы, требуемые семантикой ядра, а именно, агенс конструкции.

Отсутствие агенса в ИК приводит к потере соответствующей формальной валентности глагола и выдвиганию пациенса на роль подлежащего. В инактивной конструкции позиция подлежащего при редукции агенса замещается оставшейся именной составляющей в объектной функции, что составляет специфику рассматриваемых ИК, которые, кроме наличия только одного субстантивного компонента (квазиподлежащего), характеризуются также возвратной формой глагола:

P1: La porte s'ouvrit tout à fait, dessinant dans le noir de la rue un rectangle jaunâtre.

P2: Un homme très grand, entre deux âges, tenait le battant, et un autre, plus gros, qui parlait en reculant, faillit manquer la marche et dégringoler en arrière du haut du perron [7, 35].

Хотя в первом предложении переходный глагол имплицитно актуализацию активного одушевленного подлежащего, последнее, как видим, представлено неодушевленным именем, которое фактически является пациенсом (ср. базовое предложение *On ouvre la porte*), а

активное действующее лицо отсутствует, т.е. синтаксическая позиция агентивного элемента остается незамещенной, и поэтому для определения семантического субъекта приходится выходить за пределы данного предложения.

Таким образом, в структурно-синтаксическом плане анализируемые инактивные конструкции одноактантны. Однако эта одноактантность имеет вторичный характер, т.е. является не результатом одновалентности предиката, а следствием устранения одной из валентностей многовалентного предиката, которую он компенсирует посредством присоединения возвратной частицы *se*, придающей семантике предложения пассивный характер.

P1: **La main** qu'elle (la supérieure) avait posé sur mon genou se promenait sous tous mes vêtements, depuis l'extrémité de mes pieds jusqu'à ma ceinture...;

P2: enfin vint un moment , je ne sais si ce fut de plaisir ou de peine, ...

P3: ses yeux se fermèrent, **tout son corps se tendit** avec violence, **ses lèvres se pressèrent** d'abord, elles étaient humectées comme d'une mousse légère;

P4: puis **sa bouche s'entrouvrit**, et elle me parut mourir en poussant un profond soupir [5, 204-205].

Что касается семантико-синтаксической структуры предложения, то глагол в инактивной конструкции является формально непереходным, т.к. за ним не следует и не может следовать прямое дополнение. Однако, поскольку значение глагола открывает позицию для прямого объекта, постольку такой глагол может считаться функционально переходным. Глагольные непереходные лексемы не участвуют в формировании инактивных конструкций и предложений, так как образуемые ими непереходные конструкции соотносятся лишь с одноместными предикатами.

Как одноактантные конструкции ИК следует отнести к свернутым синтаксическим конструкциям, производный характер которых можно выявить с помощью процедур развертывания и трансформации: *La porte se ferme-- On ferme la porte:*

P1: **On** les vit gravir les marches, le comte et l'adolescent.

P2: **La porte ne se referma pas** tout è fait, et **le bouton**, cette fois encore, se mit à tourner.

P3: **Cela** ne pouvait pas durer longtemps.

P4: **On arrivait à compter les secondes**.

P5: On se demandait si le rôle ne faiblissait pas, on voyait le docteur Fauchon se redresser et passer derrière le comptoir pour se laver les mains [8, 24].

Реализуя пассивное значение глагола (re)fermer посредством возвратной конструкции в утвердительной или отрицательной форме, это предложение является неагентивным и может соотноситься с параллельной переходной активной конструкцией -X (re)ferme la porte . На производный, трансформированный характер исследуемых конструкций указывают следующие признаки:

1) использование в качестве подлежащего слова, обозначающего физический объект реальной действительности (*la porte*);

2) употребление в функции подлежащего неодушевленного существительного при активном сказуемом (*refermer*), которое предполагает активный, одушевленный субъект;

Сдвиг диатезы ведет за собой сдвиг в значении имени в позиции субъекта. Это изменение затрагивает не только пропозиционное значение, но и оказывает непосредственное влияние на формирование структуры СФЕ: в окружении рассматриваемого предложения появляется большое число безсубъектных предложений (ср. влияние пассивного предложения на контекст).

Таким образом, в возвратных (инактивных) и пассивных конструкциях достигается абстрагирование от семантического субъекта, в результате чего устанавливается и поддерживается семантическая и формальная целостность текста.

Литература

1. Гарипов Р.К., Дамарис Манучи (Франция). Les problèmes du diagnostic lingstique posés par la traduction médicale//5-е Акмуллинские чтения/ Мат.межд. науч.-практ. конференции. – Уфа:БГПУ, 2011. - С. 65-70.
2. Гарипов Р.К. Las relaciones literarias y culturales entre Italia y España en Renacimiento//Международная научная заочная конференция «Божественный и обыденный образ Италии глазами филолога-романиста (язык, культура, стиль)» Челябинск: ЧелГУ, 2013. - Р.6-13.
3. Гарипов Р.К., Захаров А.В. Корпусная лингвистика и кластеризация текстов / Проблемы формирования и реализации потенциала личности в современной России: Материалы 8-й международной научно-практической конференции 15 мая 2013 г.). - Уфа, ВЭГУ, 2013. - С. 12-22.
4. Шубная Э.Г. Залоговое значение инактивных конструкций в современном английском языке: Автореф.дис. ... канд.филол.наук: 10.02.04.-Л., 1973. - 16с.
5. Diderot. La religieuse. Le neveu de Rameau.-М.: Progrès, 1980. - 445p.

6. Garipov R.K., Garipova A.R. Corpus linguistics and some causes of semantic changes in cliché // Сб. научных трудов SWORLD. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2013» – Выпуск 1 . том 22. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. (103 с.) С. 83-86.
7. Maupassant Guy de. Nouvelles. - М.: Progrès, 1979. - 279p.
8. Simenon G. Le destin des Malou. - М.: Ecole Supérieure, 1976. - 166p.

© Р.К. Гарипов, 2014

В.А. Генералов
ЧелГУ, Челябинск, Россия

Сопоставительный анализ структуры технических терминов некоторых европейских языков

Каждый национальный язык обладает своим набором структурного оформления технических терминов, в частности составных. При сопоставлении структур терминов различных языков возникает идея о существовании универсального набора структурных параметров технического термина. Представляется возможным создание обобщенной структуры-эталона термина, например, анкетного типа. В 1957 году с появлением книги Р. Ладо “Linguistics across cultures” [6] связано возникновение контрастивной лингвистики (сопоставительного языкознания, конфронтативной лингвистики). Однако, контрастивная лингвистика как лингвистический компаративизм становится отдельной дисциплиной много раньше, и в древности происходили сопоставительные исследования двух языков, например, индийский языковед Панини (IV век до нашей эры) сопоставлял санскрит с ведийским и другими языками.

Целью данного исследования является выявление на основе межъязыкового сопоставления наиболее общих параметров для сопоставительного изучения технических терминов различных и родственных языков и создание системы их базовых структурных параметров.

Объектом анализа послужили унитарные и составные термины со слитно- и раздельнооформленной структурой 9-ти современных языков: 3-х языков славянской группы (русский, польский, чешский), 3-х языков германской группы (английский, немецкий и нидерланд-

ский) и 3-х языков романской группы (французский, испанский и итальянский) – в основном из области телевидения и радиолокации.

Выборка терминов производилась по семязычному словарю по телевидению, радиолокации и антеннам [4]. Термины из польского и чешского языков включались в анализ из других источников.

В результате исследования было определено, что в качестве базовых характеристик структуры технического термина (унитарного и составного) могут служить 9 параметров, указанных ниже:

1. Линейная протяженность термина, зависящая главным образом от количества входящих в его состав компонентов;

2. Цельнооформленность/слитность определяющего (ономасиологического) признака и определяемого компонента (ономасиологического базиса) в составе термина;

3. Раздельнооформленность/неслитность/дискретность определяющего (ономасиологического) признака и определяемого компонента (ономасиологического базиса) в составе термина;

4. Препозитивное расположение признака по отношению к базису;

5. Постпозитивное расположение признака по отношению к базису;

6. Морфологическая оформленность компонентов в составе термина (это связано, в первую очередь, с аналитическим или флективным строем языка);

7. Полнота/неусеченность компонентов термина;

8. Усеченность/аббревиация компонентов термина;

9. Характер связи между признаком и базисом термина, а также между компонентами комплексного признака (контактная связь, опосредованная связь (например, при помощи предлогов), слитность.

На основе данных параметров можно, по нашему мнению, создать эталонный набор параметров структуры терминов и применить его в отношении конкретного языка или группы языков. В предложенном ниже анализе приводится пятиричный набор релевантных структурных параметров по ди- трихотомической схеме:

Таблица 1. Пятиричный набор релевантных ономасиологических признаков

Ц/Р	Пр/П	О/-О/У	К/Ос/С	Ст/-Ст
1	2	3	4	5

Ц/Р – цельнооформленность - раздельнооформленность

Пр/П – препозиция – постпозиция

О/-О/У – морфологическая оформленность – отсутствие морфологической оформленности - усеченность

К/Ос/С – контактная связь – опосредованная связь - слитность

Ст/-Ст – наличие элемента оформления стыка – отсутствие элемента оформления стыка

Общий набор параметров выглядит следующим образом:

Ц/Р + Пр + О/-О/У + К/Ос/С + Ст/-Ст (цельнооформленность/раздельнооформленность + препозиция/постпозиция + морфологическая оформленность/отсутствие морфологической оформленности + контактная связь/опосредованная связь/слитность + наличие элемента стыка/отсутствие элемента стыка между признаком и базисом). Таким образом, каждый отдельный тип термина соответствует определенному кодифицированному набору структурных параметров, например:

industrial television (промышленное телевидение - английский язык) – Р + Пр + О + К + - Ст (раздельнооформленность + препозиция + морфологическая оформленность + контактная связь + отсутствие элемента стыка).

simulcast (одновременная передача - английский язык) - Ц + У + С+ - Ст (цельнооформленность + усеченность + слитность + отсутствие элемента стыка) [← **simultaneous cast**].

Примеры по группам языков:

1. **высокая частота** (русский язык) [Р+Пр+О+К+-Ст]

2. **centralna stancja radiowa** (центральная радиостанция, польский язык) [Р+Пр+П+О+О+К+К+-Ст+-Ст]

3. **televizní program** (телевизионная программа, чешский язык) [Р+Пр+О+К+-Ст]

4. **high frequency** (высокая частота, английский язык) [Р+Пр+-О+К+-Ст]

5. **hartes Bild** (контрастное изображение, немецкий язык) [Р+Пр+О+К+-Ст]

6. **hart beeld** (контрастное изображение, нидерландский язык) [[Р+Пр+-О+К+-Ст]

7. **première réflexion** (первое отражение, французский язык) [Р+Пр+О+К+-Ст]

8. **primera reflexión** (первое отражение - испанский язык) [Р+Пр+О+К+-Ст]

9. **prima riflessione** (первое отражение - итальянский язык)
[P+Пр+О+К+-Ст]

В Таблице 2 отображены наборы типовых структурных параметров 9-ти анализируемых языков. Знак '+' обозначает устойчивую встречаемость структурного типа в конкретном языке. Знак '-' соответствует отсутствию (неотмеченности) структурного типа. Знак '+' выражает факультативность структурного типа. Например, такой тип может отмечаться в заимствованных терминах при калькировании или использоваться в прагматических целях на периферии терминологического узуса - в рекламе, в масс-медиа и т.п. (например, окказиональная раздельнооформленность немецкого термина '**Landwirtschaft**' → **Land Wirtschaft** – сельское хозяйство). Еще пример из нетехнической сферы: **Deutscher Akademischer Austausch Dienst** - Германская служба академических обменов. Согласно таблице, наиболее универсальными типами являются тип I (раздельнооформленность + препозиция + морфологическая оформленность + контактность + отсутствие элемента стыка) и тип V (раздельнооформленность + постпозиция + опосредованная связь + отсутствие элемента стыка). Эти типы представлены во всех языках, они являются также базовыми для отдельных языков. Отмечены также структуры, характерные только для двух языков, например, тип X, который встречается в русском языке и в меньшей степени отмечен в английском языке, но нехарактерен для других языков. Полное совпадение типовых структур демонстрируют немецкий и нидерландский языки – германская группа языков; французский, испанский и итальянский языки – романская группа языков.

Наиболее разнообразные типовые структуры представлены в английском и русском языках. В английской терминологии различие структурных типов объясняется особенностями его морфологического строя – компоненты терминов могут быть как морфологически оформлены, так и неоформлены. Главное отличие структуры английского технического термина от немецкого или нидерландского - это широкое распространение раздельнооформленного (дискретного), препозитивного, морфологически неоформленного атрибутивного признака. Так, атрибутивным терминологическим словосочетаниям английского языка соответствуют сложные слова-универбы в немецком и нидерландском языках. Фактор дискретности–слитности структуры терминов возник в силу исторического расхождения анг-

лийского языка с языками германской группы, в частности, с немецким и нидерландским.

Таблица 2. Основные структурные типы на примере 9-ти языков

Номер типа	Кодифицированный набор структурных параметров	Сопоставляемые языки								
		Русский	Польский	Чешский	Английский	Немецкий	Нидерландский	Французский	Испанский	Итальянский
I	P+Пр+O+K+-Ст	+	+	+	+	+	+	+	+	+
II	P+Пр+-O+K+-Ст	-	-	-	+	-	-	-	-	-
III	P+П+O+K+-Ст	[+]	+	-	[+]	-	-	-	-	-
IV	P+П+-O+K+-Ст	-	-	-	[+]	-	-	-	-	-
V	P+П+O+Ос+-Ст	+	+	+	+	+	+	+	+	+
VI	P+Пр+У+K+-Ст	-	-	-	+	-	-	-	-	-
VII	Ц+Пр+O+C+Ст (соединит. элемент)	+	+	+	+	+	+	-	-	-
VIII	Ц+Пр+O+C+-Ст	[+]	-	-	[+]	+	+	-	-	-
IX	Ц+Пр+O+C+Ст (дефис)	+	-	-	[+]	+	+	-	-	-
X	Ц+Пр+У+C+-Ст	+	-	-	[+]	-	-	-	-	-

Ниже представлены примеры по каждому структурному типу:

Тип I: **механическая развертка** (русс.); **mechanical scanning** (механическая развертка, англ.)

Тип II: **electron beam** (электронный пучок, англ.)

Тип III: **диапазон телевизионный** (в перечнях, русск.); **director general** (генеральный директор, англ.); **program radiowy** (радиопрограмма, польск.); **commando centrale** (центральная аппаратная, итал.)

Тип IV: **ton register** (англ.)

Тип V: **передача из студии** (русск.); **řízení na dálku** (передача на расстояние, чешск.); **car with antenna** (автомашина с антенной, англ.); **antenna de control** (контрольная антенна, испанск.)

Тип VI: **prefab house** (сборный дом, англ.)

Тип VII: **пылеотделение** (русск.); **radiostanice** (радиостанция, чешск.); **Abstandsgeber** (устройство для передачи дальности, немецк.); **trillingseffect** (влияние качания антенны на контрастность изображения, нидерл.)

Тип VIII: **Großaufnahme** (снимок крупным планом, немецк.); **fijnregeling** (точная настройка, нидерл.)

Тип IX: **спекл-анализ** (русск.); **стоп-кран** (русск.); **TV-Programm** (телевизионная программа, немецк.); **controlle-antenne** (контрольная антенна, нидерл.)

Тип X: **техпомощь** (русск.); **simulcast** (одновременная передача, англ.)

Данный перечень, равно как и набор релевантных структурных параметров, подлежит дальнейшему уточнению и расширению.

Выводы:

1. Для лингвистической типологии характерны поиски общих принципов классификации различных языков. Связанные с этим универсальные и характерологические подходы представляют собой логические основания для научной систематологии, опирающейся на диалектику всеобщего, особенного и единичного.
2. При сопоставлении структур терминов родственных и различных языков представляется возможным создание структурного эталона технических терминов - анкетного или редуccionного типа. Структура английского технического термина является наиболее универсальной среди различных языков.
3. Результаты данного анализа могут стать отправным пунктом для исследования относительной частотности, условий воспроизводимости, рекуррентности и весомости тех или иных структурных типов терминов в межъязыковом и интралингвистическом сопоставлении, применяться в дидактических целях в преподавании иностранных языков.

Литература

1. Зеленецкий А.П., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1983. – 240 с.

2. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Учебное пособие. — Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ». 2012. — С. 394-406. — 817 с.
3. Контрастивная лингвистика / Сост.: В. П. Нерознак, В. Г. Гак. Вып. XXV. — М.: Прогресс, 1989. — 438 с. — (Новое в зарубежной лингвистике).
4. Семязычный словарь по телевидению, радиолокации и антеннам. Главная редакция иностранных научно-технических словарей Физматгиза. Москва, 1961, 244 с.
5. Ярцева В. Н. Контрастивная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — ISBN 5-85270-031-2.
6. Lado, R. Linguistics across cultures: Applied linguistics for language teachers. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.

© В. А. Генералов, 2014

Н.А. Герте
ПНИПУ, Пермь, Россия

«Эквивалентность» и «адекватность» в реферативном переводе в свете скопос-теории³

Как известно, перевод является многогранным явлением, сложным видом речемыслительной деятельности и межкультурного преобразования. Главная задача переводчика состоит в том, чтобы «передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности» [2, 10].

Степень общности оригинала и текста перевода помогают раскрыть термины *эквивалентность* и *адекватность*, которые являются одними из основополагающих понятий в науке о переводе.

Взаимоотношение разноязычных текстов при реферативном переводе становится особенно сложным ввиду особенностей самого реферативного перевода. Реферирование ставит своей целью создание текста-реферата в результате аналитико-синтетической обработки исходного материала. Реферат ограничен объемом, но при этом

³ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-07-00671.

отражает содержание первоисточника, выполняя информативную функцию. Понятие сути реферирования обуславливает понятие эквивалентности.

В настоящее время не существует строгого и четкого определения понятия эквивалентности, также нет единых критериев для ее оценки. Однако ученые предлагают различные концепции эквивалентности в переводе, исходя из своего научного видения самого процесса межъязыкового преобразования. Классический подход представлен в лингвистической концепции перевода, где эквивалентность понимается как формальное, почти буквальное соответствие исходного и вторичного текстов. В таком случае эквивалентность можно назвать неким «идеализированным конструктом», который используется для оценки перевода как результата, т.е. полученного текста. Однако в связи с невозможностью достижения абсолютной эквивалентности текстов, ввиду лингвистических языковых различий и культурных особенностей, возникла идея непереводаемости. Возможность полностью эквивалентного перевода отрицали, как известно, многие, среди них В. фон Гумбольдт, Э. Сепир и Т. Уорф.

Сейчас наиболее распространенной концепцией эквивалентности является коммуникативно-функциональная, в основе которой лежит достижение коммуникативной цели исходного текста в тексте перевода, а не их формальное соответствие. Развивая эту идею, К. Райс, А.Д. Швейцер и другие ученые пришли к выводу, что эквивалентность «должна рассматриваться только с учетом типологии текстов, их функциональных характеристик» [1, 26].

Очень часто наряду с понятием эквивалентности синонимом в значении «хороший перевод» выступает понятие «адекватность». Как отмечают К. Райс и Х. Фермеер, ученые-основоположники немецкой теории скопоса, «адекватность – это такое соотношение исходного и конечного текстов, при котором последовательно учитывается цель перевода» [4, 134]. Тем самым в случае реферативного перевода, ввиду его специфики, корректнее использовать понятие *семантической адекватности*, так как исходный и вторичный документы представляют собой «семантически активные», но различные по форме тексты [1, 26].

В ведущей в Германии теории скопоса также особое место занимает вопрос эквивалентности и адекватности и их оценки. Для скопос-теории, как и для реферативного перевода, характерно поня-

тие адекватности, причем текст перевода должен быть адекватен не оригиналу, а цели, с которой создается перевод. Согласно другой немецкой исследовательнице Бриггите Хорн-Хельф, адекватность есть «отношение между средствами языкового выражения и скопосом» [5, 8]. Это определение включает в себя возможность изменения функции.

К. Райс и Х. Фермеер рассматривают эквивалентность как «отношение между исходным текстом и текстом перевода, которые в определенной культуре выполняют ту же коммуникативную функцию» [4, 140], как «особый вид адекватности, а именно адекватности при функциональной константе между исходным текстом и текстом перевода» [4, 140].

Понятие адекватности тесно связано с реакцией читателя на текст перевода, которую Райс и Фермеер также называют «обратной связью» [4, 106]. Ученые считают, что перевод будет удачным и качественным, если в обратной связи нет так называемого «протеста» [4, 106]. Протест и неприятие читателем самого текста перевода (перевода в целом, а не измененного содержания материала) относится к скопосу и к виду перевода, например, при переводе, не адекватном цели. Адекватность цели, таким образом, играет роль оценки перевода в теории скопоса. Как отмечает Ханс Фермеер, нет ошибочных переводов, у каждого перевода своя цель. Ученый считает, что успешность перевода зависит от самого переводчика: «Когда кто-то переводит и переводит с удовольствием, то результаты перевода будут самыми лучшими» [6].

Кристиана Норд, представитель второго поколения переводоведов - сторонников теории скопоса, также касается вопроса эквивалентности и адекватности. По ее словам, отношения между «миром текста» и окружающим нас миром могут быть довольно сложными [3, 88-93]. Требования эквивалентности в переводе Норд считает не вполне выполнимыми, поэтому в ее концепции перевода ключевыми понятиями становятся «совместимость» и «соответствие».

При изучении реферативного перевода в свете скопос-теории нами было проведено экспериментальное реферирование англоязычных текстов, которые посвящены развитию новых технологий и появлению нового оборудования в нефтегазовой отрасли. Каждый текст был переведен для специалистов, занятых в той или иной области нефтяной промышленности: РНГМ (Разработка нефтяных и газовых

месторождений), ГНГ (Геология нефти и газа), МОН (Машины и оборудование), НГП (Нефте- и газопроводы). Тем самым именно конкретная группа специалистов, т.е. целевая аудитория, является скопосом и определяет стратегию перевода и выбор языковых средств.

Главным этапом исследования является создание эталонного и специализированных денотатных графов. Эталонный граф отражает общее содержание исходного текста, в то время как специализированные графы, составленные с учетом определенного скопоса, отражают ту часть содержания, которая может представлять интерес для определенной группы специалистов. И если эталонный граф становится основой для создания реферата общего назначения, то графы, построенные с учетом скопоса, разворачиваются в так называемые специализированные рефераты.

Отметим, что выбранные для реферирования тексты представляют некоторую трудность с точки зрения выделения информации отдельно для разных групп специалистов. Это связано с присутствием в них специальной лексики и терминов, которые неизвестны человеку, не связанному с нефтяной промышленностью. Следует сказать, что в связи с этим для создания рефератов и графов нами были привлечены специалисты научного исследовательского и проектного института (ООО "ЛУКОЙЛ-Инжиниринг" "ПермНИПИнефть"), они же дали оценку адекватности полученных текстов на уровне скопоса.

Повторимся, графовое представление материала ведет к полному его преобразованию и включает в себя процесс моделирования ситуации, который помогает выявить отношения между денотатами, а значит добиться наиболее полного понимания текста, что ведет к достижению максимальной адекватности исходного и полученных текстов. Кроме того, при построении денотатного графа происходит определенный отбор денотатов, в результате которого исключаются те единицы, которые не играют большой роли в данной ситуации. Такое положение хорошо видно на созданных нами денотатных графах, которые отличаются по своему содержанию в зависимости от того, какую информацию они отражают. Другими словами, результатом перехода от внешней линейной формы текста к его графовому представлению является устранение языковой и предметной избыточности, которая присуща первоисточнику.

Объем всех полученных рефератов различен, так как в тексте присутствует больше той или иной информации для определенных специалистов, требующей раскрытия и осмысления. Без сомнения, все рефераты, независимо от того, написаны они для геологов или разработчиков, понятны каждому человеку, занятому в сфере нефти и газа. Но при более тщательном рассмотрении мы видим разницу в представленной информации, ее важности для специалистов определенного круга деятельности. Отметим, что при выполнении экспериментального реферирования мы старались соблюдать правила скопос-теории, т.е. скопос определял стратегию перевода и сам перевод. При этом полученные рефераты имеют как внутреннюю, так и внешнюю связь с исходным текстом. Тожественность внутренних форм текстов определяет адекватность первоисточника и рефератов на уровне семантики. Как уже было отмечено, для подтверждения и оценки данного положения мы обратились за помощью специалистов в области нефтяной промышленности.

Таким образом, при изучении информативного реферирования адекватным рефератом можно считать тот, который имеет внутреннюю форму, тождественную форме оригинала. Это доказывает тот факт, что все денотатные графы и соответствующие им рефераты имеют «общую» часть, ограниченную объемом самого реферата. Процесс сжатия денотатной структуры обусловлен моделированием ситуации в рамках заданного скопоса, что обеспечивает укрупнение единиц содержания и оптимальный выбор соответствующих языковых средств для их выражения в реферате.

Итак, подводя итог всему вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что такие основные понятия теории перевода, как эквивалентность и адекватность, привлекают внимание ученых на протяжении уже многих лет. Выдвигаются различные теории и концепции изучения и оценки эквивалентности в рамках перевода. Представляется, что эквивалентность и адекватность зависят от типа текста и от типа перевода. Соответственно, выбранный нами для исследования реферативный перевод как особый вид межъязыкового преобразования иначе решает вопрос эквивалентности. Таким образом, и теория скопоса, в чьих ключевых терминах мы можем описать реферативный перевод, представляет перевод иначе, чем традиционная теория эквивалентности. С точки зрения функциональной теории переводчик должен стремиться к тому, чтобы текст перевода соответство-

вал функции в читательской аудитории и намерениям автора. Тем самым в рамках реферативного перевода правильное использовать понятие адекватности, точнее, семантической адекватности текста реферата реферируемому тексту ввиду их формального и буквально-го несоответствия.

Литература

1. Новиков, А.И.. Реферативный перевод научно-технических текстов. / А.И. Новиков, Н.М. Нестерова. – М., 1991. – 148 с.
2. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М.: «Р. Валент», 2007. – 244 с.
3. Nord, Christiane. Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained. – Manchester: St. Jerome Publishing, 1997.
4. Reiss, Katharina. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie / Katarina Reiss, Hans J. Vermeer. - 2 Auflage. - Tübingen: Niemeyer, 1991.
5. Rüh, Lisa. Die Skopostheorie nach Reiß/Vermeer: Ein Überblick // Trapriori: Studentische Zeitschrift für Translationswissenschaft. – 2010. - 2 [1].
6. Vermeer, Hans J. Interview / Trapriori. – 2009.

© Н.А. Герте, 2014

Д.Р. Гилязова
БашГУ, Уфа, Россия

Современные технологии в преподавании иностранных языков: преимущества и недостатки

Представители нашей профессии в большинстве своём не являются ни догматиками, ни технократами, мы всего лишь учителя, которые, придерживаясь догмы, хотели бы использовать все доступные способы, предоставляемые современными технологиями, чтобы облегчить нашу работу, сделать её более интересной и предоставить студентам больше свободы и независимости в учебном процессе. Идеальным является результат, достигнутый, когда обучаемые, работая над диалогом, хотя бы на короткий период забывают о том, что они находятся в стенах учебного заведения. Ниже мы разберём некоторые из излюбленных на сегодня способов создания диалога. И хорошо бы при этом иметь аудиторию, оборудованную Интернетом, хотя можно использовать и смартфоны и планшеты. [1]

Само общение предполагает возникновение спонтанных незапланированных вопросов, которые обычно выбивают человека из седла. Здесь-то и помогут современные технологии. Не важно, какая информация нам понадобится: как сказать ту или иную фразу, как произнести то или иное слово, можно ли вообще сказать по-английски так или иначе... Так же зачастую преподаватель просто не в состоянии прослушать все диалоги одновременно или друг за другом, на это просто нет времени. И здесь опять на помощь приходят технологии! Но при этом никто не отменял старых проверенных друзей – ручку и лист бумаги, куда вносятся все «трудности», возникшие при общении.

В то же время, что мешает использовать камеру мобильного телефона и записать диалог на карту памяти телефона, так чтобы в случае нехватки времени, переслать вашу запись на электронный адрес учителя, сэкономить время и получить зачёт, либо замечания по проделанной работе.

Другим источником активного говорения могут послужить фотографии. Сегодня уже нет необходимости нести в класс громоздкие альбомы, есть несметное количество снимков с собой! Только задай тему и найдётся множество фото, которые можно описать, обсудить и оценить, возникнет нескончаемое количество вопросов, сравнение похожих событий и фотографий!

Когда речь заходит о проверке знаний, то можно использовать приложение Google Drive doc, с помощью которого можно снять те трудности, которые возникали в процессе коммуникации. Иногда у изучающих иностранный язык возникают вопросы по сфере использования того или иного термина. И здесь им может помочь The British National Corpus, электронная база данных, содержащая 100 млн. образцов письменной и устной речи, с помощью неё можно легко сориентироваться в плане использования лексики [1]. Для тех, кто имеет трудности с прочтением слов, создаются онлайн-словари для самообучения и самопроверки. Преимущества таких словарей очевидны: их легко использовать, и в отличие от книжного словаря они не весят ни грамма, не занимают места, и у тебя всегда есть шанс прослушать, как слово звучит.

Ещё одно преимущество, которое дают современные технологии – это возможность представления материала в виде презентаций, как со стороны учителя, так и со стороны студента/обучающегося.

Визуализация облегчает учебный процесс, ведь не секрет, что 80% информации человек воспринимает посредством зрения. Это способствует более глубокому усвоению материала, созданию благоприятной, комфортной для общения обстановки, более длительному удержанию внимания и интереса, возможности показать себя, свои таланты, научиться чему-то новому от своих одноклассников. Что касается представления какого-либо учебного материала в виде презентаций, то здесь тоже много плюсов: легко просмотреть слайды в быстром режиме в случае повторения материала, материал излагается в более систематизированной форме, и нет опасности упустить что-то из виду в процессе объяснения. Использование презентаций расширяет возможности до бесконечности! В некоторых вузах уже используют такой инновационный для нас метод при устном ответе на экзамене.

Презентации обучающихся могут быть записаны на любой носитель, чтобы в будущем использовать данную запись уже в качестве образца или обучающего материала для другой аудитории. Для этого можно использовать утилиту Jing, которая позволяет легко обмениваться роликами и скриншотами и MailVU – отличный инструмент для создания и обмена видео с планшета на планшет (почему бы не просмотреть устные ответы студентов вне аудитории?) [1].

Рассмотрим, как используются технологии при обучении различным языковым аспектам. Какие новые методы в изучении грамматики появились? Здесь широко применяются интерактивные упражнения на дисковых носителях и в Интернет-ресурсах. Теперь студент может оттачивать знание грамматики круглосуточно, 7 дней в неделю, получая обратную связь в виде набранного количества баллов и возможности получить разъяснения к каждому заданию. То же касается лексики. Кроме того, сегодня существуют электронные переводчики, и, не смотря на аргументы некоторых в пользу их использования, на наш взгляд, они замедляют реакцию студента в случае дискуссии, делая его психологически зависимым и несамостоятельным, отучая анализировать и думать. Что касается перцептивных навыков, говорения и чтения, то сегодня возможности безграничны. В сети есть все возможности слушать и читать любые тексты в оригинале, смотреть фильмы с титрами, видеоролики на YouTube. В тоже время, к сожалению, с приходом высоких технологий в нашу жизнь в разы увеличилось случаи плагиата в академической среде. Влияние

же технологии на развитие навыков говорения и письма, на наш взгляд, минимально, потому как только в процессе общения (его устной и письменной формах) происходит закрепление этих навыков, и никакие Скайп, Second life или другое виртуальное общение не заменит живого контакта, потому что вербальная сторона речи останется в большей степени незамеченной при таком формате общения. Тестирование также подвластно технологическому прогрессу, но зачастую электронные версии лишены индивидуального подхода.

Безусловно, технологии не должны подменять собой общение как таковое, но необходимо обучать преподавателей использовать новые достижения науки с тем, чтобы они могли облегчить работу себе и идти в ногу со временем, и поддерживать интерес студентов к преподаваемому предмету. Язык – средство общения, и надо признать, что технологии развиваются с гораздо большей скоростью, чем методика обучения вообще и языку в частности. Необходимо подчинить себе лучшие достижения технологии, чтобы отвечать вызовам современного времени. Надо научиться относиться к технологии как к ещё одному преимуществу, а не как к модному тренду, оставив за учителем принятие решения относительно того, какие методы и средства использовать для подачи того или иного учебного материала [2].

Литература

1. Pete Sharma. Controversies in using technology in language teaching [электронный ресурс] <http://www.teachingenglish.org.uk/article/controversies-using-technology-language-teaching> (дата обращения 18.11.2014)
2. Steve Mur, Tom Spain Dogme and Technology [электронный ресурс] <http://teachingenglish.org.uk/URL: http://www.teachingenglish.org.uk/article/dogme-technology> (дата обращения 19.11.2014)

© Д.Р. Гилязова, 2014

Н.Г. Гичева
ОмГУ, Омск, Россия

Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии при характеристике собеседника

Антропоцентрическая ориентация современной лингвистики обуславливает возрастающий интерес исследователей к эмоциональной стороне речевого общения. Особое место в подобных исследова-

ниях отводится речевой агрессии. Актуальность изучения речевой агрессии связана с тем, что она разрушает гармоничное взаимодействие участников коммуникативного акта.

В статье рассматриваются лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии, характеризующие собеседника при обращении. Под обращением понимается слово или словосочетание с определенным объективным содержанием – понятием об адресате речи. Обращение – это особая языковая форма наименования того, к кому мы обращаемся с речью [2, 11].

Интенция адресанта при обращении зависит от ряда факторов (близость с адресатом, отношения между ними) и, будучи положительной или отрицательной, свидетельствует об эмоционально-оценочном характере обращения. Принцип, сформулированный П.Г. Грайсом, постулирует, что человек, желая достичь определенной цели с помощью общения, выбирает такие способы, которые позволяют достичь этой цели быстрее и с минимальными затратами усилий и ресурсов [1, 4]. В коммуникативно-прагматическом плане обращение является одним из основных средств при выборе говорящим варианта общения. При толковании функционирования обращения в коммуникативно-прагматическом аспекте должны учитываться как лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

К экстралингвистическим факторам, оказывающим влияние на функционирование обращения, относится речевая ситуация. Отметим составляющие речевой ситуации: говорящий и его социальная роль; адресат и его социальная роль; отношения между говорящим и адресатом; тональность общения; тема общения; цель общения; средство общения; способ общения; место общения [3, 376].

Обращение, как особая форма наименования адресата, выполняет в речи различные функции и позволяет говорящему осуществлять разнообразные прагматические тактики общения.

К языковым средствам выражения агрессии можно отнести средства создания агрессивной интонации и стилистические средства, указывающие на агрессивные эмоции говорящего. Характер интонации говорящего заключается в совокупности движения тона, паузирования и громкости голоса. Однако подчеркнем, что упомянутые выше средства позволяют лишь распознать дополнительные характеристики агрессивных эмоций коммуникантов, так как агрессив-

ность высказывания определяется лексическим наполнением речи говорящего.

Стилистические средства языка, являясь идентификаторами агрессивных эмоциональных проявлений, указывают на характер и степень агрессивных эмоций, испытываемых говорящим, и позволяют максимально точно выявить особенности передаваемых агрессивных эмоций. Для выражения агрессивной настроенности при характеристике собеседника, адресант обращается к таким средствам, как метафора и метонимия, повторы, сравнение, риторические вопросы, параллельные конструкции.

Одним из самых ярких примеров использования **метафоры и метонимии** (54%) для выражения отрицательного отношения к адресату являются зооморфизмы. Как показал анализ извлечений из текстов художественной литературы, зооморфизмы, использующиеся для выражения агрессии в обращениях, можно разделить на следующие лексико-семантические группы:

1. Зооформные единицы, используемые для характеристики человека по половому признаку:

- “Cut it out” I said to him, and Cousin Anna with her burning morose face muttered something to him. “You shut up, you cow!” he said to her [Bradbury, 1953:87] – характеристика женщины.

- “You goat”, said Eleanor. ... she flung the letter to the hall table [Peery, 2005:31] – характеристика мужчины.

2. Зооморфные единицы, используемые для указания на возраст реципиента: дети (calf, cub), юноша (lamb), люди пожилого возраста (old dog).

- “Tell me the state of your feelings. Can you live?” The man shook with his foolish laughter. “You cub! Will not even being killed cure you of your tricks?” [Scott, 1921:58].

- “You lamb, you are dreadfully earnest; but Jason is a Page 252 man, my dear; ...” [Stoddard, 1965:63].

- Advancing stealthily, he touched the hand of the insensible man, but Peter did not move. “I know you – you old dog! Makin’ believe that you don’t see or hear; ...” [Lippard, 1848:103].

3. Зооморфная лексика, используемая для характеристики внутреннего мира человека: (pig, swine) – подчеркивают невоспитанность адресата, (cuckoo) – указывают на интеллектуальные недостатки реципиента.

- "Get out of here!" said Mazzeti, in French, to Core. "You pig! Swine! To introduce when I talk with a lady." ... [Ferber, 1922:32].

- "You'll see it again in couple blocks." "Fred, dearest, I don't mind, but are you cuckoo?" [Sinclair, 1938:45].

В отдельную группу выделены обращения, выполняющие номинативную функцию и имеющие своей целью унижить адресата:

- "Is it a private room with bath and television your honour requires" [Burgess, 1962:47] – "your honour" – употреблено в отрицательном смысле и выражает насмешку над адресатом.

- "Ah, 6655321, think on the divine suffering. Meditate on that, my boy" [1962:43] – "my boy" – обращаясь подобным образом к взрослому человеку, говорящий сознательно понижает социальный статус адресата, демонстрируя этим свое превосходство. "665531" – обращение, выполняющее социально-регулятивную функцию. Цель употребления подобного обращения – подчеркнуть доминирующее положение говорящего и его более высокий социальный статус, что дает ему право обращаться к адресату не по имени, а по его личному номеру, присвоенному в тюремном заключении.

Анализ материала исследования позволил классифицировать **сравнение** (15%) в качестве стилистического приема, использующегося говорящим для демонстрации своего превосходства над адресатом, а также указать на какие-то недостатки реципиента и тем самым выразить агрессивное отношение при обращении к собеседнику.

- "Fill your wallet up with that then, Henry, if you get my meaning". "I'm not an idiot like you are!" [Ford, 1986:62].

- The curls were carefully gathered , and tied in Mrs More's handkerchief. "Shenac Bhan", said the other Shenac solemnly, "you look like a shorn sheep" [Roberson, 1866:163].

Агрессивность в подобных сравнениях может быть усилена за счет употребления сочетаний прилагательных и существительных ("I'm not a superstitious idiot like you").

Отмечены случаи использования стилистически сниженной лексики (bastard, shithead) и табуированной (fucking cunt) для увеличения степени агрессивности реплик.

- "Of course he speaks, I felt like saying. He speaks out of his mouth, unlike you, you fucking cunt bastard shithead" [Kureishi, 1990:103].

Подробно анализировать способы употребления подобной лексики при характеристике собеседника в настоящей статье не предусмотрено.

Усилительную функцию агрессии при характеристике собеседника выполняют **повторы** (15%):

- Blasendorf paused, then nodded. "Looked like it, sir". "You're an idiot! An idiot!" [Cornwell, 1990:67].

Употребление **риторических вопросов** (10%) служит для усиления агрессивности при характеристике в обращениях.

- Lucie groaned again. Izzie threw out her hands towards him in an expression of exasperation. "Are you stupid or what?" [Mc Caughrean, 1987:56].

Наглядной иллюстрацией усиления эмотивной функции обращения и агрессивности высказывания являются примеры употребления **параллельных конструкций** (6%), в которых лексическое наполнение является главенствующим.

- Her eyes glared and her voice was a sword swinging. "You cheat! You frand! You liar!" ... [Fuller, 1944:69].

Анализ рассмотренных текстовых извлечений (456 извлечений из произведений художественной литературы) позволяет сделать вывод о том, что процессы номинации адресата в случаях вербальной агрессии при обращении к нему отличаются высокой негативной образной насыщенностью. В большинстве случаев негативная характеристика адресата представляет собой продукт творчества адресанта. Наличие мотива для эмоциональной напряженности при общении имеет первостепенное значение.

Литература

1. Звягинцева В.В. Обращение как оператор семейного дискурса [Текст]/В.В. Звягинцева. – 2010. – 5с. – Режим доступа: <http://scientific notes.ru/pdf/017-17.pdf>
2. Кожухова Л.В. Обращение как индикатор характера социальных и межличностных отношений: структурно-семантический и функциональный аспекты [Текст]: автореф. дис. ...канд.филолог.наук/Л.В. Кожухова. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2009. – 22с.
3. Крысин Л.П. Кодовые переключения в речевом поведении говорящего [Текст]/Л.П. Крысин//Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференция. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 375-379. Источники примеров:
4. British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.natcorp.ox.ac.uk

О.Н. Гордеева, И.Х. Мусин
БГМУ, Уфа, Россия

Особенности функционирования оценочных высказываний в научном дискурсе

Самыми распространенными в дискурсе научно-медицинской статьи являются оценочные ассерции, что объясняется спецификой описываемой области знаниями и жанровыми особенностями статьи. Так как цель автора обычно направлена на выявление наиболее эффективных, безопасных и точных средств и методов борьбы с различными недугами, то эти аспекты находят отражение и в дискурсе, в оформлении специальных дискурсивных процедур (ДП) - оценочных ассерций, отражающих мнение автора относительно ценности того или иного рассматриваемого явления.

Формулируя оценку, говорящий описывает не возможность осуществления какого-нибудь положения дел, а свой взгляд на воспринимаемые события. Для человека, высказывающего оценку, оценочное мнение является “аналогом истины”. Оценка-мнение сближается со знанием и ее можно назвать “субъективным знанием”, поскольку оно имеет для говорящего статус субъективной истины.

Оценка трактуется нами в широком понимании как отражение мнения о чем-либо, суждения об уровне или значении чего-либо, установлении степени чего-либо. Так как характер оценки детерминруется прагматической установкой автора, которая, в свою очередь, обуславливается ценностями, релевантными для определения сферы деятельности, то мы исходили, прежде всего, из представления об этих ценностях. Прагматическая цель автора состоит в выяснении практической пользы рассматриваемого объекта, а для этого необходимо квалифицировать его свойства, выделить достоинства и недостатки. В классификации Н.Д.Арутюновой этот тип оценки относится к телеологическим, рационалистическим квалификациям, связанным с практической деятельностью и повседневным опытом человека, их основным критерием является физическая или психическая польза,

направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции, соответствие определенному стандарту.

Характерной особенностью научной оценки является ее открытый, эксплицитный характер. Оценка в научной статье всегда функционально обоснована и определяется необходимостью открытой, ясной определенности объектов исследования. При этом наблюдается строгое определение в тексте объекта оценки и указание тех признаков и свойств, в отношении которых она осуществляется. Характер оценки и выбор средств для ее выражения зависит от экстралингвистических факторов: от объекта исследования и прагмаустановки автора.

Ситуация оценки возникает тогда, когда имеет место высказывание о ценностях. Ситуация оценки включает следующие элементы: предмет оценки, субъект оценки, основание оценки и характер оценки. Под субъектом оценки понимается лицо или группа лиц, которые определяют ценность. Основанием оценки является то, с точки зрения чего производится оценивание. Характер оценки зависит от того, является ли оценка абсолютной, то есть такой, в формулировках которой используются такие термины, как "хороший", "плохой", или сравнительной, выражаемой с помощью операторов "лучше", "хуже", "равноценно". В первом случае характер оценки будет абсолютным, во втором - сравнительным.

Ситуация оценки может включать в себя от четырех до семи компонентов и представляет собой сложную, многоплановую структуру. Это позволяет нам сделать вывод о том, что некоторые элементы оценочной ситуации не всегда получают эксплицитное выражение, другие не всегда могут быть сосредоточены в одном предложении, а могут быть разбросанными в тексте, находиться в соседних предложениях. Таким образом, элементы оценочной ситуации получают свое эксплицитное выражение не на протяжении одного предложения, а в отрезках большей протяженности – абзаца и абзацного комплекса. Оценочное ассертивное высказывание занимает инициальную позицию в структуре ДС и составляет начальную фазу в презентации материала.

Оценочные структуры опираются на контекст в большей степени, чем описательные. Это происходит из-за того, что оценочные высказывания обычно требуют пояснений и уточнений тех позиций, с которых делается оценка. Сам акт познания может стать объектом

оценки. В таком случае подчеркивается неясность, противоречивость, недостаточность накопленных знаний, а также трудность, сложность окончательного решения какого-либо вопроса. В ситуации оценки, включающей несколько компонентов, оценки, занимающей, как правило, начальную позицию в дискурсивном сегменте (ДС) эксплицирует один или два компонента оценочной ситуации - объект оценки и его аспект, то есть эффективность, полезность, безопасность, надежность и др. Другие же элементы оценочной ситуации получают свое выражение в других фазах ДС: это относится в первую очередь к основанию оценки, а также точке отсчета, субъекту оценки.

В научном дискурсе ДП оценки конденсирует самую релевантную информацию и в значительной мере опирается на контекст, так как требует пояснения и уточнений.

© О.Н. Гордеева, И.Х. Мусин, 2014

Gotsiridze Rusudan

Georgian Technical University, Tbilisi

Integration of Internet technologies into language courses

Introduction:

The use of technology as a tool for teaching foreign language learners is gaining more and more attention as educators become aware of its ability to generate both independent and collaborative learning settings in which students can acquire and practice a new language.

Nonetheless, there seems to be disagreement in the literature regarding the efficiency of applying the Internet in the process of teaching English. Since the advent of the Web there has been an explosion in online learning, but to what extent it is efficient is open to criticism. Some contemporary Internet related literature appears to be advancing the claim that Internet-use is advantageous for attaining certain educational objectives. There is, however, a growing research consensus that appears somewhat sceptical about Internet classroom usage.

Main Body

The Internet is constantly growing in popularity and availability. Many people use the Internet daily, sometimes without even being aware of the fact. As noted by Warschauer [9], the Internet has been reshaping

many aspects of society such as on-line education, advertising, marketing and sales.

Warschauer holds the belief that there has certainly been no shortage of bold claims about how computers will revolutionize the classroom, transforming the teacher from the stereotypic *cliché*, 'sage on the stage' to the new and equally hackneyed 'guide on the side'. A lot of Internet-relevant literature also asserts that there is lack of sound Internet pedagogy, without which the efficiency of the Internet applications is low.

Simple, straightforward solutions like giving assignments online and receiving answers in the form of file-attachments is a very useful utilization of the media although not a very effective one.

Warschauer [9] names several possible reasons for using the Internet in language teaching:

- One rationale is found in the belief that the linguistic nature of online communication is desirable for promoting language learning. It has been found, for example, that electronic discourse tends to be lexically and syntactically more complex than oral discourse and features a broad range of linguistic functions beneficial for language learning.
- Another possible reason for using the Internet is that it creates optimal conditions for learning to write, since it provides an authentic audience for written communication.
- The third possible reason is that it can increase students' motivation.
- The fourth possible reason is the belief that learning computer skills is essential to students' future success; this reason suggests that it is not only a matter of using the Internet to learn English but also of learning English to be able to function well on the Internet.

Over time, greater involvement on the teacher's part in creating learning activities that create sufficient linguistic and cognitive demands on the student is needed to get maximum benefit from Internet exchanges.

Students think computers can help them learn better, faster, write more creatively and more independently. Communicating with others could enhance motivation and personal power, overcome isolation and make communication less threatening.

The teacher can work with students to create research questions which are then investigated in collaboration with foreign partners. Students and long-distant partners can work collaboratively on publications. Students can use exchange partners as experts to supply information on

vocabulary, grammar, or cultural points which emerge in the class. Again, the choice has to be made by the classroom teacher, preferably in ongoing consultation with the students.

Godwin-Jones [3] argues that the Internet offers the potential for a huge increase in learner-learner and learner-teacher interactions.

The web pages that offer different activities for students are considered to be very valuable as a source for different:

- grammar exercises;
- reading comprehension exercises;
- writing of abstracts and letters;
- solving puzzles;
- vocabulary learning through recipes, fashion and sport articles;
- information on studying abroad;
- searching for jobs or for a certain product;
- translation between languages and many others.

According to Luan et al. [7], teachers and students who use the Internet are not bound by traditional modes of learning; their interactions with one another are immediate, prompt and widely shared.

The collaborative nature of learning is increasingly important in education and the Internet provides rich opportunities for interaction with other people, reciprocal exchanges of support and ideas, joint work on the development of performances and products, and co-construction of understandings through comparing alternative ideas and interpretations [6]. On-line collaboration can enhance learners' understanding and keep students more engaged, help develop critical thinking skills by exposing individuals to different perspectives and provide a fertile environment for interactivity through games and quizzes [2].

The Internet is a massive source of authentic materials. According to Bell [1], on-line newspapers and podcasts are culturally richer than regular materials, more likely to reflect the complexities of real-life language and potentially more interesting for learners.

Internet communication enables to communicate with people all over the world, synchronously using text and audio chat programmes or asynchronously using e-mail, discussion boards, and blogs [8]. The archived format allows us to record, reflect on, and refine our previous words as well as those we communicate with, thereby enhancing the accuracy and intelligibility of written and spoken communication [4, 5].

Finally, the Internet is a strong catalyst for educational innovation. Since there are so many ways to integrate the Internet into classroom instruction, it is important for the teacher to clarify his or her goals. If, for example, one of the teacher's goals is to teach students new computer skills, the teacher may want to choose Internet applications which will be most useful to them outside the classroom, with activities structured so that students steadily gain mastery of more skills. If the immediate goal is to create a certain kind of linguistic environment for students, once again, the teacher should consider what type of language experience would be beneficial and structure computer activities accordingly. If the goal is to teach writing, Internet activities should be structured so that they steadily bring about an increase in the types of writing processes and relationships essential to becoming a better writer.

Teaching English online is a very attractive possibility for teachers and students, mostly because of the advantages. One of them is the possibility to reach students from across the globe, students who may not have the time to take a regular course, or don't usually have native English speakers to talk to.

Conclusion

Compared with the traditional teaching of English, Internet appears to be good for arousing students' interest and for motivating them to study English. The use of visual methods helps students to understand the material more clearly and lead them to better understanding. Besides, it can provoke an interest and enable the perfect and long-term memorization of the material.

It is highly likely that technology use will improve as technological innovations worldwide are made. As our understanding of how to use the Internet gets better, and more research findings are disseminated, the way we use it will improve.

The Internet and Web provide new forms of communication and thus bring many possibilities, but also make their demands for permanent education, usage in classroom, cultural spreading, scientific education and economic development. The new technology has to be seen as a possibility of a new kind of communication and as an aid to a teacher whose role remains irreplaceable.

On the basis of the afore-mentioned it can be insisted that the study of how to utilize the Internet to assist teaching of the English language is well worth studying.

References

1. Bell, F. (2005). Comprehension Aids, Internet Technologies and the Reading of Authentic Materials by Adult Second Language Learners. PhD Dissertation. Department of Modern Languages and Linguistics, Florida State University. Retrieved March 26, 2014 from <http://etd.lib.fsu.edu/theses/available/etd-04112005-152127/>
2. Bork, A. (2001). What is needed for effective learning on the Internet? *Educational Technology and Society*, 4 (3), 139-44
3. Godwin-Jones, R. (2003). Optimising web course design for language learners. In Felix, U. (Ed.). *Language Learning Online: Towards Best Practice*, .43-56
4. Greenfield, R. (2003). Collaborative e-mail exchange for teaching secondary ESL: A case study in Hong Kong. *Language Learning and Technology*, 7 (1), 46-70
5. Jepson, K. (2005). Conversations - and negotiated interaction - in text and voice chat rooms. *Language Learning and Technology*. 9 (3), 79-98
6. Lock J. & Redmond, P. (2006). International on-line collaboration: Modeling on-line learning and teaching. *MERLOT Journal of On-line Learning and Teaching*, 2 (4), 233-247
7. Luan, W.S., Fung, N.S., Nawawi, M. & Hong, T. (2005). Experienced and inexperienced Internet users among pre-service teachers: Their use and attitudes toward the Internet. *Educational Technology and Society*, 8 (1), 90-103
8. Shetzer, H., & Warschauer, M. (2000). An electronic literacy approach to networkbased language teaching. In Warschauer, M. & Kern, R. (Eds.). *Network-based language teaching: Concepts and practice* (pp.171-85). New York: Cambridge University Press
9. Warschauer, M. (2000). On-line learning in second language classrooms. In M. Warschauer & R. Kern (Eds.), *Network-based Language Teaching: Concepts and Practice*. New York: Cambridge University Press, 41-58

© R. Gotsiridze, 2014

З.В. Гришаева

ЧГУ им. И.Н.Ульянова, Чебоксары, Россия

Считанный и считанный

В Интернете любознательные пользователи спрашивают, как правильно написать, *считанные* или *считанные*, и высказывают разные мнения. Нет только ответа от специалистов на этот отнюдь не случайно возникший вопрос, однако наиболее продвинутые в русской грамоте участники разговора отвечают, ссылаясь на авторитет-

ный словарь под редакцией В.В.Лопатина, где прилагательное зафиксировано с одной буквой **н**, чего не было в более ранних академических орфографических словарях. Отметим, что в настоящее время с одной **н** регулярно пишется это слово и в некоторых еженедельных печатных изданиях, например, в «АиФ»: *Немцы сейчас работают над тем, чтобы к больным с остановкой сердца прилетал... «беспилотник» и «включал» наши «мотор» за считанные минуты* (АиФ, №44, 2013). В региональном приложении к этому изданию, в «АиФ-Чувашия», обнаруживаем написание этого прилагательного с двумя **нн**, и тоже при обозначении небольшого количества: *«Считанные дни остались до начало пятого международного форума «Россия - спортивная держава»* (АиФ-Чувашия, №41, 2014).

Есть глагол несовершенного вида *считать* - называть числа в последовательном порядке и его грамматический омоним, глагол совершенного вида *считать* (несов.в. *считывать*) - проверить текст. В современных орфографических словарях [1, 2, 3, 4, 5] выдвинулось причастие *считанный*, образованное от глагола совершенного вида *считать* со значением «сличенный, выверенный»: текст, корректура (ср. с глаголом *вычитать* с пометой «спец.»: «читая, выправить, выверить - *вычитать* гранки» [6], но есть и прилагательное *считаный* для обозначения количества в значении «очень немного, немногие» (минуты) от глагола *считать*, связанного со значением счета. Также *считанные-пересчитанные деньги*. В словаре К.С. Горбачевича [2] отмечено разное произношение для разных производящих слов: а) в значении «читая, сличить, проверить какой-либо текст» [шчитать], б) при обозначении счета [щитать]. Грамота.ру также уже предлагает варианты: а) для прилагательного, если *считаное количество, считанные минуты*, б) для причастия с вышеуказанным значением. Но все еще сопротивляется компьютерный корректор и написание этого слова с одним **н** не принимает как правильное, подчеркивает его красным цветом или тотчас изменяет написание. В словаре русского языка в 4-х томах [6] написание этого слова в значении прилагательного «очень малый по количеству, единичный» совпадает с написанием страдательного причастия прошедшего времени (от глагола, связанного со значением счета). Заметим, что ранее это слово в учебниках и пособиях по орфографии было в числе исключений, где в образованных от глаголов несовершенного вида прилагательных предписывается писать два **нн**: желанный, медленный, мысленный,

неслыханный и др. Таким образом, в связи с появившимися в настоящее время различительными рекомендациями и с разной орфографией данного прилагательного в печати и письме обыкновенных пользователей, действительно затруднительно решить этот вопрос учащимся, например, на ЕГЭ.

Литература

1. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. М.: АСТ - Пресс Книга, 2006.
2. Горбачевич К.С. Современный орфоэпический словарь русского языка: Все трудности произношения и ударения. М.: Астрель, 2009.
3. Лопатин В.В., Иванова О.Е., Сафонова Ю.А. Учебный орфографический словарь русского языка. М.: Эксмо, 2008.
4. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2009.
5. Русский орфографический словарь /О.Е.Иванова, В.В.Лопатин (отв. редактор), И.В.Нечаева, Л.К.Чельцова. М.: АСТ - Пресс Книга, 2010.
6. Словарь русского языка /под ред. А.П.Евгеньевой: В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1981.

© З.В.Гришаева, 2014

Н.Р. Гумерова
БашГУ, Уфа, Россия

Дискурсы средневековой литературы в трагедии К. Марло

Кристофер Марло в пьесе «Трагическая история доктора Фауста» (около 1588-1589) дал возрожденческую трактовку образа немецкого учёного-чернокнижника с использованием дискурсов средневековой литературы.

Средневековая европейская литература испытывала на себе влияние трёх культур: античной, религиозной (христианской) и «варварской». Поэтому в ней представлено большое количество различных эпических, драматических и лирических жанров – как традиционных, классических, так и новых, появившихся в эту эпоху. Однако в Средневековье не возникло стройной жанровой системы. А.Д. Михайлов в статье «Проблема жанра в литературе Средневековья» (1994) отмечает, что в это время появлялись так называемые жанровые подсистемы – они «функционировали внутри конкретных направлений» [6, 4].

Для «жанра в условиях Средневековья» [6, 5] в целом было характерно не только наличие своего круга сюжетов, тем, мотивов, которые, в свою очередь, обрабатывались определёнными способами и методами, но также присутствие этической, психологической или эмоциональной доминанты. К возникновению жанра, как правило, приводило соединение формы и содержания. А.Д. Михайлов пишет: «в произведении должны были учитываться все его жанровые признаки: наличие лишь некоторых из них (но не всех, по крайней мере не всех основных) не говорило ещё о принадлежности произведения к тому или иному жанру» [6, 5].

В силу эклектичности культуры Средневековья произведения, возникавшие в это время, переживали смешение стилей. Это же характерно и для литературы других эпох. На наш взгляд, когда речь идёт о смешении стилей, закономерно говорить об интердискурсивности как одной из основных особенностей поэтики произведений. Под интердискурсивностью в данном случае следует понимать слияние в рамках одного художественного произведения нескольких дискурсов как определённых стилистик, манер говорения, которые соблюдает автор, и определённых жанровых форм подачи материала. Интердискурсивность средневековой литературы определяется использованием элементов античной, христианской и «варварской» культур.

В свою очередь, для литературы эпохи Возрождения оказались актуальными дискурсы средневековой словесности. В этой связи представляется продуктивным рассмотреть дискурсы средневековой литературы в трагедии английского драматурга эпохи Возрождения К. Марло «Трагическая история доктора Фауста».

В основе сюжета пьесы К. Марло лежат средневековые демонологические легенды, сутью которых является «вера в возможность союза человека с дьяволом» [4, 362]. В средние века возрос интерес к демонологии, что было связано с общим религиозным настроением времени. Многие демонологические легенды, появившиеся в эпоху формирования христианства, актуализировались вновь. Так, например, в Средние века хорошо известна была легенда о Симоне-маге, которая входила в канонические книги Нового Завета и рассказывала «о соперничестве магии языческой с магией христианской» [4, 362]. Эта легенда прижилась в средневековой Германии: «она вошла в “Императорскую хронику”, немецкую поэму середины XII века, <...>

была знакома и протестантским богословам, и демонологам XVI века» [4, 363-364]. Примечательно, что В.М. Жирмунский в «Истории легенды о Фаусте» (1958) говорит о сравнении Фауста и Симона-мага у Меланхтона (Тексты I, 13 и 15), Мейгериуса (Тексты I, 30 и прим.) и в самой народной книге о Фаусте (гл. 52) [4, 364], однако не упоминает о безусловной связи канонического Симона Волхва с Фаустом Марло.

Симон-маг, или Волхв, знаменит тем, что он «волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого» [2]. Его трагедия заключается в том, что он захотел получить Дары Святого Духа за деньги у Апостолов Петра и Иоанна и стать богоподобным. Фауст Марло отчасти повторяет судьбу Симона-мага. Разочаровавшись в философии, медицине и богослужении (что фактически есть вызов Богу), учёный обращается к чернокнижному искусству и заключает с дьяволом сделку: он хочет стать «владыкой мира», и дьявол в течение 24 лет должен исправно исполнять все его прихоти в обмен на бессмертную душу. На наш взгляд, в судьбах Симона-мага и Фауста Марло прослеживаются две точки соприкосновения: это, во-первых, момент самообожествления и, во-вторых, попытки избежать наказания с помощью молитв других людей (Симон Волхв говорит Петру: «помолитесь вы за меня Господу, дабы не постигло меня ничто из сказанного вами» [2], а Фауст просит об этом студентов: «Да, молитесь за меня, молитесь за меня» [1, 337]). В данном случае можно говорить о типологическом сходстве легенды о Симоне-маге из Нового Завета и трагедии К. Марло, однако прямых интердискурсивных связей между ними не наблюдается.

Иное дело – демонологические аллегорические образы, которые появляются во многих религиозных текстах. Они есть и в «Трагической истории доктора Фауста» – это образы Ангелов добра и зла и Семи смертных грехов, которые являются персонифицированными фигурами.

Ангелы добра и зла выполняют в трагедии функцию почти безмолвных наблюдателей, они появляются только в моменты душевной слабости героя. При этом Ангел добра наставляет доктора Фауста и пытается вернуть его к Богу, тогда как Ангел зла постоянно подчёркивает, что путь на небеса ему закрыт. Эти персонажи отражают метания Фауста, однако они не имеют никаких характеристик.

Иначе дело обстоит со смертными грехами. Примечательно, что сцена знакомства Фауста с ними выполнена в юмористической манере. Перед Фаустом появляются Гордыня, Алчность, Гнев, Зависть, Чревоугодие, Лень и Слстолюбие. Фауст награждает некоторых из них ёмкими и точными характеристиками. Так, Зависть у него – завистливая негодяйка, а Слстолюбие – госпожа вертихвостка. Комична реакция Фауста на Чревоугодие, с которым он вступает в небольшую перепалку:

«Чревоугодие

<...> все мои родные померли и, ну их совсем, оставили мне прямо нищенские средства – их хватает на то только, чтобы кушать тридцать раз в день, а выпивать – так всего десять раз, сущие пустяки, чтобы удовлетворить натуру! Я царской породы: мой дедушка был Свиной окорок, бабушка – Бочка кларета. Крестными отцами у меня были Питер – Маринованная селедка и Мартин – Мартеновская солонина. А крестная моя... <...> Звали ее Марджерия – Мартовское пиво. Слышал, какова у меня родословная, Фауст? Угостишь меня ужином?

Фауст

Ну, нет, хоть убей, – ты сожрёшь все мои припасы!

Чревоугодие

Так пусть тебя дьявол задавит!

Фауст

Сам задавись, обжора!» [1, 305].

Абсурдность ситуации, гротесковость описаний, разговорные слова, проскальзывающие в речи образованного учёного, и простонародная манера общения Семи смертных грехов позволяют сделать вывод о том, что в этом эпизоде К. Марло не только обратился к традиционным для демонологических легенд образам, но и использовал элементы городской литературы и фольклора.

Наиболее самобытным фольклорным жанром является сказка. По свидетельству Е.М. Мелетинского, жанр сказки в классическом виде окончательно сложился именно в эпоху Средневековья. В «Заметках о средневековых жанрах, преимущественно повествовательных» (1994) он утверждает, что жанр сказки в западной культуре «отчётливо дифференцируется на такие более дробные жанровые образования, как сказка о животных, переходящая в басню, волшебная сказка, бытовая и анекдотическая» [5, 14]. Для нас в рамках заявлен-

ной темы наибольший интерес представляют бытовая и анекдотическая сказки. Для бытовой сказки характерно наличие мудрого и хитрого героя, жизнь которого выстраивается по воле случая, судьбы [5, 15]. Анекдотическая сказка «строится вокруг оси хитрец/глупец (плут обманывает простака, дураки терпят ущерб от собственной глупости или им, наоборот, неожиданно везёт)». Одновременно анекдотическая сказка дополняет бытовую [5, 15].

Е.М. Мелетинский выделяет существенные отличия бытовой и анекдотической сказок. Герои бытовой сказки и анекдота антиномичны по отношению друг к другу; в бытовой сказке персонажи (мудрецы, хитрецы, разбойники) нередко изображаются в негативном ключе, а персонажи анекдотов (плуты, хитрецы, ловкие воры) вызывают восхищение; основной темой бытовых сказок является судьба, тогда как в анекдотических сказках работает принцип «дуракам счастье» [5, 15].

На наш взгляд, в трагедии К. Марло встречаются эпизоды, которые воспроизводят дискурсы названных выше сказочных жанров. Драматург чередует основную философскую фаустианскую тему с комическими сценами, в которых предлагается сниженный вариант истории доктора Фауста.

Один из первых подобных эпизодов – сцена беседы Вагнера, ученика Фауста, с Шутком, которому он предлагает служить у себя. В беседе постоянно появляются отсылки к жизни самого Фауста. Вагнер говорит о Шуте, что тот «навверняка продал бы душу дьяволу за кусок баранины и притом даже сырой» [1, 284]. Здесь же звучат слова о контракте с нечистой силой. После небольшой словестной перепалки (содержащей сниженную лексику – «голь», «гол как сокол», «во вшивом короле», «пусть-ка сунутся сюда», и т.д.) Вагнер восклицает: «<...> Ну, шутки прочь, заключим договор на семь лет или я превращу всех твоих вшей в нечистых духов и они разорвут тебя в куски!» [1, 285]. Финалом сцены является согласие Шута прислуживать Вагнеру при одном условии: Вагнер должен научить его вызывать бесов Балиола и Белчера, а также превращаться в любое существо. Вагнер здесь выполняет роль Мефистофеля, а для Шута-Фауста главным в этом предприятии является то, что он сможет превращаться в блоху: «чтоб я мог быть сразу и тут, и там, и всюду. О, я проберусь во все прорехи к хорошеньким бабёнкам, ей-богу!» [1, 287]. При этом он возмущённо отказывается учиться превращаться в собаку, кошку,

мышь или крысу, так как это оскорбляет религиозные чувства истинного христианина.

Следующий эпизод, продолжающий анекдотическую фаустиану, – это сцена между конюхом Робинем и Ральфом. Робин утаскивает одну из «колдовских книг доктора Фауста» [1, 313] и начинает думать, что он великий волшебник, который может выполнить все желания – как свои, так и товарищей. Он хочет заставить всех девушек в приходе танцевать перед ним голыми, сулит Ральфу любовь кухарки Нэн Спит и говорит о своём фокусе – он сможет задаром напоить друга в любом кабаке Европы. После этого следует шуточная сцена с участием Трактирщика, который требует денег за серебряный кубок, и Мефистофеля, который прицепляет на спины всех действующих лиц фейерверки. Оказывается, чтобы вызвать дьявола, необязательно знать точное заклинание, достаточно произнести набор слов, напоминающих латинские и греческие выражения. Комически выглядит и финал эпизода: Мефистофель, разозлившийся из-за того, что ему по вызову дураков пришлось покинуть Константинополь, грозит превратить Робина и Ральфа в обезьяну и собаку. Однако слова, которые должны были напугать, их радуют:

«Робин

Как, в обезьяну? Вот здорово, я-таки позабавлюсь с мальчишками! Орехов и яблок у меня будет вдоволь! <...>

Ральф

А я стану собакой!

Робин

Ей-богу, твоя башка никогда не будет вылезать из горшка с похлёбкой!» [1, 318].

Если в этих двух эпизодах история Фауста примерялась к простолюдинам, людям необразованным и мало что понимающим в науках и искусствах, то в следующих картинах появляется сам доктор Фауст. Впрочем, его поведение и манера общения мало отличаются от простонародья.

У Фауста происходит стычка с Рыцарем на приёме у Императора из-за того, что Рыцарь начинает сомневаться в способностях Фауста вызвать духи Александра Великого и его возлюбленной и называет его фокусником. В отместку за это Фауст награждает недоверчивого Рыцаря рогами, что вызывает насмешку окружающих:

«Император

<...> Это ещё что, господин рыцарь? А я ведь думал, что ты холостяк! А теперь вижу – у тебя есть жена, которая наделяет тебя рогами, да ещё вдобавок заставляет тебя носить их! Пощупай себе голову!» [1, 322].

В трагедии Марло есть ещё один показательный эпизод – сцены между Фаустом и Барышником, который приобретает у Фауста лошадь. Доктор торгуется и предупреждает покупателя, что на ней не следует въезжать в воду, но он не послушал Фауста и въехал на лошади в пруд: «<...> Не успел я доехать до середины пруда, как моя лошадь исчезла, и оказалось, что я сижу верхом на охапке сена. <...> Но я разыщу своего доктора и верну свои сорок долларов, или это будет самая дорогая лошадь на свете! А, вон его шалопах! Эй, ты, где твой хозяин?» [1, 325]. В этой сцене элементы буффонады проявляются наиболее ярко. Обозлённый лошадиный Барышник требует немедленно разбудить Фауста:

«Барышник

Эге-гей! Эге-гей! (*Орет Фаусту в ухо*). Проснетесь вы или нет! Уж я добужусь вас! (*Тянет Фауста за ногу и открывает ее*). Ох, беда, что мне делать!

Фауст

О, моя нога, моя нога! На помощь, Мефистофель! Зови стражников! Моя нога! Моя нога!» [1, 326].

Испуганный Барышник предлагает Фаусту и Мефистофелю деньги и с позором убегает. Фауст доволен: у него «опять есть нога, а у барышника, будем считать, охапка сена за труды! Что ж, эта шутка будет ему стоить еще сорок долларов!» [1, 327].

Стилистические особенности этих эпизодов (просторечия, грубые выражения), наличие традиционных сюжетных элементов (обман, плутовство, воровство), обращение к низменным людским страстям позволяют сделать вывод о том, что Марло использует в них традиции средневековой литературы – анекдотической и бытовой сказок.

Таким образом, в «Трагической истории доктора Фауста» К. Марло представлено несколько дискурсов средневековой литературы. Используя демонологические легенды, драматург выстраивает связи между героем средневековой легенды Симоном-магом и легендарным доктором Иоганном Фаустом. В данном случае нельзя говорить о классической интердискурсивности текстов, так как между

легендой и трагедией нет ни стилистических, ни жанровых сходств, однако типология сюжета безусловна. Для адаптации зрителя к серьёзным философским проблемам трагедии Марло вводит в сюжетное полотно отдельные комические эпизоды, которые снимают напряжённость и серьёзность пьесы, но не умаляют общего пафоса картины. В них К. Марло использует дискурсы анекдотической и бытовой сказок, отдавая предпочтение анекдоту.

Литература

1. Марло К. Трагическая история доктора Фауста // Легенда о докторе Фаусте / Изд. подг. В.М. Жирмунский. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – С. 367-340.
2. Симон Волхв. Деяния Святых Апостолов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bible-center.ru/ru/bibletext/synnew_ru/ac/8:9-25
3. Жирмунский В.М. История легенды о Фаусте // Легенда о докторе Фаусте / Изд. подг. В.М. Жирмунский. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – С. 357-505.
4. Ишимбаева Г.Г. Образ Фауста в немецкой литературе XVI-XX веков. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 262 с.
5. Мелетинский Е.М. Заметки о средневековых жанрах, преимущественно повествовательных // Проблема жанра в литературе Средневековья. – М.: «Наследие», 1994. – С. 7-26.
6. Михайлов А.Д. Проблема жанра в литературе Средневековья // Проблема жанра в литературе Средневековья. – М.: «Наследие», 1994. – С. 3-6.

© Н.Р. Гумерова, 2014

И.В. Гурова

ПГСГА, Самара, Россия

Особенности *гейт*-образований XXI века

Гейт-образования привлекают большое внимание исследователей масс-медийного дискурса. Так, в работах В.Г. Костомарова, Е.С. Отина подробно рассмотрены этапы русификации английского слова *gate* как второго элемента сложного названия фешенебельного гостиничного комплекса *Watergate* (буквально «Водяные ворота»).

В 1972 году в этом вашингтонском отеле находилась штаб-квартира национального комитета демократической партии, куда с целью шпионажа проникли агенты ЦРУ. Вскоре словом «*Уотергейт*» (*Уотергейт*, «*уотергейт*», *уотергейт*) стали называть круп-

нейший в истории США политический скандал, приведший к отставке президента Никсона. По словам Е.С. Отина, «благодаря «ассоциации по смежности» название места скандала превратилось, по сути, в новое собственное имя: им стали обозначать отрезок времени вместе с локализованным в нем событием» [3,109].

Следующим этапом в смысловом развитии хрононима «*Уотергейт*» (от греч. *chronos* «время» и *опота, опута* «имя») стало ослабление его связи с топонимом (названием гостиничного комплекса) и появление в нем значения «любой политический скандал».

После вычленения части *-гейт* как самостоятельной единицы этот элемент приобрел силу словообразовательного форманта. С конца 70-х годов XX в. окказиональные слова, которые заимствуются, калькируются и создаются на русской почве на основе *гейт*-модели, образуют, по В.Г. Костомарову, последовательные, частотные и многообразные ряды или серии [1,239]. Характеризуя особенности словообразовательного освоения форманта *-гейт*, ученый подчеркивает, что это «отнюдь не уникальное явление, но лишь иллюстрация активного процесса, отвечающего вкусу эпохи в его благожелательности как к иноязычному, так и к заумно-книжному» [1,241].

Предмет нашего исследования - *гейт*-образования первых четырнадцати лет XXI века. Цель – охарактеризовать эти новообразования с семантической и грамматической сторон, проявляющихся в рамках масс-медийного дискурса.

Источником языкового материала явились ресурсы, распространяемые в сети Интернет, среди которых ведущее место заняли газеты, значимые в современном информационном пространстве, характеризующиеся широким диапазоном аудиторных групп («Аргументы и факты», «Взгляд», «Газета. ру.», «Дни. ру», «Известия», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Ленинградская правда», «Московская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Правда», «Правда. ру», «РБК Daily», «Российская газета», «Советская Россия», «Советский спорт», «Троицкий вариант», «Труд-7», «Финансовая Россия», «Znak.com», «Экспресс-газета»). В исследовании использовались также материалы информационных агентств «Новый регион 2» и «Новости», информационно-аналитического портала «Око планеты», «Национального корпуса русского языка» (газетный подкорпус). Заметим, что поиск в «На-

циональном корпусе русского языка» затруднен из-за особой *гейт*-модели слов. Объем выборки составил 45 номинаций.

Рассмотрим семантическую характеристику гейт-образований.

О.П. Сологуб, изучая закономерности усвоения иноязычных структурных элементов в русском языке, подчеркивает, что этому процессу способствует ряд лингвистических факторов, среди которых - наличие «пустой ячейки» для выражения определенного значения [4,131].

Ядро значения слов, имеющих в своем составе элемент *-гейт*, образует сема «политический скандал, вызванный какой-либо неблагоприятной ситуацией в высших эшелонах власти», напр.: *Президента Казахстана принимали с пышностью, о которой его коллеги по СНГ могут только мечтать, при этом никто в Вашингтоне не вспомнил про «Казахгейт»-скандальное дело о взятках г-ну Назарбаеву со стороны американских компаний, давно висящее в суде Нью-Йорка* // РБК Daile, 10 февраля 2006 г. Периферийные семы «скандал», «афера», «происшествие», «история», «миф» дополняют ядро, в значительной степени обуславливают семантическое развитие гейт-образований и их коммуникативное варьирование, напр.: *Челябинск-гейт* (заголовок статьи В. Мамонтова о падении метеорита в Челябинской области) // Комсомольская правда, 15 февраля 2013 г.; *Шишкингейт* - отказ писателя Михаила Шишкина представлять Россию на BookExpo America // Правда.ру, 11 марта 2013 г.; *Мишенин-гейт* - афера с земельными участками // Московский комсомолец, 7 декабря 2013 г.; *интели-гейт* – миф об интеллигенции // Новая газета, 30 августа 2004 г.

Анализируемые нами новообразования, большей частью «слова-однодневки», представлены следующими тематическими блоками:

1) политика (*Кучмагейт* - скандал, связанный с причастностью высшего руководства Украины к убийству журналиста Георгия Гонгадзе: *«Кучмагейт» стал катализатором распада пропрезидентского большинства в парламенте* // Труд-7, 30 января 2001 г.; *Сердюковгейт* - скандал, вызванный незаконной продажей имущества в Министерстве обороны России: *«В любом случае с самого начала расследования этого дела, получившего сразу же имя «Сердюков-гейт» по аналогии с известным скандалом «Уотергейт», в результате которого президент США Никсон потерял свой пост, стало ясно, что прикрытие у бывшего министра обороны самое мощное»* // Правда, 8

февраля 2013 г.; *Сноуденгейт* - скандал, возникший в связи с передачей газетам американским техническим специалистом Эдвардом Сноуденом секретной информации АНБ, касающейся тотальной слежки спецслужб США за информационными коммуникациями между гражданами всего мира: *«Сноуденгейт: как победить дракона»* // Око планеты, 10 июля 2013 г. и др.;

2) наука (*диссергейт* - скандал, связанный с некорректными заимствованиями в диссертациях: *«Диссергейт» по-уральски: профессор требует лишить ученой степени главного кандидата в ректоры* // Znak.com, 3 апреля 2013 г.; *Петрик-гейт* - скандал, возникший вокруг научных разработок Виктора Петрика: *«...инициативной группой была проведена систематизация всех материалов по «Петрик-гейту»* // Троицкий вариант, 26 октября 2010 г.; *климатгейт* - скандал с публикацией электронных писем и других документов климатологов университета Восточной Англии и их коллег: *«При этом внимание многих журналистов к этой теме, по замечанию авторов отчета, привлекли в основном не научные достижения, а научный скандал - «климатгейт»* // РИА Новости, 29 ноября 2010 г. и др.;

3) культура (*Шишкингейт*: *«Поклонники писателя-в политическом смысле-немедленно окрестили скандал «Шишкингейтом»* // Правда.ру, 11 марта 2013 г.; *Бхагават-гейт* - скандал с возможным запретом Томским судом священной индийской книги // Газета.ру, 21 декабря 2011 г.);

4) спорт (*Моджигейт* - коррупционный скандал в итальянском футболе: *«Апеннины благополучно перевернули черную страницу своей истории с «договорняками» - скандал, который получил название «Моджигейт» в честь бывшего гендиректора «Ювентуса» Лучано Моджи»* // Советский спорт, 14 апреля 2010 г.; *баскет-гейт* - скандал, связанный с записью телефонных переговоров между президентом ЦСКА Андреем Ватутиним и почетным президентом Российской федерации баскетбола Сергеем Черновым: *«Баскет-гейт: аудио-скандал в российском баскетболе»* // РБК Daile , 6 августа 2013г.;

5) шоу-бизнес (*Бейонсгейт* - скандал, возникший из-за исполнения гимна страны под фонограмму американской поп-звездой Бейонсе: *«Бейонсгейт приказал долго жить»* // Московский комсомолец, 1 февраля 2013 г.; *Кончита-гейт* - победа на «Евровидении» певица Томаса Нойвирта, более известного как Кончита Вурст: *«А с на-*

ступлением рабочей недели за **Кончита-гейт** взялись и другие политики» // Газета. ру, 12 мая 2014 г).

Перейдем к грамматической характеристике гейт-образований. Заимствованный компонент *-гейт*, ставший оценочной морфемой, выявляет деривационные способности в текстах СМИ в сочетании как с апеллятивом (*диссергейт*, *ЕГЭ-гейт*), так и с именем собственным (*Бастрыкин-гейт*, *Нуланд-гейт*).

Анализ языкового материала показал, что этот формант чаще соединяется с заимствованными основами, причем именами собственными (*Руби-гейт*, *Карачи-гейт*, *Гайегейт*, *Блэк-Джек-Гейт*, *Бридж-гейт*). Есть примеры его сочетания и с русскими или хорошо освоенными иноязычными основами: *конюшня-гейт*, *крендельгейт*, *аудиогейт*, *газгейт*, *Навальный-гейт*, *Артек-гейт*).

Антропоним+*гейт* - самая продуктивная модель образования слов (76,5%). Заметим, что наибольшей частотностью употребления характеризуется модель «фамилия+*гейт*» (*Шишкингейт*, *Трошкингейт*) - 93,7%, соответственно - низкой частотностью употребления - модель «личное имя +*гейт*», использующаяся для обозначения скандала, связанного с шоу-бизнесом (*Кончита-гейт*, *Бейонсгейт*). Нами зафиксирован только один пример модели «прозвище+*гейт*»: *Руби-гейт*.

При соединении апеллятива и *-гейта* возникли следующие неологизмы: *конюшня-гейт*, *моторгейт*, *костюм-гейт*, *крендельгейт* (конкретное существительное + *гейт*); *климатгейт* (абстрактное существительное +*гейт*); *ЕГЭ-гейт* (аббревиатура +*гейт*).

Получили распространение словосочетания с прилагательными и наречиями, образованными от названий стран: *На этот раз в центре очередного венгерского «аудиогейта» оказалась министр территориального развития в правительстве Дюрчаня Моника Ламперт* // Российская газета, 10 октября 2006 г); *«Карачи-гейт» по-французски* // Российская газета, 26 сентября 2011 г.).

Для анализируемых новообразований характерна высокая деривационная активность, которая способна находить выражение в языковой игре, служащей способом воздействия на адресата, напр.: *«Я не психиатр, и клинические случаи комментировать не берусь. А это клиника. Провокация, которая была устроена ФСБ еще полтора года назад. Впрочем, если они хотят превратить Ельцингейт в*

Путингейт, то это можно сделать» // Коммерсантъ, 3 марта 2001 г.; *«Интелли-гейт»* // Новая газета, 30 августа 2004 г.).

Попутно заметим, что написание слов с элементом *-гейт* не отличается единообразием: слитно (*Моджигейт*); через дефис (*Трош-кин-гейт*). Использование кавычек является маркером метафоры, прецедентности.

Таким образом, анализ языкового материала показал, что гейт-образования XXI в. представлены пятью тематическими блоками: 1) политика; 2) наука; 3) культура; 4) спорт; 5) шоу-бизнес. Наибольшей частотностью употребления характеризуется модель «фамилия +гейт».

Литература

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. - СПб.: Златоуст, 1999.-320с.
2. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. - М.: ООО «АТемп», 2006. - 440с.
3. Отин Е.С. Об «Уотергейте» и прочих «-гейтах» // Русская речь. 1996. №5. - с.109-114.
4. Сологуб О.П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Наука. Университет. 2002. Материалы Третьей научной конференции. Новосибирск, 2002. - с.130-134.

© И.В. Гурова, 2014

Г.Х. Даутова

ИФ УГАТУ, Ишимбай, Россия

Ф.М. Максютова

ИНК, Ишимбай, Россия

Коммуникативные интенции фонетической культуры речи

Современная лингвистика немыслима без комплексного подхода к изучению её основных проблем. В настоящее время активно развиваются когнитивное и этнолингвистическое направления, поэтому неудивительно, что при рассмотрении лингвистических вопросов преобладают когнитивный и лингвокультурологический подходы. Интегрированный подход к языку позволяет учитывать национальную специфику отдельно взятого языка, что является очень важным, потому что способы языкового выражения изменяются в зависимости от конкретного языка, культуры и традиций.

Когнитивный подход может быть применён к анализу разных лингвистических явлений, как грамматического, лексического, так и фонетического плана. [2,11] В связи с чем, лингвистические исследования неразрывно связаны с изучением разнообразных аспектов культуры. Этнолингвистика изучает язык как ресурс культуры и стремится соотнести язык и культуру в рамках одной или нескольких реализаций национальной картины мира. Понятие картины мира (в том числе и языковой) строится на изучении представлений человека о мире.

Язык в целом оказывается подходящим посредником между национальными языками. Язык одинаков у всех людей, различаются только способы его внешнего выражения. [4,54]

Культура речи представляет собой такой выбор и такую организацию языковых средств, которые в определённой ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечивать наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач. [1,83]

Основу общения в любой из форм составляет аспект звучания, поскольку язык изначально существует в устной форме. Так как в современном обществе широко распространена устная форма социокультурной и профессиональной коммуникации, фонетическая культура речи, например, иностранного специалиста, обеспечивающая адекватность и успешность общения, пути и средства её развития требуют к себе особого внимания, как в теоретическом, так и в практическом планах. Именно поэтому звучащей речи, и в частности её фонетическому аспекту, должно быть отведено важное место в процессе обучения новому языку.

Важность владения фонетическими средствами языка объясняется прежде всего тем, что звуковой язык всегда был и остаётся единственным языком человеческого общества. Следовательно, любые оттенки мысли передаются и воспринимаются через звуковую оболочку языка. Экспериментальные работы, проделанные психологами и физиологами, установили необходимость для человека фонематического слуха и стойких внутренних образов. [3,54]

Говоря о владении фонетической системой языка, или, иначе, системой фонетических средств того или иного языка, мы имеем в виду восприятие языкового материала на слух и умение пользоваться этими средствами в своей собственной речи. Особенности фонетиче-

ской системы каждого языка предъявляют различные требования к слуховым и двигательным ощущениям, связанным с восприятием и воспроизведением речи.

Понять природу восприятия незнакомого иностранного слова можно только путём изучения этого вопроса в сравнительном плане с процессом восприятия родного слова. Характерным для восприятия родного слова является то, что узнавание его происходит прежде всего по фонетической структуре. Однако при восприятии слов иностранного языка различение звуков на слух не отличается большой тонкостью, не вызывая в сознании обучающего представлений об артикуляторных движениях. Поэтому ведущим моментом в восприятии слова иностранного языка должно быть его значение, смысл. [3,56]

Формируемые слухо-произносительные навыки функционируют в стандартных речевых актах реальных ситуаций общения. Таким образом, можно считать, что показателем владения фонологической компетенцией является фонетическая культура речи инофона. [5,83]

Система становления фонетической культуры инофона (носителя иностранного языка и соответствующей картины мира) строится с учётом уровневого характера звучащей стороны речи: звук, слог, слово, словосочетание (синтагма), предложение (фраза), текст. Слухо-произносительные навыки в области звукового, акцентно-ритмического интонационного оформления речи формируются последовательно на одном и том же лексико-грамматическом материале. Принципиальное значение при отборе лексико-грамматического материала, на котором развивается фонетическая культура речи, имеет его коммуникативная ценность для обучающихся и актуальность его изучения. [5,84]

Исследования в области обучения произношению иностранного языка свидетельствуют о возможности сравнительного изучения мышечного чувства при произнесении звуков родного и иностранного языка при условии использования аналитико-имитативного способа объяснения новых звуков.

Существенное значение в работе над системой фонетических средств при обучении иностранному языку имеет усвоение понятий, связанных с изучением тех или иных фонетических явлений. Эти понятия должны быть усвоены настолько, чтобы обучающиеся могли фонетически правильно строить свою речь на иностранном языке.

Литература

1. Виноградов С.И. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. / Изд-во: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М. 1999г. 560с.
2. Даутова Г.Х. Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков) дис... канд. филол. наук. Уфа. 2004 г. с.11
3. Корндорф Б.Ф. Методика преподавания английского языка. М.- 1958 с.327
4. Никитин М.В. Место языковой картины мира в новой парадигме исследований: Материалы II Междунар. науч. конф., Челябинск, 5-6 дек. 2003 г. с.54
5. Шустикова Т.В. Фонетическая культура русской речи иностранных учащихся. Ж-л. «Высшее образование сегодня» № 9 -2010г. с. 82-84.

© Г.Х. Даутова, Ф.М. Максютובה, 2014

О.Ф. Демина
БашГУ, Уфа, Россия

Антиномия жизни и смерти в романе Теодора Драйзера «Американская трагедия»

Роман Теодора Драйзера «Американская трагедия», вышедший в свет в 1925 году, стал произведением, благодаря которому к автору пришла известность. Именно этот роман многие литературоведы называют шедевром американской литературы начала XX века, а самого автора, вслед за Гербертом Уэллсом, гением. В нем уже опытный журналист и писатель Теодор Драйзер в художественной форме, вероятно, наиболее полно отобразил основные жизненные принципы.

Общеизвестно, что Т.Драйзер, подобно многим его современникам, например, Джеку Лондону и Марку Твену, родился в бедной семье и не имел возможности получить систематическое образование. Но, возможно, именно данный факт способствовал возникновению неумейной жажды знаний и стремлению к постоянному самообразованию. По воспоминаниям самого писателя, он интересовался не только художественными произведениями, но и обратился к активному изучению философских трудов Гегеля, Леба, Шопенгауэра, Спенсера: «Я обратился к чтению Спенсера, Дарвина, Хаксли и Тиндала» [2, 193].

Итогом кропотливого труда стало формирование индивидуальной картины мира, в основе своей имеющей несколько основополагающих законов, принципов мироздания. Эта философская концепция мира имела, безусловно, эклектичный характер. Основные положения ее автор подробно изложил в книге «Записки о жизни». Материал к ней Т. Драйзер собирал на протяжении всей сознательной жизни, но так и не смог опубликовать. «Записки о жизни» задумывались автором в качестве своеобразного завещания потомкам, которое было опубликовано уже после смерти писателя в 1974 году под редакцией известного исследователя творчества Т. Драйзера Маргарит Тядер. В данном труде аккумулированы основные элементы философской мировоззренческой системы автора «Американской трагедии».

Одним из основополагающих принципов этой антитетической по сути модели мира является понятие контраста. Т. Драйзер считал, что все в мире существует в совокупности противоположностей, находящихся в равновесии. Данный принцип актуален и для понимания антиномии «жизнь-смерть». Именно через понимание смертельной опасности писатель часто описывает ценность человеческой жизни: «Поистине, без смерти жизнь, какой мы ее знаем, не могла бы существовать, так как большинство процессов, сопровождающих нашу жизнь, исчезло бы. Не было бы ни рождений, ни смерти, ни волнений, связанных с этими минутами, ни болезней стариков, ни проблем юности». [3, 320] Следовательно, как отмечает в своем исследовании Е.А.Морозкина, для Т. Драйзера «жизнь без смерти невозможна», а «смерть становится компонентом «антитетической модели» и противостоит жизни». [4, 24]

Подобный принцип, вероятно, применим и к художественной системе писателя. Так, например, сама композиция «Американской трагедии» основывается на принципе равновесия смерти и жизни в системе существования одной отдельно взятой семьи Гриффитсов. Это равновесие проявляется в своеобразной цикличности повествования, так называемой «кольцевой композиции». Начало романа описывает семью Клайда Гриффитса, главного героя «Американской трагедии» в процессе исполнения миссионерских обязанностей. Последние страницы романа посвящены уже не Клайду, который погиб на электрическом стуле за недоказанное преступление. Последние слова автора рассказывают о новом Гриффитсе – Расселе, «свежем, чистом, неис-

порченном и наивном мальчугане» [1], который снова, как некогда Клайд, сопровождает семью в религиозном действе. Таким образом, вероятно, автор передает мысль о бесконечности жизненного цикла, чередующегося со смертью, но не завершающегося ею.

Не менее драматичны страницы романа «Американская трагедия», где автор повествует о жизни героев в свете борьбы двух основ бытия: жизни и смерти.

В первый раз читатель видит это столкновение в эпизоде с девочкой, погибающей под колесами машины, в которой находилась компания Клайда. При описании данного происшествия Драйзер использует беспристрастный репортерский стиль повествования, но картина произошедшего отличается натуралистической, почти физиологической прорисовкой деталей: «Спарсер не мог ни остановиться, ни объехать ее, девочку сбило с ног и протащило несколько шагов, прежде чем машину удалось остановить» [1]. Однако, данная сцена является, на наш взгляд, своего рода подготовительным этапом для драматизации и эмоционального накала в восприятии следующих действий героя.

Вторым эпизодом, где проявляется противоречие и единство жизни и смерти, является сцена невольного убийства Клайдом Роберты Олден и их не рожденного ребенка. В данном случае Т. Драйзер показывает буквально каждую секунду жизни своего героя. Особенно интересен факт описания не только действий героя, но и его мыслей, чувств, реакций. Читатель практически всеми органами чувств ощущает переживания героя: «Крики Роберты еще звучат в его ушах, он видит последний безумный и умоляющий взгляд ее закатившихся глаз. И мысль, что в конце концов он ведь не убил ее» [1]. Эта фотографическая точность добавляет ощущение ужаса в восприятие текста и интуитивное отторжение действий Клайда, противоречащих законам человеческого существования, направленного на сохранение жизни, в первую очередь, жизни ребенка.

Третий, вероятно, кульминационный эпизод художественного столкновения жизни и смерти в романе «Американская трагедия» - это достаточно продолжительный период ожидания Клайдом вынесения приговора и его исполнения. Человек, являвшийся причиной смерти других людей, сам оказывается в роли жертвы. Клайду суждено в гораздо большей мере испытать весь ужас ожидания и приня-

тия смерти, нежели его жертвам. Таким жестоким способом проявляется в жизни героя принцип равновесия и контраста.

Возможно, подобный дуализм в изображении персонажа можно объяснить и позитивистскими взглядами Теодора Драйзера, который, вслед за Г. Спенсером, приходит к выводу, что «все живые существа повинуются холодному и жестокому закону» [2, 7], когда сильные вытесняют слабых. Последние обречены на смерть. Но Т. Драйзер как один из величайших гуманистов своего времени просит не забывать «о милосердии и сострадании к тем, кто побежден». [2,7] Об этом говорят и полные надежды последние слова романа, в которых выражаются чаяния матери Клайда: «Ее дорогой мальчик. Свет и радость ее на склоне лет. Она должна быть добра к нему, снисходительна, не слишком строга, как, может быть, она была к... С нежностью и чуть рассеянно смотрела она вслед убежавшему мальчику. Ради него» [1].

Таким образом, можно сказать, что Теодор Драйзер художественно описывает картину мироздания, иллюстрируя ее в контексте романной структуры «Американской трагедии». Одной из основных составляющих данной мировоззренческой концепции является антиномия «жизнь-смерть», представляющаяся ключевой в художественном мире повествования о Клайде Гриффитсе. Но даже в этом жестокое противостоянии, детерминированном позитивистской концепцией, автор находит место для гуманистических идеалов, к следованию которым и призывает человека.

Литература

1. Т. Драйзер. Американская трагедия// <http://lib.ru/INPROZ/DRAJZER/tragedy.txt>
2. Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка. – М.:Радуга, 1988, 416 с.
3. Dreiser Th. The Problem of Death // Dreiser Th. Notes on Life. - University of Alabama Press, 1974, 352 p.
4. Морозкина Е.А. Творчество Т.Драйзера и литературное развитие США на рубеже XIX – XX веков. - Уфа, 1994, 157 с.

© О.Ф. Демина, 2014

**Лингвострановедческий аспект преподавания курса
«Современный русский язык» в иностранной аудитории**

Расширение и углубление межгосударственных и межкультурных связей, интенсивное использование международных информационных систем, мировые интеграционные процессы привели к тому, что «современное образование носит ярко выраженный международный характер» [2, 63]. Число иностранных студентов в России увеличивается, их обучение становится важным направлением деятельности вузов. Адаптация студентов-иностранцев к иноязычной и инокультурной среде невозможна без знания русского языка, а его специальное изучение является необходимым условием подготовки обладающего коммуникативной и социокультурной компетенциями квалифицированного специалиста, который способен вести профессиональную деятельность на русском языке.

В течение нескольких лет в Башкирский государственный университет приезжают китайские студенты, обучающиеся на специальностях филологического профиля в Ляонинском университете. Имея базовые знания по русскому языку, приобретенные в процессе его изучения у себя на родине, они должны овладеть теоретическим курсом «Современный русский язык». В этой ситуации, как показывает наш практический опыт, приоритетным становится традиционно разрабатываемое в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) лингвострановедческое направление. Опираясь на соизучение языка и культуры, такой подход предполагает и историко-культурологический, и лингвокраеведческий компоненты. Постигание русского (в данном случае как иностранного) языка неотделимо от изучения русской культуры, и на этом пути важную роль играет знакомство с историей и культурой тех мест, где живут обучающиеся, поэтому при обучении коммуникации необходимо учитывать реальные социокультурные (местные) условия общения, на что не раз обращали внимание ученые и методисты (Ю.Е. Прохоров, Ю.А. Ендольцев и др.)

Уфа предоставляет немалые возможности для того, чтобы иностранные студенты могли почерпнуть общекультурную и регионально-культурную информацию, позволяющие проникнуть в русский

мир. Неизгладимый след в культурном пространстве нашего города оставили великие Аксаков, Шаляпин, Нестеров. Уфа не только столица одного из крупных российских регионов, это город с многовековой историей - в топонимике Уфы, в обозначениях старого и нового её облика, в названиях городского интерьера язык воплощает нашу культурную память, и, по замечанию С.Г. Тер-Минасовой, «за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [3, 76].

По уже устоявшейся традиции в завершение изучения китайскими студентами раздела «Лексикология современного русского языка» мы проводим специальное занятие-экскурсию в Мемориальном доме-музее С.Т. Аксакова. Предваряют его, во-первых, краткий рассказ преподавателя о знаменитом русском писателе, чьи книги переведены на китайский язык, и о семье Аксаковых, которую называют феноменом отечественной культуры, и, во-вторых, самостоятельная работа студентов – они получают список слов, которые услышат в речи экскурсовода, с тем чтобы заранее проверить их значения по двуязычному словарю (например: *аллея, экспозиция, мемориальный, гостиная, губерния, буфет, полог, утварь и т.д.*). Сотрудники музея, опытные и квалифицированные экскурсоводы, выстраивают «путешествие» по дому Аксакова с ориентацией на иностранцев: вполне доступно освещают они исторические факты, обращают внимание на термины, повторяют несколько раз фразы, содержащие фоновую лексику, терпеливо отвечают на многочисленные вопросы. Во время экскурсии студенты делают необходимые записи. На наш взгляд, само устройство музея очень удобно для занятия по лексикологии: дом сохранился с XVIII-го века, в нем много старинных вещей, представлен дворянский и крестьянский быт, так что иностранные студенты могут активизировать свое понимание и знание различных пластов русской лексики – устаревшей, заимствованной, специальной, стилистически окрашенной.

Это занятие имеет свое продолжение – в процессе аудиторной работы: студенты читают текст о Доме-музее С.Т. Аксакова, выполняют предтекстовые задания (например: 1) проверьте, усвоили ли вы значения слов и выражений, предложенных перед экскурсией; 2) определите значения слов по строению, по однокоренным словам – *уфимцы – Уфа, гостиная – гость, краевед – ведать (знать) о крае, слуга – служить, прислуживать и т.п.*; 3) определите, пользуясь

толковым словарем, есть ли стилистические пометы у слов *крыльцо, людская, парадный, фисгармония, интерьер и др.*). Приведем отрывок из текста: «Если идти по Софьюшкиной липовой аллее, в которой большие столетние деревья раскинули ветви, то в конце её увидим Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова. Он представляет собой старинную постройку из липы с высоким крыльцом и балконом-верандой, откуда открывается вид на реку Белую. Дом-музей был открыт в 1991 году к 200-летию со дня рождения знаменитого писателя».

Послетекстовая работа показывает, как овладение лексическими единицами связано с речевой деятельностью: студентам предлагается ролевая игра – они должны провести экскурсию по одному из залов (на выбор) музея С.Т. Аксакова, используя фотоматериалы и буклеты. Конечно, такое задание представляет известную трудность, но оно носит творческий характер, определяет, насколько воспринимаемая на слух экскурсионная речь была понята студентами с точки зрения заложенной в ней информации, обеспечивает коммуникативное взаимодействие участников. Послетекстовые задания могут быть также связаны с другими изученными темами курса (например: 1) найдите во 2-ом абзаце слова с переносным значением; 2) постройте синонимический ряд для глагола *перебрались* в предложении *После смерти старого Зубова Аксаковы перебрались в его дом* и т.п.) В заключение с участием всех студентов группы на основе полученной информации составляется краткий рассказ о С.Т. Аксакове, который обязательно записывается.

Думается, что занятия подобного типа играют важную роль в формировании необходимых компетенций у обучающихся русскому языку, они отвечают интересам самих студентов, для которых большое значение имеет преодоление не только языкового, но и культурного барьера. Лингвострановедческий и - шире – культуроведческий подход в обучении русскому языку иностранцев чрезвычайно актуален, ибо «Каждый народ видит ИНВАРИАНТ БЫТИЯ в своей особой, неповторимой ПРОЕКЦИИ. Специфика этой проекции запечатлевается в языке» [1, 325].

Литература

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. - 349 с.
2. Сурыгин А.И. Теория обучения на неродном языке: состояние и перспективы // Мир русского слова. - 2001. - №4.- С. 63- 66.

3. Тер-Минасова С.Г. Слова, слова, слова. Язык, культура, межкультурная коммуникация // Мир русского слова. – 2000. - №2. – С.72 – 83.

© Е.В. Евдокимова, 2014

Е.Н. Ермакова

Филиал ТюмГУ, Тобольск, Россия

Отфразеологическое словообразование в сфере коммуникации

Отличительная черта современной эпохи – раскрепощённость носителей языка. Как следствие этого, в языке появляется множество всевозможных новообразований, которые ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, а на способности, заложенные в системе языка. «Чрезвычайно динамично ... развивается фразеосистема языка: в настоящее время возрастает тенденция семантических и стилистических преобразований фразеологических единиц» [4, 272]. Так, одним из активных способов пополнения лексического и фразеологического фондов языка является образование слов на базе уже имеющихся в языке фразеологических единиц. Появление отфразеологических слов – это те новообразования, которые вызваны временем и заполняют лакуны лексической системы, не занятые имеющимися нормативными лексемами.

Изучение парадигмы «производящий фразеологизм → производная лексема» в дериватологии современного русского языка связано с исследованиями Н.Ф. Алефиренко, О.С. Ахмановой, А.М. Бушуя, Ю.А. Гвоздарева, С.Н. Денисенко, В.В. Истоминой, Т.М. Кондратюк, В.М. Мокиенко, А.В. Петрова, Р.Н. Попова, В.Н. Пугач, Е.В. Сенько, Н.М. Шанского и др. В их работах получила дальнейшее развитие мысль В.В. Виноградова о том, что «фразеологические единицы – это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и источник рождения новых слов» [2, 122].

Новые единицы рассматриваются лингвистами в различных аспектах, но явление это до сих пор не признано системой и требует комплексного рассмотрения и основательной лексикографической разработки. В лингвистической литературе до сих пор нет единого определения для процесса образования новых слов на базе фразеологических единиц, нет и единого наименования для тех единиц, которые образуются. Это явление характеризуют как лексикализацию словосочетания (Р.Н. Попов), отфраземное словообразование (Е.В.

Сенько, В.Н. Пугач), отфразеологическое словопроизводство (А.М. Бушуй), семантическое сжатие (Т.Н.Семенова), окказиональную лексическую деривацию (М.А. Алексеенко), фразеологическую деривацию (С.Н. Денисенко, А.В. Петров). Мы считаем целесообразным использовать термин «отфразеологическое словообразование» (М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусова, О.И. Литвинникова), так как в нем содержится, во-первых, понимание того, что называется процессом образования слов, во-вторых, этот процесс характеризуется как специфический, отличный от традиционного словообразования. Образующиеся в результате межуровневого взаимодействия слова находятся в отношениях формально-структурной и семантической производности с производящим фразеологизмом (*вертеть хвостом* → *вертихвостка*, *щелкать пером* → *щелкопер*, *ничего не делать* → *ничегонеделанье*, *коптить небо* → *небокоптител*, *снимать пенки* → *пенкосниматель* и др.). Анализ таких слов позволяет отразить смысловые и структурные связи между производящими фразеологическими единицами и производными лексемами; охарактеризовать словообразовательный потенциал фразеологизмов русского языка; проанализировать и описать способы образования лексем, образованных от фразеологизмов.

Семантико-стилистические особенности слов, образованных от фразеологизмов, далеко не всегда нормативны. Это лексика самого широкого семантического диапазона, разного характера экспрессии и степени сниженности, зафиксированная в литературных источниках, публицистике и разговорной речи.

Отфраземная неологизация осуществляется в основном на уровне речи. Инновации появляются как окказионализмы, и только немногие из них впоследствии приобретают статус узуальных лексем. Но, даже став полноправными единицами языка, эти производные лексемы нередко имеют ярко выраженную разговорную окраску и сохраняют эмоциональную выразительность.

Во многих случаях словообразовательное соотношение и мотивированность соотносительных фразеологизмов и их производных лексем прослеживается явно: *втирать очки* (кому) → *очковтира-тель*, *снимать пенки* → *пенкосниматель*, *лить воду* → *водолей*, *марать бумагу* → *бумагомаратель*, *мягкое сердце* (у кого) → *мягкосердечный*, *не шутка* → *нешуточный*, *грести под себя* → *подсебязребение*; в то же время происхождение некоторых слов совершенно не ощущается, так как полностью утрачена явная мотивированность.

Так, например, только этимологически можно определить, что лексема *простофиля* образована на базе фразеологизма *простой Филя*, лексема *щелкопер* образована на базе фразеологизма *щелкать пером*; также утрачена связь с производящими фразеологизмами у лексеме *подноготная*, *сногшибательный*, *сумасбродить*, *краснобай*, *головотяп*, *душеприказчик*, *бедокур*, *бедокурить*, *сегодня*, *рифмоплет* и некоторых других.

Учёные приходят к выводу, что основным фактором появления слов, образованных на базе фразеологизмов, является желание автора придать сообщаемому особую выразительность. Большей части фразеологических единиц уже свойственна экспрессивность. Производные неологизмы, функционируя в языке, становятся «усилителем» экспрессии текста, в основном художественного. Информация, которая заложена в производящем фразеологизме, в производном слове обогащается новыми экспрессивными оттенками. Сравним: в художественном тексте *Тот, кто хочет **снимать пенки** с людской наивности, должен, хотя бы внешне, терпимо относиться к нелепым правилам, - пока их не заменят пусть также нелепые, но новые.* (С.Алешин. Встречи на грешной земле) с помощью узуального фразеологизма *снимать пенки* со значением «брать самое лучшее, выгодное, опережать других» характеризуется ситуация, в которой может оказаться лицо, производящее какое-либо действие. В тексте *И сколько накопилось имитации, супермаркетских, пропитанных химией полешек? Я занимаюсь всем и ничем, **пенкосниматель**. Из затравленного сощакала превратился в сомнительного любимца буржуазии.* (В.Аксенов. Новый сладостный стиль) использована отфразеологическая лексема *пенкосниматель*, образованная с помощью агглютинации, со значением «тот, кто берет самое лучшее, выгодное, опережает других». Под агглютинацией в сфере фразеологии понимаем «способ образования слов на базе фразеологизмов, при котором происходит соединение не соединяемых в свободном употреблении двух (или более) компонентов фразеологизма в одно целое. Компоненты фразеологизма именно «приклеиваются», «склеиваются» друг с другом и превращаются в морфему в составе новообразования» [3, 30]. Кроме агглютинации, в формировании значения «лицо, производящее действие» участвует агглютинационный суффикс *-тель*. В приведенном контексте отфразеологическая лексема дает определенную оценочность личностным качествам героя, указывая на его не-

достатки. Такое окказиональное использование фразеологизма в художественном тексте усиливает экспрессию, что соответствует замыслу автора.

Изменение лексического и фразеологического состава языка – закономерный и предсказуемый процесс. Необходимость пополнения фонда в первую очередь связана с необходимостью удовлетворения растущих потребностей в новых обозначениях. Образование слов на базе фразеологизмов (узуальных и окказиональных) занимает в системе языка особое место и является одним из источников такого пополнения. Слова, возникшие на базе фразеологизмов, придают особую красочность языку, позволяют создавать более яркие типы и характеры, придать им образную насыщенность и оригинальность.

Литература

1. Алексеенко, М.А. Белоусова, Т.П., Литвинникова, О.И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. – М.: Азбуковник, 2003. – 395 с.
2. Виноградов, В.В. Современный русский язык. Вып. 2. Введение в грамматическое учение о слове. – М.: Учпедгиз, 1938. – 590 с.
3. Ермакова, Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: автореф. дис. ... д-ра наук. – Тюмень, 2008. – 41 с.
4. Ермакова, Е.Н., Прокопова М.В. Трансформация фразеологических единиц как языковая стратегия массовой литературы (на материале цикла Б.Акунина «Нефритовые четки») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. –2013. №3 – С. 271-281.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П.Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.
6. Ширшов, И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. – М.: АСТ, 2004. – 1022 с.

© Е.Н.Ермакова, 2014

Е.Н. Ермакова, Е.Г. Гаврилова
Филиал ТюмГУ, Тобольск, Россия

Отражение этнокультурных особенностей во фразеологизмах с числовыми компонентами «один», «два», «три» в русском и английском языках

Во многих фразеологизмах как русского, так и английского языка одним из компонентов являются бывшие лексемы с числовым значением.

Анализ языкового материала позволил сделать вывод о том, что представленность компонентов фразеологизмов – бывших лексем имен числительных различается. Самым частотным компонентом как в русском, так и в английском языках является компонент **один**.

В божественном аспекте единица – та точка отсчёта, от которой произошёл мир, то есть единица – начало начал. Единица – это символ человека, единственного в своем роде, неповторимого, уникального [3, 142].

С числом один у русского народа, привыкшего жить общинами и создавать большие семьи, связано представление об одиночестве: *один, как ветер в поле, один – одинёшенек, один как перст*. Один как символ человеческого «я» представлен и в английских единицах, например, *the only one* или *the one and only* – «один и только один», *number one* – «я, собственная персона», *my one and only* – «мой и только мой», *one in a thousand* – «очень редкий, редкостный, один на тысячу». По нашим наблюдениям, лингвокультурологическое наполнение фразеологизмов с компонентом один у русских и англичан различно: во фразеологической системе русского народа почти не встречаются единицы, выделяющие собственное, независимое «я» человека, у англичан, наоборот, подчеркивают значимость отдельно-го индивидуума.

Продемонстрируем функционирование этих фразеологизмов:

Один, как перст теперь, один!» – повторил он несколько раз и каждый раз выносил вперед свою руку с отделенным указательным пальцем. (И.С.Тургенев. *Отцы и дети*).

I take my hat off to the woman! She's one in a thousand (Agatha Christie. *N or M?*).

Число **два** символизирует парность, четность, удвоение. Воплощает в себе нечто преходящее, неустойчивое, делимое, неоднозначное [1, 69]: *между двумя стульями сидеть, ни два ни полтора, палка о двух концах, между (меж) двух огней*. Довольно популярные фразеологизмы в этой группе имеют библейское происхождение: *двум господам служить* – «работать, действовать, угождая двум противостоящим сторонам», *меж двух разбойников* – «человек, оказавшийся в позорящей его ситуации (компании), но при этом сохраняющий свои положительные качества» (имеют библейское происхождение).

«Два» служит для передачи антагонизма и противоречия: *two-faced* – «неискренний, двуликий», *torn between two things* – «трудный выбор между двумя (вещами)», *have two strikes against one* – «быть в трудной ситуации, иметь что-либо работающее против кого-либо», *have second thoughts about (someone or something)* – «испытывать сомнения по поводу кого-либо чего-либо», *to be in two minds* – «быть в нерешительности, стоять перед альтернативой», *swim between two waters* – «колебание между двумя мнениями или решениями».

Три является в понятии народной Руси числом, напоминающим всякому православному человеку о Божественной Троице. Троичностью пронизаны и дохристианские русские символы и понятия – культовые образы «трех солнц», три коня, установленные на крышах некоторых домов в виде вырезанных из дерева фигур [3, 143].

Отметим, что фразеологизмов с компонентом **три** с религиозным подтекстом в ходе исследования не обнаружено. В основном две противоположные коннотативные характеристики: «много» и «мало». Например, *драть три шкуры* – «взимать с кого-либо большие налоги; продавать что-либо по высокой цене и т.п.», *лить слезы в три ручья* – «горько, долго и безудержно плакать», *наврать с три короба* – «очень много наговорить, наобещать, наврать»; и в то же время: *в трёх шагах* – «очень близко, совсем рядом, недалеко», *в трёх соснах заблудиться* – «не суметь разобраться в чем-либо простом, несложном; не найти выход из самого простого затруднения».

Проиллюстрируем функционирование этих фразеологизмов примерами из художественной литературы:

Кресла с бабушкой прямо опустили посредине кабинета, в трёх шагах от генерала (Ф.М.Достоевский. Игрок).

Наговорили мне о тебе с три короба, а ты – карась как карась, – только и всего (М.Е.Салтыков-Щедрин. Сказки / Карась-идеалист).

В английской культуре символика числа три не так популярна, хотя в фольклоре все же встречаем: *три испытания и три попытки главного героя, три загадки, три вопроса*. Когда в мифах и легендах упоминаются три брата или сестры, три поклонника, три испытания, три желания и т.д., то первый и второй элементы, в общем, соответствуют тому, что уже имеется, а третий элемент представляет логическое или чудесное исполнение желаемого или разыскиваемого; но этот третий элемент может быть также отрицательным [2,

96]. Подтверждение этому высказыванию можно обнаружить в английских ФЕ: *two is company, but three is none* (вариант: *two's a company, three's a crowd*) – «где двое, там третий – лишний».

С числительным *the third* у англичан связываются представления о третьем лице (стороне) как субъекте юридических отношений [4, 164]: *assign one's rights to the third party* – «передавать, переуступать чьи-л. (свои) права третьей стороне»; *bona fide third party* – «добросовестная третья сторона», а также *second opinion* – «мнение третьей, незаинтересованной стороны; третейский суд». Юридические действия находят отражения и в таких фразеологизмах как *give a third* – «вести допрос», *give someone the third degree* – «допросить кого-либо с пристрастием». Так с помощью фразеологизмов мы можем прикоснуться к истории нации, ведь мы знаем, что у народов Западной Европы юриспруденция становится неизменным спутником культурного развития.

Her boy was locked up and given the third degree and a beating, in an effort to get a confession from him (Jack Black. A burglar looks at laws and codes).

Итак, фразеологизмы с компонентами - бывшими лексемами, именами числительными – достаточно обширный пласт как русского языка, так и английского языка. Символика чисел была всегда интересна людям, особенно часто её связывали с религиозными культами, поэтому многие из них отражают верования русских и англичан, их мифологические представления о тех или иных числах.

Литература

1. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова / под ред. В.М. Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
 2. Керлот Х.Э. Словарь символов/Х.Э. Керлот. - М.: Refl-book, 1994. – 395 с.
 3. Ключников С.Ю. Священная наука чисел / С.Ю. Ключников. – М.: Беловодье, 1996. – 192 с.
 4. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.
- © Е.Н. Ермакова, Е.Г. Гаврилова, 2014

Этимология русских фамилий

Увидеть первожизни завязь
И заглянуть во времена,
Когда из хаоса рождались
Фамилии и имена.
(Н. Заболоцкий)

Любой из нас, хотя бы раз в своей жизни, задавался вопросом: «Какое значение имеет моя фамилия? откуда берут начало мои корни?».

Специалист по ономастике В.А. Никонов дает такое определение: «Фамилия – наследственное имя семьи, первичной ячейки общества» [2, 5].

«Само слово "фамилия" происходит от латинского familia – семья. Так, связь между словами "семья" и "фамилия" не случайна, фамилия – это семейное наименование, прибавляемое к имени и отчеству человека» [5, 13].

Многие фамилии с течением времени претерпевали трансформации, скрывающие их первоначальный, истинный смысл и значение. Причинами изменения написания фамилий стали смена быта, обычаев, языка [1, 34].

Ономастическое исследование поможет разобраться в языковой формуле фамилии, раскрыть многие удивительные тайны и загадки.

Материалом исследования послужил словарь Медведева Ю.М. «1000 русских фамилий и имен» (2009 г.). Общее число рассмотренных семантических единиц составляет 500 фамилий.

В ходе нашего анализа мы проанализировали и выделили несколько самых многочисленных семантических групп согласно их образованию:

- а) фамилии, образованные от имени (1. полной формы крестильного имени; 2. мужских имен; 3. женских имен);
- б) фамилии, образованные от названия профессий;
- в) фамилии, образованные от прозвищ (1. ботанических терминов: фруктов, овощей и других плодов; 2. от названия животных: птиц, млекопитающих, рыб).

1. Фамилии, образованные от имени:

Имена, получаемые детьми вскоре после рождения, делятся на две категории: официальное имя, даваемое священником при крещении, и внутрисемейное имя, даваемое родителям (160 единиц, 32%).

Фамилий, образованных от крестильных имен, значительно больше, чем фамилий, образованных от внутрисемейных имен [4, 37].

А) Фамилии, образованные от полной формы крестильного имени.

Фамилии, рассматриваемые в этой тематической группе, восходят к их непосредственному источнику – светской форме крестильного имени, которое через позднюю церковнославянскую форму восходят к греческому прототипу.

Фамилии, образованные от полной формы крестильного имени, входят в число наиболее распространенных русских фамилий (72 единицы, 14%): *Зотов*<*Изот*; *Ипатьев*<*Ипатий*, *Корнилов*<*Корнелий*; *Ларенев*<*Лавр*; *Ливанов*<*Ливаний*; *Лупанов*<*Луп*; *Макаров*<*Макар*; *Нифонтов*<*Нифонт*; *Севастьянов*<*Севастьян*; *Симонов*<*Симон*; *Трефолев*<*Трефилий*; *Фирсов*<*Фирс*; *Фомин*<*Фома*; *Юдин*<*Иуда*.

В) Фамилии, образованные от мужских имен.

Фамилии могут образовываться и от мужских имен, если последнее включает суффикс, указывающий на отношение либо к дочери, либо к жене (32 единицы, 6,4%).

Фамилии этого типа редки: *Егоровнин*<*Егоровна*<*Егор*; *Елисеевнин*<*Елисеевна*<*Елисей*; *Сидоровнин*<*Сидоровна*<*Сидор*; *Ильиничнин*<*Ильинична*<*Илья*; *Афонюшинин*<*Афонюшина*<*Афоня*<*Афанасий*.

С) Фамилии, образованные от женского имени.

Русские женские фамилии в основном греческого происхождения. На Руси они утвердились с помощью церковнославянского языка. Многие из них обладают параллельными народными уменьшительными формами, и зачастую следуют словообразовательной модели мужских имен [4, 88].

Приведем примеры фамилий, образованных как от полной, так и уменьшительной форм крестильных женских имен (56 единиц, 11,2%): *Акулинин*<*Акулина*; *Малахова*<*Малахия*; *Манкин*<*Мария*; *Маринин*, *Маринкин*, *Опраксин*/*Апраксин*<*Опракса*/*Апракса*<*Евпраксия*;

Улитин<Улита; Феклин<Фекла; Ховрин<Феврония; Христинин, Христин<Христина, Христя.

2. Фамилии, образованные от названия профессий

Фамилии, образованные от названий профессий, свидетельствуют о разнообразии и глубокой специализации ремесел в старой России. Их первоначальное значение легко поддается установлению. Но некоторые сохранившиеся кустарные ремесла теперь именуются по-новому; названия же других мало чем отличаются от современного произношения и написания, (52 единицы, 10, 4%): Ардашев<Ардашник (торговец дешевым низкосортным шелком – ардашем); Батраков<Батрак (наемный работник); Епанечников<Епанча (тот, кто шьет плащи); Пряничков<Пряничников (тот, кто делает пряники); Рындин<Рында (телохранитель, оруженосец); Скляр<Скляр (стеклодув);

3. Фамилии, образованные от прозвищ:

А) Фамилии, образованные от ботанических терминов.

Эта группа включает в себя фамилии, образованные от названий деревьев, трав, овощей, фруктов, ягод. Они менее употребительны, чем зоологические, поэтому немногочисленны (63 единицы, 13%).

1. Фамилии, образованные от названия фруктов (43 единицы, 9%): Апельсинов; Арбузов; Ананасов; Вишнев; Виноградников, Виноградин; Дынин, Дынкин; Сливин; Грушин; Яблоков, Яблочников, Яблочкин.

2. Фамилии, образованные от названия овощей и других плодов (20 единиц, 4%): Огурцов; Тыквин; Стручков; Картошкин; Горохов; Луков; Бобов; Репин; Помидоров; Ботвин; Чесноков; Орехов.

В) Фамилии, образованные от названия животных.

Как часто в жизни мы можем встретить людей с фамилиями Баранов, Волков, Воробьев, Голубев, Муравьев, Карпов.... Если приглядеться к фамилиям такого типа поближе, то можно отметить одну общую закономерность – образованы они от названий рыб, животных, птиц и насекомых. Эта группа является самой многочисленной (225 единиц, 50%).

В основном эти фамилии были образованы от прозвища родоначальника. Чтобы выделить человека, наши предки придумывали

различные прозвища, метко подмечая его внешние или внутренние особенности [3, 139].

Диалектные особенности носителей языка также нашли свое отражение в фамилиях. Как только не называли жители разных населенных пунктов животных, птиц и насекомых: скворца – шпаком (Скворцов – Шпакин), белку – векшей (Белкин – Векшин), цаплю – чепурой (Чепурин), селезня – селех (Селехов) [1, 56].

Изучая такие фамилии, можно много узнать о фауне и флоре нашей страны, какие животные ее населяли, каким был растительный мир.

С) Фамилии, образованные от названия птиц.

В России птицы всегда пользовались большой любовью, и множество фамилий произошло от их названий (70 единиц, 14%). В первой сотне самых употребительных русских фамилий они занимают девять позиций: *Воронин*(97); *Воробьев* (63); *Сорокин*(55); *Гусев* (52); *Орлов*(27); *Соловьев* (25). Фамилии, образованные от названия птиц различны: Балабанов (прирученный сокол); Ветютнев<ветютень (лесной голубь); Воронов, Воронков, Воронцов; Загоскин<Загоска (кукушка); Конюков<Конюк (полевой коршун); Клушин<Клуша (курица – наседка); Коргин<Корга (ворона); Ласточкин; Лунев; Перепелкин; Попугаев; Ремезов<Ремез (синичка);

Д) Фамилии, образованные от названия млекопитающих.

Фамилии, производные от названий млекопитающих, довольно типичны, но не столь многочисленны (90 единиц, 18%). В различных населенных пунктах одни и те же животные назывались по-разному. Например, волка во многих регионах России называли бирюком, откуда и пошла фамилия Бирюковы.

В списке первых ста русских фамилий они занимают 6 позиций, а именно: *Быков* (82); *Соболев* (72); *Баранов* (70); *Зайцев* (45); *Козлов* (36).

Продemonстрируем другие примеры: *Ануфриев*<*Онуфрий* (греческий священный бык); *Аргамаков*<*Аргамак* (породистая восточная, турецкая или кабардинская лошадь); *Байков*<*Байбак*, *бабак* (степной сурок); *Балабанов* <*Балабан* (прирученный сокол); *Бугаев* (Бык); *Буланов* <*Буланый* (светло-желтый конь); *Выжлецов* (охотничья собака); *Козин*; *Корсаков*<*Корсак* (степная лисица); *Кошляков* (морская выдра); *Пыжиков*<*Пыжик* (молодой северный олень); *Стрекопытов*<*Стрекопыт* (резвый стремительный скакун).

Е) Фамилии, образованные от названия рыб.

Фамилии, образованные от названия рыб, менее многочисленны и менее типичны, чем фамилии первых двух групп. Наиболее распространённая фамилия Ершов, занимает 101 место в частотном списке (65 единиц, 13%): *Белугин; Вандышев (вид корюшки); Густерин < Густера (морская плотва); Карасев; Лецев; Линеv; Навагин; Налимов; Сазанов; Сигов; Снетков < Снеток (корюшка); Суцев (сушеная корюшка); Трескин; Уклейкин; Чебаков (рыба семейства карповых); Чиров (вид лосося).*

Итак, мы рассмотрели 500 единиц фамилий и выделили 3 семантические группы, связанные с их образованием. Данные группы делятся на конкретные подгруппы, одна из которых является самой многочисленной – это фамилии, образованные от названия животных.

Литература:

1. Веселовский С.Б. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский – М.: Наука, 1974. – 233с.
2. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / сост. Е.Л. Крушельницкий. — М.: Школа-Пресс, 1993. — 224 с.
3. Медведев Ю.М. 1000 русских имен и фамилий / Ю.М. Медведев. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 462 с.
4. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 431с.
5. Федосюк Ю.А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь / Ю.А. Федосюк. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 240 с.

© Е.Н. Ермакова, Ю.А. Саморокова, 2014

Я.А. Жданова

БашГУ, Уфа, Россия

Русские слова французского происхождения

В русском языке более 2000 французских слов, которыми мы пользуемся практически каждый день, даже не зная их происхождения. Вот некоторые примеры внедрившихся французских слов в восприимчивую русскую лексику:

- Слово «шапка» пришло в русский язык из французского через немецкий или польский. У французов слово «chapeau» значит любой головной убор.

- Русские слова «гранат» и «граната» похожи образами. Перенос названия фрукта на название метательного оружия восходит к 16 веку, когда это оружие появилось во французской армии. Солдаты стали так именовать его (по-французски оба слова одинаковы — «grenade») из-за сходства формы гранаты и граната, а также из-за того, что разрыв гранаты на мелкие кусочки напоминает многочисленные семена фрукта в его открытом виде.

- Слово «sape» в переводе с французского означает «мотыга». В 16-19 веках термином «сапа» у нас обозначали способ отрытия траншеи, рва. В подкопы к стенам замков закладывали бомбы из пороха, тех, кто это делал, называли саперами.

- Слова суфле и суфлёр происходят оба от французского «souffle» (выдох, дуновение). Суфле названо так потому, что оно лёгкое и воздушное, а суфлёр — потому что он очень тихо подсказывает актёрам.

- По-французски «асьет» — это и тарелка, и настроение, состояние. Ошибочный перевод французского выражения стал причиной появления фразеологизма «не в своей тарелке».

- Словом «шофёр» изначально называли людей, которые подбрасывали уголь или дрова в топку машинного отделения. В буквальном переводе «chauffeur» означает «кочегар, истопник». По аналогии с кочегарами паровозов нынешних шоферов тоже стали называть шофёрами.

- В 1630-х годах во французской армии появились хорватские наёмники, частью их обмундирования были платки вокруг шеи — предвестники современного галстука. Французские модники облюбовали и переняли новинку и называли её производным от «хорвата» словом «cravate». Позднее мода на галстук распространилась по Европе, а с ней многие европейские языки заимствовали его название.

- Всемирно известная швейцарская торговая марка пишущих принадлежностей Caran d'Ache была названа в честь карикатуриста Эммануэля Пуаре. Он работал во Франции, но родился и закончил гимназию в Москве, а свой псевдоним Caran d'Ache образовал от простого русского слова «карандаш».

- В 1759 году французский министр Этьен де Силуэт ввёл жёсткие экономические ограничения из-за финансового кризиса, вызванного Семилетней войной. Именно от его фамилии произошло название силуэтов - портретов, вырезанных из чёрной бумаги — так как они были гораздо дешевле картин.

- Слово руль и рулить появилось от «rouler»: ездить, вращать, отсюда производное «рулет».
- Слово жалюзи – от «jalouse (jalousie)»: зависть, ревность: чтобы соседи не «завидовали», французы просто опускали жалюзи.
- Сюртук – от surtout: поверх всего; когда-то сюртук был верхней одеждой.
- Шедевр – от chef d'œuvre: мастер своего дела.
- Афера – от à faire: (чтобы) делать, поделывать, заняться чем-то полезным.
- Замуровать – от mur: стена
- Работа – от raboter: отделывать, шлифовать, строгать, заниматься, ручным трудом.
- Дюжина – от douzaine: двенадцать.
- Экивоки – от equivoque: двусмысленный
- Ретивый – от retif: норовистый.

Кухня:

- Винегрет – vinaigrette: соус из уксуса, традиционная французская заправка для салатов. Кастрюля – от casserole. Сосиска – от saucisse, Креветка – от crevette, bouillon – «отвар», происходит от слова bolir – «кипятить», суп – французское «soupe». Котлета — côtelette, образовано от côte — ребро. Дело в том, что в России обозначают словом котлета блюдо из рубленого мяса, а французы им обозначают кусок мяса на косточке. Компот – от composer: складывать, составлять, «компонировать», то есть собрать вместе кучу всяких фруктов.

Литература

1. <http://www.i-fakt.ru>
2. <http://www.muzey-factov.ru>

© Я.А. Жданова, 2014

К.З. Закирьянов
БашГУ, Уфа, Россия

Актуальные проблемы билингвизма и полилингвизма

Чрезвычайно велика роль языка в становлении человека как социальной личности, способной бесконфликтно жить в человеческом обществе, как языковой личности, владеющей и творчески

пользующейся языком для удовлетворения своих жизненных потребностей в обществе, для самовыражения и самоутверждения, для познания объективного мира. Человек как полноценная языковая личность формируется прежде всего и главным образом на базе родного языка. Именно родной язык неразрывно связан с национальной психологией, с национальным самосознанием, с национальной самобытностью народа. Отсюда становится очевидной актуальность *проблемы первоначального овладения родным языком* до степени совершенства. Для этого необходимо создать реальные условия еще в раннем детстве.

Но современный мир многоязычен, и в этом многоязычном мире невозможно обходиться знанием только одного, своего родного языка. В полиэтническом пространстве разноязычные народы нуждаются во взаимных контактах, во взаимном общении, обмениваются опытом в разных сферах жизнедеятельности. Разноязычие становится серьезным препятствием, барьером для этих взаимных контактов. “Ни один народ в мире невозможно представить себе без внешних связей, без интенсивной связи с иноязычной средой... а один народ отличается от другого прежде всего языком... Чтобы общаться с другими народами, с его представителями, необходимо найти ключ к его языку” [2, 20]. Значит, *проблема преодоления языкового барьера* в многоязычном мире была и остается актуальной во все времена существования человечества.

Из множества способов преодоления языкового барьера наиболее оптимальным, поэтому жизнестойким, оказался билингвизм — владение двумя языками: своим (родным) и вторым (чужим).

В условиях полиэтнического пространства (многоязычными являются почти все государства мира) для нормального, бесконфликтного сосуществования разноязычных народов нужно обязательно знать, кроме своего родного, другой язык, чаще язык-посредник, с помощью которого разноязычные люди могут вступать в языковые контакты между собой, что привело к порождению *явления билингвизма*. Возникнув в отдаленные эпохи, билингвизм развивался и совершенствовался все последующие годы. *Проблема формирования двуязычия* продолжает оставаться актуальной и в наши дни, но на современном этапе решается она в несколько ином формате — в виде активного двуязычия.

В современном многоязычном мире существуют разные типы билингвизма. В Российской Федерации распространено как основной тип билингвизма национально-русское двуязычие, которое функционирует во всех регионах нашей страны в разных (более ста) вариантах за счет варьирования первого компонента: первым компонентом его является родной язык нерусских народов, вторым компонентом – русский язык, который, в силу исторически сложившихся условий, уже не одно столетие используется в качестве языка-посредника – средства межнационального общения народов России и который признан ныне государственным языком Российской Федерации.

Знание русского языка является практической необходимостью и обязательным как государственного языка для всех граждан РФ, и все нерусское население страны владеет им в той или иной степени совершенства. Можно смело утверждать, что все нерусское население страны двуязычно, становление национально – русского билингвизма идет успешно, хотя имеется в этой области немало нерешенных проблем. Основные из них следующие.

1. *Проблема формирования активного национально-русского билингвизма*, который предполагает свободное владение двумя языками – родным и русским и активное пользования тем и другим во всех сферах жизнедеятельности в устной и письменной форме. На современном этапе развития национально-русского двуязычия в нашей стране степень владения языками у разных билингвов неодинакова: одни, свободно владея русским языком, плохо знают свой родной (это «обрусевшие» билингвы, живущие в условиях крупных городов); другие, напротив, слабо владеют русским языком (преимущественно живущие в сельской местности в условиях отсутствия русскоязычной речевой среды).

2. *Проблема формирования активного билингвизма тянет за собой проблему повышения речевой культуры билингва* на обоих языках – на родном и русском, – свободной от явлений интерференции и интеркаляции.

3. *Проблема воспитания билингвальной (двуязыковой) личности*, умеющей не только общаться на двух языках, а усвоившей вместе с языком две национальные культуры, две языковые картины мира.

Овладение вторым (чужим) языком сопряжено с определенными трудностями. В основе трудностей усвоения чужого языка лежит

различие языковой картины мира народов, говорящих на разных языках. Реальный мир воспринимается через язык. За понятием “языковая картина мира” стоит картина мира, отраженная средствами конкретного языка. Разные языки не просто по-разному (разными словами) обозначают один и тот же предмет, признак, действие, явление, а отображают разное видение этого предмета, признака, явления, т.е. в языке отражается национальное видение мира [3, 373]. Значит, овладение вторым языком сопровождается усвоением новой языковой картины мира. Поскольку язык и культура органически взаимосвязаны (язык – сокровищница культуры), то овладение вторым языком означает *вхождение в другую культуру*, усвоение образа мышления, мировидения, нравов, обычаев, менталитета народа – носителя данного языка.

4. Проблема формирования активного билингвизма решается пока в нашей стране лишь односторонне – в виде национально-русского двуязычия: все нерусское население России владеет русским языком в той или иной степени совершенства, в то время как русскоязычное население страны не владеет языком нерусского соседа, с которым проживает рядом в течение длительного времени (нередко в течение всей жизни), что иногда вызывает дискомфорт русских в нерусских регионах. В этой связи актуализируется еще одна проблема – *формирование русско-национального билингвизма*.

Ориентация на формирование активного билингвизма в корне меняет отношение к изучению языков в школе. Нужно создать *культ языков*, суть которого заключается в воспитании у учащихся уважительного отношения как к своему родному, так и к русскому языку (в нерусской школе). С этой целью нужно сделать престижным овладение обоими языками – своим родным и русским как вторым, создавая одинаково благоприятные условия для изучения того и другого.

В связи с выполнением задачи формирования активного двуязычия и воспитания билингвальной личности выдвигается для практического решения ряд проблем организационного и методического характера, в частности:

1) *проблема билингвального образования в школе* (формы, содержание, методика); она требует пересмотра всего содержания и всей методической системы обучения языкам;

2) *проблема учебно-методического обеспечения учебного процесса*: создание учебников и учебно-методических пособий нового

поколения как по родному, так и по русскому языкам для учащихся нерусских и русских школ;

3) *проблема подготовки педагогических кадров*, способных успешно выполнить в процессе обучения языкам задачу формирования активного билингвизма и воспитания билингвальной личности.

Кроме проблем билингвизма, в условиях современной мировой цивилизации, когда крепнут и усиливаются связи между государствами и народами в самых разных областях жизнедеятельности – экономической, политической, научной, культурной, становится актуальной еще одна проблема – *проблема формирования полилингвизма* (многоязычия). В условиях все возрастающей глобализации во всех областях жизни билингвизм становится явно недостаточным [1, 100]. Международные контакты разноязычных народов принимают уже массовый характер, и общение на иностранных языках становится повседневной необходимостью. Сама жизнь диктует необходимость знания в качестве языка-посредника хотя бы одного иностранного (мирового) языка, например английского. При достаточно хорошем преподавании английского языка выпускники средней школы овладевают им в такой степени, что могут свободно изъясняться на нем, читать и понимать тексты на английском. Так формируется *триязычие* – первый шаг к полилингвизму. Подобно билингвизму, триязычие становится обычным явлением. В настоящее время изучение иностранных языков стало обязательным компонентом лингвистического образования в школах любого типа, что создает основу для распространения полилингвизма в нашей стране. Можно смело утверждать, что в настоящее время в нашем образовательном пространстве начался переход от билингвизма к полилингвизму, и этот процесс нуждается в серьезной поддержке [4, 244 - 248].

Кроме английского, могут быть изучены в школах и вузах и другие иностранные языки, в частности: из европейских – немецкий, французский, испанский, из азиатских – китайский, арабский, турецкий и другие. Выбор их определяется местными условиями, в первую очередь наличием специалистов – преподавателей иностранного языка. В этой связи становится актуальной очередная проблема – *подготовка кадров по иностранным языкам*.

Заслуживает одобрения и всяческой поддержки организация краткосрочных курсов по интенсивному изучению иностранных язы-

ков. Проблема “жизнеспособности” подобных курсов органически вписывается в круг проблем полилингвизма.

Многоязычие распространяется в нашей стране и за счет усвоения “внутренних” языков. Например, в связи с признанием титульных языков национальных республик в качестве государственных началось активное изучение в школах государственного языка национальной республики, что способствует расширению круга лиц, владеющих несколькими языками.

В условиях начавшегося становления и развития полилингвизма в нашей стране возникает новая проблема – *сохранение национального своеобразия языков и культур*. В этом вопросе мы полностью разделяем точку зрения чувашского ученого Г.А. Анисимова: “Здравомыслие подсказывает: пусть стираются политические границы и создаются транснациональные корпорации, но нельзя стричь все народы под одну гребенку. Очень важно соблюдать принцип симфонизма: каждый народ, стремясь к всеобщей гармонии, должен, подобно музыкальному инструменту, сохранить собственный голос. Да и прелесть прибрежного луга не в растительном монотоне, а в его разнотравье и многоцветье ... *Человечество, становясь взаимосвязанным и единым, еще не утрачивает своего культурного разнообразия*” (выделено нами – К.З.) [1, 100 - 101]. Реализация этой проблемы определяет содержание и принципы изучения языков при формировании полилингвизма.

Требует к себе особого внимания *проблема учета специфики родного языка при овладении последующими неродными*. В отличие от билингвизма, где овладение вторым языком происходит на базе родного языка, при овладении третьим, четвертым... языками связь с родным языком несколько ослабевает. Существует мнение о возможности формирования полилингвальной личности, свободной от жестких рамок системы родного языка”, с которым трудно согласиться; “...даже зрелый иноязычный коммуникант так или иначе испытывает влияние родного языка в актах общения” [1, 103]. Поэтому представляется правомерной в этом вопросе следующая методологическая установка: при изучении третьего, четвертого и т.д. языка, как и при изучении второго (при формировании билингвизма), целесообразно опираться на родной язык. Широко распространенная методика изучения иностранного языка в нерусских школах на базе русского языка не совсем себя оправдывает: незнакомое явление изучается с опо-

рой на мало знакомое (причина этой методики общеизвестна: отсутствие соответствующих учебников). Изучение иностранного языка на базе родного языка учащихся, как нам представляется, будет более продуктивным. В этой связи актуальна еще одна проблема – *создание учебников того или иного иностранного языка, изучаемого в школе, на базе родного языка обучающихся.*

В контексте формирования полилингвизма возникает *проблема воспитания языковой личности нового типа* – полилингва, отличного от монолингва и билингва. Если монолингв как языковая личность владеет языком и культурой одного народа, билингв – двумя языками и двумя национальными культурами, то полилингв представляет собой личность, владеющую несколькими языками: родным, языком-посредником своей страны (в наших условиях – русским) и иностранными (одним и более) – и несколькими национальными культурами [5]. Данная проблема относится к числу малоизученных и нуждается в глубоком методическом осмыслении.

Кроме упомянутых, можно назвать еще ряд других проблем, связанных с формированием билингвизма и полилингвизма. Эти проблемы ждут своих исследователей.

Литература

1. Анисимов Г.А. Современные проблемы билингвизма и полилингвизма // Анисимов Г.А. Избранные работы по лингводидактике и языкознанию. – Чебоксары: Чуваш.гос.пед.ун-т, 2010. – С. 99–104.
2. Блягоз З.У. Актуальные проблемы билингвизма в политической среде // Актуальные проблемы двуязычия и их речевая реализация в политической среде: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (20–22 апреля 2005 г.) – Майкоп: изд-во АГУ, 2005. – С.19–26.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985.
4. Закирьянов К.З. От двуязычия к многоязычию // Многоязычие в образовательном пространстве: Сборник статей. В двух частях. Часть 1. Филология. Лингвистика / Под редакцией А.Н. Утехиной, Н.М. Платоненко, Н.М. Шустовой. – М.: Флинта, Наука, 2009. – С. 244–248.
5. Саяхова Л.Г. Родной и русский языки в нерусской школе // Актуальные проблемы обучения татарскому языку в русской школе: Материалы II Республиканской научно-практической конференции. – Казань: изд-во ТГГПУ, 2005. – С.15–19.

© К.З. Закирьянов, 2014

Объектные детерминанты, формирующие элементарные компоненты семантической структуры в татарском языке

Предложение любого грамматического строения может - все в целом - иметь при себе распространяющий член предложения. Нормальной грамматической позицией детерминанта является позиция в абсолютном начале предложения, но он может и изменять свое место под влиянием тех правил словорасположения, которые определяются актуальным членением. Один и тот же детерминант может распространять предложения разной грамматической организации. Однако существуют определенные тенденции (и даже правила) распределения детерминантов между предложениями разного грамматического строения и особенно - между предложениями разной семантической структуры [1].

В современном языкознании в выделении и рассмотрении детерминантов существуют некоторые противоречивые мнения. В русской грамматике детерминантом служит падежная форма имени, наречие, деепричастие (одно или с относящимися к нему словоформами), союзное введение (с *как*, *словно* и другими сравнительными союзами), которые являются распространителем, относящимся ко всему составу предложения и не связанным ни с каким отдельным его членом. Детерминант присоединяется как к нераспространенному, так и к распространенному предложению. Одно предложение может быть распространено несколькими детерминантами [1].

По описанию, данному в русской грамматике, детерминант не подчинен какому-либо определенному члену предложения. Однако это не значит, что связь его с предложением в целом вообще отсутствует: он связан с предложением свободным присоединением, внешне сходным с примыканием, но отличающимся от него своим неприсловным характером.

По определению грамматики татарского языка – это дополнение или обстоятельство, непосредственно относящееся к главным членам, чаще всего к сказуемому, и распространяющее их [2]. Заметим, что к распространяющим членам предложения относятся не только дополнение и обстоятельство, но и определение, которое не

может быть детерминантом, так как у него очень сильная связь с определяемым словом, поэтому оно не может быть противопоставлено остальной части предложения и выполнять функцию темы сообщения. Действительно, справедливо считать детерминантом дополнение или обстоятельство, именно выражающее тему.

Из этих заключений возникает вопрос, а нельзя ли детерминантов рассматривать в двух аспектах: коммуникативном и грамматическом, следовательно, назвав их грамматически связанными и грамматически несвязанными?

К грамматически связанным детерминантам (далее сокращенно – ГД) можно отнести такие детерминанты, которые на самом деле связаны со сказуемым: *Бу килүендә ул авыл халларен, авылдагы, Әйдүкләр кебек, ярлы кешеләрнең тормышларын, көнкүрешләрөн сорапты (Һ.Такташ)*. В данном случае налицо коммуникативное выделение указанной части предложения. Однако мы не можем говорить о детерминанте, как о «несвязанном ни с каким отдельным членом предложения».

Но нужно ещё отметить те случаи, когда детерминант действительно ни с каким членом предложения не связан, а относится ко всей оставшейся предикативной части предложения в целом. Это – коммуникативно выделяемый детерминант (далее сокращенно – КД): *Бер кырыйда – кара көмештән коелган мәһабәт бер лачын сыны, чын сәдәфтән эшләнгән лира һәм каләм сабы (Г.Бәширов)*. В подобных предложениях детерминанты не подчинены какому-либо определенному члену предложения. Однако это не значит, что связь его с предложением в целом вообще отсутствует: в этом случае он связан с предложением свободным присоединением, внешне сходным с приемыканием, но отличающимся от него своим неприсловным – функционально-синтаксическим характером.

Учитывая возможность разделения детерминантов на два типа – грамматически связанные и грамматически несвязанные, детерминантом нужно считать дополнение или обстоятельство, выражающее тему, семантически (коммуникативно) относящееся к оставшейся предикативной части предложения в целом, синтаксически (грамматически) связанное или не связанное с каким-либо отдельным его членом.

В традиционном языкознании детерминанты подразделяются на две разновидности: 1) детерминанты, формирующие элементар-

ные компоненты семантической структуры; 2) детерминанты, формирующие неэлементарные семантические компоненты.

Объектные детерминанты, наряду с субъектными, формируют его элементарную семантическую структуру. Такое деление детерминантов основывается на том, что из семантических компонентов субъект, объект и предикативный признак считаются элементарными (основными) семантическими компонентами.

Объектными детерминантами в татарском языке могут выступать имена существительные в:

1) направительном падеже: а) со значением объекта – адресата: ГД: *Тимерчегә өч пот бәрәңге, бер пот ярма җибәрелде (Т.Гыйззәт).* КД: *Атка – солы, машинага – май (Ә.);* б) со значением объекта приложения деятельности: ГД: *Экзаменнарга без семестр башыннан ук хәзерләнгә башлыйбыз...* (Г.Ахунов); КД: *Китапларга – яңа тормыш.*

2) исходном падеже: а) со значением того, от кого что-то получается, взимается: ГД: *Нефтьтән бензин алалар.* КД: *Нефтьтән - бензин;* б) со значением объекта отношения, требования: ГД: *Миннән сиңа ни кирәк?* КД: *Синнән - булж;* в) со значением того, к кому обращено требование, желание: ГД: *Шаһиттән дәресен сөйләү сорала.* КД: *Шаһиттән - җавап;* г) со значением объекта отношения, при предикативах *стыдно, совестно*: ГД: *Әтидән миңа бик оят.*

3) местно-временном падеже: а) со значением объекта отношения: ГД: *Миндә синең эшең юк (М.Фәйзи);* КД: *Балада үзаллылык. Синдә йомыш;* б) со значением множественного объекта действия: ГД: *Гаязларда Рәйсә Рәшитовна укыта.* КД: *Гаязларда - Рәйсә Рәшитовна.*

Послеложные объектные детерминанты выражаются:

I. Основным падежом:

1) с послелогом *белән*: а) со значением того, к кому обращено отношение или по отношению к кому совершен поступок, выявляющий отношение: ГД: *Кунаклар белән ул үзен бик итәгатлы тотты;* б) со значением объекта касательства, мысли, знания: ГД: *Бу эш белән мине яктытып беттеләр.* КД: *Бу эш белән бала;* в) со значением множественного объекта действия: ГД: *Мондагы кешеләр белән генә эш бетми...* (Ш.Камал). КД: *Мондагы кешеләр белән эшләр;* г) со значением объекта непосредственного приложения деятельности: ГД: *Бакча белән эшләр, мәшәкатьләр бик күп булды быел.* КД: *Бакча белән мәшәкать.*

2) с послелогом *турында* со значением объекта речи, мысли, знания, отношения: ГД: *Хат турында мин бернәрсә дә белмим.*

3) с послелогом *өчен*: а) со значением объекта – адресата: ГД: *Балалары өчен ул бары тик яхшылык кына тели*; б) со значением объекта приложения деятельности: ГД: *Имтиханнар өчен мин бер дә вакыт җиткерә алмыйм бит әле.*

4) с послеложным словом *өстенә* со значением объекта: ГД: *Бала өстенә Мәдинә калын юрган ябып куйды.*

5) с послеложным словом *өстендә* со значением объекта действия, интеллектуальной деятельности: ГД: *Ул мәсьәлә өстендә алар озак баш ваттылар*; *Авыл хужалыгы темасы өстендә минем эшләгәнне беләсезме?*

6) с послеложным словом *өстеннән* со значением объекта, против которого направлено действие: ГД: *Кеше өстеннән жалу белән йөрү яхшы түгел (Р.Төхвәтуллин).*

7) с послеложным словом *алдында* со значением объекта отношения, при придикативах *стыдно, совестно*: ГД: *Эти алдында миңа бик оят.*

8) с послеложным словом *артыннан* со значением целенаправленного действия и предмета, за что совершается действие: ГД: *Эш артыннан көне-төне чабам.* КД: *Эш артыннан - мин.*

9) с послеложным словом *дип*, которое выражает делиберативные отношения: ГД: *Укытучы булам дип һич тә уйлаганым юк иде.*

II. Послеложные объектные детерминанты выражаются также направительным падежом:

1) с послелогом *карата*: а) со значением того, к кому обращено отношение или по отношению к кому совершен поступок, выявляющий отношение: ГД: *Кунакларга карата ул үзен бик итәгатьле тотты*; б) со значением объекта касательства, мысли, знания: ГД: *Эшкә карата нәрсә әйтеп була соң?* КД: *Эшкә карата фикерләр*; в) со значением объекта речи, мысли, знания, отношения: ГД: *Хатыңа карата бер сүз дә әйтә алмыйм инде.* КД: *Хатка карата җылы сүзләр.*

2) с послелогом *чаклы, кадәр, хәтле, тикле*, выражающими объектные отношения: ГД: *Күркәсенә чаклы асрый икән (Ә.Еники).*

В роли детерминантов с объектно-пространственными значениями могут выступать также различные формы, например:

1) местоименное наречие со значением места, куда направлено действие или где происходит действие: ГД: *Биредә эшләр бик көйле бара.* КД: *Биредә эшләр бик көйле.*

2) направительный падеж с объектно-пространственным значением: ГД: *Гаиләмә минем кайтуым турында күптән билгеле иде.* КД: *Гаиләмә телеграмма.*

Послеложные детерминанты с объектно-пространственным значением выражаются местно-временным падежом с послеложным словом *астында*: ГД: *Бу сүзләр астында нинди мәгънә ята соң?* («Каз. утл.»). КД: *Бу сүзләр астында тирән мәгънә.*

Детерминантами с объектно-временным значением являются формы *во столько-то лет, столько-то лет, в таком-то возрасте*: ГД: *Унсигиздә инде хәрби хезмәткә алалар* (в значении *унсигез яшьлекләрне*). КД: *Унсигиздә хәрби хезмәткә.*

Таким образом, объектные детерминанты, формирующие элементарные семантические компоненты предложения, являются функционально-синтаксическим способом расширения минимальной структуры предложения, и ими выражается семантический объект, т.е. тот (то), на кого (что) направлено действие, к кому (чему) обращено отношение, эмоциональное, интеллектуальное состояние, либо вся ситуация в целом.

Литература

1. Русская грамматика. – Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – 604 с.
2. Татар грамматикасы – Т. III. – М.: “ИНСАН”, Казан: “ФИКЕР”, 2002.

© И.Ф.Зарипова, 2014

Э.К. Зиянгиров
БашГУ, Уфа, Россия

Особенности работы журналиста в программе «Уфимское Времечко»

Программа «Уфимское Времечко» продолжает линию закрытого в 2008 году московского «Времечка». Основанная еще в 1993 году Львом Новоженовым, Дмитрием Дибровым и Анатолием Малкиным передача позиционировалась как программа народных новостей. Главными ее особенностями являлись работа в прямом эфире, обще-

ние с телезрителями по телефону непосредственно в кадре и особый стиль подачи материала.

«Уфимское Времечко» сохраняет эти основные принципы, но в то же время старается соответствовать интересам аудитории и подстраиваться под современные реалии. Если в начале своего существования московское «Времечко» противопоставляло себя программе «Время» и новостям федеральных каналов вообще, то сейчас ситуация изменилась. Сегодня в программе «Уфимское Времечко» можно увидеть как сатирические отклики на события всероссийского и мирового масштабов, так и сюжеты об интересных событиях, оставшихся без внимания новостей. «Уфимское Времечко» не затрагивает только одну сферу жизни общества – политическую.

Работа в передаче такого формата требует от журналиста использования всех методов сбора и обработки информации. Помимо этого, журналист должен обладать эрудицией, нестандартным подходом к работе над сюжетами и умением выбирать тему.

Основным источником информации для передачи служат звонки и письма телезрителей. Свои новости по телефону зрители могут сообщать не только во время прямого эфира. Телефоны редакции действуют в течение всего рабочего дня. Принимая огромный количество звонков журналист программы «Уфимское Времечко», соответственно, должен обладать коммуникабельностью и сообразительностью.

Нужно создавать представление о дозвонившемся и его проблеме как можно быстрее. Интересна ли проблема, с которой телезритель обращается в редакцию? Если она действительно представляет интерес, то журналист уже во время разговора продумывает композицию будущего видеосюжета. Если вопрос проблемный, то в чем состоит уникальность именно этого случая? Может ли собеседник стать героем сюжета? Журналист обращает внимание на его голос, построение предложений, грамотность. Исходя из этого, он может сделать предварительные выводы. Сумеет ли этот человек выступить перед телекамерой.

В прямом эфире задача ведущего усложняется во много раз. У него нет времени на то, чтобы во всех деталях вникать в суть излагаемой по телефону проблемы. Иногда приходится останавливать заговорившихся телезрителей и емко формулировать полученную информацию за них. «Уфимское Времечко» не случайно позициони-

рует себя как программа народных новостей. Ведущий может общаться с дозвонившимися, используя разговорный стиль общения. Такой стиль зачастую позволяет быстрее наладить контакт с телезрителями.

К сожалению, большая часть из телефонных сообщений является жалобами. В основном выражается недовольство работой коммунальных служб и отсутствием дорожного покрытия. В этом случае внимание обращено к самому герою. Если это общительный, деятельный человек, и его личность способна заинтересовать аудиторию, можно сделать его героем материала даже на самую банальную тему.

По-настоящему интересные новости зрителями сообщаются достаточно редко. В среднем за месяц поступает не больше трех интересных сообщений.

В такой ситуации журналист должен обращаться к информационным поводам. Но программа «Уфимское Времечко» отражает происходящие в мире и стране события по-своему. Исходя из этого, можно заключить, что умение нестандартно повернуть тему – одно из самых важных умений для журналиста «Времечка». В качестве примера можно привести сюжет, появившийся в эфире после того, как одной из самых богатых женщин мира, Опре Уинфри, отказались продавать сумочку в одном из швейцарских бутиков. Вместо бутика, съемочная группа отправилась на обыкновенный уфимский рынок. Из сюжета зритель понимает, что наши продавцы никогда бы не оскорбили знаменитость, отказав ей в чем-либо. Аудитория склонна к тому, чтобы проецировать происходящее на экране на себя. Расчет в данном сюжете был сделан на то, что большинство телезрителей регулярно посещает рынки и базары. Характерное желание рыночных торговцев продавать всем известно. «У нас бы точно такого не произошло!» - к такой мысли с усмешкой приходит телезритель. Разумеется, данный сюжет носил исключительно развлекательный характер.

Хочется обратить внимание, что контент программы «Уфимское Времечко» состоит не только из развлекательных материалов. Журналистами этой передачи неоднократно проводились крупные расследования, такие как «Наталья Вегеро. Личный вклад в коррупцию». Однако принципы проведения подобных расследований не сильно отличаются от расследований в других передачах.

Резюмируя все вышесказанное, нужно отметить, что за время своего существования программа «Уфимское Времечко» сильно изменилась. За 10 лет изменились и некоторые особенности работы журналистов. Если раньше интерактивность телевизионной передачи можно было считать уникальным явлением, то сегодня, наоборот, передача без связи со зрителями – редкость. Одного только наличия обратной связи сегодня недостаточно, важно и то, как эта связь осуществляется. Именно поэтому для работы в программе «Уфимское Времечко» особенно важно уметь взаимодействовать с телезрителями.

Литература

1. Быков Д.Л. «В шапке по жизни» (о Яне Поплавской и проекте «Времечко») // «Новый Взгляд»: газета. — Москва, 2006. — № 01. — С. 02;
2. Википедия. [Электронный ресурс]; режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%87%D0%BA%D0%BE> (дата обращения 19.11.2014);
3. Сулейманова А.Н., Хайруллин Э.Р. «Только хороший человек может стать хорошим профессионалом»// Портал «Уфа1» [Электронный ресурс]; режим доступа: <http://ufal.ru/text/person/63991.html> (дата обращения 17.11.2014).

© Э.К. Зиянгиров, 2014

Е.В. Зиятдинова
МБОУ Лицей №83, Уфа, Россия

Взаимодействие «вуз – школа» как фактор повышения качества образования

Современные подходы к обучению учащихся школ, требования, предъявляемые не только при поступлении в ВУЗ, но и после его окончания, выдвигают определенные задачи, в рамках решения которых взаимодействие «вуз – школа» занимает одно из важных мест. Безусловно, вузы заинтересованы в подготовке к поступлению «сильных» школьников и ведут большую подготовительную работу. Взаимодействие «вуз – школа» все больше приобретает форму практического сотрудничества по профилизации старших классов школ.

В соответствии с определением, данным Годником С.М., под преемственностью понимается последовательное развертывание вузовской системы учебно-воспитательного процесса в диалектической

связи с системой деятельности общеобразовательной школы с целью формирования студента как субъекта вузовского обучения и воспитания.

Преемственность в обучении находит свое проявление в следующем:

- 1) в дальнейшем развитии у учащихся всего положительного, что заложено на предыдущих ступенях воспитания и обучения;
- 2) в обеспечении системности знаний и дальнейшем развитии содержания, форм и методов обучения;
- 3) в опережающем воспитании и обучении учащихся, что предполагает к развитию в будущем;
- 4) в опережающем использовании содержания, методов и форм обучения, способствующих совершенствованию личности.

Непрерывность и преемственность процесса образования должны обеспечиваться на любом этапе обучения при последовательном освоении всей совокупности образовательных программ и государственных образовательных стандартов различного уровня и направленности, которые, согласно закону Российской Федерации «Об образовании», являются важным элементом системы образования России. При этом образовательная программа представляет собой совокупность определенным образом структурированных знаний, овладение которыми обеспечит обучающемуся продолжение образования или получение квалификации, позволяющей занять определенную должность. Она закрепляет содержание образования определенных уровней и направленности и может быть как общеобразовательной, так и профессиональной.

Можно выделить следующие направления взаимодействия средних образовательных учреждений с вузами:

- 1) учебно-методическое;
- 2) научно-методическое;
- 3) кадровое;
- 4) профориентационное.

При этом преемственность школьного и вузовского образования с практической точки зрения предполагает, прежде всего, преемственность государственных требований к подготовке выпускников общеобразовательных учреждений и содержания государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования в части государственных требований к математическим, общим

естественнонаучным, гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам.

Одним из стержневых направлений в методике преподавания русского языка и литературы в техническом лицее при вузе является развитие устной и письменной речи школьников. Обогащение словарного запаса учащихся на материале художественных произведений, формирование коммуникативных навыков и развитие выразительности речи – таковы основные задачи, которые решаются в практической работе словесников и теоретических исканиях методистов (Ф.И. Буслаев, В.П. Острогорский, В.П. Шереметевский, А.Д. Алферов, К.Б. Бархин, Л.С. Троицкий, Н.В. Колокольников, К.В. Мальцева, Т.А. Ладыженская, О.Ю. Богданова, Л.М. Зельманова, Н.И. Кудряшев). Однако преподаватели филологии, работающие в техническом лицее при вузе, сталкиваются с рядом проблем в области повышения качества образования. Гуманитарные дисциплины, не являясь профильными, переносятся в сознании учащихся на второй план, что отрицательно сказывается на проявлении их творческой активности, мотивации, глубине усвоения материала.

Вместе с тем работа лицея при техническом вузе ориентирована, главным образом, на раскрытие потенциала одаренных детей. Специальные исследования (А.В. Леонтович, Л.М. Бреховских, В.Г. Борзенко, М.С. Муриманова, А.С. Обухов, Л.Ф. Фомина, Н.Г. Алексеев, Е.С. Полат) и практика образования свидетельствуют, что при разработке содержания обучения одаренных детей изменения одних лишь количественных параметров учебной деятельности явно недостаточно. Попытки ускоренного прохождения традиционных программ и насыщение их дополнительной информацией также оказались неэффективными. В практике преподавания русского языка в лицее технического профиля широко используются возможности проектно-исследовательской деятельности. Проектная деятельность позволяет эффективно формировать коммуникативные навыки, а также решать задачи формирования и развития интеллектуальных умений критического и творческого мышления, что наиболее полно решает проблемы формирования коммуникативных компетенций в процессе обучения русскому языку и литературе в образовательных учреждениях с техническим профилем.

Практика реализации проектной деятельности при обучении гуманитарным дисциплинам в образовательных учреждениях техниче-

ского профиля имеет свои особенности. Профиль школы определяет вектор развития каждой из сторон образовательного процесса. Перед преподавателями гуманитарных дисциплин встает сложная проблема формирования весьма широкого спектра умений и навыков речевой деятельности, в том числе коммуникативных, при дефиците времени и низком уровне мотивации или полном ее отсутствии к изучению гуманитарных дисциплин.

Работа над учебным проектом проводится, как правило, в течение всего учебного года и включает несколько этапов:

- предварительный выбор темы с учетом рекомендаций учителя;
- составление плана, изучение школьником литературы по данной теме и сбор материала;
- создание собственного текста, содержащего анализ литературы и собственные выводы по теме;
- защита, которая предполагает устное выступление учащегося, содержащее краткую характеристику работы, ответы на вопросы по теме работы.

Причем следует отметить, что во избежание сближения учебного проекта с уже традиционной формой – рефератом, необходимо следить за тем, чтобы учащиеся организационно не были отстранены от первого и самого главного этапа – поиска проблемы и постановки цели проекта, иначе мы лишаем детей самого главного. Решению этой проблемы также способствует усиление исследовательской составляющей проекта.

Для исследовательского проекта по русскому языку могут быть предложены такие проблемные темы, как «Можно ли познавать мир, не пользуясь средствами языка?» или «Обогащает ли русский язык современное словотворчество?». Эти проекты требуют проведения наблюдения за организацией эксперимента, анализа литературы, составления аналитических выводов и, возможно, подготовки серии словариков.

Использование проектной деятельности на практике ведет к изменению позиции учителя. Из носителя готовых знаний он превращается в организатора познавательной исследовательской деятельности своих учеников. Самым сложным для учителя при организации проектной деятельности является именно выполнение роли независимого консультанта, удерживающегося от подсказки даже в случае, если ученики «идут не туда».

Наиболее интересными оказываются проекты, идеи которых были предложены учащимися и вытекали из их потребностей. Таким оказался исследовательский проект «Лингвистический анализ текстов математических задач», выполненный пятиклассниками. Интересным продолжением издательского проекта стал целый цикл исследовательских проектов, связанных с публицистикой: «Жаргонная лексика в языке современных газет», «Слова-универбанты на газетной полосе», «Компьютерная лексика в СМИ и на страницах Интернет-сайтов», «Особенности функционирования знаков препинания в электронных высказываниях (смайлики)», «Тенденции изменения норм словоупотребления и словосочетания русского языка на примере средств массовой информации», «Лингвистическая и социально-психологическая мотивация речевых ошибок на примере СМИ».

Продуктивным в работе лица №83 г. Уфы оказались телекоммуникационные проекты, спецификой которых является то, что в них используется межотраслевая и межрегиональная информация. Это могут быть наблюдения за природным, химическим, языковым, социальным явлением, его анализ, требующий сбора различных данных в разных регионах для решения поставленной проблемы, сравнительное изучение эффективности использования альтернативных способов решения проблемы. Информационные и коммуникационные технологии выступают здесь основным инструментом работы, а приобретение опыта их использования в нетипичной ситуации – смыслом проекта. В данных проектах велика роль исследовательской составляющей.

Проектная деятельность открывает широкие возможности использования различных форм своей реализации: пресс-конференция, экспериментальная лаборатория, издательское дело, экономическая игра, аналитико-статистическое бюро, студия анимационных проектов, методическая мастерская и т. п.

Анализ работы по использованию проектной деятельности в лицее показывает, что учебным результатом выступает опыт приобретения проектировочной деятельности, способность создавать и защищать собственный продукт, а не практическая польза от реализации проекта. Это подтверждается успешной научно-исследовательской деятельностью и активной жизненной позицией выпускников лицея, продолжающих учебу в различных высших учебных заведениях страны.

Таким образом, на современном этапе взаимодействие средних и высших образовательных учреждений играет огромную роль в обеспечении непрерывности и преемственности образования, что позволяет учащимся средних образовательных учреждений получить хорошую общеобразовательную подготовку по предметам обучения, осознанно выбрать специальность и успешно продолжить обучение в вузе.

Литература

1. Обухов, А.С. Исследовательская деятельность как возможный путь вхождения подростка в пространство культуры. – «Обучение для будущего»: Учебное пособие [Текст] / А.С. Обухов. – М.: Издательский торговый дом «Русская редакция», 2004. – С. 12.
2. Обухов, А.С. Смех и личность. Развитие личности [Текст] / А.С. Обухов. – 1998. – № 3-4. – С. 83-101.
3. Леонтович, А.В. Исследовательская деятельность учащихся: сборник статей [Текст] / А.В. Леонтович. – М.: Издание МГДД (Ю) Т. – С. 23.
4. Полат, Е.С. Метод проектов в современной школе. Методология учебного проекта [Текст] / Е.С. Полат. – М.: МИПКРО, 2000. – С. 50-51.

© Е.В. Зиятдинова, 2014

Н.Н. Зольникова

Филиал ТюмГУ, Тобольск, Россия

Имплицитное словообразование отглагольных существительных в немецком языке

Решая вопрос о направлении мотивации в языке, многие исследователи стремятся вскрыть закономерности семантической мотивации лексем, не исходя из исторической этимологии и не имея возможности опираться на наличие словообразовательного маркера – аффикса. При анализе словопроизводства с «нулевым суффиксом» ведутся поиски чисто семантической зависимости одной лексемы от другой.

Весьма своеобразно проявляется словообразовательная мотивированность в сфере отглагольного именного словообразования (под словообразовательной мотивацией понимается отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из которых либо определяется через значение другого, либо тождественно значению

другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения) [1, 9].

При эксплицитном словопроизводстве, т.е. в том случае, когда однокорневые части речи имеют словообразовательный формант, корреляция имеет специфический характер. Лексико-семантические отношения между коррелирующими частями речи усложняются, поскольку словообразовательный формант, помимо грамматикокатегориального, привносит в производные слова и словообразовательно-категориальное значение. Независимо от исторической этимологии определение направления мотивированности лексем в синхронии не вызывает сомнения.

По мнению В.В.Лопатина, основным принципом выбора непосредственно мотивирующего слова является следующий: из нескольких однокоренных слов, каждое из которых проще данного мотивированного слова по составу морфем, мотивирующим является то, которое ближе других к нему по составу, т.е. имеет больше общих с ним морфем. На наш взгляд, не всегда действие этого принципа является основанием для определения направления мотивированности [3, 77].

Для решения вопроса об определении мотивации в русском языке И.С. Улуханов в своей работе "Словообразовательная семантика в русском языке" (1977) предлагает некоторые критерии определения мотивирующей основы, но их невозможно применить в немецком языке, в том числе потому, что в данном языке не наблюдается такого разнообразия глагольных суффиксов [5, 19]. Все глаголы в немецком языке в начальной форме (Infinitiv) имеют суффикс **-en**.

Современные лингвисты уделяют соотношению однокорневых слов без специального маркера словопроизводства – аффикса у одного из членов этой пары лексем – значительное внимание. Этот способ словопроизводства имеет разные наименования: конверсия и трансфигурация, взаимопереход (транспозиция) частей речи; имплицитное словопроизводство, словопроизводство с «нулевым суффиксом» и др.; при этом в большинстве исследований явно вырисовывается процессуальный подход к данному явлению, стремление отличить мотивированную основу от мотивирующей.

Для словообразования русского языка характерно понятие словопроизводства с «нулевым» аффиксом, в немецком же языкознании принят термин «имплицитное словопроизводство».

При имплицитном словопроизводстве с определением словообразовательной мотивированности дело обстоит сложнее. В языке существует множество «ложных глагольных» образований, мотивированных именем существительным. Вопрос о том, как и с помощью какого словообразовательного средства образованы существительные со значением процесса, необходимо решать в каждом случае дифференцированно, особенно это касается тех лексем, которые образованы с помощью нулевого суффикса.

Именно имплицитный способ следует учитывать при разграничении мотивирующей и мотивированной основ при взаимопереходе частей речи в немецком языке. Имплицитное словопроизводство на материале немецкого языка подробно рассматривает В.Фляйшер. Он устанавливает, что глаголы *fischen* (рыбачить), *loben* (хвалить), *sägen* (пилить) мотивированы существительными *Fisch* (рыба), *Lob* (похвала), *Säge* (пила), однако, напротив, существительное *Schau* (показ) мотивировано глаголом *schauen* (смотреть). При этом исследователь отмечает и наличие «пограничных случаев», возможность двух видов мотивации: *Ruf* (крик) – *rufen* (кричать), *Kauf* (покупка) – *kaufen* (покупать), *Schlaf* (сон) – *schlafen* (спать) [7, 73]. Фляйшер объясняет это соотношением семного состава в коррелирующих лексемах. Так, семы предметности в существительных *Fisch* (рыба), *Lob* (похвала), *Säge* (пила) не являются таковыми в глаголах *fischen* (рыбачить), *loben* (хвалить), *sägen* (пилить). Главными являются в глаголах семы действия, сохраняя при этом лексические семы. У существительного же *Schau* (показ) присутствует сема предметности, абстрактности и одновременно действия, как и у глагола *schauen* (смотреть).

Вопросами имплицитного словопроизводства отглагольных существительных в немецком языке активно занимался И.Эрбен, который рассматривал в качестве «простейшего типа новообразований» транспозицию корневой морфемы в парадигму другой части речи [6, 26].

По мнению Г.Хельбига, вопрос о направлении производности при безаффиксном переходе частей речи может разрешаться при опоре словообразования на грамматику [4, 124].

Вслед за М.Д. Степановой и Г.Хельбигом, мы будем утверждать, что разграничение мотивирующей и мотивированной основ при взаимопереходе частей речи не всегда убедительно и релевантно.

В качестве маркера направления производности рассматривается наличие в одной из лексем алломорфа («внутренней флексии»): *der Trieb* (порыв) ← *treiben* (знать), *der Gang* (ход) ← *gehen* (ходить). Но нужно отметить, что взаимопереход частей речи возможен также и у аффиксальных основ: *der Eintrieb* (загон) ← *eintreiben* (загонять), *der Vorgang* (процесс) ← *vorgehen* (проходить).

Степанова и Хельбиг считают, что взаимопереход частей речи, прежде всего, явление грамматическое [4, 127]. Так, эти исследователи выделяют ряд пограничных случаев: *Ruf* (крик) ← *rufen* (кричать, звать), *Schrei* (крик) ← *schreien* (кричать), *Schlaf* (сон) ← *schlafen* (спать), *Kauf* (покупка) ← *kaufen* (покупать). С точки зрения лексической семантики, соответствующие лексемы находятся в отношении взаимной мотивации, хотя в их семантических структурах имеются и различия, что влияет на семантическую сочетаемость лексем в контексте.

Направление производности четко определяется при субстантивации инфинитива, когда грамматический суффикс *-en*, не участвующий в остальных глагольных формах, оказывается словообразовательным формантом существительного: *das Leben* (жизнь) ← *leben* (жить), *das Aufstehen* (подъем) ← *aufstehen* (вставать).

Усложнение семантической структуры слова можно считать направлением мотивации: *die Schau* (показ) ← *schauen* (смотреть) [4, 126-127].

К.А.Левковская считает, что произвольность и мотивированность словесных знаков в немецком языке находятся в отношении известного равновесия. При этом мотивированы лишь вторичные (сложные по строению или возникшие вследствие переноса имени) знаки, в противном случае следует говорить о демотивации [2, 36]. Как только знак подвергается опрощению, приобретает в качестве денотата некий предмет повседневного обихода, он начинает тяготеть к демотивации. Например, слово *Eimer* (ведро) восходит к греко-латинскому *amphora* (амфора), которое, подвергшись народной этимологии, было осмыслено как производное древневерхненемецкое слово *eim-/einbar* (затем средневерхненемецкое *eimber*) «нечто носимое», соотносимое с глаголом *bern* «носить». В результате опрощения развилась современная форма, которая полностью демотивирована и лишена какой-либо связи с глаголом *bären* (рожать), также изменившим свое значение по сравнению с древними эпохами.

Итак, в немецком языкознании при изучении эксплицитного словопроизводства определение направления мотивированности лексем не вызывает сомнения. При имплицитном же способе образования отглагольных существительных, который является наиболее простым и продуктивным способом словопроизводства абстрактных имен, обеспечивающим широкие возможности для выражения, необходимо руководствоваться не только принципами, установленными М.Д.Степановой и Г.Хельбигом (усложнение семантической структуры слова, наличие в одной из лексем алломорфа («внутренней флексии») и др.), но и в некоторых случаях данными этимологического словаря.

Литература

1. Зольникова, Н.Н. Структурно-семантические особенности отглагольных существительных русского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2010. – 25 с.
2. Левковская, К.А. Лексикология современного немецкого языка. – М.: Высш. шк., 1968. – 312 с.
3. Лопатин, В.В. Множественность мотивации и ее отражение в отглагольном именном словообразовании // Русский язык в школе. – 1976. – № 2. – С. 77-84.
4. Степанова, М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М.: Высшая школа, 1978. – 258 с.
5. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – 4-е изд. – М.: Изд-во «Наука», 1977. – 256 с.
6. Erben, J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. – Berlin, 1975. – S. 26
7. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig 1971. – S. 361

© Н.Н. Зольникова, 2014

Г.Р. Искандарова

УЮИ МВД России, Уфа, Россия

Комизм в немецком словообразовании

В словообразовательной системе современного немецкого языка действуют определенные правила и нормы, нарушение которых приводит к образованию единиц, воспринимаемых как нечто необычное, выходящее за рамки общепринятого и дозволенного. Намеренное нарушение норм в разговорном словообразовании служит

средством выражения комического, которое проявляется в оригинальности и меткости образуемых словообразовательных конструкций.

«Юмор в слове строится на конфликте смыслов, на несуразности столкновения того, что в норме несопоставимо. Раскрывая нелогичность нелепого в слове, человек испытывает удовлетворение, ему становится смешно» [2, 18]. В основе комизма лежит своеобразная оценка обозначаемого предмета, которая выражается в шутовском, ироническом или насмешливом отношении к предмету.

Комичные слова, возникающие словообразовательным путем, появляются в результате нарушения морфемной валентности, а также контаминационно и паронимически. Наличие в разговорном немецком языке множества комических образований обусловлено допущением словообразовательных вольностей в словосложении. Словообразовательные окказионализмы и смелые переосмысления иногда начинают «играть», когда они по аналогии попадают в соответствующую «серию», в ряд когипонимов, где они никогда не были, когда происходит включение в «чужую семантическую парадигму» [3, 9].

Комический эффект при образовании сложных слов возникает за счет нарушения семантического согласования непосредственно составляющих в составе сложных слов, например, *Puddingabitur* «аттестат женского среднего учебного заведения», *Kummerspeck* «полнота, которой обрастают с тоски, утешаясь едой», *Zitterprämie* «надбавка за риск», *Benzinkutsche* «старый автомобиль». Комизм может создаваться путем тавтологии равнозначных компонентов с целью усиления смысла, например, *Plasiervergnügen* «колоссальное удовольствие», *Lobeshymne* «хвалебный гимн» [6, 174].

При образовании сложных слов с комическим эффектом важно, «чтобы кумулятивное приращение, которое содержится в этих композитах, было «отмотивировано» в виде ... логического конструкта, на который мог бы опереться передающий информацию при кодировании и принимающий информацию при декодировании» [1, 78]. Как правило, образование таких композитов сопровождается семантической деривацией, т. е. переосмыслением значений компонентов сложного слова: переосмыслением первого компонента (*Eselsschule* «школа для придурков», *Katzentisch* «стол, накрытый отдельно от общего стола»), переосмыслением второго компонента

(*Seelenmassage* «уговоры, утешения», *Seelenklo* «человек, выслушивающий терпеливо чьи-либо душевные излияния») и переосмыслением обоих компонентов, или полным переосмыслением (*Brauereigeschwür* «очень толстый живот», *Elefantenhochzeit* «слияние двух крупных предприятий»).

В создании пейоративов ведущая роль отводится также метафорическим (по схожести функции, внешнего вида, поведения и т.д.) и метонимическим (в виде *pars pro toto*) сдвигам. В результате переосмысления возникают образования как с семантически совместимыми (*Dickbauch*, *Kahlkopf*), так и несовместимыми компонентами (*Schmeichelkatze*, *Milchbart*). В свою очередь, метафорический сдвиг совместно со словообразовательным процессом может превратить какой-либо элемент в средство пейорации. Так, элемент *after*, имея буквальное значение «расположенный в пространстве (во времени) за чем-либо», может использоваться в качестве префиксоида в переносном значении «плохой, ложный (позади > плохой)», например, *Afterbildung* «плохое образование».

Комический эффект может создаваться вследствие нарушения морфолого-семантической и стилистической валентности при присоединении заимствованных суффиксов к немецким производящим основам. Так, помету «разговорно-шуточные» или «фамильярно-шуточные» имеют многие образования с суффиксами латинского происхождения *-itis*, *-us*, *-kus*, *-arium*, *-loge* и др., а также существительные с некоторыми суффиксами, заимствованными из французского языка *-age*, *-ier*, *-ie* и др., например, *Schenkeritis* «помешанность на подарках», *Kongressitis* «болезненная страсть к проведению конгрессов», *Luftikus* «шалопай», *Bierologe* «любитель пива», *Futterage* «еда», *Kneipier* «хозяин сомнительного заведения». Еще более выраженный комический эффект достигается за счет присоединения заимствованных словообразовательных суффиксов к разговорным производящим основам, например, *Schmierist* «плохой актер», *Pfiffikus* «ловкач», *Schlappier* «хиляк». Кроме того, пейоративная коннотация может быть заложена и в самом исконном словообразовательном суффиксе *-ler*, ср. примеры *Gewinnerin* – *Gewinnlerin*, *Versöhnler* – *Versöhnlerin* [8, 39].

В образовании разговорной лексики с комическим эффектом, выражающимся в основном в иронично-насмешливом отношении (часто в сочетании с оттенком пренебрежительности / презрительно-

сти) к обозначаемому денотату, принимают участие многие полупрефиксы, например, *Affen-* (*Affenvolk* «дурачье»), *Dreck-* (*Dreckfink* «нелюб, грязнуля»), *Hunde-* (*Hundepack* «каналья»), *Laus(e)-* (*Lausebengel* «сорванец, грубиян; хам; олух»), *Mist-* (*Miststück* «подлец»), *Sau-* (*Sauigel* «нечистоплотный, грязный человек; развратник»), *Bier-* (*Bierbauch* «брюхач») и др., полусуффиксы, например, *-bruder* (*Schnapsbruder* «пьяница»), *-fritze* (*Quasselfritze* «пустомеля»), *-held* (*Raufheld* «драчун»), *-hengst* (*Karrierehengst* «карьерист»), *-liese* (*Zimperliese* «недотрога»), *-meier* (*Quatschmeier* «брехун»), *-peter* (*Lügenpeter* «врун») и др.

Что касается полусуффиксов, выраженных именами собственными, то самыми нейтральными по эмоциональной окрашенности являются образования с именем собственным *Fritz* в качестве второго компонента в отличие от полусуффиксальных образований с именами *Liese*, *Meier*, *Peter* в качестве второго компонента. Резко отрицательную эмоциональную окраску передают имена *Heini*, *Kasper*, *Nickel*, несколько мягче по эмоциональной окрашенности образования с именем собственным *August* [5, 210].

На достижение комического эффекта ориентирована также семантика некоторых общеупотребительных суффиксов, в частности, *-bold* (*Juxbold* «проказник»), *-chen* (*Früchtchen* «шалопай»), *-ei* (*Kneiperei* «шатание по пивным», *Cheferei* «родители»), *-ian* (*Fadian* «зануда»), *-lein* (*Männlein* «мужичонка»), *-ling* (*Winzling* «ничтожество»), *-rich* (*Zitaterich* «человек, цитирующий себе во благо»), а также разговорно маркированных суффиксов, в частности, *-erl* (*Damerl* «беспомощный мужчина»), *-i* (*Hirni* «тупоголовый»), *-ke* (*Buffke* «хам»), *-sche* (*Doktorsche* «докториха»).

Среди лексики, образованной другими способами словообразования и с помощью других словообразовательных средств, имеется много слов с ярко выраженным комическим эффектом, который базируется на нелепых и смешных образах, положенных в основу наименования, например:

Denkste «смекалка», *Ewiggestrige* «реакционер», *Haumichblau* «драка», *Immergrün* «молодо выглядящий человек», *Kollege-kommt-gleich* «официант» (имплицитная деривация);

Sexperimente «любовные игры», *Hektoliteratur* «распитие пива», *Kasernatorium* «казарма» (контаминация);

Wischiwaschi «галиматъя», *Hickhack* «препирательства», *Hexi-Sexi* «искушенная в любви девушка» (редупликация) и т.д.

Максимальную силу воздействия имеет оригинальная игра слов, возникающая непредсказуемо в конкретном употреблении, в частности при паронимазии. Слова-паронимы, зарегистрированные в словарях, помимо денотативного значения, несут в себе в большинстве случаев ярко выраженную эмоционально-экспрессивно-оценочную коннотацию: *Nepptomane* «хозяин заведения, где дерут втридорога», *Obertan* «начальник», *Viehsitte* «визит» и др. [4, 146-148].

Экспрессивными являются также аббревиатуры, получившие неожиданное, совершенно новое толкование. Речь идет об образовании слоговых и буквенных аббревиатур с двойной мотивацией, или слов-акронимов, образующих знакомые слова. Они удобны, вызывают привычные ассоциации, запоминаемы; это своеобразные придуманные специально омонимы. Вот некоторые из них:

Erfolg Ermittlungssystem für optimal lukrative Geldanlagen,
LUST Liste unabhängiger (auch: undogmatischer) Studenten,
GUT Gemeinwirtschaftliches Unternehmen für Touristik GmbH,
NUR Neckermann und Reisen GmbH,
LAUS Liste aktiver unorganisierter Studenten,
OBST Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie.

Особенно часто встречается омонимия к именам, особенно к женским, например,

ISABEL Integriertes System Automatischer Belegverarbeitung,
PETRA Positron-Elektron-Tandem-Ringbeschleuniger-Anlage,
DORIS Doppelring-Speicher,
EVA Eisenbahn-Verkehrsmittel AG,
SOFI Soziologisches Forschungsinstitut (Göttingen),
LILI Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik,

или к мужским именам:

GEORG Gemeinschaftsorganisation Ruhrkohle GmbH,
RUDI Rund-um-die Uhr-Dienst für Luftimmission (Wiesbaden).

Для усиления выразительности речи или для создания комического эффекта используется контаминация.

Приведем примеры:

Dann könne jeder, der wolle, gefahrlos [...] in künstliche Paradiese ab- oder auch nur seine Stimmung anheben. Bis es solche «*Utopiate*» (von

utopische Opiate) geben wird [...] (Zeit 1995, Cosmas);

eine nicht ungefährliche *Etymogelei* (FAZ 1995, Cosmas) [7, 92].

Наконец, нельзя не упомянуть такой тип словосложения в немецком языке, как сращение, при котором словосочетания различной структурной композиции функционально приравниваются к словам, например: *Ohr-zu-Ohr-Werbung, die «Komm-streichel-mich»-Frisur, die «Waschen-allein-genügt»-Frisur, das «Für-unseren-kleinen-Schmutzfinken-Persil», das «Steigt-so-schön-wie-möglich-in-die-Betten-Persil», das «Tischlein-deck-dich-Persil», Rundum-Wohlfühl-Mantel, Nach-Feierabend-trink-ich-gern-einen-Jägermeister-Mann*. Подобные словосинтагмы используются для придания выражению иронической или юмористической окраски [9, 119].

В заключение отметим, что специфичность разговорной лексики заключается в наличии значительного количества пейоративных производных, обладающих отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией. Иронично-насмешливое отношение к обозначаемому денотату может отступить в пользу открытой и ярко выраженной неодобрительности / пренебрежительности / презрительности, в результате чего слово приобретает пейоративную (уничижительную) окраску. Следует заметить, что граница между ироническим/насмешливым и уничижительным не всегда четко ощущается, поэтому понятие «комизма» в некоторой степени перекликается с понятием «пейоративности».

Литература

1. Вашунин В.С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. – М.: Высшая школа, 1990. – 159 с.
2. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. – М.: Русский язык, 1994. – 768 с.
3. Девкин В.Д. Занимательная лексикология. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – 312 с.
4. Нухов С.Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя существительное: монография. – Уфа: Башкирский пединститут, 1997. – 178 с.
5. Салахов Р.А. Об учете коннотативного (ассоциативно-образного) компонента при анализе образований с именами собственными // Лингвометодические и культурологические проблемы обучения иностранным языкам в вузе: Материалы Всероссийской научно-методической конференции/отв. ред. Р.И. Виноградова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 207-211.
6. Степанова М.Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке: Учебное пособие для филологических факультетов университетов и

институтов иностранных языков / М.Д. Степанова, В. Фляйшер. – М.: Высшая школа, 1984. – 264 с.

7. Donalies, Elke. Die Wortbildung des Deutschen: Ein Überblick. – Tübingen: Narr, 2002. – 190 S.

8. Fleischer, Wolfgang. Neologismen als Wortbildungssynonyme / Linguistische Arbeitsberichte 18/Hrsg.: Der Direktor der Sektion Theoretische und angewandte Sprachwissenschaft der Karl-Marx-Universität. – Leipzig, 1977. – S. 37-49.

9. Panagl, Oswald Wortbildungstypen in der Sprache der Anzeigenwerbung // Europäische Mehrsprachigkeit: Festschrift zum 70. Geburtstag von Mario Wandruszka/hrsg. von Wolfgang Pöckl. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – S. 115-122.

© Г.Р. Искандарова, 2014

Н.В. Исмагилова
БГМУ, Уфа, Россия

Родной язык как важный фактор формирования этнической самоидентификации билингва

Важным компонентом социальной идентичности является этническая идентичность, или самоидентификация, представляющая собой отождествление индивидом себя с представителями своего этноса. Данный термин следует отличать от термина «этническая принадлежность», в основе которого лежит формальный подход к определению национальности индивида, как правило, по его рождению в семье представителей того или иного этноса или по национальности матери или отца.

Одним из ключевых факторов, влияющих на формирование этнической самоидентификации, безусловно, является тот язык, который индивид считает своим родным. Однако прежде чем рассмотреть роль родного языка в становлении этнической идентичности, необходимо более подробно остановиться на самом термине «родной язык» (с оппозицией «неродной язык»).

Как правило, проблема выбора родного языка возникает у двуязычных индивидов (билингвов), как рожденных от смешанных браков, так и от однопациональных родителей, ставших дву- или полиязычными.

Исследователи отмечают наличие нескольких разных трактовок у данного термина в лингвистической, социолингвистической,

психолингвистической и методической литературе. Отсутствие четкого представления о том, что должно подразумеваться под термином «родной язык», отражают также данные различного рода социолингвистических опросов, проводимых среди населения. Так, при анкетировании одни респонденты называют родным тот язык, на котором говорят с детства, другие под ним понимают язык матери, третьи родным считают язык своей национальности. Родным иногда называют и тот язык, который любят или выучили первым. Любопытными представляются также результаты проведенного Т.Ю. Позняковой ассоциативного эксперимента на стимул «родной язык». С точки зрения испытуемых, термин «родной язык» обладает следующим набором наиболее частотных оценочных и метафорических обозначений: *душа, дух; жизнь, опыт, жизненный путь; воспитание, детство, юность; самовыражение, самосознание, сознание, память; чувства, эмоции, ощущения; корни, народ, род, история, материнский язык, язык дедов и прадедов, язык семьи; свой, мой, кровный, индивидуальный, личностный; ощущаю, думаю, чувствую, считаю, называю и др.* [5, 66].

По мнению К.З. Закирьянова, из всех известных интерпретаций термина «родной язык» наиболее распространёнными являются его определения как языка матери и языка национальной (этнической) принадлежности [3, 45].

Но считается более корректным представление о родном языке как о таком, на котором индивид мыслит. Поэтому до сих пор остается актуальной трактовка термина «родной язык», данная В.А. Аврориным: «...родным следует признавать тот язык, которым данный человек или коллектив людей владеют в совершенстве (в доступных для данного возраста и уровня образования пределах)... и пользуются наиболее свободно и активно в любых случаях жизни – не только говорят, понимают, но и думают, не прибегая при этом к умственной операции перевода на иной язык» [1, 126]. Т.М.Гарипов полагает, что «правомерность рабочей дефиниции родной речи как средства общения, на котором человек мыслит про себя» [2, 124] подтверждают данные социолингвистического эксперимента, проведенного группой лингвистов Башкирского государственного педагогического университета среди студентов ряда ведущих уфимских вузов, обучавшихся по специальности «Русский язык и литература».

В отечественной социалингвистической литературе существует также определение родного языка как функционально наиболее значимого в жизни человека, причём он далеко не всегда материнский или национальный. Такой подход к родному языку тоже не лишен основания.

Кроме того, у человека может быть два родных языка, если, например, он родился в двуязычной семье, и оба языка являются для него одинаково близкими. В этом случае учёные по отношению к другому языку используют термин «второй родной язык». Если индивид не определяет язык своей этнической принадлежности («национальный язык») как «родной язык», то используется понятие «другой родной язык».

Следует принять во внимание, что термин «родной язык» употребляется преимущественно в отечественной науке. В зарубежной науке широко распространён термин «первый язык» (и, соответственно, «второй язык», «третий» и т.п.).

Термин «первый язык» обычно трактуется как язык, усвоенный индивидом раньше другого или других языков. Данный термин теряет актуальность в том случае, если индивид усваивал два языка одновременно. Понятие «первый язык» имеет право на существование, так как оно свободно от субъективизма, в отличие от термина «родной язык», отражающего личностные языковые предпочтения индивида.

Ввиду неоднозначности терминов «родной язык», «первый язык» в науку было введено понятие «первичный язык». А.Е. Карлинский поясняет его следующим образом: «Из двух или более языков, используемых индивидом, первичным считается тот, который усвоен ребёнком в раннем детстве прямым методом без посредничества какого-либо другого языка или учителя. Первичным может быть язык данной этнической группы или любой другой. Таким образом, человек может владеть двумя первичными языками, но только один из них будет для него родным» [4, 60].

Таким образом, термин «родной язык» оказывается более сложным, чем это может показаться на первый взгляд. Но функционирование данного термина в науке тоже оправдано, так как при некоторых исследованиях социалингвистического и психалингвистического характера все-таки необходимо учитывать личностные языковые предпочтения индивида.

Как мы отмечали выше, родной язык оказывает огромное влияние на формирование языковой идентичности индивида в первую очередь в силу того, что человек познает мир сквозь призму того или иного национального языка, и любой человеческий язык, являясь формой отражения окружающей человека действительности, не может не воздействовать на менталитет того или иного этноса. Таким образом, человек, овладевая тем или иным языком в совершенстве вплоть до способности мыслить на нём, приобщается в большей или меньшей степени и к мировосприятию и культуре того этноса, язык которого он стремится усвоить в течение жизни.

В том случае, если человек имеет по рождению одну этническую принадлежность, но признаёт родным язык другого этноса по причине того, что лучше владеет языком именно данного народа, а не языком своей национальности, то существует вероятность того, что он вообще может перестать идентифицировать себя с тем этносом, к которому он относится по происхождению, то есть изменить свою этническую идентичность в пользу другой национальности.

Вероятно, более часты случаи, когда индивид отождествляет себя с представителями определенной национальности, к которой он принадлежит по рождению, но считает родным другой язык ввиду абсолютного незнания или плохого владения языком своего этноса. В подобной ситуации все равно происходит ослабление связи индивида со своим народом, так как человек, не владея языком своей национальности, не может в полной мере воспринять обычаи, традиции, культуру своего этноса, они могут оказаться для него чуждыми, непонятными. В такой ситуации индивиду все равно становится ближе менталитет того народа, язык которого он считает родным, что тоже через определенное время может привести к формированию у него иного типа этнической идентичности, то есть самоидентификации с другим этносом. Например, исследования языковой ситуации крупных многонациональных городов Российской Федерации показывают, что в этих городах наблюдается доминирование русского языка практически во всех сферах общения полиэтнического населения, особенно его молодого поколения, что в итоге обуславливает утрату городским населением национальных языков и размывание их этнической идентичности. Те же самые явления происходят и в городе Уфе. Здесь при функционировании национально-русского типа двуязычия (башкирско-русского, татарско-русского, чувашско-русского

и др.) тоже отмечается сдвиг в сторону русского языка как языка межнационального и международного общения с богатой письменной традицией, функционирующего в сфере быта, науки, культуры, политики, экономики, СМИ и др. Преобладание русского языка во многих сферах жизни приводит к тому, что довольно значительное число коренных жителей г. Уфы нерусской национальности плохо владеет родными языками или совершенно их не знает. Данные социологических и социолингвистических опросов это подтверждают. Даже в том случае, если человек нерусской национальности, живущий в Уфе, свободно говорит на языке своего этноса, часто оказывается, что он владеет лишь какой-нибудь одной его разновидностью, как правило, разговорной, обнаруживая незнание или плохое знание литературной формы данного языка. И это не случайно, так как овладеть литературным языком своего народа человек может только в соответствующей национальной школе, а также в каком-либо высшем учебном заведении, где преподавание ряда учебных дисциплин ведётся на одном из национальных языков. Национальных школ в Уфе немного, поэтому число билингвов, получивших образование в башкирской, или татарской, или других национальных школах и овладевших тем или иным литературным языком, тоже невелико. В итоге русский язык оказывается для многих коренных жителей Уфы нерусской национальности самым важным, а порой и единственным средством общения, фактически становясь для них родным, что не может не отразиться на их этнической идентичности.

Таким образом, при проведении разного рода исследований, связанных с проблемой этнической идентичности, необходимо учитывать и ту важную роль, которую играет родной язык индивида в процессе становления его национальной самоидентификации.

Литература

1. *Авдорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. (К вопросу о предмете социолингвистики). – Л.: Наука, 1975. – 275 с.
2. *Гарипов Т.М.* Относительно языковой модели Башкортостана // Мат-лы межрегиональной научно-практической конференции «Межнациональные отношения в полиэтничном регионе: проблемы и пути оптимизации». – Уфа, 2005. – С. 123-125.
3. *Закирьянов К.З.* Билингвизм: лингвокультурологический аспект // Вестник ВЭГУ. – 2000. – № 11. – С. 44-50.
4. *Карлинский А.Е.* Основы теории взаимодействия языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 181 с.

Г.Г. Ишимбаева
БашГУ, Уфа, Россия

Философский и психологический дискурсы мифа о Кассандре в античной литературе

Кассандра – мифологическая троянская царевна, дочь Приама и Гекубы, сивилла, пророчица, провидица с трагической судьбой. Кассандров архетип определяется двумя факторами: тем, при каких обстоятельствах земной девушке стали доступны тайны ясновидения, и тем, как – и почему именно так – ее откровения воспринимали современники, и напрямую связан с образом бога Аполлона, покровителя искусств и прорицаний.

Аполлоновское участие в деле приобретения героиней экстрасенсорных способностей в мифах трактуется двояко – либо таинственное действие происходит в святилище Аполлона, либо сам Аполлон оказывается главным действующим лицом.

Согласно одной из легенд новорожденных Кассандру и ее брата-близнеца Гелена родители оставили спящими в храме Аполлона Фимбрейского, и храмовые змеи вылизали их уши так чисто, что они стали «слышать будущее» (в некоторых версиях говорится о том, что с этого времени они стали понимать голоса животных, а не провидеть будущее).

Подобной двойственности нет в другом мифе, объясняющем историю получения мистического дара и, наверное, поэтому ставшем общепризнанным. Юная Кассандра была настолько прекрасна, что в нее влюбился Аполлон. Кассандра не отвечала олимпийцу взаимностью, но пообещала свою любовь, если он подарит ей дар пророчества. Получивши же искомое, троянка отказалась выполнить данное слово, поэтому разгневанный обманутый бог плюнул ей в уста и проклял: ей надлежит стать прорицательницей, которой никто не будет верить.

Вот, собственно, с этого и начинается трагическая история Кассандры, которая доподлинно знает нечто очень важное для своего

времени и своего народа, но не может донести это знание до современников, не понимающих и не желающих ее понять, а потому объявляющих ее сумасшедшей. Провидица предсказывает гибель Трои, беду троянцам, пожар и мор, но ей, проклятой обиженным богом, не внемлют, и от этого ее муки стократ усиливаются.

Архетипическая история Аполлона и Кассандры, в данном случае властного с неограниченными возможностями мужчины и пытающейся, его использовав, его же и обмануть женщины, имеет в своей сердцевине философскую проблему отсутствия свободы воли. Кассандра с самого начала оказывается в жесткой системе координат и не имеет выбора, выполняя заповеданный обман бога, кровительствовавшего прорицаниям и прорицателям, вслед за тем вновь и вновь сталкиваясь с невозможностью осуществления свободы выбора. И вот она улавливает сейсмические разломы будущего, касаются ли они смерти Гектора или его маленького сына Астианакса, Агамемнона или кого-либо еще, но никак не может спасти кого бы то ни было, предотвратить что бы то ни было, оставаясь заложницей закона железной необходимости.

Отсюда проистекает вселенская апатия Кассандры, связанная с осознанием отсутствия свободы выбора и воли. Называемая в Древней Греции ацедией, т.е. равнодушием и унынием, эта апатия сивиллы подстегивалась реакцией троянцев на ее предсказания. Толпа, символизирующая коллективное бессознательное, не верит в уникальность Кассандры – примечательно, что в этом ряду «не верящих» находятся и родители героини, и другие ее родственники. Кассандра несет бремя не только страшного знания и невозможности исправить судьбу, но и одиночества и непонятости. Архетипическая, грозная, подавляющая сила толпы наслаивается на роковую предопределенность – это обуславливает катастрофичность миропознания Кассандры, предвидящей и разрушение Трои, и свою смерть от руки Клитемнестры и не спорящей с фатумом.

Образ и характер несчастной пророчицы из Трои представляют собой загадку, так до конца и не разгаданную. Ее судьба разворачивается в рамках универсальной трагедии непонимания выдающейся личности толпой, и гендерной трагедии сильной женщины, терпящей поражение от мужского мира, и философской трагедии с онтологическими вопросами свободы воли и свободы выбора.

Кассандра привлекала древних авторов, но не настолько, как, например, Елена Троянская. Древнегреческие писатели в большей степени были заняты раскрытием тайны самой совершенной женщины, ставшей причиной Троянской войны, чем историей Кассандры, предсказавшей беды, которые принесет похищенная Парисом жена Менелая Трое. И тем не менее античная кассандреида, которая, замечу, представлена произведениями, посвященными Кассандре не как главной героине, но как одному из второстепенных персонажей, насчитывает несколько значительных сочинений, высвечивающих разные стороны личности и этапы жизни и смерти героини.

Прежде всего, это, безусловно, «Илиада» Гомера (первая треть I тысячелетия до н.э.), где о Кассандре говорится вскользь – как о прекраснейшей дочери старца Приама, подобной златой Афродите. По сути, героиня упомянута лишь эпизодически, лишена индивидуальных характеристик, никак не комментируется ее дар. Однако при этом Гомер упоминает о том, что Приам обещал выдать свою дочь замуж за Офрионея, если тот поможет прогнать из-под Трои данайцев. В поэме «Одиссей» Гомер (первая треть I тысячелетия до н.э.) также приводит небольшие данные – о смерти Кассандры. Спустившийся в Аид Лаэртид встречается с душой Агамемнона, которая рассказывает ему, горько плача, о том, что произошло с ним и с Кассандрой по возвращении на родину: их убила Клитемнестра. Гомер, таким образом, лишь констатирует некоторые факты жизни и смерти Кассандры, но не дает сколько-нибудь развернутого и последовательного рассказа о ее судьбе, не делает философского обобщения ее истории.

Гораздо больше для мировой кассандреиды сделали Эсхил и Еврипид.

Эсхил в трагедии «Агамемнон» (458 г. до н.э.) первым литературно обработал миф о Кассандре, что впоследствии так или иначе будут использовать писатели, обращающиеся к этому сюжету. Иначе говоря, в эсхилевском «Агамемноне» сложился кассандров протосюжет, касающийся первого и последнего эпизодов трагической истории Кассандры – аполлоновского проклятия обманувшей его троянской царевны, которой он подарил дар провидения взамен на любовь, и совместной с Агамемноном смерти в Аргосе от руки сестры Елены Клитемнестры.

Драматургическая находка Эсхила в том, что он доверяет самой Кассандре право голоса: по прибытии в Аргос, предчувствуя смерть, она в присутствии хора обращается к статуе Аполлона. И все дальнейшее действие – это ее вопль, комментируемый хором, пытающимся понять чужестранку-рабыню. Кассандра вещает о давних преступлениях дома Атридов и о новом великом злодействе, которое в нем предуготовляется, при этом она использует как прямой рассказ о произошедшем (об убийстве и поедании детей), так и метафорическое повествование, уподобляя Агамемнона быку, предназначенному для заклания.

Хор отмахивается от пророчицы, однако испытывает вещий страх от пророческих слов безумной, одержимой богом, предсказывающей разгул Эриний в доме Атридов, намекающей на будущую трагедию Ореста, которому предстоит отомстить матери за пролитую кровь отца, и провидящей свою собственную насильственную гибель.

Только после этого, стоически принимая то, что суждено, она раскрывает потрясенному хору тайну своего дара: Аполлон, пораженный страстью, в обмен на любовь подарил ей способность угадывать прошлое и будущее, но она обманула Феба, который в отместку проклял ее безверием современников. Кассандра признает правоту гнева Локсия и собственную преступность и мужественно завершает свой земной путь, предсказывая новые кровавые трагедии.

Так, согласно Эсхилу, Кассандра, на короткое время пережившая Агамемнона, принимает важное решение этико-философского порядка, и это скрепляет ее представление о мироздании накануне смерти. Так миф приобрел литературные очертания, стал протосюжетом.

Свою лепту в него внес Еврипид в антивоенной трагедии «Троянки» (415 г. до н.э.). Драматург показывает то, что происходит в ахейском стане на второй день после разрушения Трои, – греческие вожди-победители делят пленниц, и Агамемнон берет себе прекрасную Кассандру, к которой воспылал любовью. Весь этот эпизод распадается на две сцены, одна из которых спровоцирована матерью Кассандры Гекубой, вторая – греческим послом Талфибием, и обе проливают свет на загадку образа Кассандры.

Гекуба печалится, что ее несчастной дочери предстоит стать рабыней спартанской невестке, однако реальность страшнее: Кассандре уготована участь наложницы аргосского царя. Это известие за-

ставляет Гекубу буквально корчиться от боли: ее девственная Кассандра, которой не коснулся сам Аполлон, будет служить утехой Агамемнону. Несравнимы судьбы рабыни и наложницы, несопоставимы масштабы бога Аполлона и земного эллина Агамемнона, страшная участь ждет Кассандру – это понимает Гекуба, которой отведена главная роль в начале трагедии и которая в психологическом отношении подготавливает выход охваченной бешенством Кассандры с горящим факелом.

В первых репликах появившейся на сцене Кассандры звучит уязвленная душа, помутившееся сознание, поэтому ее речь так несвязна и переполнена рядом образов и состояний, вступающих друг с другом в конфронтацию: «сияющий жених», «невеста блаженная», Гименей и стоны о мертвом отце. В реальности готовится не свадьба, а тризна, лучшие дни иллионовы в прошлом, в прошлом и вся жизнь Кассандры, которая в храме Феба курила благовония. В настоящем же – безумие, охватившее несчастную дочь убитого Приама, которую Гекуба и Талфибий неслучайно сравнивают с менадой и которая сама себя называет одной из Эриний. Но это священное и грозное помрачение ума, предшествующее таинству пророчества о гибели Атреева корня, о матереубийстве. Кассандра в экстатическом порыве обрушивается на ахейцев, которые погубили столько воинов, погибших не во имя защиты Отечества, а из-за «любовишки». Героиня, выражая антивоенную точку зрения Еврипида, недоумевает: к чему столько жертв из-за Елены, которая сама добровольно ушла из Спарты.

Преступному, бесславному поведению эллинов Кассандра противопоставляет истинный героизм троянцев, которые защищали родину и погибали, пытаясь отстоять рубежи своей земли. И, словно в доказательство, она обращается к судьбе своего брата Гектора: он убит, но славен, и прославили его греки, приплывшие к Трое и разрушившие Трою.

Еврипид акцентирует не провидческую, а человеческую мудрость своей героини. Кассандра, вступившая в пространство трагедии как безумная менада, глубоко разумна, это следует прежде всего из ее отношения к войне: ее ум здоров, поэтому война ей ненавистна.

Грек Талфибий же этого не понимает, продолжая считать ее поврежденной рассудком и опьяненной Фебом. С этого начинается второй акт кассандрова микросюжета в рамках единого сюжета «Троянок». Талфибий отмахивается от Кассандры и ее слов и коман-

дует женщинами: безумной троянской царевне следует идти к стоянке корабельной, а Гекубе – дожидаться приказа Одиссея, которому она досталась во время дележа пленниц. Услышав про Лаэртида, Кассандра впадает в транс и пророчествует о том, какие испытания выпадут на долю Одиссея во время десятилетнего возвращения на Итаку. Но затем мысль ее возвращается к собственной судьбе: она готовится к смерти, прощается с Фебом и своими повязками и убором, знаками принадлежности к жрицам Аполлона, со своей чистотой и непорочностью, с поруганной матерью и отчизной, с погибшими братьями и отцом.

Еврипид, как видим, поместил традиционный миф в актуальный современный контекст, насытил его откровенным политическим содержанием, внятным его современникам. В 415 г. до н.э., когда была написана трагедия «Троянки», афиняне пытались переломить ход Пелопонесской войны с помощью военной экспедиции в Сицилию. Изображая кровавые последствия захватнической со стороны греков войны и сочувствуя плененным женщинам из вражеского стана, Еврипид выражал позицию того меньшинства, которое было против сицилийского похода. После того как в 413 г. до н.э. войско афинян погибло в Сицилии, антивоенный пафос трагедии стал близок всем тем, кто прежде находился под влиянием демагогов, и речи Кассандры приобрели качество прямого обращения к гражданам Афин эпохи Еврипида.

Писатели Древнего Рима, в частности Вергилий и Сенека, также обращались к сюжету о Кассандре, при этом в одном частном случае проявляется общая тенденция римской литературы, которая развивалась с опорой на традиции древнегреческой литературы: Вергилий продолжал традиции Гомера, Сенека – Эсхила.

Вергилий, следуя за Гомером, в «Энеиде» (26 – 19 гг. до н.э.) создает многофигурное эпическое полотно, на котором Кассандре в ряду других персонажей отведено небольшое место. Римский поэт ограничивается фиксацией отдельных моментов из жизни Кассандры, чья история в воспоминаниях Энея подается как часть большой войны – в частности, это касается истории ее несостоявшегося замужества с Кребом, соратником Приама.

Сенека в трагедии «Агамемнон» (середина I в. н.э.) обращается к протосюжету Эсхила, который перерабатывает, в первую очередь акцентируя внимание на психологии убийц Агамемнона Клитемнест-

ры и Эгисфа. В этой связи заглавный герой носит до известной степени вспомогательную функцию и, соответственно, на периферии оказывается Кассандра, его пленница. Но тем не менее ее образ раскрыт последовательно. С самого начала подчеркивается ревность Клитемнестры, не прощающей мужу не только его жертвоприношение в Авлиде, но и то, что он увлекся Кассандрой.

Первое появление плененной троянки эпично, ее первые реплики привносят в разворачивающуюся на глазах зрителя и читателя семейную трагедию в микенском дворце измерение великой общенациональной трагедии Трои и единоличной трагедии космически одинокого индивида.

Кассандра принципиально выбирает не коллективное страдание, а страдание отдельного человека, не растворяется в коллективном горе, а предпочитает оплакивать свои потери в одиночестве, потому что ощущает себя последней оставшейся в живых. Кроме того она уязвлена тем, что к ее предсказаниям троянцы не прислушались, а между тем Троя пала. Это подготавливает новое пророчество, к которому следует отнестись более чем серьезно, в особенности с проклятием рода Атридов. И Кассандра вспоминает о его предыстории, о старом преступлении Атридов и о готовящемся убийстве Агамемнона как его следствии, предсказывает собственную смерть, вновь подчеркивая свое одиночество.

На все попытки Агамемнона расшевелить Кассандру, заразить ее собственным радостным настроением, вызванным возвращением в Микены, она отвечает точечными репликами, берущими под сомнение его радость. На его слова о «нашем празднике» она отвечает: «Праздник и для Трои был». На его предложение почтить алтарь реагирует: «У алтаря отец мой пал». На его призыв вознести мольбы Юпитеру уточняет: «Геркийскому?». За одним-единственным словом – бездны горя: храм Юпитеру Геркийскому стоял в Трое, и у его алтаря Пирр зарезал царя Приама. И Кассандра подчеркивает, что видит здесь и сейчас Трою и Приама. На попытку Агамемнона отрезать ее тем, что они не в Трое, она бросает категорическое: они в Трое, потому что здесь Елена.

Дальнейший диалог представляет собой легкий на первый взгляд обмен словами, за которым, однако, скрывается серьезнейшая проблема заканчивающейся жизни и настигающей их смерти. Это знает Кассандра, и об этом не догадывается Агамемнон. Она говорит

о близости развязки, о том, что от страха избавит смерть, он же убежден в полном благополучии своем собственном – благополучии победителя – и его любимой пленницы.

Далее следует сцена убийства Агамемнона рукой Эгисфа, которому помогает Клитемнестра, – причем дается она глазами Кассандры, которая в очередной раз убеждается в том, что ее страшные предсказания всегда сбываются. Эта картина отличается особым физиологизмом, чье назначение не только устроить читателя, но и передать внутренне состояние героини-наблюдательницы, примеряющей подобный способ умерщвления на себя.

Сенека, однако, не показывает, как происходит убийство Кассандры. Он, как уже было замечено, в первую очередь исследует психологию неверной жены Агамемнона Клитемнестры, которая после убийства мужа, открытого конфликта с дочерью Электрой и попыткой найти и уничтожить сына Ореста как потенциального мстителя обращает свой гнев против Кассандры. Именно в троянской царевне она пытается увидеть корень зла, именно ее обвиняя в том, что в микенском дворце на пурпурном ковре проливается кровь царя.

Кассандра великолепно понимает внутренне состояние своего врага и не дает убийце возможности разыграть намеченную роль жертвы мужского предательства. Она возвращает всех присутствующих при этой сцене к исходной ситуации: падению Трои, закономерной гибели Агамемнона от руки жены-предлюбодейки, видя в этом проявление высшей справедливости.

Заключает Кассандра, подводя счеты с жизнью, поистине героически, чувствуя себя счастливой, потому что ей, в отличие от погибших троянцев, суждено было увидеть расплату и высшее отмщение за крушение троянского мира – именно так она расценивает происшедшее в Микенах. Ее уход из жизни режиссируется как стоическое принятие смерти, которое переплетено с мстительной радостью последнего пророчества о готовящемся убийстве Клитемнестры и о сумасшествии матереубийцы Ореста, которого будут преследовать Эринии. Так Сенека значительно додумал эсхилловский протосюжет, привнеся в трактовку Кассандры психологическую достоверность произошедшего в Аргосе двойного убийства.

Таким образом, для античной кассандреиды наиболее существенными стали философский и психологический дискурсы, которые

получат блестящее развитие в повести «Кассандра» (1983) немецкой писательницы Кристи Вольф [1].

Литература

1. Ишимбаева Г.Г. Энергия мифа, или «Кассандра» Кристи Вольф. – Саарбрюккен: LAPLambert Academic Publishing, 2014. – 119 с.

© Г.Г. Ишимбаева, 2014

Л.М. Ишмуратова
БашГУ, Уфа, Россия

Личность преподавателя в образовательном процессе

Компьютеризация обучения открывает новые пути интеллектуального развития. Применение компьютера – это уже не шаг вперёд, а скачок в истории развития образования и, в частности, обучения иностранным языкам, владение которыми рассматривается в наше время как элемент профессиональной культуры специалиста с высшим образованием. Цель изучения иностранного языка в неязыковом ВУЗе – формирование и развитие коммуникативной культуры студентов и умения общаться на иностранном языке в телекоммуникационной сети, обучение практическому овладению иностранным языком, необходимых для дальнейшей работы по выбранной специальности [1].

Многочисленные исследования свидетельствуют о преимуществах организации процесса обучения иностранным языкам с использованием компьютерных технологий.

Предлагаются различные подходы к вопросу о роли компьютера в системе обучения иностранным языкам. Компьютер может обеспечить максимальную поддержку в процессе обучения, он помогает преподавателю анализировать, контролировать и оценивать выполняемую работу. Наиболее актуально применение программ банка данных, компьютерных программ по расширению словарного запаса и совершенствованию навыков письменной речи, симулятивно-имитационного моделирования, использование спутниковых и телевизионных технологий обучения, редактирование машинного перевода [2].

Одной из задач преподавателя иностранного языка является формирование коммуникативной компетенции, которая помогает

формировать социокультурную компетенцию. Поэтому преподаватель иностранного языка должен уметь хорошо ориентироваться в огромном количестве мультимедийных учебников и Интернет-ресурсов, которые обеспечивают овладение иностранным языком в единстве с культурой его носителей, облегчают его работу и повышают эффективность обучения.

В компьютерной форме обучения сохраняются основные закономерности учебного процесса: принцип научности (улучшается качество презентации материала); созидательности (улучшение качества усвоения); доступности (учитываются все возрастные особенности и уровень владения языком); наглядности. Кроме того, наиболее полно при компьютерной форме обучения реализуется принцип учета индивидуальных особенностей, т.к. существует возможность выбора темпа, уровня сложности,

Говоря еще раз об использовании Интернета в обучении иностранному языку, необходимо также помнить, что в качестве ведущего компонента содержания обучения выступают не основы наук, а различные виды речевой деятельности – аудирование, говорение, чтение, письмо.

Порой электронные накопители информации дают доступ практически к неограниченному объему лексико-грамматической, орфографической и аудиовизуальной информации по предмету, при этом решаемы задачи систематизации работы и получения в то же время обратной связи при сохранении всех закономерностей учебного процесса. Таким образом, компьютерные технологии способствуют усилению мотивации и интереса учащихся к изучаемому языку, существенно совершенствуют процесс преподавания, обладая преимуществами перед традиционными методами: информационная емкость; повышение познавательной деятельности; создание коммуникативной ситуации, лично значимой для каждого ученика. Применение компьютерных технологий в обучении приносит удовольствие от преподавания, радость от результатов своего труда и, что немаловажно, доставляет учащимся наслаждение от процесса обучения.

Необходимо, однако, помнить, что этот процесс имеет не только положительное значение, компьютеризация процесса обучения имеет и отрицательные стороны.

Компьютеризация процесса обучения уменьшают роль преподавателя в учебном процессе, отдаляя преподавателя от ученика. По

сути – это переход к самообразованию. Дистанционные методы, фактически, оставляют обучаемого один на один с изучаемым предметом. Между тем обучаемый часто подсознательно чисто психологически воспринимает предмет через преподавателя. Преподаватель, прежде всего, как личность, может подсознательно вызвать у обучаемого как любовь, так и нелюбовь к предмету. Во многом предметы становятся подсознательно «любимыми» и «нелюбимыми» в связи с первым преподавателем в жизни обучаемого. Здесь можно провести сравнение с известными артистами. Известные актёры интересны, прежде всего, как личности и уже потом как артисты. Общение с ними интересно, прежде всего, как с людьми, как с личностями. Такое же происходит, на наш взгляд, и при общении преподавателя с обучаемым.

Использование различных технических средств обучения должно помогать преподавателю, но не заслонять его личность от обучаемого. Технические средства это всего лишь технические средства, подсознательные эмоции обучаемого они заменить не могут. Положительные эмоции обучаемого имеют большое значение для процесса восприятия новой информации.

Конечно, компьютеры и Интернет значительно облегчают и ускоряют процесс «добывания» информации, делают обучение более наглядным и понятным, но исключить необходимость трудиться самому и, прежде всего, думать они не могут и не должны. У обучаемых часто создаётся иллюзия, что весь процесс обучения – это нетрудный «бег» пальцами по клавишам. Это значительно снижает эффективность применения компьютеров и мультимедийных средств в процессе обучения.

Все мультимедийные устройства и компьютер призваны облегчить восприятие информации и избавить преподавателя и обучаемого от второстепенного рутинного труда. На наш взгляд, в особенности на начальном этапе обучения возрастает роль преподавателя, прежде всего как личности и как специалиста. После начального этапа обучения, когда уже есть запас начальных знаний предмета и обучаемый может самостоятельно ориентироваться в «море» новой для него информации, он уже может находить необходимую информацию по предмету самостоятельно. Здесь, несомненно, большую помощь окажут компьютер и Интернет. Ну и, конечно, компьютерные тесты могут значительно помочь и ускорить процесс обучения при самостоя-

тельном использовании их обучаемыми для текущего самоконтроля, когда у них нет страха сделать ошибку и получить двойку.

Литература

1. Запесоцкий А. Какого человека должна сформировать сегодня система образования? // Высшее образование в России. 2003. № 3. С.45-60.
2. Evelyn K.L., Oliver W.P. Computer Assisted Language Learning / An Investigation on Some Design and Implementation Issues // System, 1987. V.15. No.1. P.35 – 39.

© Л.М. Ишмуратова, 2014

Л.Н. Ишмуратова
БашГУ, Уфа, Россия

Семантико-этимологический анализ лексических единиц со значением «насекомые» в русском языке

На современном этапе развития языкознания семантический критерий становится основополагающим в этимологических решениях, и задачи этимологии смыкаются с задачами истории языка, когда на основе существующих отношений выявляются недостающие звенья в историческом развитии слов. Продуктивными в исследованиях считаются этимологические изыскания для построения семантических параллелей. Изучение лексики одного языка или группы родственных языков по семантическим полям даёт возможность для вскрытия и использования наиболее доказательных семантических параллелей, так как обеспечивается языковая и историко-культурная однородность материала. Этимология, используя новейшие методы исследования, предоставляет материал для выяснения истории и процедурных механизмов человеческого мышления.

Человеческий язык представляет собой сложное, многоплановое явление, органически целостное по структурной организации, полифункциональное по назначению и использованию в обществе.

Язык играет огромную роль в жизни людей и, прежде всего, в познании и освоении человеком реального мира.

Знаковый характер человеческого языка составляет одну из его универсальных черт и основных особенностей. Язык, с одной стороны, даёт наименования предметам, явлениям реального мира, способствует обобщению и дифференциации их свойств и отношений, с другой – храня и передавая информацию, обеспечивает речевую дея-

тельность, удовлетворяя тем самым коммуникативные потребности людей.

Слова, которыми мы пользуемся в нашей повседневной жизни, образуют очень интересный мир, имеющий свои особенности и закономерности. Среди многочисленных вопросов языкознания есть такой: почему окружающие нас предметы называются так, а не иначе? Называя тот или иной предмет объективной действительности, люди используют названия других предметов или явлений, в том или ином отношении с ним связанных или соотносительных. В результате этого предметы и явления начинают называться по тому признаку, который казался достаточно характерным для того, чтобы отличить их от других.

Нами произведен семантико-этимологический анализ лексических единиц со значением «насекомые» в русском языке (причём предметом нашего внимания были только «говорящие» названия).

Насекомые – это крошечные животные, обитающие во всех уголках мира, от знойных пустынь и джунглей до полярных льдов. Это самая многочисленная и разнообразная группа животных на Земле: известно около 2 млн. видов насекомых. А что обозначает слово *насекомое* и откуда пришло к нам? Слово *насекомое* – это калька латинского слова «*инсектум*» (от *insectum* – «разрезаю», «надрезаю»). Язык отметил характерную особенность строения насекомых, а именно: их тело состоит как бы из отдельных члеников, оно резное, «насечённое». Действительно, тело насекомых разделено на голову, грудь и брюшко. Самые крупные отряды насекомых – жуки (свыше 300 тыс. видов), бабочки (140 тыс.), комары (свыше 25 тыс.), муравьи (около 10 тыс.), мухи (около 5 тыс.), осы (25 тыс.), пчёлы (около 30 тыс.) и др.

Бабочки – одни из самых красивых существ на Земле! Они похожи на ожившие цветы, причудливость и яркость окраски их крыльев поистине сказочная. Удивительно милая и наивная история у слова *бабочка*, первоначально означавшая «душа бабушки», «душа прародительницы». Наши далёкие предки, следя за полётом красивых насекомых, наблюдая, как они кружатся возле окон и дверей жилья, упрямо летят на свет, задумались: да уж не порхает ли это вокруг родного дома душа умершей родоначальницы? Так и стало это удивительное насекомое бабочкой.

Жуков можно встретить всюду – в любой части света, в любой географической зоне – в горах и пустынях, в тайге и степи. Окраска жуков разная: есть и чёрные, и красные, и синие, и голубые, и зелёные, и жёлтые, и золотые, и даже серебряные. Есть жуки огромные, длина тела некоторых достигает до 15 см, а есть крошечные, которых можно разглядеть только через увеличительное стекло. Что касается этимологии названия этого насекомого, оно очень простое: слово *жук* от звуков «жу-жу», издаваемых жуками.

По каким же признакам насекомые получали свои названия?

Основной пищей для насекомых служат листья, семена, цветы растений, этим они приносят огромный вред нашему растительному миру. Эти «заслуги» насекомых и отражают их названия, например: *бабочка-капустница*, *боярышница* (бабочка), *брюквенница* (бабочка), *вишнёвый слоник* (жук), *гороховая плодожорка* (гусеницы этой бабочки питаются зерном гороха), *дубовая блошка* (жук), *дубовая листовёртка* (бабочка), *желудёвая плодожорка* (гусеницы этой бабочки втачиваются внутрь жёлудя и выедают его содержимое), *малинный жук*, *зерновая совка* (гусеницы этой бабочки питаются зерном озимых и яровых хлебов), *злаковая тля*, *капустная тля*, *клеверный семяед* (одна личинка этого жука может уничтожить от 9 до 11 завязей клевера), *кленовая моль* (гусеницы этой бабочки вредят листьям клёна), *кожеед* (жук, питающийся остатками кожи животных), *конопьяная блоха*, *луковая муха* (её личинки проникают в луковицы, поедая их содержимое), *люцерновый клоп*, *рябиновая моль*, *свекловичная тля*, *сосновый клоп*, *сосновый шишкоед* (личинки этого жука повреждают семена в шишке сосны) и др.

Некоторые насекомые паразитируют, т.е. живут, на других животных, отсюда и их такие названия: *бычий овод* (его самка откладывает яйца на волосяном покрове животных), *желудочный овод* (его личинка паразитирует в пищеварительном тракте лошади); *власоеды* и *пухоеды*: *собачий власоед*, *овечий власоед*, *воловий власоед*, *куриный пухоед*, *голубиный пухоед*, *утиный пухоед* (эти паразиты живут в перьях птиц и на коже животных и питаются их волосами, ороговевшими частями покровов животных и даже их кровью).

Часто характерная окраска тела, крыльев, глаз насекомых определяет их названия, например: *белокрылка* (бабочка), *бронзовка* (жук), *голубянка* (бабочка), *жёлтый безглазик* (жучок), *желтушка* (бабочка), *зеленоглазка* (муха), *зелёный кузнечик*, *золотистая брон-*

зовка (жук), красноликая гусеница, лимонница (бабочка), оса-блестянка, рыжий таракан, саранча (заимств. из тюркск. языка от *сару* в значении «жёлтый»), синяя льняная блоха, чернотелка (жук), чёрный корнежил (жучок).

Некоторые насекомые получили своё название за характерные размеры частей тела, например: *большеголовка* (муха), *длинноусый комар*, *длиннохоботница* (муха), *долгоножка* (комар), *долгоносик* (жук), *жук-долготел*, *жук-гигант* (его длина 17 см), *карапузик* (жук), *короткокрыл* (жук), *мелкокрыл* (моль) и т.д.

Интересны названия насекомых, отражающие особенности их поведения, или характерный внешний вид животных, или другие признаки.

Так, наряд *бабочки-адмирал* с широкими красными полосками на крылышках напоминает адмиральский мундир с широкими лампасами; *бабочка листовидка* похожа на висящий «на ниточке» лист, колеблющийся от дуновения ветра; тело *белокрылки* покрыто восковым порошковидным налётом, напоминающим муку; насекомое *богомол* принимает «молитвенную позу» в ожидании добычи; *божьи коровки* из специальных пор, находящихся на сгибах ног, в целях защиты выпускают оранжевые капельки едкой жидкости с неприятным запахом (в народе эту жидкость называют «молочком», потому и прозвали жучков «коровками»; а «божьими» в старину называли добрых, безобидных людей, а жук, действительно, добродушный); в профиль силуэт переднего конца тела *верблюдки* и впрямь отдалённо напоминает шею и голову верблюда; *водолюб* (*жук-ныряльщик*) под крыльями носит воздушный пузырь, которым пользуется, чтобы дышать под водой несколько минут; необычен характер движения *водомерки*: расставив широко в стороны ноги, она быстрыми движениями скользит по гладкой поверхности воды, как конькобежец по льду, и кажется, что водомерка что-то измеряет на воде; общий контур тела *водяного скорпиона* внешне похож на скорпиона; муха *длиннохоботница* с помощью длинного хоботка сосёт нектар цветов; у *жука-бомбардира* есть пара желёз, открывающихся сзади, из которых при опасности в нос, глаза преследователя с лёгким треском выбрасывается едкое облачко, напоминающее дым (по-мнению учёных, в момент нападения врага, насекомое соединяет 2 химических вещества (перекись водорода и гидрохинона), находящихся в двух различных отделениях его брюшка, в особой «камере сгорания», смесь

превращается в ужасное химическое горячее оружие с температурой 100 градусов!); *жуки-вертячки* целыми компаниями кружатся, вертятся по воде прудов, речных заводей, таким образом добывая себе корм; у *жука-оленья* сильно развитые верхние челюсти, снабжённые отростками и зазубринами, которые служат грозным оружием в «турнирах», подобно рогам настоящих оленей; у жука *капюшонника* сильновыпуклая передняя спинка, верхний край которой нависает над головой в виде капюшона; у *медовых муравьёв* необычная способность к хранению мёда: они делают запасы в своём огромном раздутом брюшке (коренные жители Австралии специально раскапывают гнёзда медовых муравьёв и используют «медовые бочки» в пищу как лакомство); *муравей-листорез* при помощи мощного ротового аппарата срезает кусочек листа и относит его в подземное гнездо (за одну ночь такие муравьи могут лишить листвы целое фруктовое дерево); на каждом массивном крыле бабочки *павлиноглазки* посередине находится крупное глазчатое пятно, похожее на рисунок глаз на хвосте павлина; *светляки* известны всем своей необычной способностью испускать в темноте таинственный фосфорический свет; нижняя пара крыльев стрекозы *большое коромысло* изогнута в виде коромысла; *тутовый шелкопряд* уже почти 5 тыс. лет служит людям, «изготавливая» для них шёлковую нить (перед окукливанием гусеница выделяет одну цельную прочную нить, длиной свыше 900 м); своё название оса *пчелиный волк*, видимо, получила за хищнические волчьи повадки: она убивает пчелу одним ударом жала в мозг, затем начинает сдавливать челюстями брюшко и грудь пчелы для того, чтобы выдавить мёд, с жадностью слизывает его и оттаскивает в гнездо – мёд, столь приятный для взрослых насекомых, для их личинок оказывается смертельным ядом.

Таким образом, лексико-семантическая группа наименований насекомых представляет большой интерес в плане тематической классификации.

Литература:

1. Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // В.Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. – Т. 1. – М., 2004. – С. 19 – 40.
2. Трубачев О.Н. Этимология //Труды по этимологии. Слово. История. Культура. – Т. 1. – М., 2004. – С. 61 – 63.
3. Уфимцева А.А. Лексическое значение: //Принципы семиологического описания лексики. – М.: Наука. – 1986. – 240 с.

4. Животный мир Башкортостана. – Уфа: Китап, 1995. – 312 с.
5. Колвин Л., Спизер Э. Живой мир. Энциклопедия. – М. РОСМЭН. – 1997. – 128 с.
6. Этимологические словари (Черных П.Я., 1994; Шанского Н.М. и Бобровой Т.А., 1997; Волиной В.В., 2000; Глинкиной Л.А., 2001; Андреевой Р.П., 2002; Рут М.Э., 2003; Крылова Г.А., 2004; Сараевой А.Н., 2004 и др.).
© Л.Н. Ишмуратова, 2014

Е.А. Казанцева, Э.К. Валиахметова
УГУЭС, Уфа, Россия

**К вопросу об актуальности когнитивных исследований
англо-американских заимствований, имеющих синонимы
в русском языке**

В конце XX - начале XXI столетия на российских граждан буквально обрушился шквал заимствований из английского языка и его американского варианта, заимствований различного вида, в различных проявлениях, проникающих во все сферы жизнедеятельности российского общества. Стало очевидным, что национальный язык во всех областях современной общественной деятельности (от простейшего визита в магазин до научных исследований) вытесняется неслыханным количеством англо-американских заимствований. Заимствования могут проникнуть куда угодно, в том числе в ядро языка, прежде всего, через средства массовой информации [1, 306].

Пополнение лексики, появление новых языковых единиц происходит путём прямого заимствования, дословного калькирования, свободного калькирования и переноса значения заимствованной единицы из другого языка на содержание слова родного языка.

Тенденция подмены лексического состава русского языка англо-американскими заимствованиями подчас принимает настолько гротескные формы, что вызывает озабоченность граждан, специалистов и государственных деятелей, прикладывающих усилия к тому, чтобы определить нормы «языковой политики» и оградить национальный язык от перепополнения англо-американизмами.

В своем выступлении 16 октября 2009 г. на Совете по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации «О мерах по совершенствованию российского законодательства в области защиты русского языка» председатель Совета Федерации А.

Мельков признал, что сегодня русский язык, обладающий в России особым статусом государственного языка, нуждается в защите. Он утверждает, что против русского языка ведется неприкрытая агрессия, которая в основном осуществляется в виде неконтролируемой экспансии американизмов и других иностранных заимствований в лексику. В связи с этим он формулирует проблему языковой безопасности и правового регулирования в области защиты русского языка. Более того, по мнению А. Мелькова, неконтролируемые лексические заимствования в современный русский язык приводят к тому, что в нашем обществе маскируются многие нравственные пороки. «Через этот новояз будто скрывают свой подлинный облик, выдаются за положительные многие, прежде носившие в русском языке конкретную отрицательную окраску, понятия и явления. Для примера, вдумаясь в такие популярные ныне слова, как «киллер», «гей», «рэкетир», «путана». Они звучат вполне современно, и их окружает искусственный ореол романтики и возжеленной свободы. Но если мы назовем эти слова привычными именами на русском литературном языке, то это будут «убийца», «содомит», «вымогатель», «блудница». Согласитесь, что романтики тут никакой нет, а есть конкретное лексическое значение слов, далекое от высоких нравственных идеалов цивилизованного общества. На лицо попытка легализации порока в нашей жизни, в жизни всего российского народа при помощи манипуляций с родным языком и родной речью, что является противоправным посягательством на культурные права граждан и их достоинство по национальному признаку» [5].

Проведён ряд научных исследований, посвящённых особенностям функционирования англо-американизмов (Денисова Ю.Н., Корнева Е.В., Зализняк А.А., Крысин Л.П., и мн.др.).

Первый закономерно возникающий вопрос, связанный с функционированием англо-американизмов — каковы механизмы и причины заимствований вообще и англо-американизмов, в частности. Так, Л.П. Крысин выделяет следующие причины заимствований:

1. Потребность в наименовании новой вещи, нового явления и т. п.
2. Необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия.
3. Необходимость специализации понятий - в той или иной сфере, для тех или иных целей.

4. Тенденция, заключающаяся в том, что цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект и обозначаться должен "цельно", нерасчлененно, а не сочетанием слов.

5. Социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или его частью - иноязычного слова как более престижного, "ученого", "красиво звучащего", а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия [3, 58].

М.А. Брейтер дополняет и уточняет этот список. Наряду с отсутствием соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора и отсутствием соответствующего (более точного) наименования (или его "проигрыш" в конкуренции с заимствованием) в языке-рецепторе, он называет такие причины, как обеспечение стилистического (эмфатического) эффекта и выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе [2, 132-135].

Итак, основной причиной употребления заимствованных слов единодушно признается **отсутствие соответствующих реалий в данном языке**. Действительно, трудно было бы найти русскую замену уже устоявшимся английским словам *паблик рилейнз (пиар) - пиарищик, поп музыка, менеджер, брокер, кондиционер* и др. Этот процесс представляется естественным и необратимым. Употребление таких слов в речи в большинстве случаев можно считать оправданным, хотя значение их не всегда правильно понимается говорящим в силу незнания английского языка.

Также вполне естественным представляется процесс внедрения в язык таких слов, которые **преобразуют описательную номинацию в однословную**, то есть сжимают поверхностную структуру описательной номинации, словосочетания или предложения [4, 30]. Это, прежде всего, объясняется все более нарастающим темпом жизни и стремлением к языковой экономии. Примерами языковой компрессии являются следующие пары слов: *продолжение вечеринки – афтепати; команда или спортсмен, занимающие последние места в соревновании – аутсайдер; автоматическое подключение к местной сети связи – роуминг*.

Нередко слово, попав в другой язык, меняет свое значение. Например, в русской паре *убийца-киллер* заимствованное слово номинирует не просто убийцу, а наемного убийцу. Словарь Collins дает сле-

дующее определение исходному английскому слову: *killer – a person or animal that kills, esp habitually*. То есть, для носителя английского языка *киллер* – это совершенно то же самое, что для русского – *убийца*. В данном конкретном случае сочетание *наемный убийца* вызовет в сознании русскоязычного человека определенный ментальный образ, имеющий резко отрицательный характер. При произнесении же слова *киллер* он воспримет лишь скудный, лишенный чувства и не пробуждающий никаких ассоциаций смысл.

Но среди англо-американских заимствований все более увеличивается доля **слов, имеющих синонимы в русском языке**, таких как *обаяние – харизма, положительный – позитивный, творческий – креативный, предсказание – прогноз*, и, что еще хуже, таких как *фейс, бойфренд, мазер-фазер*. Их проникновение в язык создает лексическую избыточность и может мешать пониманию смысла. Наличие языковых дублетов с течением времени неизбежно устраняется: один, в силу более частого употребления, сохраняется, а второй уходит на периферию языковой системы. На сегодняшний день для русского языка существует вполне реальная угроза, что, по прошествии нескольких десятилетий, в нем может оказаться огромное количество заимствованных слов, вытеснивших исконно русские эквиваленты.

Авторы называют различные причины речевого выбора синонимов-заимствований (СЗ), от соображений престижности речи (иностранное слово повышает социальный престиж говорящего в глазах окружающих) и языкового снобизма (иностранное слово представляется более модным или современным) до соображений прагматического порядка; иностранное слово может затушевывать истинный социальный смысл политического термина, оно обладает той экспрессивностью, которая может способствовать рекламе того или иного товара и т.п. Ярким примером использования иноязычных заимствований с тем, чтобы отвлечь внимание от сути происходящего, может послужить насильственное введение в 1992 г. в русский язык слова "ваучер" (*voucher – письменное свидетельство, бумага, выдаваемая взамен денег (ABBY Lingvo, Accounting En-Ru)*). Введя термин "ваучер" в язык реформы, правительство не объяснило ни смысл, ни происхождение слова, несмотря на то, что речь шла о серьезнейшем документе, с помощью которого распределялось национальное состояние. В России же оно использовалось как ключевое понятие для

языка правительства, парламента и прессы. Естественно, так как у этого слова не было корней в языке, смысл его оставался весьма приблизительным, что позволило великолепно манипулировать сознанием толпы.

Если в работах конца XX века, касающихся исследования англо-американизмов в русском языке, резко отрицательного отношения к этому процессу не ощущается (одни исследователи полагают, что новые слова обогащают язык, другие склонны считать, что русский язык «переболеет» американизмами как гриппом и через некоторое время сам по себе восстановится) и основной акцент делался на причины и механизмы функционирования неологизмов, то в последние пять лет лингвисты выражают настоящую озабоченность засорением русского языка и полной неконтролируемостью процесса его англо-американизации.

Однако, по-прежнему редки исследования, учитывающие когнитивную природу англо-американских заимствований, культурную обусловленность, особенность дискурса, в котором они функционируют, воплощения в языковых единицах разных уровней; грамматики и синтаксиса.

На сегодняшний день представляется весьма актуальным исследование СЗ в когнитивном аспекте, позволяющее:

1. понять и четко определить природу и точное значение каждого слова, оценить, как новое слово преломляется через призму русского языка и научно обосновать целесообразность его использования,
2. создать общий и отраслевые словари СЗ, объясняющие, в каких случаях употребление данного слова уместно, а в каких неуместно.

Литература

1. Алпатов В.М. Американизация японского и русского общества по языковым данным // Российское востоковедение в память о М.С.Капице. Очерки, исследования, разработки. М., 2001. – 11 с.
2. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. - Владивосток: изд-во "Диалог", 1998. – 210с.
3. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. - М., 1996. – 19с.

4. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции (семантического вывода)// In Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. 3. Frankfurt am Mein, 1999. – 13с.

5. Мельков А. "Сохранение и развитие языковой культуры: нормативно-правовой аспект". Выступление на Совете по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации 16.10.2009.

© Е.А. Казанцева, Э.К. Валиахметова, 2014

Е.А. Казанцева, Л.В. Минишева

УГУЭС, Уфа, Россия

Особенности жанра «комментарий» на электронную новостную публикацию

В последнее десятилетие резко возрос интерес к исследованиям проблем виртуального общения как среди российских лингвистов (Ю.Д. Бабаева, Е.И. Горошко, Л.Ю. Иванов, Л.Ф. Компанцева, М.Л. Макаров, А.А. Селютин и др.), так и за рубежом (R. Blood, D. Brown, D. Crystal, E. Goffman, и др.). Возникновение информационных технологий, а особенно появление Интернета, привело к определенным изменениям языка, обслуживающего эту сферу. Причем эти языковые изменения столь масштабны и глобальны, что некоторые лингвисты уже говорят о возникновении сетевого или электронного языка.

Исследования интернет-коммуникации с точки зрения ее жанровой специфики занимают одну из ключевых позиций в современной лингвистике. Но если в традиционной, печатной, журналистике, исследователи смогли найти какие-либо общие параметры для характеристики жанра (А.А. Тertychnyy, Л.Е. Кройчик, М.Н. Ким, В.М. Горохов), то электронные СМИ, и в первую очередь интернет-издания, в этом отношении остаются менее всего изученными. Более того, коммуникативное пространство Интернета стало своеобразной жанропорождающей средой, которая способствует как более интенсивному развитию жанроведения в целом, так и возникновению новых жанров, свойственных только этой информационной среде, и появлению теории цифрового жанроведения, в задачи которой входит описание и структурирование всего многообразия интернет-жанров и способов их классификации [1].

Четкое разграничение жанров электронной коммуникации имеет в том числе весьма важное значение при исследовании соблюдения правил вежливости в коммуникационных процессах. Категория вежливости избирательна по отношению к разным типам речевых жанров и в каждом имеет свои особенности функционирования с точки зрения обязательности/необязательности использования в целях эффективной коммуникации. Между тем, принцип вежливости представляет собой особую коммуникативно-прагматическую категорию, играющую важнейшую роль в создании гармонии коммуникативного взаимодействия. Исследование тенденций к соблюдению или нарушению правил вежливости дополняет языковую картину мира и позволяет сделать выводы о тенденциях развития всего человеческого социума.

Поскольку комментарий выделяется в традиционной печатной журналистике, где он является жанром наряду с заметкой, корреспонденцией, репортажем, интервью и др., и где комментарий – это оперативный отклик на событие, впечатление, не претендующее на исчерпывающую полноту анализа, где предметом разговора может быть новость или факт, уже обнародованный ранее, и где важна не быстрота передачи сообщения, а точка зрения журналиста на событие, представляется целесообразным рассматривать и комментарий на электронную новостную публикацию как самостоятельный жанр в поле виртуального общения.

Нам представляется, что исследуемый комментарий на электронную новостную публикацию можно рассматривать и как подтип интернет-жанра блог. Возникновение блога исторически связывается с предоставлением создателями различных интернет-ресурсов канализированной формы получения личностной обратной связи от пользователей. Однако вскоре такой вид деятельности в интернет-среде получил самостоятельное значение. Для блогов характерна возможность публикации отзывов (комментариев, «комментов») посетителями. Она делает блоги средой сетевого общения, имеющей ряд преимуществ перед электронной почтой, группами новостей, веб-форумами и чатами. Блоги рассматриваются как новая коммуникативная среда, новый жанр, новая информационная среда, новый источник новостей, как средство выражения общественного мнения. В настоящее время они выступают в качестве инструмента, позволяющего формировать сетевые сообщества, которые являются отдельным

видом коммуникации, но, тем не менее, функционируют по тем же принципам.

Исследователи блогов пришли к согласию о том, что содержание блога является самой важной его характеристикой [5]. Скот Наусон различает три главных вида блогов: блог новостей (News weblog), комментарий (commentary) и журнал (journal) [6].

Блог новостей может быть общеполитическим, технологическим или национальным. Тема иногда бывает очень специфичной, например, Wi-Fi технологии или местное самоуправление. Многие блоги существуют для каталогизации новостей с различных источников на одну определенную тему.

Каждая история новостей содержит, по меньшей мере, одну ссылку на оригинальный источник, а также рекламу. Многие сайты просто выставляют ссылки на другие веб-сайты или сами истории, а некоторые включают комментарии от автора. Они могут добавлять их точку зрения на происходящее, комментировать новости. Конечно, чем больше автор комментирует, тем менее объективными становятся новости.

Таким образом, образуется следующий тип блога – комментарий. Комментарии могут располагаться один за другим (напоминая структуру форумов), либо же иметь древовидную структуру с «ветвями дискуссий» (то есть комментарии могут не относиться напрямую к блог-записи, а быть реакцией на другие комментарии). В этом случае обычно в комментарии также содержится постоянная ссылка на него. Наличие древовидной структуры стимулирует полемику между пользователями (Nowson, 2006). Что касается личных сообщений, то некоторые блог-платформы дают пользователям возможность отправки друг другу личных сообщений в дополнение к записям и комментариям. Записи и комментарии, как правило, общедоступны для всех пользователей Интернета, однако практически на всех блог-платформах пользователь может ограничить доступ к записям (а соответственно и комментариям к ним), предоставив его лишь определенному им кругу лиц. Кроме того, пользователь может воспользоваться опцией, позволяющей «скрывать» комментарии к записям, делая их доступным только ему и автору комментария [4].

Исходя из анализа существующей литературы и результатов исследования функционирования категории вежливости в аутентич-

ных текстах комментариев на электронные новостные публикации [2,3], можно предположить, что анализируемый жанр комментария на электронную новостную публикацию имеет следующие особенности:

1. Виртуальность общения в данном жанре способствует тому, что виртуальные собеседники зачастую более доброжелательны и непосредственны. На первый план в онлайн-диалоге выходит личность без учета персональных внешних данных, пола, уровня образованности, социального и профессионального статуса. Эти факторы способны в позитивную сторону менять самооценку, способствуя более полному удовлетворению потребности человека в самоутверждении через общение, увеличивая ощущение сопричастности к «группе по интересам».

2. Виртуальность общения сама по себе предполагает более открытый стиль общения, в силу феномена невидимости и отдаленности адресата. Соответственно, его предположительная негативная реакция также может быть выражена только в электронном (отдаленном от адресанта) виде. Поэтому, можно предположить, что, по сравнению с коммуникантами живой реальности, он-лайн - собеседники гораздо свободнее выражают неодобрение и несогласие.

3. Можно сделать предположение, что общение в жанре комментария на электронную публикацию гораздо меньше ограничено правилами вежливости и кооперации, не только чем реальное, живое общение, но и чем интернет-общение в целом. Прежде всего, это обусловлено самой спецификой жанра: реакцией на новости, которые по каким-то причинам оказали сильное эмоциональное воздействие на автора комментария. В состоянии эмоционального возбуждения человек естественно склонен максимально проявлять как высокую степень применения правил вежливости, так и совершенное игнорирование их (в зависимости от того, положительные эмоции он испытывал, или отрицательные).

В медийной среде эмоционально взволнованный человек отражает свои переживания более открыто. Он не скупится на такие вещи, как комплименты и выражение благодарности:

“Morning everyone, and once again, many thanks to the Guardian for maintaining this valuable service.”

“Автор статьи прав на все 100%!”

“Бурные и продолжительные аплодисменты!!!!”

“Я в восторге от Вашей наблюдательности!”

Примеров нарушения правил вежливости на фоне высокого эмоционального возбуждения также очень много:

“What hypocrisy ! The US didn't care a damn when Israel slaughtered 400 children and 900 adults in Gaza two years ago. There is further hypocrisy in calling Gaddafi to the International Criminal Court for alleged crimes against humanity. USA is not a member of the ICC because it didn't want it possible for US politicians and military accused of war crimes to be brought before the court.”

“А вы Vladimir! Кто вы такой давать такие оценки? Вы что гений мысли, философ, пророк? А может вы несостоявшийся политик, неудачник так сказать? Вы рассуждаете об умственной паталогии не имея об этом понятия.”

Таким образом, исследование применения правил вежливости в жанре комментария на электронную новостную публикацию есть рассмотрение данного явления через призму высокого эмоционального накала.

4. Анализируемые отрезки речи могут представлять собой:

1. реакцию на текст самой электронной публикации
2. реакцию на событие, описываемое в ней
3. реакцию на какой-либо из предыдущих комментариев
4. обращение ко всем читателям данной публикации

Литература

1. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии [Текст] / Е.И. Горошко // Жанры речи. - Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. - Выпуск 6 «Жанр и язык». - С.11-127.
2. Казанцева Е.А., Минишева Л.В. Категории вежливости в речевом поведении носителей английского языка в жанре комментария на электронную новостную публикацию. Уфа: Уфимск. госуд. академия экономики и сервиса, Уфа, 2012. – 76 с.
3. Казанцева Е.А., Минишева Л.В. Категории вежливости в речевом поведении носителей русского языка в жанре комментария на электронную новостную публикацию. Уфа: Уфимск. госуд. ун-т экономики и сервиса, Уфа, 2013. – 72 с.
4. Blood, Rebecca. Weblogs: A History and Perspective [Электронный ресурс]/ Rebecca Blood. - 2000. URL: http://www.rebeccablood.net/essays/weblog_history.html
5. Kawaura, Y. Keeping a dairy in cyberspace [Text] / Y. Kawaura, Y. Kawakami., K. Yamashita. - Japanese Psychological Research. Vol. 40. № 4, - 1998. - P. 234-245.

6. Nowson, S. The language of weblogs: a study of genre and individual differences. PhD Thesus (Unpublished manuscript) [Text] // S. Nowson. - University of Edinburgh, 2006. - P. 279

© Е.А. Казанцева, Л.В. Минишева, 2014

В.Н. Казарбаева
БашГУ, Уфа, Россия

Структура концепта «природа» в русской, башкирской и английской языковых картинах мира

Концепт «природа» является сложным, к тому же в толковых словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова нет однозначного определения данному слову. В «Учебном словаре русского языка» В.В. Репкина указывает, что слово «природа» происходит от глагола «родить»: «буквально – то, что прирождено, существует от рождения» [1, 93]. Однако в словаре Г.А. Крылова читаем, что «слово природа образовано как калька с латинского *natura*» [3, 205]. «Природа» и «натура» могут выступать как синонимы, когда речь идет о темпераменте человека, но значение «мир» присуще только лексеме «природа». Хотя изначально эти две лексемы служили выражением одного концепта и были полными синонимами.

Рассмотрим основные составляющие концепта «природа» в русском языке:

- мифологическая сторона природы (*природа проснулась*);
- персонификация (*лоно природы, мать природа*);
- космос, вселенная (*флора, фауна*);
- совокупность естественных условий (*растительный и животный мир, рельеф, ландшафт, климатический условия*);
- сущность, качество, основное свойство чего - либо (*природа явления, в природе вещей, природа социальных отношений, от природы зол*);
- придается человеку или животному при рождении или бытия (природный дворянин, по – природе – англичанин). Природа здесь представлена как указатель на родственные связи, какие - либо качества или свойства.

Итак, в русском языке диапазон соприкосновения концептов «природа» и «человек» очень велик. Природой человека называют

как его характер, так и совокупность естественных потребностей, свойств, склонностей.

В английском языке ключевым словом является nature:

- Mother nature (сила, составляющая основу всех явлений материального мира);

- to go back to nature (природное состояние человечества);

- good - natured (темперамент);

- glasses that grow wild in nature (животные, реки, горы – элементы природного мира);

- wild nature (существует без вмешательств цивилизации);

- infinite variety of nature (вселенная со всеми явлениями и объектами).

To go back to nature – указывает на естественность и первона-
чальность, которые характерны и для русского языка.

Таким образом, абстрактность, близость человеку и противопоставленность человеческой деятельности являются единицами смысла концепта «природа» в английском языке.

В башкирском языке существуют множество объектов, организованных в поле концепта «тәбиғәт»:

- көз, кыш, яз, йәй, япрак ямғыры, күләгә, таң, иртә, кис – явления, которые являются циклическими;

- ямғыр, кар, йәшен, болотло – погодные явления;

- хайуандар, бөжәктәр – животный мир;

- һыуыҡ, йылы – субъективные свойства;

- йондоззар, қояш, ай – небесные тела.

- тау, таш, баһыу, ялан, тупрак, саң – земля;

- үлән, сәскә, япрак, үсемлек, ағас, емеш – растительный мир.

Все вышеперечисленные единицы могут являться самостоятельными концептами, многие из которых (*йәй, ямғыр, яқтылык, қараңғылык, һ.б.*) занимают важное место в русской, башкирской и английской картинах мира.

Литература

1. Грузберг Л.А. Концепт как культурно – ментально – языковое образование// Материалы Междунар. науч. конф. «Изменяющийся языковой мир». – Пермь, 2001.–С. 49-58.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. – М.: Рус.яз., 1998. Т.3. 555с.
3. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка.– СПб.: ООО «Полиграфус – луи», 2005. 432с.

Р. И. Камалов
БашГУ, Уфа, Россия

Актуализация категории пространства в названиях глав оригинала и перевода романа Н. Готорна «Мраморный Фавн»

Функции заглавий в творчестве Н. Готорна не уделялось должного внимания, хотя они несут неоднозначный смысл в структуре художественного произведения. Ещё Р. Барт отмечал в одном из своих текстовых анализов произведения, что любое «заглавие имеет несколько одновременных смыслов, из которых следует выделить как минимум два: 1) высказывание, содержащееся в заглавии и связанное с конкретным содержанием предваряемого текста; 2) само по себе указание на то, что ниже следует некая литературная вещь» [1, 430].

Под пространством названий глав в художественном тексте будем понимать художественный текст, в котором сконцентрировано смысловое содержание определённого отрывка художественного текста. Большая часть названий глав художественных произведений Н. Готорна содержит в себе пространственные характеристики.

Роман Н. Готорна «Мраморный Фавн» представляет интерес с точки зрения пространственных отношений, отражённых именно в названиях глав, что подтверждает то важное значение, которое Готорн придавал в своём творчестве категории пространства, к примеру, такие главы, как «Мастерская скульптора», «Мастерская Мириам», «Призрак в катакомбах» и другие. Пространство, в границах которого происходит действие в конкретной главе, как правило, определяет внутренний мир героев, их отношение к жизни.

Английский заголовок “Subterranean Reminiscences” отражает идею мистического пространства, пространства потустороннего мира, находящегося, по поверью, под землёй. В переводе («Подземные воспоминания») заголовок был передан при помощи атрибутивного словосочетания. Заметим, что английская приставка *sub-* в слове *subterranean* обозначает *under or below a particular level or thing*, и приставка *под-* (подземные) указывает на локализацию ниже чего-

нибудь, то есть обе эти приставки обозначают пространственные характеристики.

В заголовке “The spectre of the catacomb” вновь описывается мистическое пространство “catacomb” – an area underground where dead people are buried (LDCE). Слово *underground* (под землей) указывает на пространственную локализацию объекта ниже уровня земли, а то, что ниже земли, как правило, относится к загробному миру. В оригинале автор использовал генитивное словосочетание в заголовке. Дословный перевод – призрак катакомб, где даётся только название пространства, а в русском языке указывается непосредственно пространство, в котором происходит действие – «Призрак в катакомбах», на что указывает пространственный предлог *в* и существительное в косвенном падеже.

В главе “Miriam’s studio” (Мастерская Мириам) описывается пространство художественной студии героини Мириам, на котором художница создаёт картины. Мастерская изображается объёмным трёхмерным пространством, в котором размещаются другие объекты: картины, краски, кисти. На русский язык пространство передано атрибутивным словосочетанием, что вполне соответствует оригиналу.

Ещё одно описание мастерской встречаем в главе “A sculptor’s studio”, в которой скульптор ваяет произведения искусства. Сравним в русском: «Мастерская скульптора». Также изображается объёмное трехмерное закрытое пространство, языковыми средствами выражения которого в обоих языках являются генитивные словосочетания.

Название главы “The suburban villa” несёт в себе обозначение двух пространств, а именно пространства *suburban* (загородный) и *villa* (вилла). Атрибутив *загородный* относится к пространству за городом, которое является обширным, включающим в себя множество других элементов, объектов, пространств, а также пространство виллы. В свою очередь пространство виллы является трёхмерным, в отличие от пространства загородного, которое не поддаётся измерению, а лишь содержит абстрагированное представление о пространстве и может включать в себя объекты более мелкие. Таким образом, изображено «пространство в пространстве», что в переводе не было учтено, так как в русском переводе заглавия указана только принадлежность виллы: «Вилла Боргезе», однако её местонахождение *suburban* осталось неучтенным.

В заглавии “A stroll on the Pincian” указывается определённое действие на определённом пространстве, а именно stroll (прогулка) и Pincian (Пинчо – холм в Риме). В английском языке пространственные отношения подчёркиваются предлогом *on* - used to say that someone or something moves so that they are then touching or supported by a surface (LDCE), а на русский язык предлог передаётся предлогом *на*, который в пространственном значении указывает на нахождение на поверхности какого-либо предмета или движение предмета по какой-либо поверхности.

В главе “An aesthetic company” («Эстетическое общество») появляется пространство общества, состоящее из аристократов. Они образуют своё замкнутое пространство, в которое доступ простым людям не позволителен. Однако мы считаем, что перевод «эстетическое общество» является неверным, так как в русском языке есть понятие «общество эстетов», которое точнее передало бы смысл главы. Глава “A moonlight ramble” описывает пространство, в котором происходит прогулка. Здесь изображается пространство, освещённое лунным светом.

Точная пространственная локализация отмечается в названии “On the edge of a precipice”, и перевод «На краю пропасти». Пространственный предлог *на* подчёркивает локативность происходящего действия.

В главе “The Medici Garden” снова появляется пространство сада, переходящее у Готорна из романа в роман. Соответственно, в русском языке «Сад Медичи». Структура английского заголовка точно передана переводчиком субстантивным словосочетанием.

В произведении также появляется новый тип пространства – пространство башни – “The tower among the Apennines”. Башня является закрытым типом пространства, в котором насильно либо по собственной воле заточены герои. Также в этой главе присутствует пространство гор, то есть автор изображает небольшое пространство башни на более крупном пространстве гор. Локализация башни в английском языке указана при помощи предлога *among* – in or through the middle of a group of people or things (LDCE) - который в русском языке означает *между, среди*. В русском языке переводчик вместо предлога *among* употребил пространственный предлог *в*: «Башня в Апеннинских горах». Таким образом, если в английском

языке указывается, что башня локализуется *sреди* гор, то в русском языке переводчик «локализовал» её в горах.

Пространство башни появляется снова в главе “The owl tower”, название которой дала пара сов, живущая в ней. На русский язык заглавие передано атрибутивным словосочетанием «Совиная башня». Также заглавие “On the battlements”, сравним в русском – «На зубчатой стене». Определённая локализация подчёркивается локативными элементами, а именно пространственными предлогами *on* и *na* в английском и русском языках, соответственно.

В заглавии “Scenes by the way” («Сцены в дороге») появляется пространство дороги. А в главе “Market-day in Perugia” («Рыночный день в Перуджио») описывается пространство в пространстве: рыночная площадь в определённой местности, городе (Перуджио). Данные заглавия были переданы пословным переводом, при этом пространственные отношения подчёркиваются пространственными предлогами.

В главе “Hilda’s tower” в заглавие выносится снова башня как замкнутое пространство. В русском варианте пространственный заголовок передан генитивным словосочетанием «Башня Гильды». Ещё один заголовок, касающийся пространства башни – “The deserted shrine”. Слово *shrine* обозначает *a place that is connected with a holy person, and that people visit to pray*. Однако в переводе слово *shrine* передаётся как *башня*: “The deserted shrine”, что представляется нам неточным, ибо для перевода существительного *shrine* больше подошло бы русское слово храм, а не *башня*.

В одном из заголовков автор представляет пустое пространство галерей, что и было отражено в названии: “The emptiness of picture galleries”, которое на русский язык было передано довольно точно: «Пустота картинных галерей».

Последние заголовки содержат в себе элементы локативности: “A walk on the Campagna”, “A scene in the Corso”, выраженные пространственными предлогами *on* и *in*. Соответственно – и в русском языке «Прогулка по Кампаньи», «Сцена на Корсо», где предлоги *on* и *na* подчёркивают элементы пространственных отношений.

Таким образом, превалирующее количество названий глав в романе Н. Готорна «Мраморный Фавн» содержит элемент пространственных отношений. Большая часть заголовков точно переведена, однако в ряде заголовков компонент пространственных отношений

не сохранён в переводе, что в русскоязычной версии перевода несколько снижает значение пространственных отношений, которые в этом романе, как было показано выше, по замыслу автора, играют существенную роль.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 615 с.
2. Готорн Н. Мраморный Фавн / Готорн Н. – Спб.: типография Глазунова, 1860. – 294 с.
3. Longman Dictionary of Contemporary English / director Della Summers. – Harlow: Pearson Education Limited, 2003. – 1950 p.
4. Hawthorne N. The Marble Faun [Электронный ресурс] / N. Hawthorne. – Режим доступа: <http://www.eldritchpress.org/nh/mf.html>.

© Р.И. Камалов, 2014 г.

З. С. Каримова

БашГУ, Уфа, Россия

Стилистические особенности фразеологических синонимов (на материале А. Гилязева)

Вопросы синонимии языка в целом и синонимии языка писателей остаются чрезвычайно актуальными и привлекают внимание многих исследователей. Знание синонимии родного языка, семантический и стилистический анализ функционирования синонимов в художественной речи способствуют пониманию, осмыслению процесса образования родного литературного языка, позволяют определить пути и формы его дальнейшего развития, более точно воспринимать тексты мастеров художественного слова, кроме того способствуют бережному обращению со словом. Синонимика является одним из источников обогащения языка выразительными средствами, поэтому она представляет особый интерес для разработки проблем, связанных с борьбой за культуру речи, с изучением языка и стиля художественной литературы и публичных выступлений, с задачами построения стилистики. В связи с этим изучение лексико-фразеологической, грамматической и синтаксической синонимии приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Знание синонимии дает возможность объяснить направление развития языка, пути и способы изменения различных его сторон, а также облегчает доступ к богат-

ствам выразительных средств речи, позволяет представить их в системе, что особенно необходимо при изучении родного языка. Это статья посвящается анализу синонимического ряда фразеологических единиц, задействованных в прозе известного татарского писателя Аяза Гилязева. Фразеологические синонимы и их варианты выполняют разнообразные смысловоразличительные и эмотивные функции.

Фразеология является золотой сокровищницей родного языка, и фразеологизм как языковая единица подчиняется общим семантическим законам, то есть вступает в системные отношения с другими фразеологизмами. Одним из признаков семантической системности фразеологизмов является их способность вступать в синонимические отношения. В этой статье мы проанализируем эффективность использования А. Гилязовым больших синонимических возможностей богатой фразеологии татарского языка в семантическом и стилистическом плане.

В теоретических работах по фразеологии многие исследователи признают основными признаками фразеологических синонимов следующие:

- 1) способность выражать одно и то же понятие;
- 2) наличие семантических или стилистических оттенков значения [2, 18], [4, 160], [5, 19-37], [1, 55-76] и фразеологическими синонимами называют разные по звуковой форме, но тождественные или очень близкие по значению языковые единицы, употребляемые для различения тех или других смысловых (или стилевых) оттенков [6, 52].

Критикуя стиль некоторых писателей, В.Г. Белинский писал: «Особенно поражает вас в его слоге искусство перефразирования: одна и та же мысль, и притом простая и пустая, как например, то, что деревянные столы из дерева, тянется у него длинною вереницею предложений, периодов, тропов, фигур; он переворачивает ее с боку на бок, плодит ее на целых страницах и пересыпает многоточиями» [3, 407].

Из этого видно, что в системе художественных произведений одна и та же мысль должна повторяться не просто и пусто, а образно, динамично и лаконично. В этом отношении может послужить примером фразеологическая синонимия Аяза Гилязева. В художественных произведениях писателя они выражаются различными лексико-грамматическими показателями, имеют адекватные, но координиро-

ванные в стилистическом отношении внутренние формы. Например, *гайрэт чэчү – чэкэләшеп алу – кызып китү – кан кайнау – кызуа башлау – каты пешерү – бугазга бугаз килү – давыл куптару – котырып йөрү – түлгә сыймау – иман укуту – кадалып китү – муен аска килү – утка салып кыздыру и т.д.*

Итак, классифицируя синонимические ряды фразеологических единиц, задействованных в прозаических текстах А. Гилязева, представляется оправданным отнесение к фразеологическим синонимам тождественных или близких по значению фразеологизмов, которые могут отличаться семантической или стилистической окраской. Например, фразеологические выражения “баш вату” – “уйларга бату” при общем значении «думать» отличаются семантическими оттенками: первое, в значении думать о чем-либо конкретном, продумывать решение определенной задачи; второе имеет более абстрактное значение: размышлять.

Известно, что синонимический ряд состоит минимально из двух фраз, оборотов. Синонимический ряд открыт во времени (каждый период в развитии языка может обогатить ряд своими фразеологизмами), в пространстве (ряд может быть пополнен иноязычными заимствованиями, диалектизмами), а так же в функционально речевом плане (к имеющимся синонимам нередко создаются весьма точные, выразительные контекстные синонимы). Подобный широкий спектр образования синонимов в татарском языке создает для автора неограниченные употребления в речи. А. Гилязов, работая над языком своих произведений, придает особое значение синонимам, которые делают речь точной и яркой. Г.Х. Ахатов по определенным признакам классифицировал синонимичные ряды на три группы [2, 96]:

1) семантические. Здесь представлена не стилистическая, а скорее, семантическая парадигма – полностью совпадают в значениях или имеют небольшие смысловые отличия;

2) стилистические. Разница падает, преимущественно на экспрессивно-стилистическую часть их значения, а не номинативную основу, то есть фразеологические синонимы могут отличаться друг от друга стилистической окраской;

3) семантико-стилистические. Так как, по словам А.П. Евгеньева, «основная подавляющая масса синонимов служит и стилистическим, и смысловым целям, часто выполняя и ту, и другую функцию одновременно» [4, 11,70].

Г.Х. Ахунжанов выделяет четвертым типом абсолютные синонимы, которые встречаются очень редко [1, 61,92]. В рассматриваемых произведениях Аяза Гилязева представлены все виды синонимических рядов фразеологизмов.

Семантические служат для дифференциации значения, т.е. выполняют смысло-различительно-идеографическую или оттеночно-смысловую, уточнительную функцию. Для обозначения безысходности положения героев автор использует несколько фразеологических единиц одного ряда, позволяющих с определенной ясностью детализировать описываемое явление: *Нәҗим Захаров янына әвене янып кегән иде, балтасын суга төшереп чыгып китте*. В следующем отрывке текста два фразеологизма «бәйдән ычкыну», «тоткасы сыну», хотя и имеют общий смысловой стержень, но использование их в одном контексте позволяет с предельной ясностью описывать действие.

Отдельно взятый фразеологизм синонимического ряда воспринимается в речи в сопоставлении с другими членами этого ряда. При этом экспрессивно окрашенные, относящиеся к возвышенному или низкому стилю, как бы «проецируются» на свои нейтральные синонимы. Поэтому особое впечатление производит на читателя использованные автором фразеологизмы «предельного значения»: *Вәсиләнең исе дә китмәде Миннисаның бытырдавына. Алай да курыкмыйм, ике ятып бер төшемә дә керми*. Богатство стилистических оттенков позволяет автору выбирать те выражения, которые наиболее уместны в конкретной речевой ситуации.

В рассматриваемых прозаических произведениях ярко представлены синонимы одного ряда, которые отличны друг от друга оттенками в значении и стилистике, то есть к денотативному присоединяется коннотативное значение. Употребление А.Гилязовым различных фразеологических синонимов, относящихся к одному ряду и имеющих одну семантическую основу, оправдывается различием контекста, с одной стороны, и семантико-стилистическими оттенками, с другой. Значение безразличия выражается несколькими фразеологическими единицами. Например, «ис китмәү» - идиома нейтральная, обозначает безучастность, отсутствие интереса к окружающим, являющееся результатом сильнейших психологических переживаний; «төкереп карау», «бармак аша карау» - обиходно-разговорные фразеологизмы, которые обозначают безразличие, легкое отношение к сложным ситуациям; «ник шунда кырык сөйләрең кырылып бетми»,

«ник чукунып китми дөнъясы» - просторечья, которые выражают предельную экспрессию, означают сильное желание отстраниться, уклониться от решения проблем, сложных обстоятельств.

Иногда фразеологические синонимы отличаются степенью интенсивности действия. Например, проявление растущей агрессии, достигающей состояния аффекта, по отношению к кому-либо автор выражает через фразеологизмы одного синонимического ряда: *Шушы карашы белән ул аны үтерде, бәрәп екты, суйды, упкыннан түбәнгә ыргытты, язгы ташкынга төртеп төшерде, яшен булып сукты, тамугъның иң зәһәр, тавышланып, быгырдап кайнаган сумала казанына кул-аякларын бәйләп салды*. В этом предложении шесть фразеологических синонимов, и каждый последующий синоним передает более сильное проявление действия. Функциональная принадлежность и стилистическая окраска фразеологизма в значении “драться”, “нанесение физических повреждений” с различными семантическими и стилистическими оттенками.

Таким образом, фразеологические синонимы и их варианты выполняют разнообразные смысловоразличительные и эмотивные функции: позволяют уточнять те или иные представления о предмете, качестве, действии; разнообразить речь, освобождая ее от повторов, создают определенную экспрессию высказывания; являются средством выражения субъективной и объективной модальности и т.д.

Литература

1. Ахунжанов Г.Х. Татар теленең идиомалары – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1972. – 118 б.
2. Әхәтов Г.Х. Татар теленең лексикасы. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1995. – 93 б.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 3-х томах. Том 2 / В.Г. Белинский. – М. : Гос. изд. худ. лит.-ры, 1948. – 407 с.
4. Евгеньев А.П. Стилистические и парадигматические отношения в русской лексике // Синонимы русского языка и их особенности. Сборник статей. – Л.: Наука, 1972. – С.160-191.
5. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989. – 286 с.
6. Поварисов С.Ш. Система образных средств в художественной прозе Г.Ибрагимова. – Уфа: Издательство БашГУ, 1980.- 88 с.

© З.С. Каримова, 2014 г.

Когнитивно-коммуникативный аспект телевизионного гипердискурса

На ТВ «Культура» видное место занимают программы, цель которых – в общении представить участника как творческую личность, раскрыв сферу его деятельности, тем самым приблизиться к ее познанию. Это коммуникации разных форматов: «Главная роль», «Наблюдатель», «Линия жизни», «Белая студия», также близкие к ним «Большая опера», «Большой балет», «Большой джаз» (с творчески организующей ролью ведущих и членов жюри). Их материалы по цели и условиям общения (непосредственного, ситуативного) соответствуют задачам когнитивно-коммуникативной характеристики дискурса, а также определенных его сторон (например, дискурс «Большой оперы», «Большого балета» и «Большого джаза») дает возможность судить о речевом аспекте категории оценки.

Рассматриваемая далее программа «Белая студия», целостность которой как гипердискурса с единством тематики и стратегии обусловливается его когнитивной базой – реализацией категории отношения, дискурсивно представлена общением ведущей (№1, Д. Спиридоновой) с профессионалами в области искусства, актерами (Д. Певцовым, Евг. Гришковцом, К. Райкиным) [2].

Включение в гипердискурс еще одной коммуникации (8.11.14) с А. Кончаловским, который во вступлении программы характеризуется как «один из главных российских режиссеров, ставший в последние годы ярким общественным деятелем, чье мнение по острым политическим вопросам вызывает бурные дискуссии», обусловлено ее (коммуникации) смысловой насыщенностью, связанной с моделью мира индивида (составляющие которой выявляются в процессе беседы благодаря стратегии телеведущей).

Стратегия, являемая смыслами дискурса, отмечает микротемы, их развитие; это следующие микротемы: атмосфера фильма, его специфика; власть и народ; необходимость инициативы в стране; «чернуха» и напротив – любовь к своим героям; знаменитое стихотворение Бродского; очень медленный и очень короткий фильм; созерцание в фильме; прямота и обаяние героя; собственный художествен-

ный вкус; фильм Н. Михалкова и концепция А. Кончаловского; причины его отказа от «Оскара»; культурный геном русской нации; система приоритетов в русском культурном коде; ядро русской культуры; анонимная индивидуальная ответственность и Россия; Е.Б. Живов «Русский грех и русское спасение»; О. Уайльд о России; ментальность; Достоевский: Раскольников и Карамазовы; трехсоставность человека; Аскольдов, И. Бунин о русском человеке; Россия и буржуазность; диалог об универсальных ценностях; Запад; европоцентризм; великие цивилизации Востока; понимание культурного генома; закон и справедливость в русском сознании; «Вишневый сад»: любовь А.П. Чехова к своим героям; «надо обязательно мечтать».

В собственно творческой тематике дискурса главное место занимает диалог «о настроении фильма» (№1), когнитивная база которого – категория отношения; в дискурсе ответная реплика А. Кончаловского (№2) – о «чернухе» в творчестве, разворачивается в его монолог с ключевым высказыванием (.. чернуха – это а.. э.. отсутствие любви... к своим героям), связанным с природой творчества, что получает дальнейшее развитие через микротемы «очень медленный и очень короткий фильм», «созерцание в фильме».

№1: *это написал Бродский в своей ссылке / как вы знаете / он жил в деревне // это мне очень напоминает.. настроение.. в́ашего филь́ма //* №2: *я очень рад / что напоминает / я очень рад / что очень напоминает // вот когда вы говорили там пьют-не пьют – черну́ха какая // вы знаете / черну́ха – это не.. не.. от бедности / и не.. не.. ээ.. и нецензурированный язы́к // чернуха – это а.. э отсутствие любви.. к своим героям // вот с этой точки зрения / м.. са́мое сло́жное для режиссе́ра / для любо́го – особенно вотдля молодых.. они что-то чувствуют.. / а переда́ть... э... еще пока не могут // и.. ээ если снимать этих людей / и.. не.. ои́цуть.. / и если не удаётся передать любо́вь к ним / – это будет черну́ха // ... когда я говорю / любовь – это... я даже не знаю / как... // могло и не получиться...// но как... что-то случилось...//*

К этой сквозной теме коммуникант возвращается в заключительной части беседы, вспоминая историю написания А. Чеховым «Вишневого сада»: *... и вот этот челове́к [Чехов] / который как бы... смотрел уже с той стороны... зеркала... на всё... / вот тогда он и написал «Вишневый сад» //* №1: *а вы это ста́вите сейчас? //*

№2: ну [кивает]это я не знаю // удастся ли поставить / вот то / что я сказал // но это очень освещает понимание автора любви... к своим героям //

Большая часть рассматриваемой коммуникации – это ответ А. Кончаловского на реплику-стимул ведущей о «русском культурном геноме», об идеях, на которых он (геном), по мнению собеседника, может базироваться. Ответ коммуниканта, представленный в ряде монологических реплик, раскрывает его не только как креативную, разностороннюю личность, но и как деятеля культуры значительного масштаба, способного осмыслить проблемную ситуацию (ПС) и предложить пути ее решения (ПР). На языковом уровне это отражено целым рядом микротем (см. выше, абзац 4).

Номинации, являющиеся сгустком микротем, коммуникативно-семантическим полем, в реализации смысла дискурса играют ведущую роль, поскольку он устный, спонтанный (хотя и на заданную тему): с повышенной членимостью, обилием пауз, вставных элементов, с незавершенностью высказываний. В первой части дискурса коммуникативно-семантическое поле образуют актуализованные просодически (выделительными: логическим или логико-эмоциональным ударениями, паузами, интонацией) номинации (КС и близкие к ним лексемы, сочетания лексем): *построение фильма, «чернуха», нецензурированный язык, отсутствие любви, самое сложное для режиссера, любовь*; во второй: *система приоритетов, русский культурный код, анонимная ответственность, русское спасение, искупление, ментальность, гуманная середина, желание жить, обязанности, культурный геном, непонимание культурного генома, партитура, музыка, этот человек*.

Далее дискурсивным анализом выявляется обусловленная коммуникативной стратегией смена (и взаимосвязь) речевых регистров (информативного, объяснительного (с показателями обобщения), убеждающего (с модально-оценочной насыщенностью); повествовательного (на базе реализации ими соответствующих синтаксических моделей), что составляет грамматическую основу дискурса. Если в начальной части дискурса наблюдается синкретизм регистров, то в дальнейшем на видное место выдвигается объяснительный регистр, служащий сущностному анализу проблемной ситуации и решению проблем в плане должного [4]. Поэтому весьма частотны насыщенные модальностью высказывания [1].

Эффективность коммуникации обеспечивается ее медийным пространством [3]: представлены разные виды устной речи (от прочтения во вступлении до спонтанной речи, с ее чертами). Реализация перекрещивающихся когнитивных систем преломляется в семиотике дискурса: звучащая речь сопровождается видеорядом (фрагментами фильмов, постановок, также прочтением И. Бродским его стихотворения).

В рассмотренном дискурсе А. Кончаловский предстает как носитель полнезависимого, сложного когнитивного стиля, как элитарная коммуникативная личность.

Литература

1. Васильев Л.М. Категория оценки // Актуальные проблемы лингвистики рубежа веков. Самара: СамГУ, 2004. С. 245-249.
2. Каримова Р.А. Преломление категории отношения в дискурсе // V Международный конгресс «Русский язык: ист. судьбы и современность. Тр. и материалы, М.: МГУ, 2014. С. 507.
3. Кибрик А.А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс // Язык и дискурс средств массовой информации. М. «Гаудеамус» 2011. С. 79-85.
4. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. // 2-е изд. «Питер»: 2004. С. 38-40.

© Р.А. Каримова, 2014

Р.А. Каримова, Ю.А. Фаизова
БашГУ, Уфа, Россия

Организация публицистического дискурса (на материале ТВ программы «Смотрим. Обсуждаем»)

Телевизионный дискурс «Культура» «Смотрим. Обсуждаем» относится к жанру дискуссии, в которой участвуют ведущий Владимир Хотиненко и приглашённые специалисты. Цель речевого взаимодействия участников дискуссии – постижение смысла документального фильма и его оценка.

Программа состоит из двух частей – предварительного просмотра и обсуждения фильма экспертами (5 человек) и зрителями. В ходе дискуссии участникам передачи также представляют визуальные образы – фрагменты из фильма или комментарии режиссера, актеров.

Материалом для анализа послужило обсуждение картины «Глубокая любовь» польского режиссера Яна Матушинского (14.11.2014), который рассматривает несколько тем, в частности, спорт, медицину, психологию. Дискуссия интересна тем, что в ней принимают участие специалисты из разных областей, что сказывается в восприятии ими (специалистами) фильма, а также в их речи.

Фильм рассказывает о 60-летнем дайвере, оставшемся парализованным после инсульта. Благодаря реабилитации и помощи друзей он начинает понемногу двигаться, хотя проблемы с речью остаются. Герой фильма хочет снова погрузиться в воду и добраться до подводной пещеры, в которую сложно опуститься даже здоровым дайверам.

На протяжении всей дискуссии коммуниканты пытаются ответить на один вопрос: принять сторону друга героя, который поддерживал идею вновь нырнуть в воду, или сторону девушки, пытавшейся отговорить от этой затеи, но, в конце концов, согласившейся с решением любимого человека. В ходе обсуждения участники затрагивают такие темы, как мотивация, жизнь после страшной болезни, сложности реабилитации как для самого больного, так и для его близких.

Коммуниканты являются носителями специального знания, социальные связи между которыми нельзя назвать слабыми. Дискурс в основном являет спонтанную речь, однако представлена и подготовленная, характерная для ведущего программы В. Хотиненко (№1).

Спонтанная речь отмечена интонационно-просодическими показателями [3]: а) выделительными ударениями (главным образом логическим и логико-эмоциональным); б) синтаксическим членением, отражающим динамику речевого общения; в) отражением в речи эмоционального напряжения говорящих: в частности посредством тембральных показателей и интенсивности; г) незаконченными высказываниями, повторами, паузами колебания (№1: *вот именно / в... в эту секунду / мне кажется / вот это стремление / его героя / его жены// вообще / различие позиций / и позиции жены /и позиции друга / они / э... безумно его любят //*).

О подготовленности речи свидетельствуют такие признаки, как немногословность, отсутствие повторов, вставных элементов и дискурсивных слов (№1: *мы знаем много историй великих возвращений / в привычные жизни тех людей / на которых врачи ставили крест //*

страшный выбор / жить как раньше / каждую минуту рискуя умереть / или смириться с болезнью / и навсегда отказаться от мечты? // как быть? //). В. Хотиненко, как модератор дискуссии, придерживается определенного речевого поведения, стараясь поддержать интерес зрителей к обсуждаемому фильму на протяжении всей программы. Стратегия ведущего на речевом уровне проявляется в словопотреблении:

а) лексемами, обозначающими ход программы: *После просмотра фильма обязательно присоединяйтесь к нам! // сегодня у нас потрясающие эксперты / которым есть о чем говорить //*;

б) лексемами, обозначающими темы для обсуждения: *свобода выбора / это основная свобода человека // как меняется жизнь / если появляются непреодолимые преграды для этого выбора?//*.

Функция воздействия в рассматриваемом теледискурсе реализуется комплексом средств, в частности вопросительными высказываниями ведущего (№1: *Чья позиция вам ближе? //*; *А почему эта аудитория не хочет поддержать ту или иную точку зрения? //*).

В дискуссии участвуют носители разных типов речевой культуры [4], что обусловлено их социальным статусом и проявляется в речевой деятельности коммуникантов.

Например, носителем элитарного типа речевой культуры является актер Михаил Полищаймако (№2). Для его речи характерно соблюдение норм литературного языка (орфографических, орфоэпических, интонационных, стилистических, лексических норм сочетаемости и т.д.), активное употребление синонимов, эпитетов (№2: *Для меня это абсолютно не документальное кино // это кино / э.. в первую очередь / личностный / бешенный интерес режиссёра // как мне показалось / он прошел отрезок этой жизни // это как-то могло его коснуться косвенно...//*).

Бобслеиста Алексея Воеводу можно отнести к носителям среднелитературного типа речевой культуры, о чем свидетельствуют его монотонная речь без логических ударений, разговорные и просторечные элементы, нарушение лексических и синтаксических норм (№3: *с моей позиции / личный опыт был следующий // В две тыщи / ы... щас скажу // в две тыщи третьем году я упал с эстакады / и у меня была очень серьезная травма колена // мне было двадцать три года всего //*).

Итогом обсуждения является ряд высказываний коммуникантов о самом фильме и о ходе дискуссии, которые отмечены средствами оценки [1; 246]: ментальными (Ирина Зеленкова, дайвер, врач, №4: *Мне как-то хочется / час / какой-то некий / что-то мне на себя захотелось взять / какой-то итог подвести / и я вижу что здесь столкнулось две точки зрения / разные полюсы / и это разное восприятие человеком жизни//*; (№1: *...дискуссия мне кажется была интересной / разнообразной / неоднозначной //*); перцептивными (зритель, №5: *фильм / не смотрится как документальный / потому что / вот именно хорошо встроена драматургия//*; №2: *но я воспринимал это как полноценное кино//*), а также эмотивными (№3: *...было желание / там такое отношение было / солнышко светило / знаете так... / было желание сесть / и вообще уйти//*).

Литература

1. Васильев Л.М. Категория оценки // Актуальные проблемы лингвистики рубежа веков. Самара: СамГУ, 2004. С. 245-249.
2. Ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
3. Общая и прикладная фонетика. Под ред. Потаповой Р.К. – М., 1986.
4. Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2003.

© Р.А. Каримова, Ю.А. Фаизова, 2014

Р.Х. Каримова

СФ БашГУ, Стерлитамак, Россия

Содержание концепта «труд» в синонимах со значением «ленивый», «трудолюбивый» (на материале немецкого и английского языков)

Изучение лингвокультурных концептов, которые рассматриваются исследователями в качестве ключевых для понимания мировосприятия народа, вызывает несомненный интерес и привлекает внимание многих научных школ. В их числе Воронежская школа, Краснодарская школа, Волгоградская школа и др. Предметом нашего рассмотрения стали синонимические ряды со значением «ленивый», «трудолюбивый» в германских языках. Материал для исследования был отобран из современных одноязычных синонимических словарей немецкого и английского языков. Цель статьи: определить дополни-

тельные признаки в содержании концепта «труд», извлеченные из синонимов лексемы «*faul*» и «*idle, lazy, slothful*», *fleißig, arbeitsam* и их производных.

Синонимические ряды субстантивов со значением «*Faulenzer*», *Nichtstuer* включают практически одни и те же лексемы, ср. **Faulenzer**-*Nichtstuer*, *Faulpelz*, *Müßiggänger*, *Tagedieb*, *Nichtsnutz*, *Taugenichts*, *Drückeberger*, *Flaneur*, *Drohne*, *umg. fauler Strick/Sack/Hund*; *Nichtstuer-Faulenzer*, *Faulpelz*, *Faultier*, *Müßiggänger*, *Tagedieb*, *Nichtsnutz*, *Taugenichts*, *Flaneur*, *Drückeberger* [1, 322]. В семантике существительных, характеризующих отрицательное отношение к труду и обозначающих деятелей с отрицательной коннотацией, присутствует сема бесполезности, ненужности. В свою очередь существительное *Nichtskönnner* включает лексемы, указывающие на несформированность навыков, отсутствие опыта в каком-либо деле, дилетантство, недостаточность сноровки и качества выполняемой работы, отсюда в синонимическом ряду появляются лексические единицы со значением небрежно выполненной работы, обозначающие недобросовестное отношение к результату своего труда. Слово *Quacksalber* содержит в своем значении не только указание на небрежность в изготовлении изделия или товара, но и включает семы, имплицитно указывающие на врача-дилетанта, шарлатана и непрофессионала (ср. *Quacksalber (abwert.) - angeblicher Arzt, der von seinem Handwerk nicht versteht, Kurpfuscher*) [5, 807].

Лексема *Banause*, входящая в синонимический ряд субстантива *Nichtskönnner* (неумеха), включает субстантивы *Kulturbarbar*, *Kunstbarbar*, указывающие на дилетантство в области искусства. В синонимическом ряду анализируемого слова обнаруживаются также существительные, имеющие значение «глупости, ограниченности, обывательства», ср. *Spießer*, *Spießbürger*, *Hohlkopf*, *Philister*, *Ungebildeter*. Наличие подобных существительных в данном синонимическом ряду позволяет нам предположить, что в содержании концепта «труд» имплицитно присутствует указание на необходимость владения определенным опытом, знаниями, навыками, а также наличие профессиональных знаний и определенного интеллекта.

Содержание лексико-семантической группы слов, обозначающих отношение к труду, включает несколько существительных со значением небрежного отношения к выполняемой работе или порученному делу. К таковым относятся многочисленные лексемы, обо-

значающие деятелей с небрежным отношением к делу, ср. Pfuscher (от Pfuscher - schlecht, nachlässig ausgeführte misslungene Arbeit), Stümper (abwert.) der von einem Fach nicht viel versteht, Laie, Pfuscher), Hudler (от глагола hudeln-unsorgfältig arbeiten, pfuschen), Sudler (от глагола sudeln в значении «халтурить») [5, 779, 979].

Рассмотрим синонимические ряды существительного **Faulheit** и глагола **faulenz**, ср. **Faulheit** - Trägheit, Müßiggang, Untätigkeit, Müßigkeit, Bequemlichkeit, Arbeitsscheue, Passivität, Phlegma, Faulenzerei, schweiz. Flohn, **faulenz** - nicht arbeiten, nichts tun, die Hände in den Schoß legen, die Zeit totschiagen, sich einen schönen Tag/ ein paar schöne Stunden machen, sich die Zeit vertreiben, es sich gutgehen lassen, untätig/arbeitscheu /faul/müßig sein; ugs. bummeln, sich auf die faule Haut legen, dem lieben Gott die Zeit stehlen, den Herrgott einen guten Mann sein lassen, den lieben Gott einen frommen Mann sein lassen, Däumchen drehen, blaumachen, schwänzen, keinen Finger rühren, feiern, krankfeiern, rumfreaken, rumhängen [1, 322].

Как видно из приведенной словарной статьи глагола **faulenz**, значение данного глагола включает в себя целый ряд устойчивых словосочетаний со значением «бездеятельности».

Автор словаря отмечает, что отголосок происхождения глагола **faulenz** от средневерхненемецкого **vulenz** (=faulig machen) обнаруживается в грубых и используемых в негативном смысле выражениях: vor Faulheit stinken или stinkend faul sein. Негативная оценка в значении данного глагола могла присутствовать в этике труда западноевропейской церкви. Такие пословично-поговорочные выражения как sich einen schönen Tag/ ein paar schöne Stunden machen напротив имеют положительную коннотацию [1, 322].

Выражение sich die Zeit vertreiben стилистически нейтрально, фразеологизм die Zeit totschiagen приравнивается по значению к бессмысленному ничегонеделанию, скуке, приближаясь к разговорному Däumchen drehen. В ФЕ die Hände in den Schoß legen безделье выражено стереотипной позой, не позволяющей ничего делать (ср. букв. сложить руки на коленях). ФЕ sich auf die faule Haut legen в значении «предаваться безделью» восходит к ошибочным представлениям 18 века, что древние германцы бездеятельно лежали, развалившись, на медвежьих шкурах. То же самое относится к выражению auf der faulen Haut liegen. Разговорные выражения den lieben Gott einen guten/ frommen Mann sein lassen используются в отношении лиц, которые

беззаботно проводят своё время. ФЕ *dem lieben Gott die Zeit stehen* означает: «жить за счет других».

Разговорные лексические единицы *blaumachen* и *krankfeiern* употребляются в связи с профессиональной деятельностью. Глагол *blaumachen* восходит к обычаю: покрывать кирпичи синим сукном (отметим, что в средние века рабочие, которые красили это сукно, имели некоторый резерв времени, пока краска сохла на воздухе).

Содержание прилагательного *faul* включает значение «пассивности», инертности, вялости, равнодушия, страха перед работой, ср. **faul-** 2. *träge, arbeitsscheu, untätig, müßig, bequem, passiv, inaktiv, phlegmatisch, faulenzertisch, ugs. stinkfaul* [1,322]. Среди перечисленных прилагательных присутствуют слова со значением «праздности» (*müßig*) и «бездеятельности» (*untätig*). В последнем слове значение мотивировано приставкой *un-*.

Рассмотрим содержание слова «ленивый» в английском языке на материале существительных и прилагательных.

Отрицательное отношение к труду в английском языке выражены существительными: абстрактными именами: *idleness, sluggishness, sloth* и именами деятелей: *idler, loafer*. Далее приводятся синонимические ряды названных существительных по данным Оксфордского словаря синонимов (онлайн- версия).

Субстантив *idleness* включает следующие синонимы: *idleness* – 1. *inactivity, inaction, torpor, indolence, laziness, sluggishness, inertia, lassitude, torpor, flanerie, dolce far niente, employment*; 2. *shirking, malingering, dawdling, loafing, time-waiting, lazing, colloq. dilly-dalling, shilly-shalling*. Значение бездеятельности ассоциируется в английском языке с инертностью, отсутствием активности, бездействием, вялостью, апатией, нерешительностью, медлительностью, сонливостью, равнодушием. На отсутствие действия в значении этих существительных указывает слов *inertia* (латинского происхождения), префикс *in-*, суффикс *-less*, глагольные производящие основы *loaf, dawdle*, адъективная основа *lazy*.

Аналогичные синонимы содержит словарная статья с доминантой ряда *sloth*, ср. *sloth* – *idleness, laziness, indolence, slothfulness, inertia, apathy, indifference, accidie, torpor, faineance, pococurantism, torpidity, sluggishness, languor, languidness, lethargy, phlegm, rare hebetude* [3, 1657].

Интересно отметить, что существительное *sloth* имеет также значение «ленивец», данное значение имплицитно указывает на отсутствие деятельности.

Рассмотрим синонимические ряды имен деятелей со значением «ленивый». В использованных нами синонимических словарях английского языка были выявлены следующие обозначения деятелей, ср. *idler*, *loafer* и прилагательные: *idle*, *slothful*, *lazy*.

Синонимический ряд субстантива *idler* включает следующие синонимы, ср. **idler** – *loafer*, *layabout*, *slacker*, *shirker*, *sluggard*, *lazybones*, *slugabed*, *laggard*, *dawdler*, *clock-watcher*, *drone*, *slouch*, *ne'er-do-well*, *fainéant*, *colloq. lounge lizard*, *Military slang Us gold brick or gold-bricker*[3, 775].

Как видно из приведенной словарной статьи, значение бездеятельности в содержании слова *idler* включает значение медлительности (прилагательное *slack*, уклонения от работы (*shirker*), безделья (*dawdler*, *laggard*, *fainéant*, *layabout*).

Обозначения ленивого человека ассоциируются с некоторыми животными, например, *drone* – л.трутень, *перен.* бездельник, тунеядец. Отметим, что трутень считается нерабочей пчелой, такое поведение насекомого послужило, вероятно, основанием для обозначения ленивого человека. Синонимический ряд существительного *idler* включает и некоторые разговорные выражения, ср. *lounge lizard* – *informal: a man who spends a lot of time in expensive bars and hotels and likes being with rich people* [4,898]. Среди синонимов существительного *idler* встречаются и заимствованные слова, ср. *fainéant*, фразеологические дериваты: *ne'er-do-well*, сленговые слова: *gold brick or gold brocker*, устаревшие слова: *lazybones*.

Рассмотрим синонимический ряд существительного *loafer*, ср. **loafer**-*idler*, *layabout*, *wastrel*, *shirker*, *Flâneur*, *ne'er-do-well*, *tramp*, *vagant*, *old-fashioned lounge lizard*, *slugabed*, *colloq. lazybones*, *Brit drone*, *US bum (sk or tennis or surf) bum*, *slang* – *Brit skiver*, *Military seriumshanker*, *US military gold brick or gold-bricker* [3,942].

Как видно из приведенного синонимического ряда, словарная статья синонимов существительного *loafer* включает как обозначения ленивого человека (*idler*, *layabout*), так и уклонения от работы (*shirker*), бродяжничества (*tramp*, *vagant*).

Среди синонимов английского слова есть слово французского происхождения со значением «гуляющий без дела, праздношатаю-

щийся». Выражение *lounge lizard* тоже имело значение «праздноша- тающийся», которое сегодня считается устаревшим. Наличие в со- держании лексем со значением лености существительного *inertia* (лат. праздность, инертность) присуще всем европейским языкам, т.к. относится к латинским заимствованиям. Латинский язык отличался богатым синонимическим рядом для обозначения лени: *inertia*, *nequitas*, *pigritia*, *ignavia*.

Среди существительных, обозначающих ленивого человека, встречается существительное *dawdler* (производное от *dawdle*). Отметим, что синонимический ряд глагола *dawdle* также включает значе- ние медлительности, мешкотности (ср. *loiter*, *linger*, *delay*), праздного времяпровождения (*lounge*), описание стереотипных поз. не позво- ляющих ничего делать (*lie about*), напрасного времяпровождения (*waste time*), а также разговорные выражения *dilly-dally* со значением «заниматься пустяками».

Синонимические ряды прилагательных со значением «лени- вый» включают аналогичные значения: «предаваться безделью», «инертности», «вялости», «медлительности», «ненужности», «раз- болтанности», «равнодушия» и др., ср. **lazy** – 1. *indolent*, *slothful*, *dila- tory*, *idle*, *shiftler*, *inactive*, *listless*, *fainéant*, *otiose*, *slack*, *lax*, *lethargic*, где *indolent* равнозначно *lazy*, *slack* – 3. *not as busy or successful as usual in business* [4, 1400].

В данном синонимическом ряду следует выделить слово *lax* – 1. *not paying attention to rules, or not caring enough about quality or safe- ty*, 2. *not made firm or tight* [4, 850].

Синонимический ряд с доминантой ряда *lazy* включает сле- дующие прилагательные:

idle – *unemployed*, *inactive*, *workless*, *unused*, *unoccupied*, *waste*, *barren*, *fallow*, *untilled*, *uncultivated*, *lazy*, *shiftless*, *slothful*, *sluggish*, *indolent*, *listless*, *ineffectual*, *inert*, *futile*, *frivolous*, *vain*, *useless*, *unprof- itable*, *unimportant*; *slothful* – *lazy*, *leisurely*, *inactive*, *torpid*, *indolent*, *passive*, *lax*, *slow*, *sluggish*, *inert*, *idle* [4, 421].

Для сравнения приведем словарные статьи со значением «тру- долюбивый» в исследуемых языках. В синонимическом словаре *Wah- rig* приводятся два синонимических ряда. Доминантами ряда являют- ся прилагательные: *fleißig* и *arbeitsam*, ср. **Fleißig** - *arbeitsam*, *arbeits- freudig*, *arbeitswillig*, *aktiv*, *produktiv*, *leistungsfähig*, *leistungsorientiert*, *tätig*, *strebsam*, *bestrebt*, *bemüht*, *ehrgeizig*, *eifrig*, *tatkräftig*, *schaffens-*

freudig, nimmermüde, unermüdlich, rastlos, tüchtig, emsig, österr.: ambitioniert, schweiz. regional: schaffig; **arbeitsam** - fleißig, tüchtig, eifrig, tatkräftig, schaffensfreudig, emsig, strebsam, aebeitsfreudig, rührig, geschäftig, arbeitswillig, betriebsam, ehrgeizig, bienehaft, unermüdlich, aktiv, beflissen, schweiz. schaffig, scherz.: wie ein Workaholic arbeiten [1,322, 77].

Значение «прилежание» в приведенных выше прилагательных описывается через такие характеристики труда как: желание работать, радость от работы, ориентированность на успех, целеустремленность, отсутствие усталости, мотивированное в слове nimmermüde компонентом nimmer со значением «никогда».

Приведенные в данном синонимическом ряду прилагательные включают значение не только прилежности, но и старания, ловкости, активности, энергичности, неустанности, деловитости, желания работать, т.е. всех тех качеств, которые необходимы для достижения хороших результатов в труде. Швейцарское прилагательное **schaffig** является производным от швейцарского глагола schaffen, являющегося эквивалентом общеизвестного глагола arbeiten. Отметим, что среди прилагательных-синонимов со значением «arbeitsam» присутствует также значение честолюбия и карьеризма (ср. ambitioniert, ehrgeizig). Среди синонимов прилагательного arbeitsam встречается прилагательное bienenhaft, которое является производным от существительного Biene – насекомого, которое является символом трудолюбия во многих языках.

В английском языке доминантой ряда прилагательных со значением «трудолюбивый» является прилагательное industrious, ср. adj. **indusrtrious** –sedulous, assiduous, hard-working, diligent, intense, conscientious, energetic, dynamic, aggressive, vigorous, untiring, tireless, infatigable, unflagging, persistent, pertinacious, dogged, tenacious [3, 823]. Синонимический ряд английского прилагательного indusrtrious включает также значения энергичности, старательности, прилежания в труде(sedulous), неустанности в работе, энергичности, усердия (diligent), добросовестности (conscientious) упорства (persistent). Отметим, что в объем значений английских прилагательных включены значения неустойчивости (indefatigable от существительного fatigue в его значении «утомительная работа» *амер.*) и упорства (tenacious, dogged, pertinacious). Наличие данных значений в семантике анализируемого прилагательного отражает, на наш взгляд, упорство и на-

стойчивость в труде, присущие английскому народу, так называемому “self made man”, сумевшему на скудной земле островного государства добиться высоких достижений во многих сферах экономики и сельского хозяйства.

Всё вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. В содержании лексем со значением «ленивый» (нем. *faul*, англ. *idle, slothful, lazy*) обнаруживаются сходные значения: вялости, инертности, медлительности, уклонения от выполнения работы, мешкотности, медлительности.

2. В синонимических рядах, обозначающих ленивого человека, встречаются субстантивы, образованные по одной и той же словообразовательной модели, например: *Nichtstuer, ne'er-do-well*; заимствованные слова: *fainéant, Flâneur*.

3. В исследуемых языках выявлены наименования животных, образы которых ассоциируются с ленью и бездействием, ср. *drone, Faultier, sloth, slug*.

4. В английском языке безделье приравнивается к бесполезной деятельности, пустым разговорам, развлечениям, ср. *dally, shally*.

5. Среди синонимов английских существительных *idler, loafer* обнаружена ФЕ *lounge lizard*, обозначающая молодого человека, беззаботно проводящего время в дорогих барах, что напоминает выражение «золотая молодежь» в современном русском языке.

6. В синонимических рядах обозначений деятелей с отрицательным отношением к труду встречаются существительные, образованные от ФЕ, обозначающих стереотипные позы, не позволяющие ничего делать, ср. *Drückeberger, Müßiggänger*, англ. *lazyabout, lounge*.

7. В каждом из исследуемых языков обнаружено множество номинаций, обозначающих лиц с отрицательным отношением к труду, например: англ. *lounger, dawdler, lazyabout, slacker, sluggard, laggard* и нем. *Pfuscher, Stümper*.

8. Синонимические ряды прилагательных со значением «трудодлюбивый» в исследуемых языках обнаруживают сходные значения упорства, усердия, прилежания, энергичности, которые позволяют достичь успехов в труде.

Таким образом, с помощью концепта «труд» можно описать фрагмент языковой картины мира исследуемых языков, в которых отражена специфика одного из ключевых для понимания национальной языковой ментальности концептов.

Литература

1. Das Wahrig. Synonymwörterbuch. Herausgegeben von der WAHRIG-Redaktion. Brockhaus. Gütersloh/ München. -2013. -1023 S.
2. Девлин Д. Словарь синонимов и антонимов английского языка. М.: ЗАО Изд-во « Центрполиграф», 2002.- 559с.
3. The Oxford Thesaurus- An A-Z dictionary of Synonyms. URL: www.kodges.ru>injaz...oxford-thesaurus.dictionary.html
4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers Limited.- 2007. -1748p.
5. Wahrig. Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Gütersloh/ München Cornelsen Verlag, Wissen Media Verlag GmbH. -2008-. 1215S.

© П.Х. Каримова, 2014

И.В. Кирсанова
УГАТУ, Уфа, Россия

К вопросу об эмотивном содержании и смысле различных типов текста

В последнее время, как показывают многочисленные теоретико-экспериментальные исследования в когнитологии, лингвистической и психолингвистической науках, определение эмотивности текста нужно рассматривать не только как сугубо лингвистическую проблему. Выход за рамки лингвистической науки позволяет говорить об эмотивности речевых произведений как с точки зрения восприятия и понимания эмотивного содержания и смысла, так и построения целостной концепции эмотивности текстов любого типа. В связи с этим актуализуются подходы к выявлению эмоционально-смысловой доминанты и субъективных смыслов. Такой подход находит отражение в работах А.А. Залевской, А.В. Кинцель [1], В.И. Шаховского, В.А. Пищальниковой [2], Е.Ю. Мягковой [3, 4] и других авторов.

Обращение к психологическим исследованиям эмоций дает возможность более понятного определения эмоций как аффективной стороны психики человека. Однако для дальнейшего изучения участия эмоций в процессах понимания и репрезентации эмоций в текстах остается ряд нерешенных проблем, связанных и с неоднозначностью терминов эмотивность и эмоциональность, и с необходимостью их разграничения с учетом уровня языковых единиц.

Продуктивным вкладом в разработку лингвистической теории эмоций являются статьи и монографии В.И. Шаховского [5, 6, 7]. Вслед за их автором нами также признается необходимость разграничения эмотивности и эмоциональности при выходе на уровень текста. Одним из важных теоретико-методологических положений, сформулированных исследователем, является вопрос об использовании эмотивной валентности как приема анализа эмотивной плотности (количественной и качественной) текста [8]. Представляется вполне логичным «выход за рамки семантики слова в семантику текста, в котором слово функционирует, в коммуникативную ситуацию и речевую деятельность в целом» [там же: 15].

Эмотивность текста рассматривается автором как двусторонняя сущность, имеющая план выражения и план содержания, через которые манифестируются эмоциональные отношения / состояния говорящих [1987:24]. Основу плана содержания эмотивности составляет субъективная оценочность, являющаяся источником появления эмоционального состояния или отношения говорящего; план выражения представлен категорией экспрессивности, главная функция которой состоит в способности повышать воздействующую, прагматическую силу языковой единицы, обеспечивая ее эмоциогенность. [5:24].

В связи с вышесказанным интерес представляет рассмотрение вопроса об эмотивной специфике текстов. Таким образом, признавая эмотивность интегральным свойством текстов различных типов, С.В. Ионова вполне обоснованно делает вывод о том, что эмотивность присуща текстам всех основных функциональных стилей – научному, официально-деловому, публицистическому и художественному [9]. Если говорить об эмоциональной специфике текста, то ее можно определить через соотношение эмотивного фона, эмотивной тональности и эмотивной окраски.

Возвращаясь к понятиям эмотивной плотности текста, следует отметить ее обусловленность языковыми средствами, используемыми для передачи содержания и смысла, а также использование других текстовых приемов. С.В. Ионова пишет: «Если же плотность эмотивной ткани соотнести с эмотивным содержанием, то можно предположить, что, чем больше определенный текстовый фрагмент / текст содержит эмотивных тем, подтем, субподтем, тем выше концентрация эмоционального компонента плана содержания, что в свою очередь находит отражение в плане выражения - поверхностной структуре

текста, включающей языковые эмотивные средства» [9:167]. Однако при всей непротиворечивости выводов, как нам кажется, не снимается трудность определения эмотивности некоторых речевых произведений, характеризующихся отсутствием в них формальных эмоциональных знаков в плане выражения. В то время как все смысловое пространство текста может служить символом переживаемых эмоций, т.е. быть глубинно, имплицитно эмотивным [Op.cit.10: 72]. Таким образом, следует обратить внимание на эмотивный фон текста и его тональность.

В заключении остановимся на кратком определении эмотивного содержания. Эмотивное содержание публицистических и художественных текстов формируется в результате наложения эмоций фонового и тонального уровней. Для научного и официально-делового стилей характерна их относительная автономность. В целом, о речевом произведении можно говорить как об эмотивном, когда его эмотивное содержание доминирует над рациональным. По результатам нашего исследования, проведенного на материале научно-популярного текста, преобладание релятивных реакций после прочтения и осмысления текста можно объяснить характеристиками текста, в том числе его эмотивностью [11].

Литература

1. Кинцель А.В. Эмоциональность текста как основа единства его связности и цельности // Текст: структура и функционирование. Барнаул, 1997. Вып.2. С.81- 87.
2. Пищальникова В.А. Доминантная эстетизированная эмоция как суггестивный компонент художественного текста // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 1996. №2. С.12-15.
3. Мягкова Е.Ю. Эмотивность и эмоциональность: две научные парадигмы // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин, 1988.С.73-79.
4. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990. [Электронный ресурс]. http://fcel.ksu.ru/winter.99/cog_model/myagkova.pdf (дата обращения 9.11.14)
5. Шаховский В.И. Эмотивно-модальные компоненты семантической структуры текста/ В.И.Шаховский, В.И.Карасик// Семантика целого текста: тезисы выступлений на совещании (Одесса, сентябрь, 1987 г.) – М., 1987. – С.158-159.
6. Шаховский В.И. Лингвистической теории эмоций. – М.: «Гнозис», 2008. – 416с.

7. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике/ Вопросы психолингвистики. – М., 2009. – №9. – С. 29-41.
8. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека/ Вопросы психолингвистики. – М., 2014. – № 19. – С. 13-22.
9. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема. Дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998. – 197с. [Текст]// Электронная библиотека диссертаций: <http://www.dissercat.com/content/emotivnost-teksta-kak-lingvisticheskaya-problema> Режим открытого доступа (дата обращения 14.11.2014)
10. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта: Наука, 2004. – 496с.
11. Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных реакций реципиентов (на материале научно-популярного текста). Дисс. ...канд. филол. наук. Уфа, 2008.- 197с.

© И.В. Кирсанова, 2014

Ю.Ф. Кобяков

БГПУ им. М.Акумуллы, Уфа, Россия

Эвфемизмы, содержащие отрицание и другие средства выражения отсутствия качества, в немецком языке

Эвфемизмы представляют собой «лексические единицы или выражения, используемые для замены такого прямого наименования, употребление которого представляется говорящим неуместным (то есть табуируемым) в данной конкретной ситуации». [2, 6]

Словарь «*Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini*» определяют эвфемизм как «*verhüllende, mildernde oder beschönigende Ausdrucksweise aus (unterschiedlichen) Gründen der Rücksichtnahme und Ästhetik: einschlafen für sterben, riechen oder duften für stinken, vollschlank für dick*». [4]

В качестве сфер социальной жизни, в которых используются эвфемизмы, Л.П.Крысин называет дипломатию (*пойти на крайние меры*), репрессивные действия властей (*задержать*), государственные и военные тайны и секреты (*объект, продукт*), деятельность армии, разведки, полиции, уголовного розыска (*идти на задание*), сферу распределения и обслуживания (*товары повышенного спроса*), отношения между различными национальными и социальными групп-

пами (*этническая чистка*), некоторые виды профессий, эвфемистическое обозначение которых имеет целью повысить престиж этих профессий (*оператор на бойне*).

К языковым способам и средствам эвфемизации в русском языке Л.П. Крысин относит слова-определители с «диффузной» семантикой (*некоторый, известный* и др.), номинации с общим смыслом, используемые для называния конкретных предметов и понятий (*акция, изделие*), иноязычные слова и термины, более пригодные для вуалирования сути явления, чем исконная лексика (*либерализация* (цен)), *педикүлз* (вместо *вишность*), аббревиатуры, связанные с сокрытием государственных и военных тайн (*ВМ* = высшая мера (наказания), *ДСП* = для служебного пользования), некоторые слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства, употребляемые в качестве смягчающего эвфемизма (*Он недослышит* (о глухом), *Он прихрамывает* (о хромом)), некоторые глагольные формы с приставкой *под-*: *подъехать, подойти, подвезти* и др., которые ощущаются частью говорящих (главным образом носителями просторечия) как более вежливые замены «прямых» обозначений *приехать, прийти*. [1]

В немецкой лингвистике различаются *verhüllende Euphemismen* (*verhüllen* – *окутывать; закутывать, закрывать, покрывать, die Wahrheit verhüllen* – *скрывать (затемнять) истину*) и *verschleiernde Euphemismen* (*verschleiern* – *durch Irreführung nicht genau erkennen lassen; verbergen* (Duden); (*за*)*вуалировать, скрывать; маскировать* (ABBYY LINGVO).

Андреас Болен отмечает, что *verhüllende* («закутывающие») эвфемизмы используются для соблюдения общественных норм, в то время как *verschleiernde* («вуалирующие») эвфемизмы применяются для того, чтобы вызвать у партнеров по коммуникации определенную реакцию, напр., чтобы вызвать протест или, наоборот, поддержку политики партии, убедить их в правильности действий правительства. [3, 170]

Первая группа эвфемизмов служит, таким образом, для смягчения, приукрашивания неприятных, табуированных моментов жизни, вторая может применяться для сокрытия истины, введения в заблуждение, манипулирования общественным мнением.

К числу средств, применяющихся для оформления эвфемизмов в немецком языке, относятся метафоры (*Eiserner Vorhang*), неопреде-

ленные и многозначные выражения (*Sonderbehandlung* = *Tötung*), опущения (*Endlösung* вместо *die Endlösung der Judenfrage durch Tötung*) [5, 89] и добавления (*sogenannt – die sogenannte Deutsche Demokratische Republik*) [5, 92 и след.], слова с общим (*die Angelegenheit muss mit großer Verschwiegenheit behandelt werden*) [6, 131] или пустым (*reaktionär, konservativ, liberal, radikal*) значением, литоты (*die Wirksamkeit neuer Waffen zu prüfen, die nichts mit atomaren oder nuklearen Systemen zu tun haben*) [цитировано по 5, 100], иностранные слова (*Rezession, Pazifikation, Inflation*) и др.

Эвфемизмам в немецком языке посвящен сайт www.euphemismen.de. Эта подборка постоянно пополняется энтузиастами и насчитывает уже более трёх тысяч эвфемизмов. Лозунг сайта: *Euphemismen.de – hilft gegen Sprachpanscherei und Schönredeversuche – von allen namhaften Politikern gefürchtet* (*Euphemismen.de – помогает бороться против фальсификации языка и красноречия – внушает страх всем высокопоставленным политикам*).

Среди всего разнообразия представленных в словаре эвфемизмов мы выбрали лексемы, содержащие в своем составе отрицание и другие средства выражения отсутствия качества. Прежде всего, это конструкции с частицей *nicht*. Во-вторых, это лексемы с отрицательной приставкой *un-*. Кроме того, отсутствие какого-либо качества придается прилагательным суффиксом *-frei* или суффиксом *-los*. Частичное отсутствие качества может быть выражено с помощью прилагательного *halb*.

Так, о глупом человеке говорят, *er ist nicht recht gescheit* (*он не очень смывленный*). Вместо определения *старый человек* используются смягчающие сочетания *nicht mehr jung* (*уже не молодой*), *nicht mehr tauf frisch* (*уже не свежий от росы*), *nicht mehr von gestern* (*уже не вчерашний*). Однако последнее выражение без наречия *mehr*, например, *er ist nicht von gestern* передает уже не возраст человека, а положительную оценку его качеств: *он бывалый [опытный] человек, он видал виды, он не новичок*. Фраза *das würde ich so nicht sagen* (*я бы так не говорил*) выражает несогласие менее категорично, чем *das ist falsch* (*это неверно*). О заболевшем человеке говорят, что он *nicht auf dem Damm* (*сошел с мощеной дороги*), *nicht auf dem Posten* (*не на посту*), *nicht auf der Höhe* (*не на высоте*).

Кроме смягчающих и скрывающих эвфемизмов (например, *Unfall mit Personenschaden* – *несчастный случай с ущербом для человека*,

– так немецкая железная дорога называет *Selbstmord* – *самоубийство*) словарь содержит большое количество иносказаний иронически-насмешливого содержания. Так, серия фразеологизмов, начинающихся с отрицания *nicht*, характеризует состояние *verrückt sein* – *быть не в своем уме*: *nicht alle Latten am Zaun haben* – букв. *иметь не все доски в заборе*, *nicht alle Tassen im Schrank haben* – *иметь не все чашки в шкафу*, *nicht ganz bei Groschen sein* – *быть не при деньгах* (перенос с недостатка финансов на нехватку ума), *nicht bei Trost sein* – *не доставляет утешения, духовной крепости* (перенос с утешения в вере на крепость интеллекта).

Для смягченного называния глупости (*dumm*, *Schwachsinn*) служат также слова и сочетания с приставкой *un-*, например: *unvernünftig* – *неразумный*. Стилистически сниженно, насмешливо звучат словосочетания *undichter Ballon* – *пропускающий воздух шарик*, *undichter Giebel* – *негерметичный фронтон*, в фамильярной форме выражающие недостаток ума. Использование в эвфемизмах слов (*Ballon*, *Giebel*) объясняется тем, что в разговорной речи они употребляются как синонимы к слову *Kopf* – *голова*.

Прилагательные с приставкой *un-* встречаются в скрывающих эвфемизмах, отражающих политические реалии, например: *uneingeschränkte Solidarität* – *неограниченная солидарность*, за которой прячется готовность ради извлечения политической выгоды заключать политические союзы с любыми партнерами. К этой же группе относится эвфемизм *unschädlich machen* – *обезвреживать*, за которым скрывается глагол *убивать*. В языке бизнеса, рекламы широко используется прилагательное *vorteilhaft* – *выгодный, дающий преимущество*. Присоединение к нему приставки *un-* дает в результате эвфемизм *unvorteilhaft* – *невыгодный*, который в речи заменяет прилагательное с широкой семантикой *schlecht* – *плохой*. Словарь приводит еще один эвфемизм с этим прилагательным/наречием: *unvorteilhaft erscheinen* – *невыгодно выглядеть*, который переводится как *hässlich sein* – *быть некрасивым, безобразным*.

Смягчению оценки служат также такие прилагательные с приставкой *un-*, как: *ungebunden* – *несвязанный/ая*, характеризующее семейное положение (*ohne Frau oder Freundin resp. Mann oder Freund* – *без жены или подруги, без мужа или друга*) и *unpässlich* – *нездоровый*, букв. *неподходящий*. Сомнение в истинности слов собеседника значительно мягче передается прилагательным *unwahr*, чем безапел-

ляционной фразой: *(das ist) falsch*. То же самое можно сказать и о словосочетании *verbale Unrichtigkeit* – *словесная неправильность*, употребленном вместо *Lüge* – *ложь*.

Еще одним словообразовательным средством выражения отрицания в немецком языке является суффикс -los. Прилагательные с этим суффиксом могут выражать смягченную характеристику, например, *gehörlos* – *лишенный слуха*, вместо *taub* – *глухой*, *erwerbslos* – *не имеющий дохода или заработка*, *stellenlos* – *без места работы*, *stellungslos* – *без должности*, вместо *arbeitslos* – *безработный*. К этой группе можно отнести также прилагательные *glücklos* – *лишенный удачи*, за которым скрывается *erfolglos* – *безуспешный*, и *sorglos* – *беззаботный*, которое в действительности означает *халатный, небрежный*. Если первые пять эвфемизмов с суффиксом -los исходят из положительного, сочувственного отношения к определяемому лицу, то последний пример несет в себе критическую, отрицательную оценочность. Кроме того, в словаре приведены фамильярно-насмешливые прилагательные *hüllenlos* – *без оболочки* и *textillos* – *без текстиля*, имеющие значение *nackt* – *голый*.

Понятие «голый» передаётся и рядом иронических эвфемизмов с компонентом -frei, например: *textilfrei* – *освобожденный от текстиля*, *kniefrei bis zum Ohrring* – *с коленями, открытыми до сережек*. Вместо -frei в эвфемизмах с тем же значением (*голый, обнаженный*) могут использоваться и другие компоненты, например, *textilarm* – *бедный текстилем* или *textilentfremdet* – *чуждающийся текстиля*. Среди эвфемизмов с компонентом frei в интернет-словаре присутствуют как уже закрепившиеся в языке смягчающие или скрывающие эвфемизмы, например, *Freitod* – *свободная, добровольная смерть*, то есть *Selbsttötung* (*самоубийство*), *judenfrei* – *ohne Juden nach deren Deportation* (*свободно от евреев после их депортации* – из словаря нацистов), *freisetzen, Freisetzung* – *высвободить, высвобождение*, а фактически – *entlassen, Entlassung eines Arbeitnehmers* (*увольнять, увольнение работника*), так и новые, иронически-насмешливые эвфемизмы. Так прилагательное, frei в сочетании с существительными дает разговорные иронические выражения *freie Stelle* – *свободное место*, *freie Aussicht* – *свободная перспектива*, *свободный вид* или *freies Abteil* – *свободное купе*, которые обозначают *Mädchen ohne Freund* – *девушку без друга*. *Freie Stirn* – *свободный лоб* является вуалирующим обозначением *Halbglatze* – *залысины на лбу*. За *freie Mitarbeiter* –

свободные сотрудники скрываются *Scheinselbständige* – лица, якобы имеющие собственное дело, а *Freischaffende* – люди свободной профессии переосмысливаются в *Prostituierte* – проститутки. Стилистически более нейтральными являются *sinnfrei* – свободный от смысла, то есть *sinnlos* – бессмысленный, и *talentfrei* – свободный от таланта, то есть *untalentierte* – неспособный, лишенный таланта.

Частичное наличие качества выражается в немецком языке прилагательным *halb* – половинный. Уже давно существует в языке лексема *Halbwahrheit* – полуправда, которая в завуалированной форме передает понятие *Lüge* – ложь. Молодежь, не признающую социальных норм, в 50-ых годах называли *Halbstarke* – наполовину сильные. Для лиц полусвета (*Halbwelt* – полусвет, то есть криминальный мир) имеется дополнительное обозначение *halbseiden* – полушелковый. К этой же сфере относятся понятия *Halbweltdame* – дама полусвета, то есть *Prostituierte* – проститутка, *halbzart* – полунежный, за которым скрывается *homosexuell* – гомосексуальный, и *halb und halb* – наполовину, то есть *bisexuell* – бисексуальный. Остальные представленные в словаре эвфемизмы с компонентом *halb* имеют разговорно-ироническую *Halbgott in schwarz* – полубог в черном (судья), *Halbgott in weiß* – полубог в белом (врач) и грубовато-фамильярную стилистическую окраску: *Halbkugel* – полушарие, *Halbmond* – полумесяц. За последними эвфемизмами прячется *Gesäß* – часть тела, на которой сидят.

Всего нами было рассмотрено 74 эвфемизма, содержащих отрицание и лексико-морфологические средства выражения отсутствия качества. Кроме традиционно выделяемых двух групп эвфемизмов – смягчающих оценку и скрывающих действительность – нами была выделена еще одна, третья группа эвфемизмов. К ней относятся 27 лексем, которые используются в разговорной речи и представляют собой иронически-насмешливые обозначения представителей социальной сферы и их свойств.

Литература

1. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. – Берлин, 1994, № 1-2. – С. 28-49. Интернет-ресурс: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>
2. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – Волгоград: Перемена, 1999.
3. Bohlen, Andreas. Die sanfte Offensive. Untersuchungen zur Verwendung politischer Euphemismen in britischen und amerikanischen Printmedien bei der

Berichterstattung über den Golfkrieg im Spannungsfeld zwischen Verwendung und Mißbrauch der Sprache. – Frankfurt/Main (u.a.): Peter Lang, 1994. S. 170.

4. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. Hrsg. von Rudi Conrad. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975. – S.79. 306 S.

5. Leinfellner, Elisabeth. Der Euphemismus in der politischen Sprache. – Berlin: Duncker & Humblot, 1971.

6. Luchtenberg, Sigrid Euphemismen im heutigen Deutsch. – Frankfurt/Main u.a.: Lang, 1985.

©Ю.Ф.Кобяков, 2014

М.С. Козлова

Филиал ТюмГУ, Тобольск, Россия

Отфразеологическое словообразование в современном русском языке как проявление языкового динамизма

Изменчивая природа языка – неперемнное условие его существования. Одно из проявлений языковой динамики – функционирование в языке, наряду с общезыковыми, знаков нетрадиционных, окказиональных. По словам Е.Н.Ермаковой, «динамическое состояние языка обусловлено функционированием и взаимодействием в нем нормированных, узуальных и окказиональных знаков». [5, 286]. Появление окказиональных слов (слов нестандартного словообразовательного типа) и фразеологизмов закономерно с точки зрения развития лексической и фразеологической систем языка.

Ученые подчеркивают, что «в настоящее время возрастает тенденция семантических и стилистических преобразований фразеологических единиц» [6, 272]. В сфере таких преобразований отмечается все большая активность появления производных лексем, образованных на базе фразеологизмов, которые на этапе появления рассматриваются как окказионализмы. Процесс образования слов на базе фразеологизмов называют по-разному: семантическая конденсация, универбация, лексико-семантическое производство. Е.Н. Ермакова такой процесс характеризует как импликацию. Под импликацией она понимает «образование производного слова на базе фразеологизма, уже имеющегося в языке, путем отсечения одного (или более) компонентов от производящего фразеологизма» [3, 232].

В современном языкознании производные лексемы-окказионализмы, образованные на базе фразеологизмов, называют отфраземными словами, а процесс, в результате которого происходит образование отфраземной лексемы, – лексической отфразеологической деривацией. Под лексической отфразеологической деривацией понимаем процесс образования вторичной единицы на базе исходной, в данном случае – образование лексемы на базе фразеологизма.

Механизм отфразеологической деривации заключается в следующем: многие фразеологизмы, благодаря специфической организации семантики и структуры фразеологизма, а именно – цельности фразеологического значения и единства формы и содержания – при опущении одного или нескольких компонентов фокусируют все значение бывшего фразеологизма в одном «осколочном» компоненте. Соответственно, этот компонент можно квалифицировать как отфразеологическую лексику: *точить балясы* – «вести пустые разговоры» → *балясы* – «пустые разговоры»; *сыр-бор разгорелся* – «завязалась перебранка, склока» → *сыр-бор* – «перебранка, склока»; *закладывать за воротник* «иметь пристрастие к употреблению спиртных напитков, выпивать» → *закладывать* с тем же значением; *тянуть лямку* – «заниматься тяжелым, неприятным, чаще однообразным делом» – *лямка* «о долгой, однообразной работе»; *кондрашкахватила* – «кто-либо внезапно разбит параличом, кто-либо скоростно скончался» – *кондрашка* – «об апоплексическом ударе» и др. Отфразеологическая деривация ведет к превращению фразеологической единицы в своеобразный «фразеологический осколок», фразеологизм «сжимается» до предела и приближается к пределу словосочетания – слову. Но слово, как бы тесно оно ни было связано с фразеологизмом, уже обладает лексическим, а не фразеологическим значением.

Способ «вычленения» лексемы из фразеологизма рассматривают в своих работах М.А. Алексеенко, Н.Ф. Алефиренко, Т.П. Белюсова, А.М. Бушуй, Е.Н. Ермакова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.В. Петров, Р.Н. Попов, Г.А. Селиванов, Е.В. Сенько, М.Б. Ташлыкова, И.Ю. Третьякова, Н.М. Шанский, и др. Механизм наделения одного компонента значением всего фразеологизма описала О.С.Ахманова: «...у слов, входящих в состав фразеологических единиц возникают новые значения, сперва «потенциальные», как бы «поглощенные» суммарным значением сложного номинативного целого, но способные актуализироваться, выделиться, приобрести спо-

собность отдельного воспроизведения [2, 170]: *плакать в жилетку* – «жаловаться кому-либо на что-либо» → *жилетка* – «человек, которому можно пожаловаться на жизнь, поплакаться»; *изобретать велосипед* – «говорить что-либо давно всем известное» → *велосипед* «никому не нужное, лишнее открытие, изобретение».

Возможность или невозможность семантического сжатия определяется особенностями лексико-грамматической структуры фразеологизма. В качестве производящих чаще всего выступают процессуальные фразеологизмы, реже предметные и качественно-обстоятельственные, редко – модальные и количественные.

Рассмотрим возможности отфразеологического словообразования в сфере процессуальных фразеологизмов. На основе процессуальных фразеологизмов образуются глаголы, существительные, прилагательные: *витать в облаках* → *витать*, *мутить воду* → *мутить*, *ободрать до нитки* → *ободрать*, *драть глотку* → *глотник*, *крепкий орешек* → *орешек*, *снимать пенки* → *пенки*, *лить воду* → *вода*, *втирать очки* → *втирать*. Большая часть производных глаголов образована без присоединения к производным словам каких-либо аффиксов, но при этом весьма продуктивным способом является вычленение одного из компонентов со значением, свойственным всей фразеологической системе, с использованием суффиксации и префиксации. *вздрыбиться* ← *встать на дыбы*; *баклушничать* ← *бить баклуши*; *белясничать* ← *точить белясы*; *подспудный, подспудно* ← *держаться под спудом*; *канителить (-ся)* ← *тянуть канитель*.

Вычленяться из процессуального фразеологизма может имя существительное. Так, процессуальные фразеологизмы служат базой для образования производных существительных: *тянуть лямку* – «заниматься тяжелым, однообразным делом» → *лямка* – «о долгой, однообразной работе»; *накатать телегу* – «направить в официальное учреждение письмо, очерняющее кого-либо, что-либо» → *телега* – «письмо, направленное в официальное учреждение с намерением очернить кого-либо, что-либо»; *нести ахинею* – «говорить вздор, бессмыслицу» → *ахинея* – «вздор, бессмыслица»; *играть в бирюльки* – «заниматься пустяками» → *бирюльки* – «пустяки». В результате такого словообразования категориальное значение процессуальности в производной лексеме утрачивается, формируется индивидуальное значение, связанное с предметностью.

Процессы создания окказиональных единиц «имеют ярко выраженную прагматическую направленность, главным условием, вызывающим трансформацию фразеологизма, является желание говорящего использовать имеющуюся в языке единицу в «обновленном» виде, тем самым усилить оценочность, экспрессию высказывания. [4, 293].

Ученые отмечают: «Значение этой отрасли знаний о фразеологической системе языка очевидно: изучение деривационных возможностей фразеологизмов приоткрывает завесу над тайной динамических процессов внутри фразеологического состава русского языка, поскольку фразеологизмы являются базой для образования достаточно большого количества производных слов, а за счет появляющихся новообразований происходит регулярное обогащение лексического пласта современного языка [2012, №2, 207]

Образование производных слов на базе фразеологизмов осуществляется в основном на уровне речи, а производные слова имеют разговорную окраску. Судьба отфразеологических лексем различна: многие новообразования остаются единичными, другие – живут недолго и не становятся языковыми единицами, третьи, наоборот, приобретают статус узуальных, общеупотребительных.

Литература

1. Алексеенко М.А. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М.А.Алексеенко, Т.П.Белоусова, О.И.Литвинникова. – М.: Азбуковник, 2003. – 395 с.
2. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957.
3. Ермакова Е.Н. Импликация как процесс языкового развития современного русского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. –2013. – № 1. – С. 227-235.
4. Ермакова Е.Н. Отфразеологическое словообразование в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. –2012. – № 12. – С. 176-184.
5. Ермакова Е.Н. Преобразовательные возможности современного русского языка: окказиональные и потенциальные слова и фразеологизмы // Вестник ЧГПУ. – 2012. – № 3. – С. 286-293.
6. Ермакова Е.Н., Прокопова М.В. Трансформация фразеологических единиц как языковая стратегия массовой литературы (на материале цикла Б.Акунина «Нефритовые четки») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – №3 – С. 271-281.

© М.С.Козлова, 2014

Сопоставительный ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания носителей разных культур

Сопоставительные ассоциативные исследования, проводимые на различном языковом материале, становятся все более популярными в современной психолингвистике. За последние 20 лет произошел бурный рост числа работ, связанных с сопоставительным анализом стратегий ассоциативного поведения в различных языках, особенностей языкового сознания представителей разных этнокультур и т.п. Исследователи, как правило, пытаются выявить то общее и специфичное, что реально присутствует в сознании представителей различных культур и неосознанно определяет их мировоззрение, поведение и суждения. Их также интересует проблема влияния образа жизни реципиентов и особенностей их культуры на их языковое сознание. Материалом для такого анализа обычно служат ассоциативные поля и нормы, собранные в результате ассоциативных экспериментов с участием представителей различных этносов и социумов.

Сопоставительные ассоциативные эксперименты имеют давнюю традицию в психолингвистике. Наиболее интенсивно они стали развиваться еще с 50-х годов XX века. В.А. Рассел и О.Р. Мезек сравнивали наиболее частотные ответы, полученные от немецких, французских и американских студентов по стимульному списку слов, используемому в эксперименте Кент – Розанова. В 1961 М.Р. Розенцвейг изучал ассоциативные нормы, полученные от американцев, немцев, французов и итальянцев по тому же списку стимульных слов. Данные этих двух экспериментов продемонстрировали, что около половины реакций совпадали по содержанию во всех языковых парах, однако средняя частота единичных реакций была существенно выше в американской группе. Целью исследований того времени в основном было выявление уровня стереотипности реакций реципиентов, содержания и сходства наиболее частотных ассоциаций, соотношения парадигматических и синтагматических реакций [1;52].

Аналогичные эксперименты проводились и в СССР в 70-80-е годы. Например, А.А. Залевская проводила сопоставительный анализ ассоциативных норм, полученных на девяти языках: английском

(британский и американский варианты), немецком, французском, польском, словацком, русском, казахском, киргизском, узбекском. При изучении вопроса, связанного с уровнем стереотипности реакций, ею было установлено, что существуют изменения в уровне стереотипности реакций носителей одного и того же языка в одной и той же стране, принадлежащих к различным социальным группам. Также было выяснено, что показатель стереотипности реакций растет вместе с увеличением числа испытуемых [1; 53].

Но сопоставление реакций ассоциативных экспериментов на материале различных языков только по количественным параметрам, примитивность классификации ассоциаций с разделением только на синтагматические и парадигматические реакции и учет только частотных показателей ассоциативного поля показали явную недостаточность такого анализа, и в 90-е годы происходит новый поворот в методологии межъязыковых сопоставительных исследований. Теперь в центре внимания исследователей оказывается качественный анализ ассоциативных полей, полученных от представителей разных культур, а также анализ обратной ассоциативной связи от реакции к стимулу, и интенсивно разрабатываются основы теории языкового сознания.

Например, исследование Н.В. Уфимцевой, посвященное этнокультурной специфике языкового сознания славян и проведенное на базе «Славянского ассоциативного словаря» (112 ассоциативных полей по каждому языку), показало, что существует определенное сходство в образе мира четырех славянских народов (русского, белорусского, украинского и болгарского), однако полного совпадения не наблюдается. В своей работе автор приходит к выводу, что каким бы большим ни был список стимульных слов, используемых в эксперименте, он всегда приводит к одному и тому же определенному для данной культуры составу ядра языкового сознания – ключевым для данного образа мира концептам в их соотношении друг с другом [4; 216-217].

В аналогичном русле было проведено диссертационное исследование Т.А. Ершовой, направленное на изучение русских и немецких ассоциативных портретов. Список стимульных слов представлял собой, во-первых, лексику семейно-родственных отношений (дом, семья, родители, жена, родственники), во-вторых, «гендерно-маркированную» лексику (свободный мужчина, свободная женщина,

уверенный мужчина), и в-третьих, жизненно важные для любого человека понятия (хорошо жить, успех, карьера, профессия, праздник, друзья). Примечательным в данном эксперименте является то, что автором был проведен не только сопоставительный культурологический анализ полученных ассоциаций, но и была разработана особая форма их классификации, отдельно были изучены формальные показатели, характеризующие количественные параметры ассоциативных полей: нулевые реакции, показатели стереотипности и разброса реакций. Также отдельно проводился сопоставительный анализ имен собственных. Любопытно, что среди ассоциаций, полученных в ходе эксперимента от русских информантов, встречались уменьшительные формы слов и слова с ласкательными суффиксами (Иринка, Иришка, Аленка), тогда как в немецком ассоциативном массиве не было выявлено ни одного подобного случая. В своей работе автор также утверждает, что показатель стереотипности реакции характеризует состояние сознания и свидетельствует о динамике его изменения [2; 61]. Самые большие различия по параметру стереотипности между русским и немецким языковым сознанием были обнаружены в ассоциативных полях, полученных на «гендерно-маркированную» лексику. Именно этот класс стимулов вызвал наибольшее количество различий в качественном наборе реакций. В качестве примера приведем анализ русского и немецкого ассоциативных полей, полученных на стимул «уверенный мужчина»:

В представлении русских уверенному мужчине должно быть «около 40 лет», он «лыс», одет в «белую рубашку» и «костюм». Скорее всего, он занимается «бизнесом», является «начальником», а дома «главой семьи». Он – «супермен» и «человек».

В немецком же языковом сознании отсутствует описание внешности уверенного мужчины, но немцы гораздо шире определяют сферу его занятий. Он может быть «артистом», «автомобилистом», работать в «транспортной полиции», заниматься «бизнесом», но он всегда «начальник». Он должен обеспечивать семью (реакции: «семья», «тот, кто обеспечивает»). По мнению немцев, уверенный мужчина также должен быть «хорошим партнером».

Описание характера уверенного мужчины противоречиво. В представлении русских уверенный мужчина «эгоист», «смелый», «сила», «самоуверенный», «себялюбец», «самостоятельный», «самолюб», «самодур», «джентльмен», «деловой», «волевой», а также

«богатый», «миллионер», «умный», «спокойный», «надежный», «ненадежный». Среди ответов испытуемых часто встречается и слово «крутой», обозначающее человека, чем-либо сильно выделяющегося, чаще всего – своим материальным положением. У немцев уверенный мужчина прежде всего «назойливый», «сильный», «авторитарный» и «самоуверенный». В представлении немцев образ уверенного мужчины ассоциируется с «солидностью», «доверием», «уважением», и «защищенностью», а также в немецком ассоциативном поле часто встречаются реакции «зависимость» и «страх».

В представлении русских – уверенный мужчина вызывает «зависть», а также с этим образом связываются понятия «ограниченности», «самости», «стойкости». Русские также наделяют этот образ и более резкими характеристиками: «столб», «пизжон», «петух», «кот», ковбой», «индюк», «козел», «болван», «хам», «наглец», «нахал» и «дурак».

В немецком ассоциативном поле экспрессивных негативных характеристик в два раза меньше, чем в русском. Для них уверенный мужчина коннотирован как «шовинист» и «угнетатель». Причем, немцы сомневаются, что уверенные мужчины существуют: «где же такие есть?», «только оболочка?», «в большинстве случаев не соответствует», а русские, наоборот, считают, что уверенный мужчина – это и «приятный партнер», и «успех в деле», и «то, что надо» [2; 109-110]. Данный сопоставительный анализ позволил автору установить также коэффициенты разброса немецких и русских реакций. У немцев эти показатели оказались относительно стабильными, а у русских – неустойчивыми. Все это, по мнению автора, свидетельствует о том, что «немецкое сознание относительно стабильно, а русское относительно неустойчиво» [2; 114].

Исследователь Нгуен Тхи Хыонг занималась сопоставительным анализом языкового сознания русских и вьетнамцев и пришла к следующим выводам:

- русский образ мира в большой степени отличается от вьетнамского, но не контрастирует. В плане стратегии ассоциирования больших различий выявлено не было. У русских наблюдается преобладание по сравнению с вьетнамцами обозначений – персоналий, а также фразеологизмов и устойчивых выражений.

- чаще всего различия русского и вьетнамского языковых сознаний проявляются в понятийном и оценочном плане. Например, для

вьетнамцев высокочастотными являются реакции *вода, земля, женщина, семья*, а для русских – *мой, родной, большой*, что совершенно неактуально для вьетнамцев. Наблюдаются и большие различия в содержании и структуре русского и вьетнамского языковых сознаний. Наиболее характерными понятиями для вьетнамцев являются *красивый, маленький, чистый, здоровый, оживленный, друзья, дети, много людей, учиться, действовать, вода, земля*, а для русских – *плохо, большой, быстро, далеко, друг, дурак, ребенок, я, мужчина, парень, женщина, дело, день, лес, стол, разговор, говорить, идти*.

- особенностью вьетнамского языкового сознания является понятие *много людей*. И *человек, и ребенок, и друг* в их сознании представляются во множественном числе: *много людей, дети, друзья*. Для вьетнамцев семья – это большой, дружный коллектив, где царит взаимная привязанность, забота и согласие, где царят тесные родственные отношения. Поэтому формирование личности вьетнамца происходит под существенным влиянием рода, семьи, коллектива, где индивидуальные ценности, цели и потребности подчинены групповым, коллективным. Для вьетнамцев характерно также четкое выделение роли матери, в то время как у русских отец – кормилец семьи.

- по итогам эксперимента отмечается также значительное влияние конфуцианства на вьетнамское языковое сознание. Например, восприятие образа отца как духовной опоры семьи, иерархические связи между родителями и детьми, особое отношение к Будде и буддизму (ассоциации на стимул *деньги* – «*деньги волшебны, как фея и Будда*») [3; 23-24].

Как мы видим, сопоставительный подход к анализу ассоциативного поведения помогает более полно выявить особенности менталитета, присущего той или иной культуре, и позволяет определить и описать то особенное и универсальное, что свойственно людям в стратегии ассоциативного поведения вне зависимости от их языковой и культурной принадлежности.

Литература

1. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков; Москва: Изд. группа «РА-Каравелла», 2001. – 320
2. Ершова Т.А. Русско-немецкие ассоциативные портреты.: Дисс... канд.филол.наук. – Москва: МГЛУ, 1998. – 163 с.
3. Нгуен Тхи Хыонг. Образы языкового сознания русских и вьетнамцев: Сопоставительный анализ.: Дисс... канд.филол.наук. – Москва: институт языкознания РАН, 2000. – 305 с.

4. Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С.65-71.

© Е.В. КОРТУНОВА, 2014

Е.В. Котельникова
РГЭУ (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Особенности когнитивно-категориальной базы дискурса групповой коммуникации

В XXI веке в связи с усложнением структуры общества и повышением глобальной производительности труда под термином «индустриализация» понимается создание новых технологий, роботизированных производств с минимальным участием человека. Создание конечного продукта в условиях конкуренции инноваций изначально ориентировано на мировой рынок, а основные затраты связаны с разработкой, а не с его массовым тиражированием. Намечается переход к индивидуализированному производству, ориентированному на конкретные потребности человека и бизнеса, что требует совершенно новых квалификаций, умений, изменений, транслируемых через сферу коммуникаций, и в частности систему образования. В социуме образуются малые контактные и виртуальные группы профессионалов, сотрудничающих друг с другом и обсуждающих актуальные проблемы научно-инновационной и образовательной сфер. В этих тематически ориентированных микросоциумах условиями успешного решения проблемных задач становятся использование системного когнитивного мышления и анализа, создание способов управления общением, на основе разработки и проектирования соответствующих моделей групповой коммуникации, отражающей мир и процессы, протекающие в нем и создающие новые ментальные ценности.

Соответствующая дискурсивной онтологии современная интеракционная концепция коммуникации представляется процессом демонстрации и интерпретации смыслов в феноменологическом пространстве, принадлежащем множеству коммуникантов (КТ) [3], где язык выступает главным средством объективации мышления, косвенным способом познания [5]. Как «речь, погружённая в жизнь» (Н.Д. Арутюнова) дискурс обеспечивает ситуативное движение ин-

формации между КТ. Дискурс представляет собой комплексный групповой продукт, в значительной степени независимый от единичного индивидуума. В групповой коммуникации каждый член группы становится как субъектом, так и объектом коммуникации, попеременно превращаясь в адресанта и адресата. Хотя в различных типах дискурса [3] информационный компонент значителен, он не ограничивается задачами целевого характера и посредством запланированного воздействия предполагает управление собеседником, учитывающее интенции КТ и природу речевого общения, определяемую их взаимодействием. Целью статьи является рассмотрение когнитивно-категориальной базы элементов дискурса групповой коммуникации в аспекте совместимости с методами искусственного интеллекта (ИИ).

Дискурс как многоуровневое сочетание «потока речевого поведения» и области взаимодействия в речевом общении представляет комплексное коммуникативное событие [1], включающее кроме нарратива языковых актов - вербального изложения, противопоставляемые им экстралингвистические факторы, необходимые для актуализации неязыковых атрибутов концептов.

Лингвокогнитивные процессы моно- и межкультурной коммуникации, как необходимые инструменты профессионального и образовательного общения, в значительной степени индивидуальны, зависят от ситуативных условий, ментальных потенциалов и объемов индивидуальных концептосфер. КТ в качестве предмета производит речемыслительную (РМД) и экстралингвистическую деятельности, которые выступают в отношении дискурса как средства.

Важнейшей особенностью РМД является создание ментальных и вербальных продуктов, необходимых для других видов деятельности. В свою очередь дискурс как продукт РМД, приобретает обособленное существование в виде отдельного предмета и условия любых других социальных процессов или деятельности, причины изменений поведения КТ. РМД субъективна и представляет собой когнитивно-творческую деятельность субъекта, содержащую в качестве инструмента как материальные знаки языка, так и абстрактные аналоги единиц языка с правилами их употребления. Мышление осуществляется в словесно-логической форме и в наглядно-чувственных образах, поэтому акт общения содержит ментальную, речевую и экстралингвистическую составляющие. Таким образом, РМД не исчерпывает всего процесса общения и должна быть дополнена экстралин-

гвистической деятельностью - язык жестов, мимика, позы, возгласы, музыка и др., а в специальных системах общения - технологией взаимодействия с ИИ и семантикой искусственных языков.

В свою очередь, дискурс коммуникации приобретает существование в виде обособленного предмета и условия любых других социальных процессов или деятельностей, причины изменений поведения КТ. Рассмотрение дискурса в аспекте деятельности позволяет использовать в исследовании теорию речевых актов (РА) [4] и такие категории, как цель, субъект, способ, средство, инструмент, условия, результат, успешность. При этом подходе дискурс представлен РА, объединёнными в эпизоды - более крупные блоки РА, создающие основы взаимодействия КТ, связность дискурса и его адекватность на макроуровне. При этом РА как индивидуальные проявления языка используются в качестве модели «денотата сообщения», определяющей элементы ситуации и формы дискурса, а значениями РА являются семантические единицы, большие или меньшие предложения, РА содержит в себе, помимо грамматического описания, прагматику контекста и роли КТ, обусловленные социальными конвенциями и нормами. Речевые акты могут быть как локутивными, так и иллокутивными и представляют канал достижения перлокутивного результата, а их локуция и иллокуция - средство достижения такого результата.

С точки зрения теории РА движение информации в процессе дискурса осуществляется в значительной степени через обмен РА с присущей ситуации динамикой группового общения КТ. Дискурс является упорядоченным, если в процессе общения в каждый момент времени реализуется речевой акт только одного КТ. Это обстоятельство создает некоторую структуру динамики общения, находящуюся преобладающим образом в рамках РМД. Успех групповой коммуникации может быть связан с предварительной рационализацией и проектированием дискурса с использованием технологических инструментов и созданием в первую очередь определенной структуры продуцирования дискурса. В связи с этим необходимо категоризировать понятия элементов дискурса на основе теории РА в аспекте применения искусственного интеллекта.

Моделирование процессов конструирования дискурса не совпадает с моделированием процессов понимания (анализа) дискурса. Модели адресата и адресанта имеют ряд специфических особенно-

стей, обусловленных спецификой контактного или виртуального общения и неоднородностью КТ. В аспекте теории РА требуется уточнение определения когнитивно-коммуникативных форм элементов группового дискурса. Целесообразно доопределить и встроить традиционные категории речи в исследовательский категориальный аппарат группового дискурса, выделив их динамические квантативные стороны.

РА могут объединяться в элементы дискурса: единичный РА, монолог, разовый обмен РА, диалог, полилог. РА элементов дискурса разнесены во времени, образуют последовательности и не накладываются друг на друга. Монолог - последовательность РА адресанта (лекция, доклад, рассуждение, научные, художественные и другие вербальные произведения). РА адресанта направлены на реальных или виртуальных (в открытых коммуникационных сетях) коллективного или индивидуального адресатов: группу в целом, часть группы, некоторого члена группы. В ряде случаев монолог превращается во внутреннее проговаривание - мыслительный процесс (общение с самим собой, скрытый монолог). Монолог может быть непрерывным и прерывистым, чередующимся с отдельными ограниченными во времени РА других КТ.

Единичный обмен РА коммуникантов (вопрос - ответ, реплика – уточнение). Диалог – обмен многочисленными РА, чередующимися в паре КТ группы (спор, беседа, обсуждение) в устном или письменном виде. Оба партнера коммуникативного акта выступают в роли активных его субъектов, в той или иной мере сориентированных друг на друга. Симметричный диалог - ряд последовательных единичных обменов РА. Асимметричный диалог - обмен существенно неравными количествами РА противоположных КТ. Полилог - часть дискурса, состоящая из РА нескольких (многих) КТ группы. Речевой хаос - полилог с одновременно реализуемыми РА нескольких КТ, который формирует неупорядоченный последовательно групповой дискурс. Речевой хаос нарушает конвенциональный порядок обмена РА, создавая случайное поле РА (ситуацию «базара») с одновременным общением нескольких КТ. При этом осуществляется параллельная коммуникация с наложением друг на друга РА и актов экстралингвистической деятельности различных КТ.

Направленность общения между КТ формирует роли адресантов. В связи с этим различаются равномерный и направленный дис-

курсы, которые отличаются передачей некоторыми КТ группы соответственно равновеликих или существенно различных объемов информации и психических моментов. Элемент дискурса актуализируется до тех пор, пока адресант не инициирует остановку коммуникации.

Иллокутивные потенциалы различных типов реализуются распределениями РА. Изменение плотностей различных распределений соответствующих иллокутивных РА отражает текущую иллокутивную функцию цели. Адресанты могут усиливать действие иллокутивных актов посредством ряда РА. Неравномерные последовательности РА являются своеобразным средством навязывания своих оценок и реализации собственных интенций КТ. Инициатор РА повтором некоторых РА может побуждать адресатов к определённым действиям. Распределения во времени различных типов иллокутивных РА по объему дискурса способны усиливать степень интегрального воздействия на адресата использованием иллокуций по целенаправленности: описание, привлечение внимания, побуждение, обещание, заверение, вопросы. Иллокутивные РА со значением императивности могут обозначать в качестве исполнителей речевого действия конкретного КТ, часть или всю группу и склонять их к речевой деятельности (монологу) или совместной речемыслительной деятельности (диалогу).

Единство темы дискурса, устанавливается конвенционально потенциальными адресантами РА на начальной стадии разработки дискурса, когда устанавливаются предполагаемые глобальные структуры РА, репрезентирующие связную модель ситуации. Локальная связность осуществляется на уровне формирования РА конкретных КТ, требующем выявления поверхностных отношений РА в определенных элементах дискурса. В этих условиях происходит процесс выбора адекватной структуры дискурса с учетом интенций КТ.

Количество РА коммуникантов каждого элемента дискурса в каждой его части ограничено и изменяется в зависимости от тематики дискурса и его микротема. Каждому из КТ в зависимости от ситуации общения отводится определенное количество РА, имеющих различные длительности, что определяет активизацию РМД как процесса, направленного на достижение специфической мыслительной и речевой (речемыслительной) активности и эффективности коммуникации группы посредством оптимального структурирования потоков

РА дискурса на основе мотивированной цели, компетенции КТ и ситуации общения. В процессе групповых интеракций реализуются совпадающие и отличные друг от друга цели и мотивы КТ, которые могут быть представлены как сонаправленными, так и разносторонне направленными векторами. Успешная коммуникативная ситуация создается как конвенционально состоявшийся позитивный результат определенного группового дискурса.

В случае межкультурной коммуникации (МКК) в группе появляется дополнительный КТ - посредник, РА которого сопровождают РА каждого адресанта, насыщая их интерпретационными особенностями переводчика и увеличивая время общения. В зависимости от ситуации когнитивная деятельностная модель дискурса может трансформироваться в различные комбинации элементов. О степени индивидуальной активизации речемыслительной деятельности свидетельствует частота РА участников коммуникации, когда ввиду активизации РМД на основе сотрудничества у КТ формируется понимание ситуации и интенций друг друга, вследствие чего при сохранении содержательности дискурса снижаются его продолжительность, общие когнитивные усилия и суммарная лингвopsихологическая нагрузка речевой деятельности [2] группы. Структуры распределения РА различных типов связаны с репрезентацией конфигурации ментального представления в связанный деятельностный динамический образ дискурса - необходимое условие успешности коммуникации.

Таким образом, рассмотренные на основе теории речевых актов особенности когнитивно-коммуникационной категориальной модели группового дискурса обеспечивают посредством его соответствующего структурирования отражение коммуникативной ситуации группы. Анализ дискурса как особого вида деятельности позволяет, в частности, по-новому осмыслить особенности одной из его динамических сторон, что имеет определенную методологическую ценность в аспекте применения искусственного интеллекта в задачах моделирования дискурса.

Литература

1. Данюшина Ю.В. Коммуникативно-когнитивные аспекты моделирования дискурса. Вестник ЛГУ, №1, т. 5, филология. - Санкт-Петербург, 2010. - С. 111-117.
2. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. - М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. - 432 с.

3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. - С.5-20.
4. Макаров М.Л. Изучение структуры речевой коммуникации: от теории речевых актов к дискурс-анализу. Англистика. Anglistica. Тверь: ТвГУ, 1999. С. 75-87.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. - 280 с.

©Е.В. Котельникова, 2014

А.А. Кульева
БашГУ, Уфа, Россия

Дорожная карта как эффективное планирование занятия при обучении иностранному языку

Процесс обновлений и изменений в методике преподавания иностранных языков происходит постоянно. Появляющиеся в современном мире инновации затрагивают также области языкознания. Педагоги-методисты всегда стремятся найти более эффективные методы в обучении иностранным языкам.

В данной работе хотелось бы уделить особое внимание планированию практических занятий на иностранном языке. По мнению известного педагога-методиста Дж. Скривенера, ключевым моментом в преподавании является хорошая подготовка, установка и успешное выполнение задания на уроке [1, 41]. Преподаватель должен всегда заранее предвидеть ситуацию на уроке и учесть те трудности, которые могут возникнуть. Составление поурочных планов, разработка плана-сценария ряда практических занятий от начала, середины и до завершения процесса обучения имеет сходство с созданием дорожных карт. Можно сформулировать следующее определение: дорожная карта занятия – это пошаговый сценарий развития занятия с учетом особенностей, ошибок в процессе усвоения той или иной грамматической или лексической темы, а также прогнозирование результата овладения определенными навыками в ходе образовательного процесса.

Составление дорожной карты практического занятия позволяет выбрать оптимальные пути для эффективного овладения и совершенствования тех или иных навыков речевой деятельности. Для освоения определенной лексики составляется дорожная карта для которой подбираются определенные лексические единицы согласно теме занятия и выбираются подходящие упражнения для закрепления той или иной лексики, а затем рассматриваются сложные моменты, так называемые проблемы и риски, которые могут возникнуть в процессе усвоения.

Дорожная карта практических занятий графически может представлять собой схемы, таблицы или алгоритмы, отображающие важнейшие шаги и ожидаемые результаты этих этапов. К примеру, дорожная карта одного занятия может иметь от 3-х до 6-ти секций. Первые две секции могут включать подготовительные этапы. Здесь проходит подбор и ознакомление с необходимым материалом. Данный этап способствует появлению мотивации и интереса. Студентам может быть предложена картинка, фото, связанное с темой, или ряд слов для описания данной картинки. Далее, следующая секция включает в себя различные инструкции, правила. На данном этапе преподаватель организует студентов для выполнения определенных заданий, демонстрируя при этом примеры выполнения. Четвертая секция – это самый активный этап реализации определенной деятельности. Работа на данном этапе проходит в индивидуальной, парной или групповой форме под контролем преподавателя. Происходит практическое закрепление материала на основе упражнений, тестов, диалогов, ролевых игр, мозговых штурмов. Завершающая секция включает подведение итогов, анализ результатов и обсуждение эффективности данной работы.

В заключение следует отметить, что планирование и составление поурочных планов в форме дорожных карт – это процесс творческий и увлекательный, способствующий эффективному усвоению учебного материала и реализации поставленных образовательных целей. Создание хорошего поурочного плана – залог успешного и продуктивного занятия.

Литература

1. Jim Scrivener. Learning Teaching. Macmillan Books for teachers. - 2005.– 431p.

© А.А. Кулыева, 2014

Межкультурный диалог в творчестве Мустая Карима

Творчество известного классика башкирской литературы М.Карима отличается глубоким патриотическим пафосом, богатой афористичностью и философскими обобщениями. В его художественном мире гармонично сосуществует опыт двух великих культур – Востока и Запада. Дружеские контакты башкирского писателя с творческими деятелями других республик и стран отразились во многих его произведениях. Как отметил А.Хакимов, тема личной дружбы в поэзии М.Карима неразрывно связана с дружбой народов, с интернациональной темой [1].

Важную роль в творческой эволюции М.Карима сыграла русская культура. Он с глубоким уважением размышляет о русской интеллигенции, о ее роли в национальных культурах. «Моя Родина – Россия... Моя судьба связана с Россией, русской культурой, русским народом. Сегодня кое-кто забыл, что русский народ какую великую культуру миру дал» [2]. М.Карим назвал русский язык великим толмачом мыслей и страстей народов, сделавший поэзию нерусских поэтов достоянием всей страны [3, 157]. Значение русского языка для себя башкирский поэт определяет так: «Я пишу и думаю по-башкирски, но для меня русский язык существует как эталон. Поэтому, работая над словом, подсознательно проверяю себя по-русски. Точно ли ложится мое башкирское слово? Обращение к русской речи помогает мне глубже постичь тайны моего родного слова» [3, 241].

Русско-башкирский межкультурный диалог в творчестве М.Карима наблюдается не только в продолжении лучших традиций русских писателей, но и в успешной разработке различных тем и мотивов. Так, в стихотворении «Русская девочка» тема Великой Отечественной войны раскрывается в образе трогательной девчушки, встречающей на пепелище воинов-освободителей. Она представлена автором символом великой страны, ради которой сражается многонациональный отряд воинов. Ключевая мысль стихотворения заключена в строчках: «Была душой России та девчушка, / цветком, что никогда не отцветет» [4, 36].

На примере сборника «Цветы на камне» А.Парфенов утверждает, что по включенным в него стихам легко можно «обнаружить плодотворное влияние на М.Карима Пушкина и Лермонтова, патриотической взволнованности поэзии Маяковского и живой песенной интонации М.Исаковского» [5]. Неслучайно эпиграфом к своим стихам М.Карим часто подбирает строки из русской классики. Например, к стихотворению «Киев» предпосланы слова русского гения «Как тополь киевских высот...», а известные пушкинские строки «...чувства добрые я лирой пробуждал» предваряют стихотворение «Разговор со своей песней». Они служат камертоном ко всему произведению башкирского поэта.

Мустай Карим является наследником художественных традиций Л.Н.Толстого. Наиболее ощутим этот диалог в военной прозе Мустая Карима: правдивость в описании трагических событий и раскрытии психологии человека на войне, яркое изображение героического и возвышенного в самых будничных ситуациях, органическое переплетение великого и низменного, радости и горя. Книгой «Долгое-долгое детство» он продолжает традиции, берущие начало от автобиографической трилогии Толстого. Неслучайно в читательском восприятии первая картина повести, рисующая образ раненого солдата, лежащего на поле брани, и в бредовом сознании которого проносятся прошлые события из его мирной жизни, вызывает аллюзию на эпизод «встречи» А. Болконского с дубом из романа «Война и мир» Толстого.

В произведениях М.Карима отмечается плодотворное влияние русской поэзии XX века, в частности творчества К.Симонова, А.Твардовского, С.Есенина. Так, объектом сравнительного анализа многих литературоведов стали поэмы «Василий Теркин» и «Ульямсабай». А.Твардовский помог башкирскому писателю также в определении названия трагедии «Салават». Как вспоминает М.Карим: «Написав трагедию о башкирском национальном герое – поэте Салавате Юлаеве, я дал своему сочинению название «Плач поэта». Это название я оправдывал тем, что плачет не Салават, а современный поэт по Салавату. Александр Трифонович ...добавил: «Точнее название, чем «Салават», и не может быть для поэмы о нем. Ничто так верно и полно не скажет о Салавате, нежели его собственное имя...» [6].

Особое место в творчестве М.Карима занимает украинская тема. В стихотворении «Украине» поэт, сгущая по своей Башкирии, по

Уральским горам, в блиндажах и окопах, вырытых на украинской земле, создает образ родного края, который выковывает для победы оружие, и образ дорогой, окровавленной, опаленной войной Украины. «Меня послал Урал, чтоб ты утерла слезы, Катерина», – обращается поэт обобщенному образу украинского народа [4, 39]. Автор неслучайно обращается к Катерине, в имени которой угадывается героиня одноименной поэмы Т.Г.Шевченко. Украинская тема продолжается и в стихотворениях «Киев», «Песня невольницы». Поэт видел свет родной земли в любом уголке земли Украины, Белоруссии и т.д.

Интерес и уважение к жизни других народов присутствует в ряде циклов М.Карима. Так, цикл стихов о Вьетнаме построен на антитезах: на родине поэта – зима, а там – лето. Как объяснить вьетнамской девушке Суэн, что такое снег. Автор точными сравнениями описывает тонкую, как бамбук, стройную Суэнь. Однако было время, когда маленькие руки вьетнамской девушки «с ружьем от незваных пришельцев леса стерегли». Поэт снова обращается к людям: не допускать слез на планете, нужно всеми силами предотвратить войны и произвол [4, 207].

Стихи «Тукаю», «Хасану Туфану», «Нанайскому писателю Ходжеру», «Воспоминания о Ташкенте», «Из болгарской тетради», «Из кабардино-балкарской тетради» также полны дружеским теплом и интернациональным пафосом.

В драматургии М.Карима часты реминисценции, аллюзии, мотивы и из зарубежной классики. Шекспировские приемы и мотивы наблюдаются в его трагедии «В ночь лунного затмения». Для нее характерно такое же эмоциональное предощущение роковой развязки, которое присутствует в «Ромео и Джульетте» и «Макбете». В финале трагедии изгнание из племени молодых влюбленных напоминает судьбу степных Ромео и Джульетты. «Не бросай огонь, Прометей!», «Коня Диктатору!» также пронизаны общечеловеческими проблемами и идеями.

В творчестве М.Карима встречаются также дагестанские, осетинские, грузинские, узбекские мотивы и образы.

Межкультурный диалог в творчестве М.Карима осуществляется и на уровне переводов. Произведения башкирского поэта переведены на многие языки мира. Глубокая мудрость заключена в следующих словах М.Карима: «...если наша поэзия не будет понята дру-

гими и не будет приемлема для других народов, то разве не будет она терять свое значение и для моего народа?» [7].

Таким образом, в художественном наследии М.Карима представлен межкультурный диалог широкого плана: описано полиэтническое полотно многонациональной страны братских союзов, дается мирное сосуществование различных национально-культурных миров. В этом непреходящая актуальность и ценность творчества поэта-гражданина и патриота.

Литература

1. Хакимов А. Мустай Карим «Реки разговаривают» // Октябрь, 1964. №11. С.219.
2. Карим Мустай. «Горжусь своей судьбой...» // Ленинец. 1989. 21 октября.
3. Карим Мустай. Притча о трех братьях. М.: Современник, 1988. 366 с.
4. Карим М. Собрание сочинений в трех томах. Т.1. М.: Художественная литература, 1983. 558 с. (пер. с башк. яз.).
5. Парфенов А. Стихи Мустая Карима// Октябрь, 1950. №4. С.190.
6. Мустай Карим. Его присутствие// Валеев И. И. Мустай Карим: воин, поэт, гражданин. М., 2004. С. 474.
7. Карим Мустай. Богатство и заботы литературы // Вопросы литературы. 1974. №8. С. 166.

© И.Г. Кульсарина, 2014

Т.В. Куприна, Н.Ю. Невраева
УрФУ, Екатеринбург, Россия

Гипертекстуальные технологии при обучении иноязычной профессиональной коммуникации

Изменения, происходящие в образовании в настоящее время, требуют пересмотра учебных программ, их целей и содержания, что может привести к изменению дидактических стратегий. Для обеспечения продуктивного учебного процесса знания должны быть представлены в новом формате, не только с точки зрения субъектов образовательного процесса, но и в зависимости от потребностей социума, как на международном, так и на локальном уровне.

Одной из организационных структур учебных учреждений является группа обучаемых. Под группой Handy и Aitken (1986) понимают группу или команду талантов, которая обсуждает, что необхо-

димо сделать, а также ресурсы, применяемые к проекту, проблеме, задаче [3]. Следовательно, это ведет к делегированию принятия решений и планированию, каждое задание получает свою обработку. Подгруппы (внутри учебной группы) могут меняться, расформировываться и увеличиваться, уменьшаться в зависимости от смены задания. Именно эти данные полезны для понимания событий и разработки практических направлений в обучении.

Р.Сендж также указывает [2], что на примере одной маленькой команды можно наилучшим образом проанализировать практические аспекты деятельности обучающейся организации. В свою очередь, крупные организации (например, университеты – прим. авторов) могут состоять из множества маленьких команд, работающих согласованно для достижения общих целей и для реализации общего корпоративного видения. Таким образом, можно сказать, что студенческая группа может быть рассмотрена как обучающаяся организация.

Современным видом обучающейся организации является гипертекст-организация, которая состоит из трех различных контекстов. Во-первых, традиционное знание (традиционный контекст) может находиться в самой системе, например, предлагаемые готовые учебные материалы. Во-вторых, проектные команды дают другой контекст, позволяющий членам команды (группе студентов) рассматривать традиционное знание с другой точки зрения. В-третьих, сформированная двумя предыдущими слоями база знания (новый контекст), в которой оно хранится, оценивается с различных позиций и совершенствуется [Адаптировано авторами по И. Нонака, Х. Такеучи, 3, с.221].

Накопление, хранение, обработка и распространение информации в электронном виде принимает глобальный характер, меняя веками устоявшиеся формы общения, образования и научной деятельности человека.

Одной из важнейших проблем, связанных с функционированием электронных текстов, является проблема технологического преобразования письменной речи [4].

Ведется огромное количество споров о том, может ли смена носителя текстовой информации повлиять на изменения ее содержания. Можно ли совмещать традиционный текст и гипертекст.

Понятие гипертекста приобрело абсолютно четкие формы – это определенный вид письменной коммуникации, опосредованной ком-

пьютерной средой и характеризующейся процессом нелинейного чтения и письма, то есть смысловая цельность и формальная связность его основана на навигации по гиперссылкам [4].

Delano et al. (1994) отмечают, что инновация при изучении английского языка (и любого другого языка. – прим. авторов) как иностранного – это наполненное изменение, лежащее в основе философии обучения (изучения иностранного языка), привносимое прямым опытом, данными исследования и другими средствами, в результате которых происходит перестройка педагогического процесса таким образом, что новая программа улучшает процесс обучения языку [1].

Любая инновация необходима для успешного конечного результата определенного процесса. И здесь важны такие составляющие, как желание и возможности. Очень важно донести до студентов мотивационный аспект, с тем чтобы они принимали активное участие в самом процессе с целью увидеть итог данного мероприятия. При данной работе студентам была дана свобода выбора тематики, а также возможность принимать решения, вносить изменения, проявлять инициативу.

Такой род деятельности студентов немислим без грамотного управления со стороны преподавателя. Только он видит итог данного процесса, направляя студентов в нужное русло, подсказывая необходимые методики и учитывая специфику данного профессионального направления. Важно знать модели зарубежного обучения, но очень часто они не имеют ожидаемого успеха, так как необходимо учитывать социо-культурное наследие, следовательно, возникает необходимость создавать свою концепцию.

Несомненно, обучаемые нуждаются в поощрении опробовать на практике вводимые изменения и оценить предполагаемый результат. Этот аспект крайне важен, чтобы успешно принять нововведения или, как ни странно, признать их неэффективность. Такая оценка также помогает увеличить мотивацию обучаемых и изменяет поведение в аудитории.

Новый материал должен быть представлен таким образом, чтобы стимулировать когнитивные способности обучаемых и помочь им связывать принципы методологии с их собственными убеждениями, отношениями и витагенным (жизненным) опытом.

В данной деятельности роль преподавателя заключается не просто в процессе передачи определенных знаний, он представляет

собой лидера, который контролирует создаваемый процесс, помогает студентам самим на определенном этапе почувствовать себя навигаторами и заставляет студентов отойти от общепринятого стереотипного мышления.

Огромным плюсом является тот факт, что и преподаватель, и студенты открыты для обсуждения появляющихся различных точек зрения, допустимы культурные споры, диалоги, комментарии, аргументы в пользу того или иного аспекта. Очень важно, что преподаватель помогает увидеть глубину и новизну во внешне привычном (традиционном), совместно формулируя гипотезы и обобщения в данном контексте.

Итогом таких процессов являются ценные идеи и абсолютно новые мнения по данному вопросу, которые следует учитывать при составлении программы обучения. Таким образом, будущие специалисты активно участвуют в процессе принятия решения относительно процесса собственной учебной деятельности. Одновременно это и метод обучения принятия решений и ответственности за эти решения в целом, что необходимо для будущей профессиональной деятельности.

Учитывая вышеперечисленные положения, нами была составлена экспериментальная программа по созданию гипертекстовых профессионально-ориентированных материалов самими студентами.

Работа была предложена студентам третьего курса Института Радиоэлектроники и Информационных технологий Уральского федерального Университета (г. Екатеринбург, Россия). Внимание было уделено именно этой категории студентов, так как, с нашей точки зрения, они уже четко имеют представление обо всех как положительных, так и отрицательных нюансах имеющегося учебного материала. Студенты этого Института заслуживают особого внимания и дополнительного, более тщательного подхода к процессу обучения со стороны преподавательского состава, так как обладают углубленными профессионально-ориентированными знаниями.

Все дисциплины в предлагаемом им процессе связаны с инновационными информационными технологиями, которые претерпевают изменения практически каждый день. Преподаватель, который работает с данной группой студентов, должен быть всегда в курсе инновационных процессов, что не всегда просто. Изначально данная группа студентов обладает более глубокими информационными зна-

ниями в указанной области. Многие из них осуществляют профессиональную деятельность параллельно с учебным процессом.

Следует отметить и тот факт, что данные группы студентов не нуждаются в дополнительной мотивации, так как имеют четкое понимание, для чего нужна такая дисциплина, как «Иностранный язык», и как она непосредственно связана с их профессиональной деятельностью.

Проанализировав учебный материал, который традиционно предлагался студентам, мы пришли к выводу, что он содержит мало профессионально-ориентированного материала. Однако нам хотелось бы предложить такой комплекс материалов, который соответствовал бы как профессиональным, так и личностным интересам студентов. В результате студентам был предложен проект по подбору и составлению разделов нового учебно-методического пособия для радиотехнических специальностей. Студенты должны были сами выбрать тему раздела, подобрать грамматический, лексический, аудиовизуальный материал.

В результате группами было подобрано несколько разделов с соответствующими направлениями. Структурно учебное пособие было составлено по опыту разработки учебных пособий для делового английского языка.

Надо заметить, что студенты сами сформировали подгруппы, которые работали над определенными частями раздела. И каждый студент занимался только одним направлением. Таким образом, работа шла в условиях гипертекст-организации.

Студентами были разработаны следующие темы: “Social Networking”, “Cyber-Bulling”, “Modern Technologies”, “Facebooking” и др. Таким образом, были выявлены темы, которые актуальны, а, главное, представляют живой интерес для самих студентов.

Каждый раздел состоит из следующих обязательных блоков:

1. Starting up – введение в тему раздела в виде разминки;
2. Vocabulary – содержит как нормативные, так и «сленговые» понятия с их лексическим значением;
3. Listening – диалоги и задания к ним;
4. Reading – текст и задания к нему;
5. Grammar – один из грамматических аспектов с мини теорией и заданиями;
6. Case study – решение проблемы по теме раздела.

В любой теме можно найти как положительные, так и отрицательные моменты. Нас удивил тот факт, что одна из групп карди-

нально изменила тематику текста в процессе составления раздела, так как проанализировав выбранный материал, задумалась над восприятием материала разными людьми с различной психологической установкой. Тема “Cyber-Bulling”, которую выбрала данная группа, не была представлена в ранее изданных учебных пособиях.

Грамматические аспекты также были выбраны и проанализированы студентами. Таким образом, мы получили информацию о материале, который определяется как трудный самими обучаемыми. Интерес вызвали следующие сегменты: страдательный залог, времена группы Progressive, степени сравнения прилагательных. Мы считаем это закономерным явлением, так как подобных аспектов либо нет в родном, русском языке, либо они отличаются по форме образования и подвержены влиянию интерференции со стороны родного языка.

Таким образом, с нашей точки зрения, данный совместный проект можно считать успешным, так как конечный результат оправдал наши ожидания и поставленные нами задачи. Были выявлены актуальные темы, определены трудности при подаче различных лингвистических аспектов

Литература

1. Kennedy Ch., Doyle P., Goh Ch. Exploring Change in English Teaching / Ch. Kennedy, P. Doyle, Ch. Goh. – Oxford, UK: Macmillan Publishers Limited, 1999 – 120 p.
2. Куприна Т.В. Развитие межкультурной коммуникативной компетентности студентов-менеджеров при изучении иностранного языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Екатеринбург, 2006. – 220с.
3. Петрикова А., Куприна Т., Галло Я. Введение в дидактику русского языка и межкультурную коммуникацию / А.Петрикова, Т.Куприна, Я.Галло. – Прешов (Словакия): Философский факультет, 2013.–365с.
4. Рязанцева Т. Теория и практика работы с гипертекстом. Москва, 2008. Издательский центр «Академия». – 203с.

© Т.В.Куприна, Н.Ю. Невраева, 2014

Проблемы адаптации учебной миграции в условиях новой межкультурной среды

Начиная со второй половины XX в., массовая миграция населения стала одним из характерных явлений жизни мирового сообщества. Однако интенсивность, направленность и состав миграционных потоков, их социальные, экономические и демографические последствия, существенно различаются в странах с разными общественными условиями и структурой населения.

В отечественной литературе насчитывается около 40 определений понятия миграция, но из всего многообразия формулировок выделяется определение, сформулированное Л.Л. Рыбаковским в 1987 г., которое довольно прочно устоялось не только в научной, но и в учебной литературе. Он представляет миграцию как любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности [2, 26].

Миграция населения — это не только простое механическое передвижение людей, но и сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-экономической и культурной жизни целых народов. Территориальные перемещения способствуют изменению социально-психологических характеристик людей, расширению их кругозора, накоплению знаний о различных областях жизни, развитию личности, ее материальных, социальных и духовных потребностей, интеграции национальных культур. Более подвижное население, как правило, является и социально более активным [2, 27].

Сегодня имеются описания подходов к пониманию миграции в рамках отдельных наук. Так, например, А.И. Кузьмин выделяет 7 основных подходов к изучению миграции — демографический, социологический, исторический, юридический, психологический, философский и экономический. Каждый из указанных подходов может в той или иной мере влиять на решение проблем различных видов миграции, в том числе и учебной.

Учебная миграция понимается как миграционный поток, обусловленный получением высшего образования. Расширенный формат такого потока — образовательная миграция, включает в себя не только студентов (магистров, бакалавров, специалистов), но и аспирантов, докторантов, слушателей подготовительных курсов, т.е. является миграционным потоком, обусловленным получением образования в широком смысле этого слова [3, 8].

Однако в связи с нарастающей демографической диспропорцией в России уже в 2011 г. подведомственные вузы Министерства образования и науки РФ недобрали первокурсников даже на бюджетные места, и в дальнейшем ситуация не разрешится сама собой. В 2013 г. в систему высшего профобразования пришла лишь половина численности абитуриентов 2003 г. [3, 8].

Одним из вариантов смягчения проблем в области учебной миграции должно стать развитие российских образовательных услуг и создание условий для активизации учебной миграции в Россию. Делать это целесообразно, учитывая российскую демографическую реальность и демографическую динамику как государств постсоветского пространства, так и дальнего зарубежья. Например, на сегодняшний день в Уральском федеральном университете обучается 329 студентов из 38 стран дальнего зарубежья. Больше всего студентов из Китая (138 человек), Вьетнама (31) и Гвинеи (21).

В то же время привлечение обучаемых из других стран требует жизни в новых межкультурных условиях, которые могут вызывать кросскультурный шок и возможное отторжение образовательной среды в частности, и нового социум в целом.

Соответственно, учебная миграция требует адаптации иностранных студентов к новым условиям другого государства, знакомства с культурой и традициями принимающей страны, возможностями и требованиями, связанными с предоставлением образовательных услуг.

Особый интерес вызывает недостаточная разработанность указанной тематики, адаптационных практик и фасилитации студентов-иностранцев в новых кросскультурных условиях. Сильными аргументами актуальности данного исследования выступают нерешенные проблемы и их периодическое обострение.

Попытки решения проблем предпринимаются в рамках различных подходов. Так, например, психологический подход акцентирует

мотивационную природу миграции, делая упор на исследовании групповых и индивидуальных мотивов, определяющих миграционное поведение субъекта. В последние годы все большее распространение получают исследования, в которых миграция рассматривается как способ удовлетворения ряда социальных потребностей, в числе которых немаловажная роль отводится потребностям в самоутверждении [1].

Социологический подход основное внимание уделяет проблемам, связанным с адаптацией мигрантов к новому социальному, культурному, этническому окружению. Демографический подход изучает миграцию с точки зрения воспроизводства и сохранения человеческих популяций, их численности, половозрастной структуры и т.д., акцентируя внимание на проблемах демографической безопасности народов. Юридический подход необходим для определения правового статуса разных категорий мигрантов; рассматривает нормы международного и внутригосударственного права и направлен на разработку правовых норм, регулирующих основные права мигрантов, защиты интересы различных сторон [1].

Однако отсутствие единого подхода к трактовке основных понятий, характеризующих миграционные процессы и их участников, в том числе и учебной миграции, создает необходимость комплексного рассмотрения различных теорий и выявления наиболее значимых из них в рамках поставленных задач предстоящего исследования. В свою очередь, разработка теоретических положений может стать основой для создания коррекционных программ и курсов, способствующих адаптации студентов-иностранцев в условиях новой межкультурной среды.

Литература

1. Кузьмин, А. И. Курс лекций «Основы демографии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: humanities.edu/db/msg/47066.
2. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – М.: Наука, 1987. – 199 с.
3. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / Под ред. К.А.Гаврилова, Е.Б.Яценко. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2012 г. – 210с.

© Т.В. Куприна, Л.В. Сергеева, 2014

Внутренняя форма концепта *воля*

Концепт – ментальное образование в сознании индивида, которое отражает знания человека об объектах действительности и реализуется в языке, содержит ценностную информацию, фиксирует коллективный опыт, культурно специфично.

Концепт состоит из нескольких слоев: активного и пассивного. Подобное структурирование концепта связано с особенностями его исторического развития, в процессе которого происходит приобретение или утрата его некоторых элементов. По мере обогащения концепта новыми смыслами происходит его трансформация, при которой менее актуальные его признаки уходят «внутрь» концепта или обретают пассивную форму. Внутренняя форма концепта это та его базовая часть, на которую происходит нарастание новых признаков, и поэтому осознаваема носителями языка.

Внутренняя форма концепта отражена в древней лексике, которая отражена в различных текстах и словарях. Реконструкция этимологических данных позволяет расширить круг признаков исследуемого концепта и выявить сущности, стоящие за ним. Обращение к историческому слою концепта позволяет выявить и исследовать его более ранние взаимодействия, моделировать содержание и структуру концепта и даже концептосферы в прошлом. Обращение к глубинному уровню, ядру концепта, помогает выявить не только культурные, но и ментальные инварианты. В этом смысле слово «концепт» соотносится с лат. *conceptum* – зародыш, зерно. Первоначальный, «буквальный» смысл глубоко укоренён в менталитете, где формируются концепты и константы, пронизывающие и определяющие материальную и духовную культуру.

Анализ лексем, обозначающих концепт *воля* в древней картине мира: укр. *во́ля*, др.-русс. *воля*, болг. *во́ля*, сербохорв. *во́ља*, словен. *vólja*, чеш. *vůle*, слов. *vol'a*, польск. *wola*, др.-польск. *wolá*, в.-луж. *wola*, англ. *willian*, арабск. корень *хўр*, показал духовный аспект с одной стороны, физический – с другой.

Концепт *воля* обозначал того, кто обладает силой, первоначально это были небесные объекты, созвездия, имеющие образы дракона, змеи, кита: *vlieger* (гол.) «дракон»; *ilan* (айзерб.) «змея»; *yilan*

(крымск.) «змея»; *yılan* (турецк.) «змея»; *whale* (англ.) «кит»; *walvis* (голанд.) «кит»; *wal* (нем.) «кит»; *hval* (норвежск.) «кит»; *valas* (финск.); *val* (шведск.) «кит». В русском языке корень – *вол* также встречается в обозначении созвездий: *волопас* («северное созвездие»), *волосожары* (южное «созвездие Плеяд»).

Далее концепт *воля* обозначает: 1) богов: **Volsъ, Baal, Balu*; 2) магических существ: русск. *вѣлхвѣ*, ст.-слав. *вѣлхвѣ* (μάγος), болг. *вѣлхѡ* м. "волшебник", словен. *vôthva, vôthvica* "гадалка", эст. *võlu* "ведьма", русск. *волосатка* «домовой женского пола»; 3) лица, уполномоченные властью: тох. *wäl* – «князь, государь», др.-кимр. *gualart* "глава, повелитель"; гот. *waldan* "править"; 4) животных, обладающих физической силой: укр. *віл*, *вола́*, др.-русс. *воль*, ст.-слав. *воль* βούς, болг. *вол*, сербохорв. *во*, род. словен. *vôl*, род. п. *vóla*, чеш. *vůl*, словц. *vôl*, польск. *wół*, в.-луж. *woł*, н.-луж. *woł*. с нем. *Bulle* "бык, вол". *volik* "скот", связанным с тюрк. *ulaу* "вьючное или ездовое животное" с коми *völ* "вол", удм. *val* "лошадь", мар. *Bülö* "кобыла".

Воля обозначает тех, кто имеет силу, власть: лтш. *vaļa* "сила, власть", др.-ирл. *flaith* "господство", лат. *valeo, -ēre* "быть в силах, сильным", которая позволяет: 1) управлять: укр. *веліти*, др.-русс., ст.-слав. *велѣти, велѣхъ βούλεσθαι, θέλειν, κελεύειν, λέγειν*, болг., макед. *вѣла* "говорю", сербохорв. диал. *вѣљу*, словен. *veléti*, чеш. *veleti; воля, довлѣть*, гот. *waldan* "править"; 2) имеет свободу выбора: д.-в.-н. *wala* (ж. р.) "выбор", авест. *vāra-* "воля, отбор", др.-инд. *vṛṇāti (vṛṇītē)* "выбирает себе, предпочитает", авест. *vərəntē* "он выбирает себе", 3) может действовать по собственному желанию: нов.-в.-н. *Wahl* — то же, *wollen* "хотеть", др.-инд. *váras* "желание, лит. *vėlti, pavelti* "хотеть, позволять", *pavelt* "он хочет", *pavelmi* "я хочу", др.-сакс. *williu* "я хочу", лат. *volo, volt, vult, velle* "хотеть", *váras* м., ср. р. "желание", греч. *ἔλδωρ* "желание", *ἔλδομαι* "желаю". *Воля* также включает и другие компоненты: кимр. *guell* "лучше", лит. *viltis* ж. "надежда", *viliūos* "надеюсь".

Концепт *воля* обозначает физический аспект, пространственные параметры. Например, *воля* восходит к обозначению размера: в русском языке слово *волот* (от «волость» – могута, сила) обозначало людей большого роста – «гигант, великан, могучан, богатырь». В тюркском языке корень «олуг» (затем «волуг» > «велик») также имеет значение «большой». Концепт *воля* вбирает в себя значение «протяжённости в пространстве», например в русском языке *волость* обо-

значало «область, край, часть земли; удел княжеский». В тюркском языке «вали» имело главы «вилаята», существительное *вилаять* обозначало крупную территориальную единицу, область, страну, государство. *Воля* также обозначала то, что «тянется», в пространстве: *волочить*, *волочиться* за, (волокти, волочь), которое перешло в форме «vil-k-ti» «тянуть», соотносится с животным «вол», которое «тянет» груз. Отсюда слова *волокно волокита*, *волокнистый*, *волосень*, (лат. *vellus* – «шерсть; шерстяная пряжа; ткань»).

Территориальное значение концепта *воля* переходит в значение «собственности»: диал., укр. *володіти*, др.-русс. *володѣти*, прич. наст. вр. *володы*, ст.-слав. *владѣти*, болг. *владѣя*, сербохорв. *vládatи*, словен. (v)ládati, чеш. *vlásti*, *vladu*, польск. *włodać*, *władać*; *pavildėti* "владеть" (Даукша); родственно лит. *valdyti*, *valdaĩ* "править, владеть", далее «наследования»: *veldėti* "наследовать", др.-прусск. *walduns*, *weldūns* "наследник", *weldīsnan* "наследство", др.-лит. *pavilsti* "унаследовать", лтш. *vāldīt*. Получается, что человек, который имеет власть, владеет территорией.

Концепт *воля* имел значение «сила духа», которое является инвариантным признаком. Вокруг центрального значения концепта группируются понятия: «власть», «господство», «править», «велеть», «позволять», «сила», «быть в силах», «желания», «хотение», «выбор», «отбор». С другой стороны, *воля* обозначает физические характеристики – «это то, что имеет широкое пространство, и высокий рост»: «гигант», «великан», «богатырь», «область», «часть земли»; «удел княжеский», «шерсть», «пряжа», «волокно», «тянуть», «волочиться за кем-либо», «владеть», «наследовать», «наследник».

В целом, концепт *воля* обозначает «дух», который влияет. На первоначальном этапе *волей* обладают божества, в силу своей непостижимости, непредсказуемости, неконтролируемости. Затем *волей* наделяются магические существа, из-за способности влиять на окружающий мир и сознание людей. Затем мы наблюдаем, что обозначение *воли* переходит на физические аспекты, *волей* начинают обладать люди и животные. Человек имеет власть, с одной стороны, потому что большой, а значит сильный, с другой стороны, т.к. главный на определенной территории. Концепт воли переносится на обозначение животных в силу их большого размера, физической силы, а значит выносливости.

Концепт *воля* уходит своими корнями в мифологическое мышление, где человек часть Бога, зависим от «общего», не имеет собственной *воли*. Концепт *воля* содержит в себе образ-схемы, как результат целостного мифологического мышления, которые модифицировались от конкретного к абстрактному. Архаичная схема «центр/периферия» переходит в значение «управлять определенной территорией», затем общественные отношения: «управлять определенной группой, сообществом, государством». Образ/схема лежит в основе значения «иметь силу на своей территории», т.е. быть свободным, переходит в значение обозначающее качество человека «независимость»; другое значение «владеть своей территорией» абстрагируется до обозначения «собственность», т.е. законное право на тот или иной объект.

Таким образом, концепт *воля* первоначально обозначает тех, кто имеет силу, сначала – это необъяснимые явления: небесные тела, божества, затем существа, обладающие физической силой: бык, вол. С течением времени концепт *воля* эволюционирует до обозначения субъектов, обладающих властью, затем внутреннюю силу индивида.

Литература

1. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. - М., 2003 - С. 5–12.
2. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1. С. 6-18.
3. Фасмер М. этимологический словарь русского языка. Том IV: Т – Я.: Прогресс, 1987. – 864 с.
4. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозер- Пиня, 1994. – 400 с.

© Ю.А. Латыпова, 2014

Ю.А. Латыпова, З.Р. Ишкуватова
БашГУ, Уфа, Россия

Понятийная составляющая концепта “мечта” в разноструктурных языках (на материале английского и башкирского языков)

В этой статье я буду рассматривать концепт мечты в английском и башкирском языках. Для этого сначала рассмотрим

определения слова концепт в разных словарях. Концепт (от лат. *Conceptus* — понятие) — содержание понятия, то же, что и смысл [1]; содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения [2]; содержание некоего понятия [3].

Концепт – сложное явление, в нем всегда есть составляющие, которыми он и определяется. Следовательно, в нем имеется шифр. Концепт — это множественность, хотя не всякая множественность концептуальна. Всякий концепт является как минимум двойственным, тройственным и т.д. Не существует также и концепта, который имел бы сразу все составляющие, ибо то был бы просто-напросто хаос.

В данной статье анализируется понятийная составляющая концепта мечта в английском и башкирском языках. В современном языке в семантической структуре многозначной лексемы “мечта” представлен смысловой компонент “желанное, приятное, притягательное для человека”. Если говорят, что человек мечтает о чем-либо, видит что-либо в мечтах, то это означает, что он, по крайней мере, не возражает, чтобы мечты осуществились, а возможно, и предпринимает определенные шаги для их реализации. Мечтать можно о чем-то хорошем, воображая и желая, чтобы мечты стали явью. В современном языке мечта может обозначать какое-то конкретное желание, которое человек способен четко сформулировать.

В форме множественного числа лексема мечты приобретает некоторую смысловую диффузность и отвлеченность. При этом лексемы мечты и мечтания нередко употребляются как синонимы. Ср.: Римма привыкла и почти не слушала, думая о своем, предаваясь своим неторопливым мечтаниям... Вдруг наваливалась мечтательная дремота, дивные сновидения наяву, виделись розовые и голубые туманы, белые паруса, слышался гул океана, далекий и манящий, как тот ровный гул, что исходил из огромной раковины, украшавшей сервант. Римма открывала глаза и смотрела, улыбаясь, сквозь табачный дым и мечты на гостей (Толстая. Огонь и пыль).

В толковых словарях английского языка лексико-семантическое представление концепта «dream» включает в себя несколько доминирующих групп, вербализирующих данный концепт. Выделяют пять основных компонентов. Представим их в иерархическом порядке. Компоненты: 1) картины, представляемые во

время сна; 2) ощущение ирреальности, фантазии подобные сну во время бодрствования; 3) представления; 4) сильное желание, стремление; 5) что-либо великолепное. Встретились единичные компоненты, такие как: «что-либо, удовлетворяющее желание», «надежда» и «лучшее, что можно представить».

Проанализировав все лексические представления концепта «хыял» в башкирских толковых словарях, были выявлены ядерные, околядерные и периферийные группы репрезентантов. Ядерными являются значения: «представление, размышление о будущем», «что-либо несуществующее в реальности, вымышленное человеком, бессмысленные фантазии». Околядерные репрезенты - «сильное желание, стремление», «процесс представления различных образов». Периферийными являются значения «призрак, привидение, фантом», «воспоминания, душевные переживания».

В ходе сравнения английских и башкирских репрезентантов концепта «dream / хыял» в толковых словарях, их ядерных, околядерных и периферийных участков было выявлено, что общими понятийными признаками двух языков являются признаки: «представление», «фантазия», «сильное желание, стремление». Лексикографический анализ показывает, что концептуальные признаки изучаемого концепта пересекаются, но имеются оттенки значений, свойственные только одному из языков. Отличительными признаками английского языка являются признаки: «картина во время быстрого сна», «что-либо прекрасное». Приоритетное положение словарной дефиниции «картины, явления во время сна» объясняется тем, что в английском языке для обозначения сна (последовательность образов, формируемых в фазе быстрого сна) используется слово dream, тогда как в башкирском языке для обозначения этого явления существует отдельная лексема “төш”. Отличительными признаками башкирского языка являются такие репрезенты, как «фантом», «призрак», «душевные переживания».

Околядерными признаками, свойственными только башкирскому языку, являются признаки: 1. Светлая, святая мечта - «якты теләктәр теләүенде һорайым». 2. Осуществившаяся мечта, оправданные надежды - «Кабул булды теләктәр! Өрнеү бөттө, бәхет килде». 3. Сладостная, неуловимая мечта - «Татлы хыялдарым аша әллә кайза - сит донъяға». 4. Уподобление мечты любви - «Мөхәббәт - якты бер нур ул!»

Помимо частотных, в башкирской литературе представлено большое количество единичных репрезентов, отличающихся своей необычностью и интересной природой. Это такие репрезенты как: 1) «избавление от мечты, мечта, как отягощающий фактор - хыялдарындан арын йә күнелендә йәшереп тот!», 2) «безнадежность мечты - яктыһыз, юлһыз, бәхетһеҙ», 3) «мечта - всеобщая вера в будущее, жизнеутверждающий характер мечты - теләктәребез кабул булһын», 4) «мечта - сильное чувство, буруевающее сердце и душу - һин - һаман һин; күкрәгендә мәңге шул ялкындарың, мәңге шул хистәр, теләктәр», 5) «мечта как конкретный план на будущее- был фекер - ысын уй», 6) «присвоение мечте божественного статуса- Эй хыялым рабыһы! Мең кат риза, мең кат риза».

Понятийные признаки, выявленные с помощью анализа толковых словарей, отличаются заметной схожестью в английском и башкирском языках. Главным отличием был компонент «мечта как сон» в английском языке. В башкирском языке присутствуют особенные понятийные признаки «мечта - призрак», «мечта - душевное переживание». Присутствие таких признаков говорит об индивидуальном восприятии мечты башкирской нацией, мечта ассоциируется не только с чем-либо прекрасным, возвышенным, но и с потусторонними устрашающими силами.

Другой отличительный признак - «мечта - душевное переживание» говорит о том, что мечта может обозначать как приятные, радостные эмоции, так и тягостные размышления, терзания души. Наличие разнообразия в понятийных признаках в башкирском языке указывает на то, что башкирская нация обладает широким кругом представлений, богатством словарного запаса, необычностью, оригинальностью в восприятии различных явлений внешнего мира. Лексем, представляющих концепт «dream / хыял», в английских произведениях намного больше, нежели в башкирских.

После сравнения отличительных признаков в двух языках, мы наглядно видим, что в башкирском языке представлена вся палитра эмоциональных, душевных оттенков в выражении концепта мечта. Такое разнообразие признаков концепта мечта в башкирском языке доказывает отсутствие однолинейности в способах выражения концепта мечта.

Незначительные различия в способах репрезентации концепта «dream/хыял» в английском и башкирском языках, присутствие в

каждом языке своих индивидуальных репрезентов, свойственных только данному языку, является естественным процессом и доказывает, что два разных языка, в особенности неродственных по своей структуре, всегда будут отличаться в способах выражения концептов. Этому способствует множество различных факторов, таких как национально-культурные традиции, религиозные, нравственные убеждения и, в целом, видение мира, иными словами национальная картина мира.

Литература

1. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике - М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. - 384 с.
2. Философский энциклопедический словарь. - М.: ИНФР-Н, 2004.-576 с.
3. Шапарь В.Б. Шапарь О.В. Рассоха О.В. Новейший психологический словарь. - Ростов н/Д.: Феникс, 2005. - 808 с.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. - Person Education Limited, 1995. - 1668 p.
5. Баш7орт телене8 316леге. Ике томда. – М., 1993. – 860 б.

© Ю.А. Латыпова, З.Р. Ишкуватова, 2014

Ю.А. Латыпова, Л.Г. Куватова
БашГУ, Уфа, Россия

Средства выражения концепта «чужой» в политической прессе Британии

В современном научном пространстве разных стран ведутся многочисленные дискуссии по проблемам межкультурного общения, и в частности, проблемам восприятия и реализации образа «чужого», «другого».

В данной статье мы остановимся на описании частотности использования лингвистических средств, используемых авторами британских СМИ для создания образа «чужого» в политическом дискурсе. Рассмотрим средства создания образа «чужого», исходя из классификации тропов по И.Р. Гальперину. Авторы британских СМИ используют эпитеты, метафоры, сравнения, антитезы и графические средства, гиперболы и фоностилистические средства, метонимию, умолчание, олицетворение, перифраз. Результаты анализа демонстрируют, что метафора, эпитет, сравнение и антитеза используются

чаще других средств для создания отрицательного образа политической партии.

Приведем некоторые примеры использования упомянутых выше средств. *The Conservatives recovery was long delayed by the party's parliamentary selection policy, as the Thatcherite cavalry arrived on the backbenches just as the leadership was being carried off over the hill* (The Times, February, 2010). В данном примере используется ряд метафор, эпитетов и неологизм "*Thatcherite*", для описания положения дел в партии Консерваторов. Автор называет процессы, протекающие внутри партии с помощью приема не прямой номинации предметов. Употребление метафор и эпитетов в данном примере способствует созданию образов в сознании читателя и имеет воздействующую силу. *A crucial battleground for political parties wrestling for the keys to Number 10 will be online* (The Daily Telegraph, February, 2010). Автор сравнивает предвыборную гонку с борьбой, называет процесс полем боя. Экстралингвистические факторы, а именно, война на территории Ирака, оказывают влияние на язык сообщений СМИ. Метафоры на тему войны употребляются авторами чаще метафор на другие темы. Приведем еще один пример использования метафоры войны в политическом контексте. *Labour also came under fire from civil service union leaders, who accused ministers of launching a "bidding war" on who could cut the most, warning that public services would suffer* (The Daily Mail, December, 2009).

Рассмотрим синтаксические средства создания образа «чужого» в прессе. Вслед за Е.А. Горло, будем придерживаться классификации, по которой, синтаксические средства воздействия делятся на фигуры прибавления, фигуры убавления, фигуры перестановки и сложные речевые фигуры. Результаты анализа данных средств показали, что создатели текстов СМИ используют фигуры перестановки, сложные синтаксические фигуры, фигуры прибавления и фигуры убавления.

Проведем анализ средств создания образа «чужого» в зависимости от их модальной характеристики. Для этого воспользуемся классификацией Т.Г. Ришилье. Исследователь выделяет императивные конструкции (они содержат глагол в повелительном наклонении, аналитический глагол *let*, эмфатические императивные высказывания с глаголом *do*) и неимперативные по форме, но обладающие побудительной семантикой конструкции (конструкции с модальными глаго-

лами, оптативные предложения, имеющие прямую направленность на адресата и безглагольные побудительные конструкции). Кроме того, в данную классификацию мы включим раздел, связанный с косвенными речевыми актами или имплицитной информацией. Авторы статей используют для создания образа «чужого» модальные глаголы, оптативные предложения и глаголы в форме повелительного наклонения.

Рассмотрим особенности стиля языка газетных сообщений, которые помогают автору сформировать образ «чужого» и воздействовать на читателя. Результаты исследования показали использование следующих средств: эмоциональная, оценочная, экспрессивная лексика, числительные, разговорный стиль, притяжательные местоимения, оценочные высказывания автора, неологизмы и слова французского происхождения, лексика на библейскую тематику. *A heartless, exploitative Tory, a left-wing grunt, a desperate move from the Labour party, all political parties have their dirty washing but in the final months before a general election it is best to keep it tucked safely away in the laundry.* Эти примеры иллюстрируют отрицательное отношение автора и, соответственно, британского читателя к представителям политических партий и политики в целом. Использование большого числа оценочных высказываний автора, экспрессивной лексики свидетельствуют о степени недоверия среднестатистического британца к представителям политических партий.

Приведем примеры использования данных средств для создания образа «чужого» в комплексе. *Labour...creating a system that enforces what is politically convenient, not what is military right. Most worryingly, this systemic failure continues to prevent us from learning from our mistakes, condemning us to repeat them, as we are doing in Afghanistan* (The Daily Mail, December, 2009). В данном примере используется ряд стилистических, синтаксических, стилеобразующих средств для создания образа «чужого» в политике. В начале фразы автор употребляет графическое средство (многоточие), антитезу, что заставляет читателя задуматься над сложившейся в партии Лейбористов ситуации. Кроме того, политически «чужого» Лейбориста формируют такие средства, как инверсия (фигура перестановки), повтор (фигура прибавления), эмоционально-оценочная лексика, использование местоимений. *The emptiness... the silence...Why am I thinking of Ed Miliband and Labour?* (The Times, December, 2010). В данном при-

мере воздействующий эффект достигается с помощью графического средства (многоточие), умолчания, эллипсиса (фигура убавления). Более того, автор передает информацию читателю имплицитно, использует риторический вопрос. *Mr Brown said: "The Tories don't even know what their policy is for 2010 on spending on anything" (The Daily Telegraph, February, 2010). How much does it cost to win a vote? £1.54 if it's for the Tories (The Independence, December, 2010).* Данные примеры являются иллюстрацией использования имплицитного способа передачи информации, негативное отношение к партии Тори формируется бессознательно. Кроме того, автор использует цитату, эллиптические конструкции, риторический вопрос, числительные для усиления воздействующего эффекта при формировании образа «чужого».

Общеизвестно, что СМИ называют четвертой властью. Влияние статей на взгляды и поведение людей очевидно. Именно поэтому авторы материалов используют различные виды средств для создания образа «чужого» в политике, особенно в периоды изменений в обществе и во время проведения массовых социально-политических акций.

Литература

1. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://enative.narod.ru/theory/manuals.htm>.
2. Кишина, Е. В. Смысловая модель категоризации «свое – чужое» на уровне политического дискурса/ Е. В. Кишина // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Филология». – 2009. – № 1 (5). – С. 47–52.
3. Ришилье, Т. Г. Основные способы речевого воздействия в педагогическом дискурсе / Т. Г. Ришелье // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, «Языкознание». – 2010. – № 1 (11). – С. 145–150.
4. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 386 с.

© Ю.А. Латыпова, Л.Г. Куватова, 2014

Некоторые аспекты анализа языковой личности автора художественного текста в связи с переводческой проблематикой (на примере романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»)

Языковая личность автора художественного текста напрямую связана с языковой картиной мира, которая проявляется в текстах, создаваемых личностью и являющих собой результат взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными целями, мотивами, установками [4, 53]. Важно также, что художественный текст – это цельный, неделимый, нечленимый феномен. В своем произведении автор, по сути, создает образы «реальных», «живых» людей и воссоздает ситуации реального, живого общения, в котором участвуют некие коммуниканты: автор и реципиент. Хотя художественный текст имитирует действительность, законы порождения и восприятия «реального текста сохраняются; отличие заключается лишь в степени обработанности текста» [6, 68]. По нашему мнению, именно эта самая «обработанность» в известной степени доказывает то, что художественный текст представляет собой приемлемый материал для исследования языковой личности, поскольку последняя – это отражение не обыденной, но интеллектуальной ипостаси личности реально-го человека.

В данной статье для описания языковой личности автора художественного текста мы обратились к теории концепта, потому что именно в рамках концепта можно исследовать большой фактический материал, а также потому, что концепт соединяет в себе рациональное и образное начала, а значит, он лучше всего подходит для описания языка произведений Оскара Уайльда – яркого представителя эстетизма.

Мы убеждены, что одним из специфичных для концептосферы языковой личности О. Уайльда является концепт *Beauty* (*Красота*). Для нас важно то, с помощью каких языковых средств в оригинале раскрывается личность автора и то, каким образом они переданы в переводном тексте. В качестве источника фактического материала выбран роман названного автора «Портрет Дориана Грея» (*The Picture of Dorian Gray*, 1891). В работе применен метод сплошной вы-

борки: выделены единицы, которые являются языковыми репрезентантами концепта *Beauty* (*Красота*).

Репрезентанты концепта *Beauty* (*Красота*), который является чрезвычайно значимым для языковой личности Уайльда, поскольку, как было сказано выше, он считается основателем эстетизма, проанализированы нами с точки зрения адекватности перевода. Для большей наглядности будет показано то, как рассматриваемые репрезентанты реализуются в контексте.

Поскольку перед нами стоит задача проанализировать важнейшие составляющие языковой личности автора художественного произведения, необходимо обратиться к проблемам оценочной семантики, ведь именно «в оценочных значениях отражаются результаты не только рационального, но и чувственного, эмпирического познания мира». Оценка окрашивает мир в свои тона, придавая определенные модальности изображаемому [5, 24, 46].

Рассмотрим то, на чем основывается оценка, и то, как она образуется – с помощью каких языковых средств выражается. В связи с переводческой проблематикой чрезвычайно важным также является вопрос о классификации оценочных значений.

Что касается средств выражения оценки, то основным из них является имя прилагательное, в частности качественное прилагательное [5, 75]. Важную роль в оценке играют также наречия, которые в значительной степени прагматичны, их обычно относят к операторам, а не к предикатам. Для оценочных наречий характерна крайне ограниченная сфера употребления, так как они имеют ограниченную сочетаемость. Глаголы, как правило, выражают субъективную (эмоционально-экспрессивную) оценку, например: *сверлить* (*перен.*), *сболтнуть* и т.п. [5, 76].

В связи с тем, что в художественном тексте оценочные средства языка играют особую роль, поскольку в нем происходит намеренная, целенаправленная актуализация «личностности», «субъективности» смысла [6, 123], создание его адекватного перевода напрямую зависит от того, правильно ли переводчик квалифицировал оценочное значение исходной единицы; в противном случае может быть потерян или искажен элемент смысла. В частности, проблема классификации оценочных значений напрямую связана с употреблением переводческих трансформаций на уровне лексики: конкретизацией и генерализацией. В связи с этим обратимся к описанию концептуаль-

ных различий оценочных значений. Вслед за Л. А. Сергеевой описание будет проведено по двум направлениям: интерпретационной и репрезентативной линиям концептуальных различий оценок. Так, в рамках первого направления выделяют положительную и отрицательную оценки. Спорным остается вопрос об оценке, которая связана с безразличным отношением человека к объекту (нулевая, нейтральная или нормативная оценка), поскольку в языковом сознании соответствие норме качеств оценивается положительно [5, 104]. В данном случае следует говорить о шкале оценки: зона положительных и отрицательных оценок находится по разные стороны от некой исходной точки на оценочной шкале. При этом в пределах положительной зоны преобладают эмоционально-субъективные оценки, в то время как отрицательные оценки чаще являются оценками «от объекта», поскольку в них обычно содержатся указания на свойства оцениваемого объекта [3, 20].

Относительно второй линии концептуальных различий между оценочными значениями можно сказать, что она связана с разграничением общих и частных оценок. Так, общая оценка «хороший / плохой» представляет собой концепт: уже обозначает не только ‘более плохо’, но и ‘менее хорошо’ [5, 106]. Концепт общей оценки представлен в языке общеоценочными прилагательными и наречиями (*хороший, плохой, отрицательный* и т.п.), а также их синонимами и фразеологизмами. Примечательно, что общая оценка имеет разные основания, например: морально-этическую норму (*хороший человек*), социальный стандарт (*хорошие дома*), интересы и вкусы индивида (*хорошая книга*). Что касается частной оценки, то она отражает какой-либо элемент оценочной структуры – мотив оценки (*приятно – неприятно, полезно-вредно* и т.п.) или свойства объекта (*сквалыга, бессовестный* и т.п.) [5, 107].

Таким образом, создание адекватного перевода невозможно без тщательного анализа следующих разноплановых, но, несомненно, обнаруживающих в данном случае тесную взаимосвязь, феноменов:

- 1) языковой личности автора художественного текста, основных концептосфер, заложенных в основу данной языковой личности, а также репрезентантов этих концептосфер;
- 2) оценочных значений данных репрезентантов;
- 3) трансформационного перевода, без которого, очевидно, невозможно создать перевод вообще.

Обратимся к непосредственному анализу оригинала и перевода романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (The Picture of Dorian Gray, 1891).

1. *Those who find ugly meanings in beautiful things are corrupt without being charming* – Те, кто в прекрасном находит дурное, – люди испорченные, и притом испорченность не делает их привлекательными (пер. А. Абкиной).

Ugly meanings – дурное (пер. А. Абкиной). Эпитет *ugly*, который в содержательном плане является антонимом лексемы *beauty*, репрезентирующей соответствующий концепт, но используется автором для описания понятия ‘Beauty’, преобразован в существительное *дурное*. Обратившись к «Большому современному англо-русскому, русско-английскому словарю», обнаруживаем, что прилагательное *ugly* может быть переведено как *безобразный, уродливый, отталкивающий, неприятный* [2, 380]. Как видим, *ugly* – прилагательное эстетической оценки, а существительное *дурное* – общей, таким образом, при переводе происходит расширение семантического объема слова, переводчик применяет генерализацию. Мы убеждены, что в данном случае уместнее было бы выбрать переводческий эквивалент из представленного в словаре ряда (*безобразный*), поскольку он точнее бы отразил то значение, которое вложил автор в слово *ugly*. Следует учесть, что при этом изменилась бы вся структура предложения на языке оригинала.

Burden of a beauty so flamelike as theirs – *тяжесть этого сверкающего великолетия* (пер. А. Абкиной). В данном случае автор, во-первых, использовал метафору для описания куста ракитника *burden of a beauty*, во-вторых – эпитет *flamelike*. И словосочетание, представляющее собой метафору, и прилагательное, выступающее в качестве эпитета, переведены путем подбора эквивалентов. В подтверждение этому отметим, что прилагательное *flamelike* – яркий пример того, что мы, вслед за Л. А. Сергеевой, называем свойством-способностью, – переведено посредством русского прилагательного *сверкающий*, имеющего ту же природу.

He looks absolutely delightful – он очарователен (пер. А. Абкиной).

Absolutely delightful – очарователен. Эпитет *delightful* переведен посредством эквивалента, однако, обращает на себя внимание то, что переводчик опускает наречие *absolutely* – это опущение вполне

уместно, поскольку не искажает смысл оригинала и авторский замысел, но дословный перевод (например, *совершенно очарователен*) тоже был бы адекватным.

Exquisite joys and exquisite sorrows – *необычайные радости и столь же изощренные мучения* (пер. А. Абкиной). В данном случае интересно то, что один эпитет, сочетающийся с противоположными по значению существительными, переведен посредством разных, но близких по значению прилагательных. Думается, что прилагательное эстетической оценки *необычайные* не совсем уместно в данном контексте, поскольку оно означает не то, что хотел сказать автор оригинала. Возможно, именно повторное употребление прилагательного эстетической оценки *изощренные* позволило повысить степень тождественности перевода оригиналу.

She is a peacock in everything but beauty. – *Она – настоящий павлин, только без его красоты* (пер. А. Абкиной). Перед нами сравнение, которое при переводе поддается трансформированию, – при этом неизбежно утрачивается своеобразие авторского стиля, однако перевод является адекватным.

2. *Women have no appreciation of good looks; at least, good women have not.* – *Женщины – во всяком случае, добродетельные женщины, не ценят красоту* (пер. А. Абкиной).

Оригинальное словосочетание *appreciation of good looks* при переводе было преобразовано: изменилась его структура. Что касается семантики исходной единицы, то ее удалось сохранить. Так, существительное *appreciation* было трансформировано в глагол. В англо-русском словаре В. К. Мюллера находим: *appreciation* – 1. оценка; 2. высокая оценка; 3. понимание; *she has an appreciation of art* она (хорошо) понимает искусство 4. признательность; 5. определение, различение; 6. благоприятный отзыв; положительная рецензия; 7. повышение ценности; вздорожание [1, 25]; *good looking* – красивый, интересный; приятный (о внешности). Таким образом, семантический объем исходной единицы равнозначен семантическому объему перевода.

Обращает на себя внимание то, что английское прилагательное общей оценки *good (women)* переведено с помощью прилагательного частной оценки *добродетельный*: происходит конкретизация – сужение семантического объема исходной единицы. Данное преобразование обусловлено несовпадением семантики сопоставляемых языков,

оно удачно, поскольку благодаря его использованию сохраняется авторский замысел.

One of the loveliest creatures – одна из прелестнейших девушек.

Прилагательное общей оценки *lovely* (*lovely* – 1. Beautiful, attractive; pleasant [7, 370]) переведено посредством прилагательного частной оценки *прелестный* [1, 1089], [2, 232]. Таким образом, происходит сужение семантического объема оригинальной единицы (конкретизация). Однако представленный вариант перевода можно считать адекватным, поскольку сохранены оригинальный смысл и стиль. То же явление (конкретизация) наблюдаем и в связи с переводом существительного *creature*. В «Англо-русском словаре» В. К. Мюллера среди прочих оно имеет значение ‘создание’ [1, 451]. Думается, что в данном случае дословный перевод (*прелестное создание*) также был бы адекватным.

Таким образом мы сделали попытку сопоставить единицы оригинала и соответствующие им единицы перевода, которые репрезентируют концепт *Beauty* (*Красота*) – часть концептосферы языковой личности Оскара Уайльда в романе «Портрет Дориана Грея». Представим некоторые результаты.

Так, концептосфера писателя в романе представлена большим количеством так называемых оценочных слов-способностей – прилагательных, например: *terrible, clear, vivid, cruel, unromantic, charming beautiful*, глаголов (*to adore, to admire*), наречий и существительных (*beauty*). Следует отметить, что в значении большинства слов заложена именно частная оценка. Вопрос о типе оценки напрямую связан с проблемой адекватности перевода. Переводчик зачастую применяет конкретизацию или генерализацию, например: *ugly meanings* – дурное (*ugly* – прилагательное эстетической оценки, а существительное *дурное* – общей; таким образом, при переводе происходит расширение семантического объема слова).

Автор оригинального произведения очень часто использует различные литературные приемы (эпитеты, сравнения, метонимии и т.д.), например: *This young Adonis* (*этот молодой Адонис*); *burden of a beauty so flamelike as theirs* (*тяжесть этого сверкающего великолепия*); *she is a peacock in everything but beauty* – она – настоящий павлин, только без его красоты и др.

Интересно то, что сущность красоты и искусства зачастую раскрываются писателем с помощью совместного использования слов с

противоположным значением, например: *exquisite joys and exquisite sorrows* – *необычайные радости и столь же изощренные мучения*; *ugly, beautiful* – *уродливый, красивый*, а *a romance of art / unromantic* – *романтичный/прозаичен*.

В целом следует сказать, что перед нами адекватный, творчески преобразованный перевод, выполненный на высоком уровне.

Литература

1. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. М.: Русский язык, 1995; Электронная версия: «Палек», 1998. – 2106 с. URL: <http://www.alleng.ru/d/engl/engl150.htm>
2. Большой современный англо-русский, русско-английский словарь \ под ред. Т.А. Сиротиной. М.: ООО «Удача», 2007. – 688 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. – 228 с.
4. Маслова В. А. Homo Lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
5. Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики. М.: Издательство МГОУ, 2003. – 138 с.
6. Сергеева Л. А., Хисамова Г. Г., Шаймиев В. А., Яковлева Е. А. Антропосфера дискурса. Уфа: Гилем, 2009. – 249 с.
7. Oxford Student's Dictionary of Current English / A.S. Hornby, C. Ruse; Под рук. A.S. Hornby. Oxford, 1983. – 769 p.

© Р.Р. Лукманова, 2014

А.П. Майоров, О.А. Майорова
БГМУ, Уфа, Россия

Интеграция когнитивных ресурсов языка на институциональном и личностном уровнях как условие формирования концептуальной компетенции

В настоящее время в области высшего образования приоритетной является задача приведения его в соответствие с современными тенденциями развития общества в условиях глобализационных процессов.

Ряд инновационных решений в этой сфере выдвигается в рамках когнитивной науки, формирование которой происходит на наших глазах. В центре внимания нового научного направления стоят проблемы обучения, интеллекта, восприятия, сознания, представления и приобретения знаний, а также специфики языка не только как сред-

ства коммуникации, но и познания, конструирования реальности и формирования мозговых механизмов сложных форм поведения. На Шестой конференции по когнитивной науке (Калининград, 2014 г.) подчеркивалась необходимость использования языка как когнитивной системы, для чего нужна серьезная конвергенция лингвистов и представителей «методологически более зрелых наук» (напр., когнитивная психология») [4, 18].

В статье рассматривается необходимость интеграции ресурсов институционального и личностного уровней как условие формирования концептуальной компетенции на основе освоения когнитивной сути языка.

Изменение подходов к научному познанию мира неизбежно приводит к пересмотру сложившихся форм и средств обучения, значительная часть которых вошла в противоречие с содержанием и требованиями меняющейся парадигмы образования. Во многих работах справедливой критике подвергается т. н. «массовая модель» обучения, основными параметрами которой являются классно-урочная система, книжно-фронтальный подход, жесткая регламентация учебного процесса, игнорирование индивидуальных способностей, творческих потенций и личностных интересов обучаемых.

Применительно к предмету рассмотрения в настоящей статье мы считаем целесообразным использование понятий «глобальное образовательное пространство» (в масштабах мира), «локальное образовательное пространство» (в масштабах одной страны), «специальное образовательное пространство» (профессионально ориентированное образовательное пространство, в рамках которого осуществляется подготовка к конкретной профессиональной деятельности, например, подготовка педагогических кадров), «специализированное образовательное пространство» (например, обучение иностранным языкам). Соотношение названных понятий может быть охарактеризовано как соотношение общего и частного.

Таким образом, фундаментальным концептом нашего подхода является «пространство», содержание которого не ограничивается признаком локальности, а дополняется параметром континуальности. Впервые на это обратил внимание М. Кастельс, который ввел понятие «пространство потоков» [3]. Приведенный тезис имеет важное методологическое значение, поскольку он позволяет сформулировать гипотезу о континуальности (открытости и непрерывности) любого

образовательного пространства, которое в условиях «информационного взрыва» приобретает черты хаотичности, а потому нуждается в упорядочивании (структурировании). В особенности это касается специализированных учебных пространств, в которых осуществляется профессионально ориентированное обучение.

Пространство как условие обучения рассматривается в работах отечественных и зарубежных авторов. Эта идея начинает активно разрабатываться в педагогике и методике преподавания. Так, Р. И. Тихонова считает обязательным, чтобы содержание учебных пособий по преподаванию языков не было абстрактным, а осознавалось бы «как общественное явление, локализованное в пространстве и времени» [5].

Представление о линейном, однонаправленном формировании специально выделенных умений и навыков в области языка и речевой деятельности, осуществляемое в логике определенной методической программы, начинает уступать место идее объемности учебного пространства, проникает в сферу институционального образовательного пространства. Акцент делается при этом на необходимости учета совокупности закрепленных на государственном уровне условий обучения. Сам по себе факт институализации преподавания иностранных языков, в принципе, следует рассматривать как прогрессивное явление последних лет. Институализация происходит всегда в случае, если общество стремится гарантировать определенные функции иностранного языка на длительное время. Подчеркнем, однако, что рассматриваемый подход не объединен сквозной методологической идеей, а является, скорее, попыткой более строгого учета традиционных параметров на фоне развития альтернативных технологий обучения. Понимаемая весьма широко идея институализации вряд ли может считаться адекватной для объединения столь разнородных факторов. В то же время институализация, если ее понимать как объективацию социальных паттернов и механизмов устойчивого воспроизводства определенных практик, диспозиций и социальных ситуаций, приближает нас к трактовке социального образовательного пространства как концепта.

Социокультурные и образовательные структуры, куда на правах самостоятельного компонента входит и язык, осмысливаются как пространство, которое позволяет сохранять, воспроизводить и развивать, в частности, языковую (полилингвальную) идентификацию.

Ключевым концептом нашего сообщения выступает когнитивное обучающее пространство, необходимость введения которого диктуется рядом накопившихся противоречий между объемом поступающей информации и неразвитостью средств презентации; между традиционным пониманием языка как семиотической системы и способами существования объекта «язык» в различных «превращенных формах» в социальном пространстве-времени; между традиционными статусами обучаемого (объектность) и обучающего (субъектность) и меняющимися условиями коммуникационного пространства.

Обобщая новые подходы, мы выделяем два основных направления в интерпретации специализированного обучающего пространства: инфраструктурное и парадигмальное. Инфраструктурное направление чаще всего связывается с компьютеризацией учебного процесса как следствием глобальной социо-технической революции, реализующейся путем внедрения новых информационных технологий во всех сферах общественной жизни.

Важное значение для достижения нового качества профессионального образования придается компьютерным технологиям. В сфере образования стали активно использоваться такие понятия, как среда обучения, база данных, гипертекстовая среда, рабочее место учащегося, системы мультимедиа, компьютерные средства связи, электронная почта, учебные и научные видеоконференции и др.

Исследователи отмечают, что рассматриваемое направление сосредоточивает внимание на частных задачах, тогда как вопросы теоретического и практического порядка требуют комплексного решения.

Признается также целесообразность объединения инновационных технологий по организации информационной среды с традиционными методами обучения. В обучении иностранным языкам внимание должно концентрироваться не на очередном усовершенствовании содержания и приемов преподавания, а на замене традиционных принципов отбора и представления программного материала системой адекватного структурирования учебного пространства, ориентированного на формирование основ «(квази)научно-теоретического мышления».

В целом же следует констатировать, что инфраструктурное направление представлено многочисленными работами, рассматривающими элементы насыщения когнитивного обучающего простран-

ства технологическими и содержательными атрибутами современности, направленными на совершенствование традиционных приемов обучения. Парадигмальное направление связано с изменением парадигмы образования вообще и обучения иностранным языкам, в частности, а также разработкой понятия языкового (вербального) пространства. Оно представлено значительным количеством работ, в которых учебное пространство предстает как фрагмент конструируемого «социокультурного образовательного пространства».

Теоретической основой парадигмального учебного пространства является концепция социального конструктивизма, согласно которому социальное пространство конструируется, формируется людьми, т. е. действительность не может существовать вне человеческой перцептивности и когнитивности, отдельно от них. В этом смысле говорят о виртуальном, семиотическом, ментальном, семантическом, логическом и т. д. пространствах. Применительно к процессу обучения (в том числе и иностранным языкам) социальный конструктивизм находит свое выражение во множестве концепций, среди которых можно отметить: «виртуально-тренинговую систему» (ВТС), или модульное обучение (разработана в США в 60-е годы XX века). Центральный компонент этой методологии – «модуль обучения», включающий в себя законченный блок информации и целевую программу действий и методического руководства; концепцию «содержательно-обобщения» («метод проектов»), согласно которой каждое понятие (или ключевые понятия) изучаемой дисциплины должно быть возвращено таким образом, чтобы можно было уловить «всеобщую, единую форму какого-либо многообразия частных явлений, выяснить происхождение того или иного содержания понятий» [2].

Формирование обучающего пространства осуществляется не столько за счет трансляции определенных знаний от учителя к ученику (традиционный подход), сколько за счет структурирования информации в пространстве и времени. Оно включает в себя методы развития навыков сотрудничества и интерактивного общения в коллективе, сочетание индивидуальной самостоятельной работы с групповыми занятиями, обсуждение дискуссионных вопросов, внедрение исследовательских и поисковых приемов, создание обучаемыми конечного продукта их собственной творческой деятельности (т. н. «распаковывание знаний»).

Указанное разграничение в значительной мере является условным, так как между означенными подходами существует множество взаимопереходов, взаимосвязей, но оно позволяет, на наш взгляд, более четко изложить защищаемую нами гипотезу.

Институциональное обучающее пространство способствует выявлению и продуктивному использованию когнитивных ресурсов естественного языка с целью развития не только общей и коммуникативной компетенций (*general competence, communicative language competence*) [7], но и в формировании когнитивных навыков, которые мы обозначаем как *концептуальную компетенцию* (по аналогии со сформировавшимся терминологическим полем *языковая компетенция, коммуникативная компетенция, культурная компетенция* и т. д.).

Как отмечают основоположники нейролингвистического программирования (НЛП) Р. Бэндлер и Дж.Гриндер, магия удивительных чудотворений характерна для всех сложных форм человеческой деятельности «вроде живописи, сочинения музыки или запуска ракеты с человеком на борту на Луну и **обладает структурой** (выделено нами. – А. М.)» [1, 32], в основе которой, в частности, лежат определенные правила использования языка. Заслуживает внимания точка зрения упомянутых авторов относительно того, что приписывать «магические» способности только интуиции, таланту, гениальности значит налагать ограничения на собственные возможности, развитие и использование которых может изменить собственную жизнь и наполнить ее полноценным содержанием [Ibid.]. Современная теоретическая, экспериментальная и прикладная психология, науки когнитивного цикла, в том числе и когнитивная лингвистика, стремятся расшифровать речевое (языковое) поведение в рамках экспликации понятий «речевая деятельность», «языковое сознание», «вербальное поведение» и др.

Ученые обратили внимание на то обстоятельство, что наряду с освоением практических навыков владения языком как средством общения носители конкретного языка становятся обладателями неких интуитивных правил поведения, навязываемых языком. Ни один учебник или словарь, ни одна грамматика не содержит таких правил, и человек даже не подозревает, как сильно он подчинен им в своей речевой деятельности. Однако эти правила можно «извлечь» и сформулировать определенным образом, как это представлено, например,

в «Кодексе речевого поведения» Т.В. Шмелевой [6, 1]. Автор выделяет три возможных пути овладения такими правилами: обращение к специальным текстам, где обсуждается речевая деятельность; извлечение таких правил из фольклорных текстов; исследование семантической организации предложения. Акцент делается при этом на третьем пути с опорой на разграничение Ш. Балли *диктума* (объективная информация о мире) и *модуса* (субъективная информация): «Итак, третий путь «извлечения» правил речевого поведения – обратиться к скрытым элементам модуса, вернее, к тем случаям, когда эти невыражаемые смыслы эксплицируются. Преимущества этого пути – в том, что он позволяет сформулировать не только правила речевого поведения, но и определенные инструкции, касающиеся того, как вести себя, если их нарушать» [6, 2].

Итак, обобщая проанализированные концепции, мы определяем когнитивные ресурсы институционального обучающего пространства не просто как совокупность возможностей общего локального образовательного пространства, а как когнитивный потенциал сознательно формируемого и структурируемого социального пространства мест и потоков (по Кастельсу), включающего в себя институциональную территорию (класс, аудитория, учебное помещение, школа, вуз и т. д.), субъектов (индивидуальных, коллективных и институциональных) пространства, языка (языков) как социоструктурной реальности, интерактивную деятельность, комплекса традиционных (учебники, учебные пособия и пр.), а также современных медийных и гипермедийных средств обучения и презентации учебной информации.

Такой подход дает представление об учебном заведении как системе, задавая вектор обучения компетентностного характера, учитывающий интеграцию факторов, условий, связей, взаимодействий и процессов, распределенных в образовательной структуре, а также активность познающей личности.

Литература

1. Бэндлер Ричард. Большая энциклопедия НЛП. Структура магии. / Ричард Бэндлер, Джон Гриндер. – Москва: АСТ, 2014. – 435 с. – (Психология. Высший курс).
2. Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении: логико-психологические проблемы построения учебных предметов. – М.: Педагогическое общество России. – 2000. – 480 с.

3. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Перевод с англ. Под ред. проф. О. И. Шкаратана. – М.: ГУВШЭ. – 2000. – 608 с.
4. Кибрик А.А. Язык интересен, или лингвистика среди наук когнитивного спектра / А. А. Кибрик // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. – Калининград, 2014. – С. 18-19.
5. Тихонова Р. И. Научно-методические основы изучения исторических лингвистических дисциплин в вузе: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – Уфа, 2002. – 45 с.
6. Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения [Электронный ресурс] // URL: <http://www.novsu.ru/file/1026916> (13. 10. 2014).
7. Council of Europe. Современные языки: изучение, преподавание, оценка // Общоевропейские компетенции владения иностранным языком. – Страсбург. - 1996.

© А.П. Майоров, О.А. Майорова, 2014

А.А. Малов
ПНИПУ, Пермь, Россия

О неопределенности понятия «эмоция» в свете проблемы межъязыковой трансляции эмотивных смыслов

В последние годы в лингвистике проявляется повышенный интерес к личности самого говорящего и изучению языка как средства межличностной коммуникации [3]. Как известно, перевод является неотъемлемой частью процесса коммуникации представителей различных культур и использует язык именно как инструмент коммуникации, способ «закодировать» информацию, необходимую для передачи. Проблемам перевода посвящено бесчисленное множество работ различного рода - от философских рассуждений о природе перевода и его целях до весьма конкретных советов и пособий, объясняющих некоторые практические аспекты данного процесса. Пожалуй, одним из самых сложных вопросов остается оценка эквивалентности перевода и способов ее достижения. Эти два вопроса непосредственно связаны друг с другом, ведь чтобы искать способы достижения эквивалентности, необходимо сначала установить ее рамки. У большинства слов имеется весьма четкое словарное значение, и при передаче фактической информации участники языковой ситуации стараются

подбирать слова с необходимым значением, и успешность перевода зависит в первую очередь от словарного запаса и общей компетенции переводчика. Немного иная ситуация складывается при работе с текстами, имеющими эмоциональную окраску. В них слова часто используются не в словарном, а переносном значении, применяются метафоры, аллюзии, аналогии, окказионализмы. Все это сильно затрудняет работу переводчика, особенно при устном переводе [6, 7]. Задача усложняется вдвое, ведь «трудности перевода» при эмоциональном общении возникают и у носителей одного языка. Переводчику приходится сначала вычлениить и распознать эмоциональный компонент на исходном языке, интерпретировать его смысл, а потом на переводящем языке подобрать не столько перевод фразы, сколько новый способ передать те же эмоции, но средствами другого языка. В связи с этим мы считаем, что данный аспект перевода недостаточно изучен, и необходимо глубокое исследование с целью создания некой системы эквивалентных способов выражения эмоций на английском и русском языках для последующего его использования, к примеру, при обучении устных переводчиков. Мы обратились к теме лингвистики эмоций, или эмотиологии (термин В.И. Шаховского). Оказалось, что данный вопрос уже активно изучается в лингвистике. Как отмечает Виктор И. Шаховский, своеобразное «одобрение» изучение эмоций в рамках лингвистики получило в 1987 году в Берлине на Международном конгрессе лингвистов после доклада Ф. Данеша об эмоциональном аспекте языка. [12, 13]. Это дало толчок к развитию лингвистики эмоций в будущем.

На данный момент существует множество лингвистических работ, посвященных проблеме эмоций, однако при изучении литературы были обнаружены различные нестыковки в терминологии и взглядах различных исследователей на данную проблему [2, 3, 4, 7, 10, 11, 12, 13]. Как отмечает сам В.И. Шаховский, в связи с обилием теоретических подходов и разнообразием методов работы с эмотивным материалом напрашивается вывод о том, что ни одна из существующих концепций не является исчерпывающей, а работы разных ученых, представляющих различные отрасли науки о человеке, отражают разное видение проблемы. И все же, как замечает В.К. Вилюнас, «формулируемые в них положения при всей внешней несхожести иногда оказываются больше взаимодополняющими, чем противоречащими» (Вилюнас, 1984: 5)» [11]. Для выделения превалирую-

щего в эмотиологии мнения о природе эмоций, было принято решение исследовать литературную базу по проблеме эмотиологии.

Нами был проанализирован список источников по предмету эмотиологии, представленный в письменной справке, составленной справочно-библиографическим отделом научной библиотеки Донецкого национального университета. Справка состоит из 277 названий книг, авторефератов и полных диссертаций, статей из периодических и продолжающихся изданий на русском, украинском и других языках за период 1987-2011 гг. [14]. Стоит отметить, что около 10 работ имеют в названии термины «когнитивный», «ментальный», «психологический», опубликованы в сборниках по психологии и когнитивной лингвистике, то есть являются междисциплинарными исследованиями. Среди них можно выделить работы Левковича А. В., Кобриной Н.А., Романова Д.А., Щибри О.Ю., Сосниной Ю.А. и, конечно, Шаховского В.И. В них обосновывается сама идея эмотиологии, даются некоторые определения, представлены результаты экспериментов, подтверждающие фундаментальные тезисы эмотиологии о тесной взаимосвязи языка и эмоций. Подавляющее же большинство текстов, судя по названию и аннотациям, касаются вопросов семантики, фразеологии, дискурса, специальных случаев использования эмотивной лексики (тексты в СМИ, интернете, худ. литературе и т. д.) и ее прагматики и находятся в сборниках по лингвистике, языкознанию и межкультурной коммуникации. Они посвящены, скорее, применению концепций и подходов эмотиологии к анализу языков и конкретных текстов, но не развитию самих концепций и подходов эмотиологии. При этом многие работы опираются на работы других лингвистов при определении понятия «эмоция» или «эмоциональность», которые до сих пор являются объектами активного изучения психологии и нейропсихологии. К примеру, в одной из своих работ Е.В. Бирюкова отмечает: «В последние десятилетия проблема репрезентации эмоций в языке и речи привлекает все большее внимание исследователей. Существует множество определений термина «эмоция». В.И. Шаховский пишет, что «эмоции - одна из форм отражения мира, отношения, в которых они находятся к человеку, т. е. не свойства предметов и явлений, а их значение для жизни человека. Эмоции являются способом оценки этого значения для конкретного человека и через нее - информацией о состоянии внутреннего "я", его сознания и психики. Эмоции есть только там, где есть интерес и отношение» [6, с. 24-25].

В. И. Жельвис считает, что эмоции - это такой способ отношения человека к окружающему миру и к себе самому, который выражается в виде непосредственного переживания [2, с. 8]. В. И. Болотов считает, что эмоции - это психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта [1, с. 11].» [2, с.60]. Как мы видим, в данном фрагменте представлены 3 различных взгляда на эмоции, но все - принадлежащие лингвистам. Во многих работах определение понятия «эмоция» вообще отсутствует, а присутствуют, скорее, замечания о некоторых свойствах эмоций или интерпретация их роли с точки зрения лингвистики. Например, М.С. Медведева в своей работе «Истоки и перспективы развития лингвистики эмоций (эмотиологии) в современном научном мире» пишет:

«Посредством эмоций человек получает специфический видовой опыт, который закрепляется в сознании, мышлении и языке, вербально обозначающем объекты мира, явления, ситуации и их эмоциональные оценки. Слова становятся их заместителями в сознании человека и так же переживаются человеком, значимы для него и могут быть носителями этих переживаний, как и те объекты, ситуации, явления, которые словами замещаются» и «...человек является активным отражающим субъектом (объективной реальности), его язык – средством отражения, а эмоции человека – формой отражения оценочного отношения человека к миру, т.е. формой семантической интерпретации.» (Истоки и перспективы развития лингвистики эмоций (эмотиологии) в современном научном мире, Медведева М.С.). Данные утверждения, бесспорно, имеют обоснование как суждения в области лингвистики, однако самому понятию «эмоция», как и другим некоторым другим (сознание, мышление, отражение), в работах, к сожалению, не дано четкого определения. При этом следует помнить, что указанные термины оригинально принадлежат сфере психологии, а не лингвистики. Нам кажется логичным, что и их трактовка, на которой основываются размышления и выводы исследователей, должна быть взята из психологических наук.

Одним из редких исключений, когда, проводя эмотиологический анализ, текста автор упоминает конкретную психологическую теорию эмоций, является статья Л.Е. Антоновой и И.Г. Николькой. В ней, рассуждая о схожести языковых способов выражения эмоций

стыда и сомнения, высказывается предположение об их общих психофизиологических истоках. Приводится цитата В.И. Шаховского, который говорит, что «предельное число эмоций не установлено ни в психологии, ни в физиологии, поэтому число и разновидность эмоциональных значений (коннотаций) также не определены», упоминается теория «базовых эмоций» К. Изарда. Отмечается, что данная теория «может во многом объяснить те трудности, с которыми сталкивается филолог, занимающийся проблемами эмотиологии» [1]. В данной статье предпринята попытка объяснить феномен, проявляющийся в языке (сходство в выражении двух эмоций), основываясь не на мнениях других лингвистов, а напрямую, на теории психологов, объясняющих происхождение и природу эмоций, что позволяет говорить о надежном «фундаменте» для рассуждений и выводов, приведенных в статье. Нам кажется, что такой подход к созданию теорий по эмотиологии является крайне перспективным, так как отличается от чисто лингвистического предоставлением четких, насколько это возможно в рамках психологии, определений базового феномена – эмоции, на основании которого уже развивается лингвистическая теория.

В поддержку наших слов, можно привести слова В.И. Шаховского о связи эмоций и психики: «Эмоции как психическое явление отражают (то есть воспроизводят) в сознании человека его эмоциональные отношения к миру. Эти эмоциональные отношения являются хотя и субъективными, но социально осознанными и потому в определенной степени типизированными», «в то же время, являясь, прежде всего объектом психологии, физиологии и философии, эмоции по-прежнему в большей степени являются предметом исследования данных дисциплин и в меньшей степени – лингвистики. Это объясняется самой природой научного объекта: данные об эмоциях, полученные в этих областях, являются тем фоном, который помогает в разработке лингвистических проблем эмоций» [11].

Все приведенное выше подтолкнуло нас обратиться к психологическим исследованиям, в надежде найти объяснение феномена эмоций в попытке найти единое, научное определение. В своей статье Ю.Б. Коваль приводит целый ряд психологических теорий, касающихся происхождения, природы и способов выражения и восприятия эмоций. Единой, «верной» теории не выделяется даже среди относительно современных. В статье приводятся мнения Л. Фестингера, П. Экмана, П. Симонова и, конечно же, К. Изарда [9]. Однако, они ско-

рее стоят в одном ряду, как равноправные «взгляды с разных сторон» на одну проблему. Взяв за основу любое из их определений эмоций, возможно развить относительно уникальную теорию в области эмотиологии, каждая из которых будет иметь научно обоснованную базу.

На данном этапе, учитывая разнообразие мнений в психологии [9, 16], возможно, стоит обратиться к исследованиям, позволяющим проводить более точные измерения и эксперименты, а именно к работам в области нейропсихологии. Справедливо сказать, что данная наука начала свое развитие в 40-ых годах, благодаря работам А.Р. Лурии [15]. Она объясняла психологические явления (как нормы, так и патологии) на основе органических процессов, протекающих в мозгу. Нейропсихологические исследования, помогли лучше понять причину многих психологических и психических расстройств, способствуя развитию медицины. Благодаря им в наше время в психологии наблюдается тенденция к развитию идеи, что «все психологическое, на самом деле - биологическое» [14]. Говоря о необходимости использования психологических определений при развитии идей эмотиологии, можно предположить, что более надежным и однозначным источником терминологического аппарата и исходных данных могут стать нейропсихологические исследования, так как они изучают феномен эмоций с самого базового уровня их зарождения - биохимических процессов в головном мозге. Стоит отметить, что необходимость в привлечении знаний из области нейропсихологии не ново. Такие пограничные науки, как психолингвистика и нейролингвистика, активно разрабатываются с начала 50-ых годов XX века, и их развитие напрямую связано с развитием нейропсихологии. Эмоции с точки зрения именно нейропсихологии были исследованы в том числе Е.Д. Хомской и Н.Я. Батовой [10]. Как известно, основополагающие открытия в нейролингвистике были сделаны еще в конце XIX века, когда французский хирург Поль Брока открыл область коры головного мозга, ответственную за формирование речи, а немецкий психоневролог Карл Вернике - область, отвечающую за понимание речи. Позднее эти области стали называться полями Брока и Вернике, соответственно. В какой-то мере вопросы нейролингвистики затрагивают работы таких исследователей, как Л.В. Щерба, Р.О. Якобсон, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Лурия и др. Переходом от преимущественно биологического подхода к психологическому является психолингвистика. Находясь на стыке психологии и лингвис-

тики, данная наука занимается изучением взаимоотношений языка, мышления и сознания, активно используя нейропсихологию и нейролингвистику, методы экспериментальной психологии. Среди основных исследователей можно назвать отечественных ученых А.А. Леонтьева, Л.В. Сахарного, Р.М. Фрумкину, Т.В. Ахутину, А.А. Залевскую и др.

Четкий терминологический аппарат и использование данных, полученных нейрофизиологией методом наблюдения и эксперимента, позволят, по нашему мнению, как эмотиологии, так и лингвистике в целом выйти на качественно-новый уровень изучения имеющихся проблем, основные из которых выделяет А.С. Илинская [4]:

1. Проблема эмотивности в языке: ее знаки и маркеры;
2. Типология знаков, служащих для передачи эмоций в языке;
3. Динамика изменений в фонде эмотивных средств языка;
4. Представление одной и той же эмоции в разных языках и способы ее номинации;
5. Проблема эмотивной лакуарности, связанная с переводом эмоций на иностранный язык;
6. Выражение эмоций в разных типах речевых актов;
7. Проблема эмотивности текста;
8. Лингвистические и паралингвистические средства выражения эмоций.

Стоит отметить, что выделенные А.С. Илинской проблемы непосредственно связаны с межязыковой трансляцией эмотивных смыслов. На наш взгляд, ключом к их решению является четкое понимание природы эмоций и речи, как феноменов психики. Следовательно, именно психолингвистическое направление развития эмотиологии, является крайне перспективным и вместе с данными, полученными в ходе нейропсихологического изучения, способно привести к созданию общей теории, объясняющей все тонкости взаимодействия языка и эмоций, через понимание природы самих эмоций и принципов формирования речи.

Литература

1. Антонова Л.Е. и Николькая И.Г. Языковое воплощение дискомфортных эмоций в современном русском языке (на примере стыда и сомнения)// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, - Санкт-Петербург, Выпуск № 43-1 / том 17 / 2007.
2. Бирюкова Е.В. Способы репрезентации категории эмотивности в инаугурационных обращениях Авраама Линкольна// Известия Российского госу-

дарственного педагогического университета им. А.И. Герцена,- Санкт-Петербург, Выпуск № 82-1 / 2008 стр. 59-65

3. Водяха А.А. Эмотивное пространство художественного текста // журнал ВГСПУ «Грани познания», - Волгоград/ 2012, стр.79-81

4. Илинская А.С. Знаковая типология языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке [электронный ресурс] // Ползуновский вестник, Выпуск №3/ 2006.- режим доступа: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pv2006_03_2/pdf/098ilin.pdf

5. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: автореф. дис. ...канд. фил. наук: 10. 02. 19/ Ионова Светлана Валентиновна,- Волгоград, 1998.14 с.

6. Карпова Ю.А. Эмотивно-эмпатийный компонент межкультурной коммуникации.// Вестник ПНИПУ, - Пермь, Выпуск №4/ 2010 стр. 147-159.

7. Карпова Ю.А. Формирование коммуникативных умений эмотивно-эмпатийного взаимодействия будущего устного переводчика: автореф. дис. ...канд. фил. наук: 13.00.02/Карпова Юлия Алексеевна, - Пермь, 2011.- 24с.

8. Медведева М.С., Гущина Л.В. Истоки и перспективы развития лингвистики эмоций (эмотиологии) в современном научном мире [электронный ресурс] Режим доступа:

http://xies.ru/269095/1/Истоки_и_перспективы_развития_лингвистики_эмоций_эмотиологии_в_современном_научном_мире.html

9. Коваль Ю.Б. Эмоции как предмет психологического изучения [электронный ресурс]- Режим доступа: http://www.edit.muh.ru/content/mag/trudy/09_2010/09.pdf

10. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование// Москва: Издательство Московского университета, 1992 - 180 с.

11. Шаховский В.И. В начале была... эмоция [электронный ресурс].- Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/011/3_2_11.htm

12. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность [электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky02.shtml

13. Шаховский В.И. Что такое лингвистика эмоций [электронный ресурс]- Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/012/3_shakhovsky.pdf

14. Письменная справка. Эмотиология [эл. ресурс] - Режим доступа: [http://www.vuzlib.com.ua/articles/book/5613-ENmotiologija_\(pismennaja_spra/1.html](http://www.vuzlib.com.ua/articles/book/5613-ENmotiologija_(pismennaja_spra/1.html)

15. Green Hank The Chemical Mind - Crash Course Psychology #3 [электронный ресурс]- Режим доступа: <http://www.youtube.com/crashcoursepsychology>

16. Другие электронные источники. Режимы доступа:

<http://www.psychologyside.ru/sides-99-1.html>

https://ru.wikipedia.org/wiki/Лурья,_Александр_Романович

© А.А. Малов, 2014

Проблема вариативности семантических оппозиций

Язык создаётся людьми, хотя сами люди этого не сознают. Отдельные изменения в языке производятся отдельными индивидами: кто-то высказал меткое суждение, фразу, характеризующую данную конкретную ситуацию или человека, его оценку; подметил, что два события, два предмета, качества, признака находятся в оппозиции.

И действительно, одним из условий существования объективного мира является его диалектическая противоречивость. Предметы и явления объективного мира характеризуются сходствами и различиями, предполагающими их объединение и противопоставление. Существующие различия в предметах и явлениях объективного мира отражаются в виде противопоставления.

Противопоставление представляет собой сложный мыслительный процесс, в котором участвуют: сравнение, сопоставление, взаимоисключение и взаимообусловленность, то есть отношения отражающие диалектику реальной действительности.

Под противопоставлением в языке понимается фигура речи, состоящая в антонимировании языковых единиц, воплощающих контрастное восприятие действительности [1, 207].

Для реализации семантики противопоставления обязательна минимальная пара, то есть два противочлена, значения которых противоречат (противопоставляются) друг другу [2, 40].

Через семантику противопоставления метко выражается оценочное отношение «добро и зло», «положительное и отрицательное» и так далее.

Таким образом, пара противопоставленных сущностей создаёт семантику противопоставления, которая является одним из внутренних факторов развития и становления текста. Основным, неотъемлемым признаком текста как объекта лингвистического исследования является, бесспорно, его связность. Следует отметить, что именно противопоставления суждений, понятий, пронизывают все элементы структуры текста и таким образом обеспечивают тексту его смысловую законченность и целостность.

Архитектоническое и собственно языковое разнообразие текстов является актуализацией вариативности, онтологически присущее единицам всех уровней языковой системы [10, 207].

Вариативность, в нашем понимании, это способность единицы, группы единиц (построения) или системы как некоего инварианта, к более чем одной формальной, смысловой или функциональной реализации, следовательно, к различным комбинациям (взаимодействиям) с другими единицами, группами единиц, системами.

Диапазон варьирования на уровне текста необычайно широк. Однако на текстовом уровне в настоящее время теория вариативности не получила, по нашему мнению, должного освещения.

Вариативность текста проявляется в двух планах: в плане его архитектоники, то что мы называем *внешней вариативностью*, и в плане специфики актуализации языковых единиц, в частности, грамматических, то что мы называем *внутренней вариативностью*.

Внешняя и внутренняя вариативность проявляется не только в синхронии в различной архитектонике, комбинациях композитивно-речевых форм и доминантных признаках поверхностной структуры текстов разных жанров, но и в диахронии в силу динамичности культурно-исторического фона, изменения функций различных типов текстов и традиций передачи информации в заданной форме, а также направления развития строя языка.

В любой период своей истории система языка содержит ряды варьирующихся единиц и формы их моделирования. Проблема вариативности языка продолжает оставаться актуальной в лингвистике и разрабатывается в плане синхронии, так и в плане диахронии. Под вариантами мы подразумеваем свободно чередующиеся формы и единицы в границах одного языкового сообщества.

Очень часто выбор того или иного из лексических или грамматических вариантов, бытующих в языке, определяется коммуникативной направленностью сообщаемого, стилистическое оформление которого зависит от интенции говорящего, вынужденного вместе с тем учитывать языковую компетенцию адресата. Стилистическая дифференциация вариативных элементов языка оказывается, таким образом, тесно связанной с общественно-социальными условиями функционирования языка в тот или иной исторический отрезок существования данного языка [11, 207].

При анализе конкретного материала следует отличать усредненно-абстрактную фигуру говорящего от реального индивидуума, пользующегося этим языком, ибо территориальная и социальная принадлежность говорящего, возраст и профессия, степень владения литературными языковыми нормативами играют важную роль.

Исследование проблемы вариативности является неизменно актуальной в лингвистической повестке дня. Вариативность - явление универсальное, так как встречается во всех языках. Истоки вариативности связаны с социальным характером языка его носителей, ведь одно и то же явление разными носителями языка именуется по-разному. Кроме того, каждому языковеду известно, что именно варианты слов играют важную роль в развитии литературного языка и установлении его норм.

Исторически исследование проблемы вариативности берёт своё начало с XVII века. Никола Катерино зафиксировал 468 слов-дублетов во французском языке и издал о них книгу в 1683г. В целом, данная проблема является предметом рассмотрения ряда гуманитарных наук с древности, начиная от трактатов по философии и языкознанию. Доказательством этому являются доводы и суждения Платона, Аль-Кинди.

В современном языкознании проблема вариативности рассматривается в различных языках на различных уровнях. Так, А.Н. Самойлович приводит в своих работах сравнительный анализ вариантов слов «бедный-богатый» в тюркских языках [8.64].

В казахском языкознании проблема вариативности слов рассматривалась в работах Сарыбаева Ш.Ш. (1963), Калиева Г. (1963), Балакаева М. (1965), Нурмахановой А.Н. (1971), Жубанова Х., Бизакова С.Б. (1972, 1997), Аханова К. (1972), Уйыкбаева И.К. (1976).

Суть одной из наиболее распространённых концепций заключается в понимании того, что противоречие возникает между потребностями развивающегося общества и реальными возможностями языка [3.6].

Природа языка внутренне противоречива. Основное внутреннее противоречие в системе языка трактуется А.П.Комаровым диалектически как противоречие между материальным и идеальным [5, 142].

Социальные изменения, находящие отражение в языке, как правило, способствуют разрушению старых семантических оппозиций и образованию новых. Изучение семантических оппозиций -

один из продуктивных путей проникновения в сущность языковых изменений и социальных процессов, породивших эти изменения. В семантических оппозициях обнаруживается тесное взаимодействие социальных и языковых процессов.

Семантические оппозиции позволяют увидеть и ту фоновую семантику (подчас целое семантическое поле), которая обусловила эту оппозицию, и нарождающиеся коннотации у противочленов (или одного из них), и ряд скрытых смыслов, ведущих к аллюзии.

Здесь также можно говорить о существовании определённой диалектической связи между прагматикой и активными номинативными процессами. Так, например, появление у слова нового лексико-семантического варианта в свете коммуникативно-прагматической парадигмы может быть рассмотрено как результат прагматической вариативности слова. Под прагматической вариативностью слова подразумевается варьирование в его употреблении в различных ситуациях общения в зависимости от социального, территориального, национального, возрастного и прочих статусов участников коммуникации [4, 97].

Одна и та же лексема по-разному реализуется в однотипных ситуациях представителями различных слоёв носителей языка.

Например, *Iraq- the brick factory that the British built here 80 years ago runs like a vein of hell upon the smooth earth. "I am not worried about finding better work some day", Azhar said, walking next to the factory, his body caked with mud and earth. "I'll work here all my life". He turned 2 year old Hussein Ali, who was trotting along next to him. "Even this little one", Azhar said, grabbing Hussein by his shoulders, "will work here some day". All over Iraq, in the countryside and in cities, the poverty and upheaval sown by Saddam Hussein's rule pushed large numbers of children off school and into work. (The New York Times, November 9, 2004).*

Автор, высказывая мнение, что «...кирпичная фабрика, построенная Великобританией 80 лет тому назад, - словно *вены ада на поверхности земли* - хотел сказать, что несмотря на то, что фабрика обеспечивает жителей Ирака рабочими местами, она наносит огромный вред здоровью местного населения. Контекст подсказывает нам наличие оппозиции *власть-народ, прошлое-будущее*.

В следующем примере можно заметить пару оппозиций *образованность-необразованность, старое знание - новое знание*.

Правление режима Саддама Хусейна не могло не отразиться на состоянии образованности населения Ирака, точнее, отсутствии образованности; это, в свою очередь, привело к тому, что люди потеряли надежду на светлое будущее: *Iraq once had a distinguished education system that produced graduates who studied all over the world and returned home to run industry and government. But below this largely urban elite, most of the population was illiterate, and continues to be. In 1979, Iraq had about 15 million people, only 3 million of whom could read and write. Literacy reached its highest levels in the late 1990s, at a little bit more than 40 percent of the population. (The New York Times, November 9, 2004).*

Любая семантическая новация порождает новацию прагматическую. Появившийся новый лексико-семантический вариант слова (ЛСВ) расширяет прагматику всей лексемы, так как расширяется спектр ситуации и контекстов её употребления, а, следовательно, и ограничений на употребление.

Для того чтобы определить ограничения на употребление языковых единиц, необходимо учитывать факторы двух порядков: содержательного и функционального. Очевидно, выбор и употребление диктуется спецификой социального взаимодействия коммуникантов в различных ситуациях общения. При разработке типологии факторов, ограничивающих употребление лексических единиц в различных ситуациях общения, необходимо учитывать «регулярную модель» социальной дифференциации языка У. Лабова, в основе которой лежит существование двух видов социальной вариативности языка: стратификационной (по вертикали) и ситуативной (по горизонтали). «При выборе той или иной единицы из ряда денотативно и десигнативно-равнозначных средств выражения вступают в действие такие параметры, как социальный статус говорящего, его позиция в ролевой структуре общения, его отношение к предмету и адресату речи (социальные установки)» [9, 157]. Статус относится к понятийному ряду, связанному со стратификационной вариативностью языка (классовая и слоевая принадлежность, принадлежность к социальным институтам, профессиональным общностям). В аспекте стратификационной вариативности с необходимостью учитываются такие специфические черты личности, как возраст, пол, образование, этнический тип и т.д.

По линии ситуативной вариативности выделяются ролевые отношения участников коммуникации (симметричные/ассимметричные), формы локализации (место (local) и обстановка (setting)) тех или иных ролевых отношений в пространстве и времени; сфера коммуникативной деятельности (или *domain of language behaviour*) – это обобщенная социальная (речевая) ситуация: наука, образование, религия, общественно-политическая деятельность, массовая коммуникация [6, 25].

В аспекте ситуативной вариативности нам представляется также необходимым учитывать намерение говорящего (унизить, оскорбить, похвалить и т.д.), что является составной частью цели коммуникативного акта.

«В зависимости от ролевых отношений участников коммуникации все ситуации общения делятся на симметричные и асимметричные. Симметричны ситуации, взаимодействующие участники которых имеют равное социальное положение, примерно одинаковый возраст, один и тот же пол. В асимметричных ситуациях речь коммуникантов более эксплицитна. В симметричных ситуациях степень эксплицитности зависит от отношений между собеседниками: чем они более официальные, тем выше степень эксплицитности, и наоборот, чем интимнее отношения, тем менее эксплицитна речь каждого из участников, тем ярче проявляются тенденции к употреблению в речи эмоционально окрашенных, в том числе и разговорных слов (сленга)» [7, 25].

Таким образом, рассмотрев ряд подходов в современном языкознании к проблеме вариативности, мы пришли к выводу, что между семантической оппозицией существует тесная взаимосвязь. Компоненты семантической оппозиции могут приобретать различную оценочную окраску в зависимости от конкретной тематики.

А также по результатам данных словарного и частично текстового материала, мы выводим три основных положения:

- исследуемая оппозиция имеет универсальный характер, то есть она является психологической реальностью, и вне зависимости от способов её репрезентации в том или ином языке имеет определённое вербальное выражение;

- оппозиция может проявлять себя на разных уровнях языковой системы, а также как в вербальной, так и в невербальной формах;

-исходя их психолингвистического понимания феномена языкового сознания и его обусловленности деятельностью и культурой в целом, можно предположить, что оппозиция проявляется, по меньшей мере, на трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных уровнях: реальном (объектном и объективном), психическом (отражённом, уровне сознания) и языковом (знаковом, обусловленном определённым содержанием, закреплённым за знаками языка).

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Борисова Г.Е. Семантика противопоставления как внутренний фактор развития пословицы.// Внутренние и внешние факторы языкового изменения. - Алма-Ата, 1992. -181с.
3. Будагов Р.А. Проблемы развития языка. - М., Л.: Наука. 1965. - 73с.
4. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. – 108 с.
5. Комаров А.П. О внутренних противоречиях языка. - Алма-Ата: Мектеп. 1988. - 152с.
6. Joshua A. Fishman. Stanford University Press. 1972. -375p.
7. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих//Социолингвистические исследования. - М. 1976. -241с.
8. Самойлович А.Н. Богатый и бедный в тюркских языках.// Известия АН.СССР. Отд.общ.наук. 1936. № 4. - 64с.
9. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США// Монография. – М.: Наука. 1983. - 204с.
10. Якобсон Р. Избранные работы. - М., 1985. - 310с.
11. Языки мира. Проблемы языковой вариативности. - М.: Наука, 1990. - 214с.

© М.З.Мамырбаева, 2014

Н.В. Матвеева

СФ БашГУ, Стерлитамак, Россия

«Вторичный текст» как результат процесса понимания

Целью данной статьи является определение понятия «вторичный текст», который эксплицирует процесс понимания в ходе нашего исследования. О понимании либо непонимании текста мы можем судить по результату данного процесса. «В теоретическом плане такой результат иногда связывают с метафорическим представлением о

проекции текста на сознание, где под влиянием языковых средств, составляющих текст, формируются определённые ментальные структуры. Такие структуры и представляют собой результат понимания. Они, как полагают многие исследователи, отображают главным образом то содержание, ту информацию, то знание, которое содержится в воспринимаемом тексте» [1, 64].

В практике о понимании или о непонимании текста чаще всего судят по пересказу текста. Такая методика часто используется и в психолингвистических экспериментах. По результату пересказа «своими словами» исходного текста мы можем судить о факте понимания / непонимания текста. «Таким образом, всё это служит целям изучения результата понимания, притом опосредованного результата. Это связано с тем, что воспроизведение воспринятого содержания текста представляет собой специальную деятельность, направленную на порождение вторичного текста, где первичный текст предстаёт преломленно и опосредованно» [2, 65].

Все преобразования текста-оригинала, обнаруживаемые при воспроизведении, не являются его искажением, так как сохраняется содержание, его общий смысл. По мнению А.А. Смирнова, эти преобразования представляют итог сложной психической деятельности, включающей обобщение, выделение частного и единичного, разъединение различного, выделение главного, существенного [3].

Понятия первичности и вторичности не являются однозначными – и то и другое имеет несколько толкований. Традиционным и логически верным можно считать мнение, что вторичными являются те тексты, которые создаются (порождаются) в результате различной аналитико-синтетической обработки соответствующих первичных (исходных) текстов. Классические вторичные тексты, возникающие в результате обработки первичных, – это пересказ, реферат, аннотация.

Первым признаком «вторичности» таких текстов можно, по-видимому, считать их определенную «несамостоятельность», так как авторы таких текстов вербализуют не свою, а чужую мысль. Таким образом, вторичный текст является зависимым от текста первичного. И зависимость эта проявляется на всех уровнях – на уровне замысла данного вторичного текста (этап порождения – довербальный) и на уровне вербализации (этап порождения). Другими словами, общим для таких текстов является то, что формированию их замысла предшествует осмысление другого («чужого») текста, причем это осмыс-

ление с самого начала предполагает последующее выражение осмысленного в соответствии с задуманным. Но хотя все названные выше тексты и являются вторичными, они не одинаковы по степени и качеству представления своего первичного текста.

В моделях речепорождения (при всех их различиях) процесс порождения текста представляется как некий квазиалгоритм, последовательность операций, для начала выполнения которых необходим «пусковой механизм». Именно он и был использован в качестве базового понятия для анализа особенностей порождения первичных и вторичных текстов в исследовании А.И. Новикова и Н.Л. Сунцовой. Согласно концепции, предлагаемой авторами, основное различие в рассматриваемых ими порождающих процессах заключается в механизмах, инициирующих данные процессы. Для инициации процесса порождения первичного текста таким пусковым механизмом, как известно, является замысел, формированию которого предшествует (и способствует ему) существующая в интеллекте так называемая тема-понятие. В случае порождения вторичного текста аналогом такого механизма является тема текста, которая представляет собой некое «ментальное образование, возникающее в мышлении в результате понимания текста и представляющее собой максимально свернутое его содержание» [4, 15]. Данная тема отличается, с одной стороны, от темы-понятия (ей свойственна большая конкретность), а с другой – она может не совпадать содержательно и с замыслом первичного текста, поскольку последний, как правило, претерпевает изменения (иногда существенные) в процессе текстопорождения. Совокупность основных элементов внутренней формы, включая главный предмет, образует тему текста. Тема – это свёрнутое содержание, которое мы можем сопоставить с замыслом. Она формируется на одном из этапов понимания текста. Тема может и не совпадать полностью с замыслом, но в определенной степени она эксплицирует его.

Тема как свёрнутое и обобщенное представление содержания является конечным результатом процесса осмысления. «Она представляет собой понятый и эксплицированный замысел автора, реализованный в словах и декодированный на основе смысла» [1, 112]. Тема текста отличается от замысла тем, что на ее основе может быть создан не один текст, а некоторое множество близких текстов, которые могут различаться (иногда значительно) как по форме, так и по содержанию. Именно эти тексты, порождаемые в результате развер-

тивания темы исходного текста, выделенной в результате его понимания, А.И. Новиков и Н.Л. Сунцова называют *вторичными текстами*. Данные тексты так же, как и первичные, могут группироваться в синонимические ряды, образуя «своеобразные парадигмы, объединяющим признаком для которых является «генетическое родство» с одним конкретным первичным текстом.

А.И. Новиков видит общность этих процессов в механизме свертывания информации: «Эти процессы не одноаспектные, а многоступенчатые, многоэтапные. Для этих процессов характерным является свертывание. Если при понимании свертывание завершает этот процесс формирования целостного образа содержания, то при порождении текста свертывание заключается в отборе из всего содержания мышления тех элементов, которые должны составить содержание будущего текста, и в формировании некоторого целостного образования, соответствующего будущему тексту в целом. Такая свертка приобретает форму "замысла"» [1, 55].

Именно во вторичном тексте имеются «следы» мыслительной деятельности. Человеческое мышление во время восприятия, понимания текста закрыто от непосредственного наблюдения, поэтому исследователи пытаются найти такую методику, чтобы стало возможным проследить за работой механизмов психических, которые отвечают за формирование смысла при восприятии. Таким образом, мы обращаемся к вторичным текстам, как к продукту мыслительной деятельности, который поможет рассмотреть эти механизмы.

Литература

1. Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. – М., 1983. – 213 с.
2. Новиков А.И. Текст и «Контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. Текст: восприятие, понимание, интерпретация. – М., 2003. – С. 64-70.
3. Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. – М.: Просвещение, 1966. – 423 с.
4. Сунцова Н.Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 22 с.

© Н.В. Матвеева, 2014

Регионализмы и нормативный аспект культуры русской речи

Изучение процессов лексических взаимодействий между русским языком и другими национальными языками, функционирующими в нашей стране, является актуальной и важной задачей как с точки зрения теоретической разработки вопросов контактологии, так и с точки зрения практических вопросов повышения культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия.

«В современном многоязычном мире ... феномен билингвизма (двуязычия) представляет собой одну из основных форм нормального (бесконфликтного) существования на одной территории ... разноязычных народов, – пишет К.З. Закирьянов. – Кроме своего родного, овладение вторым, неродным языком – языком соседа или языком-посредником – является одним из необходимых условий для достижения взаимопонимания и сотрудничества разноязычных народов ...» [4: 3]. **Национально-русское двуязычие**, которое является основным типом двуязычия в нашей стране, функционирует в многочисленных (более 100) вариантах за счёт варьирования первого компонента (например: башкирско-русское, татарско-русское, чувашско-русское, марийско-русское, якутско-русское и т.д.), где первый компонент – родной язык нерусских народов, второй компонент – русский язык.

Влияние башкирского (а также татарского) языка на русский представляет собой один из аспектов исследования русско-национального двуязычия в условиях РБ. Результаты функционирования русско-тюркского типа двуязычия находят отражение в русских диалектах, русской художественной литературе как оригинальной, так и переводной, в средствах массовой коммуникации и информации на русском языке. К наиболее ярким и значимым проявлениям данного типа двуязычия в названных сферах русского языка относятся регионализмы тюркского происхождения [1: 146-147].

Тюркизмы-регионализмы представлены следующими группами:

1. названия блюд, напитков: *губадия, айран, буза, салма, шурпа, бишбармак, катык, кыстыбый, чак-чак, куллама, тукмас, вакбалеш,*

зурбалеш, учпучмак, баурсак, казы, беляши, каймак, корот, шаньга и т.п.;

2. названия предметов одежды, домашней утвари, посуды, населённых пунктов, жилищ, построек, музыкальных инструментов: *калфак, малахай, кашмау, казан, пиала, кумган, кошма, аул, юрта, тирмэ, караван-сарай, курай, кубыз* и т.п.;

3. наименования обрядов, обычаев, праздников: *сабантуй, никах, рамазан, Ураза-байрам, Курбан-байрам, курултай* и т.п.;

4. религиозная лексика: *Коран, мулла, муфтий, намаз, мечеть, сура, медресе* и т.п.;

5. антропонимы: *Азат, Азамат, Ильгам, Тимур, Айгуль, Айсылу, Гульшат, Ляйсан* и т.п.;

6. топонимы, гидронимы: *Янган-тау, Чишмы, Урман, Сибай, Акъяр, Агидель, Инзер, Кандры-куль, Караидель* и т.п.;

7. прецедентные имена башкирской культуры: *Акмулла, Мажит Гафури, Мустай Карим, Заки Валиди, Салават Юлаев* и т.п.;

8. имена и образы из прецедентных текстов башкирской литературы и фольклора: *Урал-батыр, Акбузат, Алпамыш, Алдар* и т.п.; в том числе своеобразные символы национальной башкирской культуры: *тулпар, сэсэн, шежере, кубаир, аксакал* и др.;

9. урбонимы – названия улиц, микрорайонов, торговых организаций и т.д.: улицы *Шафиева, Тукая, Губайдуллина*; театр «Нур»; магазины: «*Байрам*», «*Батыр*», «*Салям*», «*Алтынай*», «*Шатлык*»; издательства «*Китан*», «*Гилем*»; ипподром «*Акбузат*»; радио «*Спутник – Юлдаш*» и т.п.

Региональная лексика тюркского происхождения, в том числе не известная литературному языку, зафиксирована в русских говорах РБ. Например, много тюркизмов в названиях предметов домашнего обихода, посуды (*кумган, кашик, батман, челяк*), одежды (*беишмет, кульмяк, балахон, азиям*), пищи (*бишибармак, салма, шарба, чумары*), животных (*курка, баишмак, аю, жилин*), топонимов (*узьяк, саска, арема, колтак*), в названиях человека по характерным признакам (*балта, алабай, аргамак, чумичка*). Некоторые тюркизмы настолько прочно вошли в русский язык, что стали производящими основами ряда слов: *захматый* «больной», *маяшки* «лепешки в масле», *бельмет* «не понимать», *уразничать* «есть в ночное время», *куначить* «гостить» и т.п. [5: 13; 6].

Анализ регионализмов имеет важное значение в аспекте культуры русской речи. В зависимости от сферы использования данной лексики (разговорная речь, массовая коммуникация и информация, художественная литература), от конкретной ситуации высказывания, от характера и целевого назначения текста употребление регионализмов может оцениваться не только с точки зрения правильности и неправильности, но и с точки зрения их уместности и целесообразности. Неуместное и нецелесообразное словоупотребление региональной лексики в русскоязычном художественном или публицистическом тексте затрудняет коммуникативный акт так же, как и прямое нарушение законов системы и структуры современного русского языка.

Вопросы культуры русской речи связаны также и с презентацией регионализмов в письменном тексте (необходимость толкования, способы толкования иноязычного слова), с кодификацией их фонетического и графического облика в русском языке, характером грамматического и словообразовательного оформления, границами сочетаемости и деривационных способностей.

Литература

1. Аюпова Л.Л. Социолингвистический подход к изучению тюркизмов-регионализмов // Заимствования русского языка в историко-функциональном аспекте / Изд-во Казанс. ун-та, 1991, с. 146-163.
2. Аюпова Л.Л. Лексика народов Башкортостана в русской речи (Глоссарий) // Учебное пособие / Башк. ун-т. – Уфа, 1994
3. Дорожкина Т.Н. К портрету носителя русской элитарной речевой культуры в условиях полиэтнического города // Функционирование русского языка в условиях активного билингвизма и полилингвизма: Материалы научного семинара / Изд-е Башк. ун-та. – Уфа, 1999, с. 36-39.
4. Закирьянов К.З. Основы билингвологии: Учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008.
5. Здобнова З.П. Изучение русского языка в многодиалектной и многоязычной среде // Функционирование русского языка в условиях активного билингвизма и полилингвизма: Материалы научного семинара / Изд-е Башк. ун-та. – Уфа, 1999, с. 11-14.
6. Сергеева Л.А. Влияние иноязычной среды на формирование лексических систем русских говоров в Башкортостане // Функционирование русского языка в условиях активного билингвизма и полилингвизма: Материалы научного семинара / Изд-е Башк. ун-та. – Уфа, 1999, с. 54-56.

© А. С. Махмутова, 2014

Тюркизмы – регионализмы в поэзии А. Филиппова

Регионализмы в творчестве А. Филиппова представлены тюркизмами. Учитывая основной язык – источник заимствования, – это башкиризмы (по терминологии Л.Л. Аюповой), в состав которых входят имена собственные и нарицательные.

Многочисленна группа онимов (антропонимов и топонимов).

Антропонимы включают имена легендарных исторических личностей, национальных башкирских героев, государственных деятелей (Салават, Батырша, Карасакал, Кахым Туря, Миннигали Губайдуллин, Шагит Худайбердин, Муртаза Рахимов), башкирских поэтов и писателей (Зайнаб Биешева, Мустай Карим, Хаким Гиляжев, Назар Наджми) и др.

А. Филиппов великолепно знал историю края, народные традиции и обычаи. Обращение к исторической тематике помогало поэту осмыслить проблемы современности.

Топонимы включают названия рек, гор (Агидель, Акавазка, Ашкадар, Идель, Инзер, Ик, Иртюбяк, Мелеузка, Азанташ, Ташмурун, Урал), городов, поселков, деревень и т.п. (Бурзян, Башкортостан, Ирныкши, Карламан, Серменево, Стерлитамак, Туймазы, Уфа, Янаул, Чишмы, Юмагузино, Янаул).

Обилие топонимов – один из характерных поэтических приемов А. Филиппова. Так поэт передает свою любовь к родному краю – Башкортостану, к малой родине. Авторские эпитеты отражают внешние приметы, неповторимость этих уголков Башкирии: Ик – добрая река, черемуховый, душой высокий, нет добрее Ика; Мелеузка – побашкирски и по-русски говорю я ей: – Люблю!; Идель – зеркальная; голубеющая Агидель – мой причал и моя колыбель; прекрасная долина Акаваз; край любимый – мой Башкортостан!

Имена нарицательные распределяются по следующим тематическим группам:

1. Бытовая лексика (названия кухонной утвари, блюд, деталей одежды) (бишбармак, катык, казылык, кумган, пиала, таган, тубетейка, чувяки, шурпа);

2. Названия людей по различным признакам/ по возрасту, по роду занятий, качественной характеристике, социальной и национальной принадлежности (акын, аксакал, бай, батыр, башкир, джигит, егет, кунак, курайсы, мулла, сәсән, татары, урус, хан);

3. Лексика, связанная с религией (аллах, Коран, мечеть, минарет, муэдзин, мулла, намаз, сура):

4. Лексика, связанная с обычаями (Каз эмәхе, Сабантуй, туй);

5. Названия музыкальных инструментов (домбра, кобыз, курай);

6. Мифологическая лексика (Акбузат, тулпар, шайтан);

7. Наименование населенных пунктов, жилищ, построек, кочевий (аул, улус, юрта);

8. Наименование растений, животных, природных объектов, погодных явлений (аргамак, акман-токман, кумбагыш, тугай, урема, урман).

Регионализмы используются поэтом при описании быта, жизненного уклада, обычаев башкир, истории башкирского народа: «И табуны лоснящихся коней,/ И бишбармак, и казылык, и дыни -/ Не для народа, а для богачей», «...навекы полюбя,/ И домбры, и кобызы, и кураи/ Поют тебя, Отечество, тебя», «Далеко в одном ауле/ Что прилеплен был судьбою.../ К неподрубленным урманам, К склонам древнего Урала...».

Региональная лексика употребляется в составе образных средств языка (сравнений, метафор, эпитетов, перифраз): «Правдив и звучен голос Салавата,/ И отчеканен словно кубаир», «Месяц изогнутым медным кумганом/ Цедит прохладу небес по плечам», «Суру тихий клен читает/ По колено в лебеде...», «Тюбетейка кумбагыша/ Золотеет на плетне». Экспрессивность, эмоциональность поэтического текста усиливаются также путём создания звукообраза слова за счёт подбора созвучий (лексики близкого звучания): «Когда зацветает сирень/ В Уральском ауле Серменево, / Становится сразу сиреневым / До этого сумрачный день...».

Способы ввода тюркизмов-регионализмов в текст разнообразны. Через русское слово-эквивалент: «Принимай башкир/ Петр-царь, батша!», «Зайти бы к старому сәсәнү/ С ним посоветоваться мне.../ И вот к сказителю седому/ Я мысленно спешу из дому».

Через авторский комментарий: «Есть у башкир обычай древний:/ В самом изначалье зимних дней/ Женщины встречаются в де-

ревнях/ На миру ощипывать гусей», «У башкир обычай был.../ Если в юрте угли затухали/ То к соседу шли за огоньком».

Через раскрытие внутренней формы имени собственного: «...И «Ак ауз» башкирское название./ По-русски значит «Чистые уста»/ Овраг *Атуй* – что значит: Лошадиный./ Там даже кони падали с камней./ *Кырык-Кисьярь* – иль Сорок перекатов./ Там ручеек змеился между скал./ На русский лад название *Сукуруя* – / Слепой овраг.»

Регионализмы употребляются как контекстуальные синонимы, создающие разнообразие номинаций в поэтическом тексте: Салават – башкирский егет – поэт – отчаянный полковник – конник – акын; аксакал – сэсэн; кураист – курайсы; старец – аксакал-сказитель.

Тема дружбы народов, исторической связи, общей судьбы России и Башкортостана – одна из основных в творчестве А. Филиппова. Яркий авторский прием – параллельное использование в одном контексте национально окрашенной лексики, характеризующей башкир и русских: «*Гуслеры* свое сказали./ Очередь твоя, *курай*», «То *кураем* зазвенит, то *припевкой русскою*./ Ты играй, играй *курай*./ *Гармошка*, разговаривай», «*Мечеть* и *церковь* в водной сфере/ Слились, их облик неделим./ Как доказательство о вере./ Их много, А Господь один», «Петляет *Агидель* окрест./ В ней отобразился *полумесяц*/ И рядом отразился *крест*».

Регионализмы – лексика с национально-культурным компонентом значения. Они относятся прежде всего к безэквивалентной лексике. При широком понимании в состав регионализмов входит также фоновая лексика.

Фоновая лексика разнообразно представлена в стихах и поэмах А. Филиппова: «Сижу на нарах я у подоконника/ И запахом баранины дышу./ Хозяйка режет по-татарски тоненько/ Из теста белоснежную лапшу./ Шипит кумыс и белой пеной пенится./ Искрится в чаше золотистый мед», «Испокон веков богатыри/ В лисьих шапках, прадеды и предки./ Заодно с Россией рвали клетки./

Те, что понастроили цари».

В художественном тексте тюркизмы-регионализмы становятся выразительным средством языка, выполняют экспрессивную функцию.

Состав региональной лексики, приемы ее использования создают особый колорит произведений А. Филиппова, отражают своеобразие его поэтического творчества.

© А.С. Махмутова, 2014

Жанровое своеобразие романа Иэна Макьюэна «Искупление»

Иэн Макьюэн – один из самых известных современных писателей Англии. Его первый сборник рассказов «Первая любовь, последний обряд» (1975) получил приз Сомерсета Моэма. А роман "Амстердам" (1998) принес ему Букеровскую премию. Также широкую известность Макьюэн приобрел благодаря произведениям "Невыносимая любовь" (1997) и "Искупление" (2001). В «Искуплении» Макьюэн обращается к традиционному виду английского романа, где ставятся проблемы современного человека в реальных обстоятельствах жизни западного общества XX в.

А.А. Федоров отмечает, что творчество Иэна Макьюэна тесно связано с традициями английской реалистической прозы XIX века. Он отмечает, что большинство романов Макьюэна относятся к эпохе постмодернистского романа, но являются модификацией классического психологического романа, а также несут в себе черты социально-бытового романа. А.А. Федоров указывает на признаки психологического романа: взгляд на одни и те же события с различной точки зрения, трактовка взаимоотношений персонажей с психологической точки зрения, раскрытие характеров через художественную деталь, выявление драматического положения человека перед лицом бездуховной бессмысленной практики современного общества [3].

Общей особенностью психологического романа как жанра является то, что объектом повествования здесь является персонаж, показанный со стороны его индивидуальности. Психологический роман проникает внутрь «я», в центре внимания находится сознание и мир чувств героев.

Самым явным признаком поэтики психологического романа можно считать психологизм. Мировая литература XX в. имеет множество примеров развития психологизма, что связано с неизменным стремлением к более глубокому художественному познанию человека со стороны его сознания, психики и самопознания, анализу взаимоотношений между людьми в современном обществе. Психологизм представляет собой комплект художественных средств и характеристик, раскрывающих особенности процессов, происходящих в сознательной и подсознательной сфере персонажей [4].

По мнению О.А. Джумайло, «Искупление» Макьюэна можно отнести к исповедальному роману. О.А. Джумайло отмечает, что для современного исповедально-философского романа характерно осмысление жизненного опыта через боль и страдание, которые возникают из ощущения катастрофичности бытия и трагической хрупкости человека. Признаками проявления элементов исповедально-философского романа в «Искуплении» Макьюэна являются наличие эмоциональных и этических граней философского вопрошания, обращение героев к своему болезненному опыту, их способность к эмпатии и специфическая ранимость «Я» повествователя, а также «идеи, связанные с понятием «воскрешения субъекта», эстетикой ранимости, эмоциональными и этическими ресурсами постмодернизма» [1, 353].

Между тем вопрос о специфике прозы Макьюэна не нашел своего исчерпывающего решения. Это касается, в частности, особенностей психологизма в романе «Искупление». Обращение к тексту произведения позволяет выделить основные подходы писателя к изображению внутреннего мира его героев. Прежде всего, автор предлагает читателю ознакомиться с теми факторами, которые рождают непонимание, конфликты, отчужденность и неразрешимые ситуации во взаимоотношениях героев.

В центре повествования - отношения героев из разных социальных слоев. Робби, сын уборщицы, испытывает сложные чувства к Сесилии, дочери хозяина дома, где работает его мать. Герои романа - совершенно разные люди, у них разное воспитание и разные условия жизни. Они знакомятся в период учебы, благодаря ставшему доступным всем слоям общества образованию. Несмотря на то, что Сесилия и Робби дружили с детства и учились в одном и том же вузе, во время учебы они редко встречались, так как у каждого был свой круг общения. Отношения к учебе у героев тоже разные: Робби оканчивает университет на «отлично», в то время как Сесилия не испытывала особой тяги к знаниям и училась на среднем уровне.

Поскольку герои выросли в разной социальной среде – у них совершенно разное отношение к деньгам. Робби становится почти членом семьи Толлисов, и ему позволено находиться в их доме столько, сколько он пожелает. Но он очень болезненно реагирует на любые вопросы по этому поводу. Во время их беседы на данную тему Сесилия была удивлена, «что Робби подумал, будто ее волнует

вопрос о деньгах. Это было неблагородно с его стороны. Отец всю жизнь субсидировал образование Робби» [2].

Не менее важным фактором, влияющим на взаимоотношения персонажей, является семья. Здесь царит атмосфера обычных семейных отношений, длящихся долгое время. Отец Сесилии - государственный чиновник, который часто задерживается на работе и, похоже, изменяет жене. Он присутствует в романе только в диалогах других персонажей. С младшей сестрой Брайони Сесилия общается редко, хотя когда-то испытывала к ней материнские чувства. Мать Сесилии постоянно лежит в постели и жалуется на головные боли. Макьюэн рассказывает о ней, используя мистические метафоры: «Материнская любовь, мигрень, а в последние годы долгие часы вынужденной неподвижности в постели вызвали к жизни какое-то шестое чувство, способность некими невидимыми щупальцами осязать дом, двигаться по нему посвященной во все невидимкой» [2]. Девушка хочет поговорить с матерью по душам, но та чаще всего не в состоянии. Но ее болезнь скорее психологическая – таким способом она хочет уйти от решения проблем в семье. Отец Робби бросил семью, и о нем практически ничего неизвестно, а мать почти все свободное время работает в доме у родителей Сесилии, чтобы обеспечить сына.

На первый взгляд, герои живут в вполне благополучных семьях, но при пристальном рассмотрении становится ясно, что это не так. Так, например, мотивы болезни дают метафорическое объяснение психологического состояния матери Сесилии, которое, в свою очередь, свидетельствует о беспокойной и неустойчивой обстановке в семейной жизни и о психологических проблемах и противоречиях у детей.

Несмотря на все противоречия и непонимание героев, по приезде в родительский дом они все же сходятся, и у них завязываются любовные отношения. Таким образом, Макьюэн хочет показать, что воспитание, социальные и даже интеллектуальные различия не являются препятствием для возникновения симпатии между людьми.

Одним из ключевых факторов, играющих важную роль в судьбе младших героев, являются сексуальные отношения. Взаимное сексуальное влечение Сесилии и Робби становится залогом их любви. Однако эта страсть стала причиной трагических событий в романе, так как в их отношения вмешиваются другие персонажи, осуждающие и не понимающие их чувства. В первую очередь, это младшая

сестра Сесилии - Брайони. Она испытывает чувства к Робби, которых ещё не понимает. Когда Брайони видит Сесилию и Робби вместе, она неосознанно ревнует молодого человека к сестре. Её жажда мести и воля случая приводят к тому, что Робби становится единственным подозреваемым в изнасиловании кузины Брайони Лолы. В результате Робби несправедливо обвиняют в преступлении, которое он не совершал. Судьба влюбленных приобретает трагический оборот: Робби погибает на войне, Сесилия во время бомбежки. А Брайони всю жизнь обречена искупать свою вину. Её искуплением становится создание романа о судьбе своей сестры и её возлюбленного.

Акцентируя внимание на психологических состояниях и реакциях своих персонажей, писатель создает целую сеть взаимоотношений героев, которые имеют абсолютно разный набор жизненных установок и ценностей. Особенности личности и социального происхождения, в конце концов, приводят к непониманию, конфликтам, глубокой психологической драме и зачастую к трагическим последствиям.

В своих романах писатель показывает тип современного человека, для которого при внешнем благополучии жизни первостепенными в человеческих взаимоотношениях являются духовные начала его личности, эмоциональный компонент, сфера чувств и субъективных переживаний. Психологизм в романах писателя помогает раскрыть противоречивую канву мыслей, разнообразных чувств и переживаний, которые и составляют внутреннюю жизнь личности и определяют линию ее взаимоотношений с другими людьми в обществе. Все вышеназванные признаки позволяют отнести роман «Искупление» Иэна Макьюэна к жанру психологического романа.

Литература

1. Джумайло О.А. Английский исповедально-философский роман 1980-2000 гг. / Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ростов-на-Дону, 2014. 395 с.
2. Макьюэн, И. Искупление. [пер. с англ. И. Дорониной]. М.: АСТ, 2004. 414 с.
3. Федоров А.А. Модификации психологического романа и современная английская проза (Дж. Барнс, И. Макьюэн) // Российский гуманитарный журнал. СПб., 2012. № 1. С. 14-22.
4. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.

© А.А. Медведев, 2014

Интернет-рецензия: эволюция жанра рецензии в коммуникативном пространстве Интернета

Пространство Интернет-коммуникации (далее - ИК) создает целый ряд особенностей функционирования текстов в Глобальной Сети. Прежде всего, изменению здесь подвергается язык общения, приобретающий черты синтеза письменной и устной речи, что обусловлено спецификой данной среды. Кроме того, здесь трансформируется и традиционная система жанров, причем исследователи говорят как о формировании абсолютно новых жанровых форм (запись в блоге, статусное сообщение и проч.), так и о создании аналогов традиционных жанров с учетом их функционирования в Интернете.

В качестве последних можно представить, например, жанр Интернет-миниатюры или же Интернет-рецензии. В рамках данной работы мы рассмотрим особенности Интернет-рецензии как отражение основных тенденций развития жанра рецензии на примере повести Юлии Нифонтовой «Шиза», представленной на сайте proza.ru.

Исследуя литературную рецензию в рамках современных тенденций развития культуры, А.Г. Башкатова отмечает, что «рецензенты выносят оценку, прежде всего, самому произведению, его форме, стилю, сюжету, затем идейному содержанию произведения и ценностным установкам автора» [1, 21].

Таким образом, для рецензии на сегодняшний день характерен больший, чем ранее, акцент на вынесение оценки, а также выражение реакции аудитории на то или иное художественное явление.

Вследствие того, что фактически каждое из ответных сообщений является выражением реакции на опубликованное произведение, в поле понятия Интернет-рецензии попадают все ответные сообщения на тот или иной текст, представленный в пространстве Интернет-коммуникации.

Каждый из публикуемых в свободном доступе электронных документов, в том числе и художественных текстов, потенциально попадает под оценку большого числа людей, каждый из которых может оставить к представленному материалу ответное сообщение [2]. На сегодняшний день мы можем говорить о том, что многогранность понятия Интернет-рецензии обусловлена в том числе различным ха-

рактором ответных сообщений на представленный художественный текст.

Под Интернет-рецензией мы понимаем сообщение критического характера на представленный художественный текст или его фрагмент. Одна из основных особенностей Интернет-рецензий состоит в том, что для написания ее пользователь не обязательно должен обладать набором литературных навыков. Как известно, в рамках ИК практически каждый пользователь может оставить свой отзыв (комментарий, оценочное сообщение, реплику) на сообщение или высказывание другого пользователя.

Автором Интернет-рецензии может стать обычный читатель, не обладающий набором специальных навыков. Участнику коммуникации в данном случае необходимо только «зайти» на сайт под своим логином, чем фактически и ограничивается доступность опубликованного текста для выражения читательской оценки. Написать традиционную рецензию может далеко не каждый. Стать ее автором может квалифицированный специалист, получивший необходимое образование и обладающий набором необходимых знаний, умений и навыков (анализ материала, понимание ценности произведения, умение находить литературные отсылки, грамотное построение речи и т.д.).

Для описания следующей отличительной черты Интернет-рецензии обратимся к особенностям публикации текстов в коммуникативном пространстве Глобальной Сети. Здесь большое значение начинает играть «тезис о малом тексте», объем которого не превышает «один экран». Кроме того, многие сайты имеют ограничение максимального объема публикуемых текстов, а читателю гораздо удобнее осуществлять чтение по частям.

Вследствие обозначенных выше особенностей восприятия текста в рамках Интернет-коммуникации большие литературные произведения (например, романы или повести) зачастую публикуются постепенно, по частям или главам.

Исходя из всего этого, озвучим следующую особенность Интернет-рецензии: при анализе больших литературных форм рецензия может быть написана на какой-либо определенный фрагмент произведения. Например:

Рецензия на «Глава 4. Жэ. Пэ. О» (Юлия Нифонтова)
Блеск! Отменнейшее чувство. С юмором...

Огромное спасибо за 15 минут смеха.

Лианидд

Дорогой Лианидд, мерси за комплимент! Но попытайтесь всё же прочесть всю повесть целиком, а не одну главу... тем более уже готов второй том - продолжение "Шизы".

С искренним уважением, Юля.

Примечательно, что при публикации произведения по главам большое распространение получила обобщающая рецензия на все произведение после последней из его частей.

В рамках Интернет-коммуникации (конкретно на сайте Про-за.ру в том числе) автор опубликованного произведения может непосредственно вступить в диалог с читателем посредством текста ответного сообщения, в чем и состоит еще одна особенность Интернет-рецензии.

Примечательно, что в тексте Интернет-рецензии читатель может высказать рекомендации автору произведения, что может привести к последующему изменению изначального текста под влиянием рецензии. Так, например, читатель может указать автору на некоторые недочеты или порекомендовать употребление другой словоформы:

ШЕРОХОВАТОСТИ, чтобы облегчить вам поиск.

Серый проявил себя по-стахановски упорно и... (может быть «упорным»?)

Подобные советы и рекомендации читателей могут, как уже говорилось, повлечь за собой изменение изначального текста. Примечательно, что подобная «редактура» со стороны читателей зачастую и является одной из целей публикации автором текста в данном коммуникативном пространстве.

Еще одну особенность Интернет-рецензии можно сформулировать следующим образом: под воздействием Интернет-рецензии изначальный текст может претерпеть значительные изменения, в особенности, если автор опубликованного текста намерен в дальнейшем представить его массовому читателю еще и на традиционном бумажном носителе. В результате ответные сообщения на опубликованный в рамках Интернет-коммуникации художественный текст оказывают значительное влияние не только на формирование литературы в Интернете («сетературы» в широком смысле), но и литературы вообще.

Значимость Интернета, и в особенности читательских отзывов (=Интернет-рецензий), для развития литературы была отмечена в послесловии к роману Дмитрия Глуховского «Метро 2033». Автор сообщает, что изначально главы романа публиковались исключительно на одноименном сайте в сопровождении с музыкальными файлами, которые рекомендовалось слушать при прочтении тех или иных фрагментов текста.

Озвучим следующую особенность Интернет-рецензии. В отличие от традиционной рецензии, рецензия в Интернете может быть максимально редуцированной. Так как свидетельством наличия читательского отзыва на определенный художественный текст является уже сам факт написания ответного сообщения, Интернет-рецензия может состоять даже из одного слова («Хорошо!», «Гениально», «Слабо» и т.п.) или даже из одного знака (в рамках социальных сетей их роль играют отметки «Мне нравится», «Like» и проч.).

Нельзя не отметить тот факт, что в рамках Интернет-коммуникации могут создаваться рецензии, сопоставимые по своим «качествам» с традиционными литературными рецензиями. Здесь также представлен и детальный анализ изобразительных средств, и рассмотрение художественных достоинств и недостатков текста и многое другое. Однако многие из подобных рецензий все же испытывают на себе влияние коммуникативного пространства, в результате чего здесь наблюдается, например, непосредственность общения, употребление нестандартной пунктуации и сокращений.

Интернет-рецензии во взаимодействии с изначальным авторским текстом фактически формируют вторичный текст. Если пользователь имеет доступ как к изначальному тексту, так и к рецензиям на него, то это может повлечь за собой рождение новых смыслов, которые могут быть не усмотрены при восприятии только изначального авторского текста.

Интернет-рецензии могут оказывать существенное влияние на оцениваемый текст. Помимо того, что изначальный текст может быть изменен под влиянием рецензий, автор имеет возможность непосредственно наблюдать реакцию читателей на свое произведение. Подобное явление мы рассмотрели на примере Юлии Нифонтовой, которая свои значимые произведения, помимо непосредственной печати на бумажных носителях, публикует и в рамках Интернета.

В целом пространство Интернет-коммуникации оказывает существенное влияние на формирование сетературы (литературы в Интернете) и ее отличительных особенностей, одной из которых и является взаимодействие с Интернет-рецензией.

Литература

1. Башкатова А.Г. Литературная рецензия в контексте современных тенденций развития культуры: автореф. на соиск. степени канд. филол. наук: 10.01.10 / Башкатова А.Г.; МГГУ. – М.: 2013. – 25с.
2. Плотникова А.А. Объем текста лирической интернет-миниатюры как ключевой признак жанра // Вестн. Том. гос. ун-та . 2012. №354. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obem-teksta-liricheskoy-internet-miniatury-kak-klyuchevoy-priznak-zhanra> (дата обращения: 28.06.2014).

© С.А. Медведев, 2014

И.Х. Мигранова
БашГУ, Уфа, Россия

Категории научного (академического) текста

Одним из важных вопросов в исследовании научного текста является выделение присущих ему квалификационных признаков, так называемых *категорий*, характеризующих его как образец связной речи. В целом, под категорией текста понимают типологический признак, присущий всем речевым произведениям [1]. Категории научного текста отражают его общие и существенные признаки и составляют этапы в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков.

Заметим прежде, что, во-первых, в современной науке до сих пор не выработалась единая терминология, характеризующая квалификационные признаки текста. Так, А.И. Власенков, Л.М. Рыбченкова называют их «признаками текста» [2]; Т.А. Ещенко, И.М. Кочан употребляют «категории текста» [3]; В. Дресслер, Р. Богранд, С. Тичер используют термин «критерии текста» [4]. Во-вторых, не устоялась единая терминология относительно названий категорий текста: целостность – интеграция – завершенность; информативность – содержательность – завершенность; категория пространства и времени – континуум – перспекция – когезия – сцепление; членимость – дискретность и т.п. (см. работы И.Р. Гальперина, А.И. Новикова, А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Т.М. Дридзе). По мнению А.Н. Морохов-

ского, стоит говорить о категориях текста только как об отдельных проявлениях его основных признаков. Так, признак целостности включает информативность, когезию, ретроспекцию, проспекцию, модальность, завершенность; признак дискретности – членимость, автосемантичность отрезков текста; признак развернутости – континуум, прогрессию и т.д. [5]. М.Н. Кожина настаивает на выделении функциональных семантико-стилистических категорий текста: функционально-семантическая акцентность, оценка, гипотетичность, логичность, авторизация [6]. А.Ф. Папина выделяет следующие текстообразующие категории: участники коммуникативного акта; участники событий; ситуация; художественное пространство; место объектов; художественное время; оценка [7].

Принимая во внимание существующие классификации, выделим основополагающие текстовые категории применительно к научному тексту.

Целостность научного текста заключается в логикосмысловой структуре текста (во внутренней организованности, смысловом единстве), компонентами которой являются тематика, проблематика, идеи и т.д. *Связность* научного текста предполагает сочетание его компонентов между собой по смыслу. Логическую связность научного текста обеспечивают языковые единицы, выражающие причину и следствие (*потому что; ввиду, учитывая это*); условие (*благодаря тому что*) и следствие (*так; согласно этому, исходя из таких условий, на этом основании*). Так, Н.С. Валгина отмечает, что *целостность и связанность* представляют собой конструктивные признаки текста и отражают его структурно-смысловую сущность [8]. При этом исследователи различают локальную и глобальную связанность. В свою очередь, локальная связанность – это связанность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств). Глобальной же связанностью считается обеспечение единства текста как смыслового целого. Связанность текста проявляется через внешние показатели, некую формальную взаимосвязь составляющих текста. Целостность текста проявляется во взаимосвязях тематического, концептуального и модального характера. Следовательно, целостность текста направляет нас в русло коммуникативной и содержательной организации.

Исходя из этого, констатируем, что научные академические тексты должны представлять собой целостную систему не только необходимых знаков, позволяющих описать и оценить внешнюю сто-

рону текстов, но и целей, идей, которые отвечают за внутреннюю содержательную сторону и дают нам возможность определить их направленность и уровень. Именно целостность внутренней и внешней сторон текста позволяют воспринимать, понимать и осмысливать информацию, переданную им. Следовательно, можно утверждать, что академический текст – это специфическая система, состоящая из идей, преподанных в упорядоченном логическом порядке, несущих в себе определенный смысл и направленность на реализацию научных целей.

Дискретность научного текста указывает на отношения, возникающие между разделами, подразделами, пунктами научного текста. Различение частей научного текста происходит по принципу логической организации членения текста на отдельные элементы, каждый из которых является частью целого и одновременно предстает относительно автономным элементом. В целом дискретность ориентирована на автора и процесс продуцирования текста. Правильность, удобство, система распределения материала, целесообразность того или иного членения текста служат архитектурными характеристиками научных текстов. С одной стороны, дискретность является формальной характеристикой текста, поскольку трудно воспринимать текст, неразделенный на разделы, части, абзацы. С другой стороны, членение текста обычно *имплицитно* выражает установку автора на восприятие текста читателем и одновременно обнаруживает его взгляды, ставит акценты на определенных эпизодах и фактах [9].

Еще одной сущностной характеристикой академических текстов можно считать *логическую организацию* информации. Для того чтобы обеспечить правильное формирование и, соответственно, восприятие текста, следует помнить об упорядоченном выстраивании ряда идей, концепций, определений и понятий, связанных с ним. Последовательность в научном тексте реализуется через специальные функционально-синтаксические средства, указывающие на логичность формулировок в процессе развития мысли (*прежде всего, затем, теперь*), переход от одной мысли к другой (*рассмотрим, остановимся на, рассмотрев, перейдем к*), результат, вывод (*следовательно, подытожим*).

Информативность является основной содержательной категорией, связанной с номинацией и смыслом научного текста. Информативная насыщенность научного текста проявляется в способности

языковых единиц выражать смысловые компоненты, которые помогают читателю понять смысл текста. Данная категория обеспечивает вербализованную организацию знаний, их передачу и кодирование читателем. Основными свойствами информации в научном тексте являются ценность, полезность, новизна, а также истинность.

По мнению Т.М. Дридзе, информативность характеризует не абсолютное количество сведений в тексте, а только ту смысловую информацию, которая станет достоянием реципиента [10]. При этом информативность вводится в текст и фиксируется в нем не сама по себе, а для достижения определенной цели, и, с точки зрения автора, как отмечает А.С. Кубрякова, она всегда значима: она рассчитана на определенное воздействие и должна изменить поведение реципиента [11]. Необходимо также подчеркнуть, что «высокая информативность» научного текста достигается не только языковыми средствами, но и через размещение в тексте рисунков, схем, гиперссылок, посредством которых предоставляется дополнительная информация, непосредственно связанная с содержанием текста или отдельными его частями или словами. Таким образом, адресат получает значительное количество информации различными способами, которая релевантна или совсем не связана с его интересами, что вызывает дополнительное когнитивное нагружки в процессе восприятия научного текста.

Коммуникативность предполагает направленность научного текста на соответствующего адресата – реального получателя информации. Иными словами, коммуникативная направленность выражается в установлении контакта с реципиентом, достижении взаимодействия, кооперации, диалога, убеждения [12]. Стоит отметить, что адресант (говорящий, автор, субъект речи), в отличие от адресата, всегда представлен в тексте, т.е. занимает исходную позицию и является организующей силой.

Таким образом, исходя из вышеописанных текстовых категорий, можно прийти к выводу, что научный текст следует трактовать сквозь призму характеристик, связанных с целью, средствами и процессом реализации истинной цели, а также результатом протекания процесса. В качестве этих четырех составляющих формирования и восприятия текста мы предлагаем рассматривать целостность, связность, дискретность, логичность, информативность и коммуникатив-

ность. Данные сущностные характеристики позволят выявить общие функции научных текстов.

Литература

1. Ещенко Т. А. Лингвистический анализ текста: учеб. пос и б. / Т.А. Ещенко. - М.: ИЦ «Академия», 2009. - 264 с., 139 с.
2. Власенков А.И., Рыбченкова Л.М. Русский язык: грамматика. Текст. Стили речи / А.И. Власенков, Л.М. Рыбченкова – 14-е изд. - М.: Просвещение, 2008.- 383 с.
3. Ещенко Т. А. Лингвистический анализ текста: учеб. пос и б. / Т.А. Ещенко. - М.: ИЦ «Академия», 2009. - 264 с.; Кочан И. М. Лингвистический анализ текста: учеб. пос и б. / И. М. Кочан. - [2-е изд., Перераб. и доп.]. - М.:, 2008. - 423 с.
4. Тичер С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер; пер. с англ. – М.: Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.
5. Мороховский А.Н. К проблеме текста и его категорий // Текст и его категориальный признаки: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А.Н. Мороховский. – К.: КГПИИЯ, 1989. – С. 3 –8.
6. Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста / М.Н. Кожина // Филологические науки. – 1987. – № 2. – С. 35–41.
7. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студ.-журналистов и филологов / А.Ф. Папина. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с., 98 с.
8. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие / Н.С. Валгина / М.: Логос, 2003 – 280 с., 65 с.
9. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин; изд. 4-е, стереотипн. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с., с. 51 – 52.
10. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология: учеб. пособие / Т.М. Дридзе; под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Высшая школа, 1980. – 224 с., 59 с.
11. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке / Е.С. Кубрякова / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с., 513 с.
12. Мартынюк А.Н. Неэтикет как фактор влияния на речевое поведения коммуникантов в интернет-сети (на материале современного английского языка) / А.Н. Мартынюк // Проблемы семантики слова, предложения и текста: Сб. науч. тр. – К.: КНЛУ. – 2010. – № 24. – с. 87–95.

© И.Х. Мигранова, 2014

О НАШИХ АВТОРАХ

Азнабаева Лариса Алексеевна Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур Аспирант Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, Ирак
Анищенко Анна Александровна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Арендарь Ольга Анатольевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ, г.Уфа, Россия
Афанасьева Галина Андреевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ахмедова Галина Хаджиевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Ахметова Гузель Азатовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы и издательского дела Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Аюпов Салават Мидхатович Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной филологии СГПИ, г. Соликамск, Россия
Аюпова Светлана Будимировна Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы, г. Уфа, Россия
Баишева Зилия Вагизовна Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прав человека и политико-правовых учений Института права Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Банюкина Кристина Олеговна Магистрант факультета филологии и журналистики Оренбургского государственного университета, Россия

Барановская Марина Евгеньевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Батырова Гузель Завильевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Безрукова Динара Мидхатовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков БГПУ им. М.Акумлы, г.Уфа
Белоусов Константин Игоревич Доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, Россия
Беляев Андрей Николаевич Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия
Божко Наталья Анатольевна Аспирант кафедры филологического образования ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Валиахметова Эльвира Камиловна Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки УГУЭС, г.Уфа, Россия
Валиева Лейсан Юнировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Вардзелашвили Жанета Александровна Доктор филологических наук, профессор, фулл-профессор Грузинского технического университета, г. Тбилиси, Грузия
Васильева Наталия Владимировна Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, г. Москва, Россия
Виноградова Рената Ивановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гаврилова Елизавета Геннадьевна Студентка 3-го курса ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Газизов Рафаэль Аркадьевич Доктор филологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой французской филологии и второго иностранного языка ФРГФ БашГУ, г.Уфа, Россия

Гайназарова Алина Амуровна Магистрант кафедры русской и сопоставительной филологии ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Галич Галина Георгиевна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия
Гарипов Равил Касимович Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы, г. Уфа, Россия
Генералов Владимир Александрович Старший преподаватель кафедры делового иностранного языка ЧелГУ, соискатель кафедры теории языка Челябинского государственного университета, г.Челябинск, Россия
Герте Наталия Александровна Аспирант Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Гилязова Диляра Рифовна Ассистент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Гичева Наталья Гермогеновна Кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, заведующий кафедрой иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия
Гордеева Ольга Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Гоциридзе Русудан Арчилловна Кандидат педагогических наук, фулл-профессор Грузинского технического университета, г. Тбилиси, Грузия
Гришаева Зоя Валентиновна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия
Гумерова Нина Рашидовна Аспирант филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гурова Ирина Владимировна Старший преподаватель кафедры дошкольного образования Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара, Россия

Даутова Гузьяль Хайриваровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры ГиСЭД ИФ УГАТУ, г. Ишимбай, Россия
Демина Олеся Фагимовна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Евдокимова Елена Викторовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ермакова Елена Николаевна Доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Жданова Яна Андреевна Ассистент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ, г.Уфа, Россия
Закирьянов Кабир Закирьянович Доктор педагогических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зарипова Ильмира Фаргатовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Захарчук Инна Владимировна Студентка IV курса филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зиянгиров Эмиль Камилевич Аспирант ФБФиЖ Башкирского государственного университета, корреспондент программы «Уфимское времечко», г.Уфа, Россия
Зиятдинова Евгения Вячеславовна Кандидат педагогических наук, учитель высшей категории, Отличник образования Республики Башкортостан, лицей №83, г.Уфа, Россия
Зольникова Наталья Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и МП ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Искандарова Гульнара Рифовна Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков УЮИ МВД России, г.Уфа, Россия
Исмагилова Нурия Винеровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия

Ичкинеева Дилара Ахметовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишимбаева Галина Григорьевна Доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишкуватова Зульфира Раисовна Студентка 3 курса ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишмуратова Людмила Мингазовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишмуратова Лидия Наимьяновна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишмуратова Сулпан Рамилевна Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Казанцева Елена Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языковой подготовки УГУЭС, г.Уфа, Россия
Казарбаева Василя Нургалиевна Аспирант ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Камалов Ренат Ильгизович Кандидат филологических наук, ассистент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ БашГУ, г.Уфа, Россия
Каримова Забира Сагитовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Каримова Роза Ахметовна Доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Каримова Римма Хатиповна Кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала БашГУ, г.Стерлитамак, Россия
Кетова Анастасия Николаевна Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Кирсанова Инна Вячеславовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия
Кобяков Юрий Филиппович Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы, г. Уфа, Россия
Козлова Марина Сергеевна Аспирант кафедры филологического образования ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Колеганова Алена Владимировна Студентка 5 курса ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Кортунова Екатерина Владимировна Преподаватель Российского центра науки и культуры при посольстве РФ во Вьетнаме, г.Ханой, Вьетнам
Котельникова Евгения Владимировна Кандидат филол. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г.Ростов-на-Дону, Россия
Куватова Лейсан Гатиятовна Студентка 3 курса ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Кулыева Айгуль Альбертовна Кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Кульсарина Ирена Галинуровна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии, зам.декана ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Куприна Тамара Владимировна Кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент кафедр «Международная экономика» и «Иностранных языков и перевода» Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия
Курочкина Татьяна Авраамовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Латыпова Лена Мунировна Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Латыпова Юлия Альфритовна Соискатель кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Лукманова Рената Разифовна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Лэн Ян Магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Пекин, Китай
Майоров Анатолий Петрович Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Майорова Ольга Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия
Максютова Флюра Маратовна Преподаватель ИНК. г. Ишимбай, Россия
Малов Алексей Александрович Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Мамырбаева Мадина Зейнеловна Аспирант Башкирского Государственного Университета, магистр лингвистики Казахского Национального Педагогического Университета имени Абая, г.Алматы, Казахстан
Матвеева Наталья Васильевна Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германских языков Стерлитамакского филиала БашГУ, Стерлитамак, Россия
Махмутова Альфия Сабировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Медведев Алексей Алексеевич Аспирант кафедры зарубежной литературы и художественной культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Медведев Сергей Алексеевич Магистрант факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета, г.Барнаул, Россия
Мигранова Ирина Хамзиевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Микаберидзе Мария Александровна Соискатель кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Мингазетдинова Римма Флюоровна Старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Минеева Мария Аркадьевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ, г.Уфа
Минишева Лариса Валериевна Старший преподаватель кафедры языковой подготовки УГУЭС, г.Уфа, Россия
Мифтахова Рамиля Габдулхаевна Старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Михайленко Елена Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета БашГУ, г.Уфа
Михайлова Люмила Васильевна Аспирант кафедры русского языка Института филологического образования и межкультурных коммуникаций БГПУ им. М.Акумуллы, г. Уфа, Россия
Моисеева Ангелина Валерьевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Морозкина Евгения Александровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мотина Ольга Павловна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов БашГУ, г.Уфа, Россия
Муравская Ирина Александровна Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ, г. Москва, Россия
Мурсалиева Людмила Ивановна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мусин Исмагил Хасанович Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия

Мухаметдинова Айгуль Раисовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мухтаруллина Айгуль Раисовна Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мухтасарова Ляйсан Закировна Студентка 5 курса ФБФиЖ БашГУ, г.Уфа, Россия
Нафиков Шамил Валиевич Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Уфимского научного центра Российской академии наук, г.Уфа, Россия
Невраева Наталия Юрьевна Старший преподаватель, аспирант кафедры «Иностранных языков и перевода» Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия
Нестерова Наталья Михайловна Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Нечаева Ольга Серафимовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Палютин Зилаира Риязовна Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Папулова Юлия Константиновна Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Певная Наталья Петровна Кандидат филологических наук, преподаватель языкового центра Государственного университета Илии, г. Тбилиси, Грузия
Пермякова Лариса Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Пермякова Наталья Евгеньевна Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Петросян Мерри Мгеровна Магистрант филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Пешкова Наталья Петровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Попова Валентина Николаевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Проконова Майя Владимировна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Разумовская Вероника Адольфовна Кандидат филологических наук, доцент, профессор Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия
Романюк Марина Юрьевна Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета, Россия
Русланова Юлия Владимировна Студентка 4 курса Института филологического образования и межкультурных коммуникаций БГПУ им. М.Акумоллы, г. Уфа, Россия
Рыбка Ирина Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия
Сабирова Ляйсан Давытовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сабитова Наиля Гильмановна Доцент кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Саблукова Валентина Алексеевна Ассистент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сагидуллина Лилия Рашитовна Кандидат педагогических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Садриева Гузель Салаватовна Магистрант Института филологического образования и межкультурных коммуникаций БГПУ им. М.Акумоллы, г. Уфа, Россия
Салахов Рамиль Асбахович Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа

Салимьянова Гузелия Вазировна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ БашГУ, г.Уфа, Россия
Салихов Александр Юрьевич Аспирант Челябинского государственного университета, г.Челябинск, Россия
Саморокова Юлия Александровна Студентка 3-го курса ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Сафина Зарема Минниаминовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Саяхова Дилара Камилевна Студентка 3 курса ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Саяхова Динара Камилевна Студентка 3 курса отделения журналистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Саяхова Лена Галеевна Доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета, г.Уфа
Седова Наталья Александровна Кандидат филол. наук, доцент, доцент кафедры туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса Омского государственного института сервиса, г.Омск
Сеничева Ольга Анатольевна Кандидат филол. наук, доцент, зам.директора по учебно-методической работе Института филологии и социальных коммуникаций Бердянского государственного педагогического университета, г.Бердянск, Украина
Сергеева Лариса Александровна Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сергеева Любовь Владимировна Зам.нач.ООУиВР, аспирант кафедры «Иностранных языков и перевода» Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия
Сидоров Антон Андреевич Кандидат филологических наук, доцент, заведующий секцией романских языков кафедры романо-германской филологии Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия
Смирнова Юлия Павловна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов БашГУ, г.Уфа, Россия

Сулейманова Альмира Камилловна Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Сыртланова Розалия Рашитовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Титлова Анастасия Станиславовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Трошина Наталья Николаевна Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН, г. Москва
Убийко Вера Ивановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Фаизова Юлия Альфатовна Студентка 6 курса филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Фаткуллина Флюза Габдуллиновна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии БашГУ, г.Уфа, Россия
Филотенкова Екатерина Александровна Магистрант Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хабибуллина Эльвира Анваровна Старший преподаватель кафедры иностранных языков и методик преподавания ФГБОУ ВПО «Филиал ТюмГУ в г. Тобольске», Россия
Хабиров Рустам Раилович Аспирант факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хайбулина Гайша Нильевна Кандидат филологических наук, доцент, зам. директора Учалинского филиала БашГУ, Россия
Хайбулина Лилия Хайдаровна Магистрант ФБФИЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хайруллина Райса Ханифовна Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка БГПУ им. Акмуллы, г.Уфа, Россия
Хисамова Галия Гильмулловна Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Чванова Ирина Владимировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета, г.Уфа
Чи Линьхуа Магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Пекин, Китай
Чжан Мянъ Иностранная преподавательница китайского языка Башкирского государственного университета, заведующий кафедрой русского языка Наньчанского университета, Китай
Шабанова Татьяна Дмитриевна Доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы, г. Уфа, Россия
Шадрина Анастасия Алексеевна Аспирант кафедры русского языка, славянского и классического языкознания ОГУ им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия
Шаймарданова Наиля Вафовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа
Шакирова Ляйсан Ильвировна Студентка 2 курса ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Шакирова Наиля Рауфатовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа
Шаклеин Виктор Михайлович Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов, г.Москва, Россия
Шалангов Александр Олегович Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Шарипова Василия Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Шпар Елена Валерьевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, зам.декана ФРГФ по научной работе Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Шнар Татьяна Владимировна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия
Шушпанова Мария Алексеевна Аспирант кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Эделева Ирина Владимировна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия
Юзликбаева Дилера Шамильевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Юсупова Роза Анваровна Старший преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия
Яковлева Анастасия Николаевна Доктор педагогических наук, заведующий кафедрой немецкой филологии института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
Ярославова Лариса Алексеевна Кандидат педагогических наук, доцент, профессор, зав.кафедрой иностранных языков СФ Башкирского государственного университета, г.Стерлитамак, Россия
Яхиббаева Лариса Мухамедовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Л.А. Азнабаева, Н.Р. Шакирова Лексический аспект перевода	3
2.	Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур Заимствования из арабского языка в корпусе актуальной лексики (на примере заимствования <i>кайф</i>)	6
3.	А.А. Анищенко Эмпатийный речевой акт п о х в а л ы в межличностной коммуникации (на материале французского языка)	10
4.	О.А. Арендарь Социокультурные аспекты изучения иностранных языков в России	15
5.	Г.А. Афанасьева Обучение аргументированному высказыванию в группах углубленного изучения иностранного языка	17
6.	Г.Х. Ахмедова Оптимизация обучения лексике и грамматике на занятиях по иностранному языку	19
7.	Г.А. Ахметова Л. Н. Толстой о живописи европейских и русских художников («Что такое искусство?»)	21
8.	С.М. Аюпов, С.Б. Аюпова Тургеневские традиции в романе Джона Р. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» (к постановке проблемы)	28
9.	З.В. Баишева Обучение деловому общению будущих юристов	32
10.	Г.З. Батырова Основные проблемы фразеологии и их решение	36
11.	М. Е. Барановская, Т.А. Курочкина Использование перевода при обучении лексике на занятиях по английскому языку	39
12.	Д. М. Безрукова Обучение научной коммуникации как необходимый элемент приобретения межкультурной компетентности	44
13.	К.И. Белоусов, Д.А. Ичкиннеева Тематическое пространство текста и его анализ: экспериментальный подход	49
14.	А.Н.Беляев Проблема мотивации рода имён собственных в немецком языке	56

15.	Н.А. Божко Замена компонента фразеологизма в художественном тексте как один из приемов структурно-семантической трансформации	61
16.	Л.Ю. Валиева, Н.В. Шаймарданова Этимология фразеологических единиц с именами собственными	64
17.	Ж.А. Вардзелашвили, Н.П. Певная От лексемы к концепту (интертекстуальные коннотации понятия)	70
18.	Н.В. Васильева Ономастический автокомментарий как художественный прием	76
19.	Р.И. Виноградова Профессионально ограниченная лексика и ее анализ при чтении текстов по специальности	82
20.	Р.А. Газизов Теории вежливости в отечественной и зарубежной лингвистике	84
21.	Г.Г. Галич Абстрактные категории в когнитивной семантике	92
22.	Р.К. Гарипов Инактивные конструкции в современном французском языке	99
23.	В.А. Генералов Сопоставительный анализ структуры технических терминов некоторых европейских языков	103
24.	Н.А. Герте «Эквивалентность» и «адекватность» в реферативном переводе в свете скопос-теории	109
25.	Д.Р. Гилязова Современные технологии в преподавании иностранных языков: преимущества и недостатки	114
26.	Н.Г. Гичева Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии при характеристике собеседника	117
27.	О.Н. Гордеева, И.Х. Мусин Особенности функционирования оценочных высказываний в научном дискурсе	122
28.	Gotsiridze Rusudan Integration of Internet technologies into language courses	124
29.	З.В. Гришаева Считанный и считанный	128
30.	Н.Р. Гумерова Дискурсы средневековой литературы в трагедии К. Марло	130
31.	И.В. Гурова Особенности <i>гейт</i> -образований XXI века	137

32.	Г.Х. Даутова, Ф.М. Максютова Коммуникативные интенции фонетической культуры речи	142
33.	О.Ф. Демина Антиномия жизни и смерти в романе Теодора Драйзера «Американская трагедия»	145
34.	Е.В. Евдокимова Лингвострановедческий аспект преподавания курса «Современный русский язык» в иностранной аудитории	149
35.	Е.Н. Ермакова Отфразеологическое словообразование в сфере коммуникации	152
36.	Е.Н. Ермакова, Е.Г. Гаврилова Отражение этнокультурных особенностей во фразеологизмах с числовыми компонентами «один», «два», «три» в русском и английском языках	155
37.	Е.Н. Ермакова, Ю.А. Саморокова Этимология русских фамилий	159
38.	Я.А. Жданова Русские слова французского происхождения	163
39.	К.З. Закирьянов Актуальные проблемы билингвизма и полилингвизма	165
40.	И.Ф. Зарипова Объектные детерминанты, формирующие элементарные компоненты семантической структуры в татарском языке	172
41.	Э.К. Зиянгиров Особенности работы журналиста в программе «Уфимское Времячко»	176
42.	Е.В. Зиятдинова Взаимодействие «вуз – школа» как фактор повышения качества образования	179
43.	Н.Н. Зольникова Имплицитное словообразование отглагольных существительных в немецком языке	184
44.	Г.Р. Искандарова Комизм в немецком словообразовании	188
45.	Н.В. Исмаилова Родной язык как важный фактор формирования этнической самоидентификации билингва	194
46.	Г.Г. Ишимбаева Философский и психологический дискурсы мифа о Кассандре в античной литературе	199
47.	Л.М. Ишмуратова Личность преподавателя в образовательном процессе	207

48.	Л.Н. Ишмуратова Семантико-этимологический анализ лексических единиц со значением «насекомые» в русском языке	210
49.	Е.А. Казанцева, Э.К. Валиахметова К вопросу об актуальности когнитивных исследований англо-американских заимствований, имеющих синонимы в русском языке	215
50.	Е.А. Казанцева, Л.В. Минишева Особенности жанра «комментарий» на электронную новостную публикацию	220
51.	В.Н. Казарбаева Структура концепта «природа» в русской, башкирской и английской языковых картинах мира	225
52.	Р. И. Камалов Актуализация категории пространства в названиях глав оригинала и перевода романа Н. Готорна «Мраморный Фавн»	227
53.	З. С. Каримова Стилистические особенности фразеологических синонимов (на материале А. Гилязева)	231
54.	Р. А. Каримова Когнитивно-коммуникативный аспект телевизионного гипердискурса	236
55.	Р.А. Каримова, Ю.А. Фаизова Организация публицистического дискурса (на материале ТВ программы «Смотрим. Обсуждаем»)	239
56.	Р.Х. Каримова Содержание концепта «труд» в синонимах со значением «ленивый», «трудолюбивый» (на материале немецкого и английского языков)	242
57.	И.В. Кирсанова К вопросу об эмотивном содержании и смысле различных типов текста	250
58.	Ю.Ф. Кобяков Эвфемизмы, содержащие отрицание и другие средства выражения отсутствия качества, в немецком языке	253
59.	М.С. Козлова Отфразеологическое словообразование в современном русском языке как проявление языкового динамизма	259
60.	Е.В. Кортунова Сопоставительный ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания носителей разных культур	263

61.	Е.В. Котельникова Особенности когнитивно-категориальной базы дискурса групповой коммуникации	268
62.	А.А. Кулыева Дорожная карта как эффективное планирование занятия при обучении иностранному языку	274
63.	И.Г. Кульсарина Межкультурный диалог в творчестве Мустая Карима	276
64.	Т.В. Куприна, Н.Ю. Невраева Гипертекстуальные технологии при обучении иноязычной профессиональной коммуникации	279
65.	Т.В. Куприна, Л.В. Сергеева Проблемы адаптации учебной миграции в условиях новой межкультурной среды	285
66.	Ю.А. Латыпова Внутренняя форма концепта <i>воля</i>	288
67.	Ю.А. Латыпова, З.Р. Ишкуватова Понятийная составляющая концепта “мечта” в разноструктурных языках (на материале английского и башкирского языков)	291
68.	Ю.А. Латыпова, Л.Г. Куватова Средства выражения концепта «чужой» в политической прессе Британии	295
69.	Р.Р. Лукманова Некоторые аспекты анализа языковой личности автора художественного текста в связи с переводческой проблематикой (на примере романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»)	299
70.	А.П. Майоров, О.А. Майорова Интеграция когнитивных ресурсов языка на институциональном и личностном уровнях как условие формирования концептуальной компетенции	305
71.	А.А. Малов О неопределенности понятия «эмоция» в свете проблемы межкультурной трансляции эмотивных смыслов	312
72.	М.З. Мамырбаева Проблема вариативности семантических оппозиций	320
73.	Н.В. Матвеева «Вторичный текст» как результат процесса понимания	326
74.	А.С. Махмутова Регионализмы и нормативный аспект культуры русской речи	330
75.	А.С. Махмутова Тюркизмы – регионализмы в поэзии А. Филиппова	333

76.	А.А. Медведев Жанровое своеобразие романа Иэна Макьюэна «Искупление»	336
77.	С.А. Медведев Интернет-рецензия: эволюция жанра рецензии в коммуникативном пространстве Интернета	340
78.	И.Х. Мигранова Категории научного (академического) текста	344